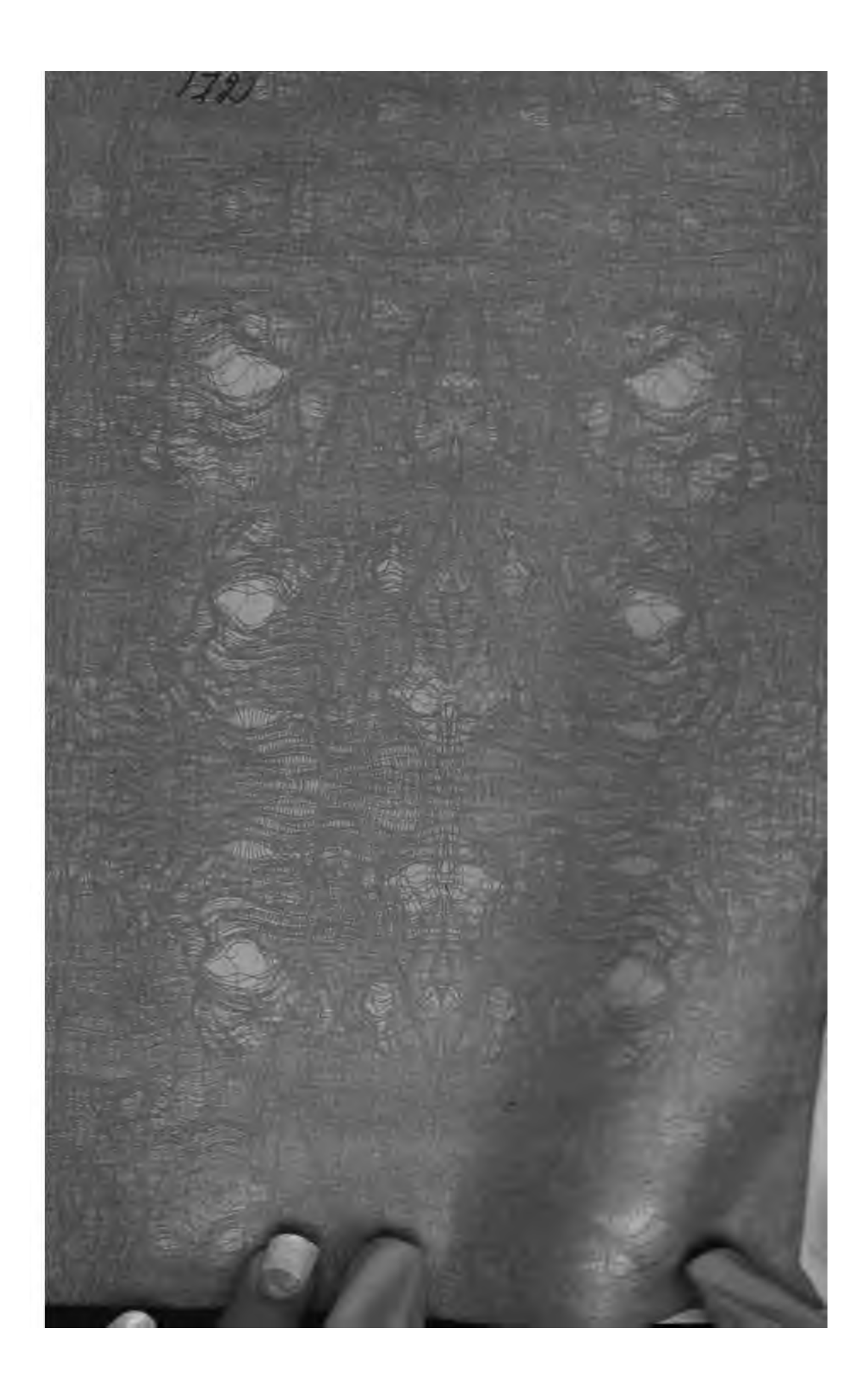

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Sobolevskiĭ, A. I.

ВЕЛИКОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ.

ТОМЪ VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ

Настоящій шестой томъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ», издаваемыхъ на средства, дарованныя Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михаиловичемъ, содержитъ въ себѣ рекрутскія, солдатскія, казацкія, полоняничныя (о плѣнныхъ), разбойничьи и темничныя (арестантскія) пѣсни, съ прибавленіемъ къ нимъ 1) очень немногихъ матросскихъ, фабричныхъ, бурлацкихъ и лакейскихъ и 2) также очень немногихъ общаго характера, съ молодцемъ въ главной роли (*).

Рекрутскія пѣсни находятся въ началѣ тома: солдатскія и казацкія начинаются съ № 145, полоняничныя—съ № 347, разбойничьи—съ № 372, темничныя—съ № 466.

Въ трудѣ по корректированію настоящаго тома принималъ участіе П. Н. Шефферъ.

(*) Два ряда точекъ въ серединѣ пѣсенъ показываютъ, что значительная часть перваго куплета пѣсни повторяется безъ измѣненій въ слѣдующихъ куплетахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

ВЕЛИКОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ ты, батюшка славный тихій Донъ,
Ты, кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ, бывало, ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу!
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
«Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть?
Распустилъ-я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ—донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 115. Почти тожественная пѣсня: Альбрехтъ, № 43.

2.

Ой ты, батюшка нашъ славный тихій Донъ,
Ты, кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя-то, Донъ, лежитъ слава добрая,
Слава добрая, еще рѣчь хорошая!
Какъ, бывало, ты, Донъ, быстеръ бѣжишь,
Быстеръ бѣжишь, ровно съ краешками;
Вымывалъ ты, Донъ, яры крутые,

Высыпалъ ты, Донъ, косы мелкія;
На косахъ-то жили гуси-лебеди.
А нынѣ ты помутился съ верху до низу,
Отъ самаго Воронежа до Черкасскаго;
Измѣняешь ты свои струи быстрыя,
Не бываешь, не гуляешь по зеленымъ лугамъ!
Тамъ не стали рость травы шелковыя,
Не цвѣтутъ тамъ желтые цвѣточки....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 105.

3.

Чѣмъ-то наша славная землюшка распахана?
Не сохами-то славная землюшка наша распахана, не плугами,
Распахана наша землюшка лошадиными копытами;
А засѣяна славная землюшка казацкими головами....
Чѣмъ-то нашъ батюшка славный тихій Донъ украшенъ?
Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами.
Чѣмъ-то нашъ батюшка славный тихій Донъ цвѣтенъ?
Цвѣтенъ нашъ батюшка славный тихій Донъ сиротами.
Чѣмъ-то во славномъ тихомъ Дону волна наполнена?
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, матерными слезами....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 108.

4.

Не быстрая рѣчушка шумитъ,
Не Дунай рѣчка говоритъ;
Не сивые то орлы клычутъ,

По наднебесью они летятъ;
Не сѣрые то гуси гогочутъ,
Что ли ѣсть они хотятъ;—
Восплачутъ наши казаченьки,
Передъ царемъ стоючи:
«Ты, нашъ батюшка-надежда,
Славный бѣлый русскій царь!
Не изволь ты насъ казнить,
Дозволь намъ рѣчь говорить!
Ты много господъ жалуешь,
Много жалуешь, много любишь ихъ;
Чѣмъ донскихъ казаковъ пожалуешь?»—
—«Я васъ жалую, милые донцы,
Рѣчками Дономъ и Донцомъ,
Со всѣми ихъ потеклинками!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 145. Пѣсня едва ли не искусственная. Сходная терская пѣсня: Кирѣевскій, выпускъ VII, стр. 130.

5.

Ахъ, Яикъ ты-нашъ, Яикушка,
Ты, Яикъ нашъ, сынъ Горыновичъ!
Про тебя, Яикъ Горыновичъ,
Идетъ слава-слава добрая,
Идутъ рѣчи-рѣчи ладныя.
Золотое у Горыныча,
Золотое было донышко;
Были у тебя, Горыныча,
Круты бережки серебряны;
А изрылъ ты, ископалъ совсѣмъ
И пригорки всѣ, и долушки;
Посередь себя ты выставилъ
Только часты мелки островы.
Съ вершинъ взялся ты, Горыновичъ,

И бѣжишь себѣ вплоть до низу,
Мимо славнаго мимо города
Ты бѣжишь все мимо Гурьева;
А изъ Гурьева, нашъ батюшка,
Выпадаешь во сине море,
До преславнаго до острова,
Что до острова до Камышина.
А на островѣ Камышинѣ
Старики живутъ живущіе,
Почти каждый въ девяносто лѣтъ.
Старики давно въ ладахъ живутъ
Съ покоренною Золотой Ордой.

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8, смѣсь, стр. 139.

6.

Яикъ ты, Яикушка, Яикъ, сынъ Горыновичъ!
Про тебя, Яикъ Горыновичъ, идетъ слава добрая;
Про тебя, Яикъ Горыновичъ, идетъ рѣчь хорошая.
Золочено у Горыновича, твое было донышко;
Серебряны у Горыновича, твои круты бережки.
Изрылъ же ты, выкопалъ всѣ горушки, долушки;
Среди себя повыметалъ часты мелки островы.
Со вершинъ взялся, Горыновичъ, бѣжишь вплоть до устьица,
До славнаго до моря, до моря Каспицкаго,
До славнаго до города бѣжишь ты до Гурьева.
Выпадалъ за Гурьевымъ, батюшка, въ сине море,
До славнаго до острова, до острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ старцы живутъ старые,
Живутъ старцы старые, тамъ по девяносту лѣтъ;
Въ ладу старцы старые съ ордою покоренною,
Съ Золотой Ордой.

Уральская область. Небольсинъ, Уральцы. Спб., 1855 г., стр. 110. Вторая половина каждаго стиха, кромѣ послѣдняго, повторяется.

7.

Яикъ ты нашъ, Яикушка, Яикъ, сынъ Горыновичъ!
Про тебя ль, про Яикушку, идстъ слава добрая;
Про тебя ль, про Горыновича, идетъ рѣчь хорошая.
Золочено у Яикушки, твое было донышко;
Серебряны у Горыновича, твои круты бережки.
Мутнехонекъ ты, Яикушка, бѣжишь ты быстрехо-
некъ;
Прорылъ-протекъ, Горыновичъ, всѣ горушки, до-
лушки;
Выметывалъ, Яикушка, посередь себя часты остро-
вы.
Со вершинъ взялся, Яикушка, бѣжишь вплоть до
устьица,
До славнаго до моря, до моря Каспицкаго,
До славнаго до города бѣжишь ты до Гурьева.
Выпадаилъ за Гурьевымъ во батюшку въ сине море,
До славнаго до острова, до острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ старцы живутъ старые,
Все по девяносту лѣтъ;
Въ ладу старцы старые съ ордой покоренною,
Съ Золотой Ордой.

Уральская область. Морской Сборникъ 1859 года, № 9, стр. 21.— Еще одинъ варіантъ: Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ I, Спб., 1888 года, стр. 37.

8.

Яикъ ты нашъ, Яикушка, Яикъ, сынъ Горыновичъ!
Про тебя ли, про Яикушку, идетъ слава добрая;
Про тебя ль, про Горыныча, идетъ рѣчь хорошая.
Золочено у Яикушки, его было донышко;
Серебряны у Яикушки, его были краешки;

Жемчужные у Горыныча, его круты бережки.
Мутнехонекъ, нашъ Яикушка, бѣжишь ты быстре-
хонько;
Прорылъ-протекъ, нашъ Яикушка, всѣ горушки, всѣ
долушки;
Выметывалъ, нашъ Яикушка, посередь себя часты
островы.
Съ вершинъ взялся, нашъ Яикушка, бѣжишь же ты
вплоть до устьица,
До славнаго ты до моря, до моря до Каспицкаго,
Какъ до славнаго до города, до города до Гурьева.
За Гурьевымъ выпадаилъ ты во батюшку сине море,
Какъ до славнаго до острова, до острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ, братцы, старики живутъ,
Старики, братцы, старожилые, они по девяносто лѣтъ.
Съ покоренною Золотой Ордой старики, братцы, во
ладу живутъ.
Круты бережки, низки долушки у нашего преслову-
таго Яикушки
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючми слезми матерей и женъ поливаны.
Гдѣ кость лежитъ, тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась, тамъ везель сплелась;
Гдѣ слёза пала, тамъ озерцо стало.

Уральская область. Мякушинъ, стр. 47. Вторая половина каждаго изъ первыхъ 17-ти стиховъ повторяется.

9.

Яикъ, ты, нашъ Яикъ ли, сударь Горыновичъ Яикъ!
Быстрѣе ты, Яикъ ли сударь, всѣхъ рѣчушекъ
течешь,
Урваючи свои же да круты красные бережка,

Желты пески сыпучіе поверхъ себя несешь!
Сверху тебя, Яика, поверхъ Горыновича,
Плывутъ тутъ, выплываютъ три ветляные стружка.
Единъ, братцы, стружечекъ да напередъ скоро бѣжитъ
Напередъ скоро бѣжитъ, что ясенъ соколъ летитъ.
На томъ же на стружечикѣ золотой бунчугъ стоитъ.
Подъ бунчугомъ сидѣлъ же воровской, братцы, атаманъ
По имени—Степанъ сударь Тимоѳеевъ сынъ,
Прозваньемъ—воръ-собака Стенька Разиновъ атаманъ.
Онъ слово-то промолвитъ, какъ въ трубу, братцы, вострубитъ:
«Спасибо те, спасибо морю синему всему!
Еще жъ, братцы, спасибо Колыванскому острову!
А и упито тутъ было, братцы, зеленаго вина,
Еще жъ, братцы, уѣдено сорочинскаго пшена,
Еще жъ, братцы, уношено цвѣтнаго платья!»

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 72. Каждый стихъ повторяется.

10.

Мы пройдемте-ка, братцы, вдоль по улицѣ;
Запоемте-ка, братцы, пѣсню новую,
Мы не сами про себя,—мы про Волгушку.
Широко ты, Волгушка, разливалася,
Спотопляла, Волгушка, всѣ горы и долы,
Всѣ горы да всѣ долы, луга зелены.
Какъ на этихъ на лужкахъ часты островцы;
Какъ на этихъ островочкахъ частъ ракитовъ кустъ
Да на этомъ на кусточкѣ свито гнѣздышко,
Не просто свито гнѣздо,—соловьиное;

Ужъ повыше-то того—соколиное.
Высоко соколъ сидитъ, далеко, охъ, онъ глядитъ,
Далеко соколъ глядитъ—во чистое поле,
Какъ во чистое во поле, на синее море.
Да на синеемъ на морѣ три кораблика.
Еще первый вотъ корабль—родной батюшка;
Что другой-то корабль—родна матушка;
Еще третій-то корабль—милъ сердечный другъ.

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 61 («протяжная»). Вторая половина стиха повторяется.

11.

Ой вы, долы мои, долы, долы подкошеные,
Ой вы, горы мои, горы, горы свершеныя!
На горахъ-то, долахъ лежитъ бѣлъ горючъ камень;
Изъ-подъ камушка бѣжитъ рѣчушка,
Бѣжитъ рѣчушка, бѣжитъ быстрая,
Пала устьицемъ въ Волгу матушку.
Широко Волга матушка разливалася,
Въ круты бережки не вбиралася!
Изошелъ я Волгу матушку изъ конца въ конецъ,
Не нашелъ нигдѣ отца съ матерью,
Отца съ матерью, молодой жены;
Лишь нашелъ я одну степь широкую,
На широкой степи одинъ зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду три деревца:
Перво деревце—кипарисово,
Друго деревце—сладка яблонька,
Третье деревце—зелена груша;
Кипарисъ-то—родной батюшка,
Сладка яблонька—родна матушка,
Зелена груша—молода жена.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 89.

12.

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина моя молодецкая,
Ты къ чему рано появилася,
Во черны кудри вселилася?
Ахъ ты, молодость моя, молодость,
Ахъ ты, молодость молодецкая!
Я не чаялъ те измыкати;
Ахъ, измыкалъ я свою молодость
Не въ житьѣ-бытьѣ, богачествѣ,—
Во проклятомъ одиночествѣ!
Изошелъ-то я, добрый молодецъ,
Съ устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку;
Не нашелъ-то я, добрый молодецъ,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцевъ-то, ясныхъ соколовъ,
Ни сестрицъ-то, бѣлыхъ лебедушекъ;
А нашелъ-то я, добрый молодецъ,
Полоняночку красну дѣвушку....

Сибирь. Финскій Вѣстникъ 1847 года, № 7, смѣсь, стр. 24.

13.

Не бѣлые снѣжки въ полѣ забѣлѣли,—
Забѣлѣлися у моего любезнаго бѣлокаменны палаты.
За палатами-то стоятъ два шатерочка, шатры шелковые,
Во шатрахъ-то стоятъ столики дубовые,
За столомъ-то два стулика кленовые.
На столѣ же стоятъ двѣ чернильницы,

Во чернильницахъ лежатъ два перышка, перья лебедины,
За столомъ-то сидятъ два молодчика молодые.
Предъ ними стоитъ красна дѣвица, стоитъ, слезно плачетъ.
Отвѣчаютъ-то ей добры молодчики:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица, не плачь, не печалься!
Что не будетъ твой милой другъ во солдатахъ,
А останется онъ въ Петербургѣ.»

Пѣсенникъ 1821 года, часть III, стр. 174.

14.

Не бѣлы снѣги во чистомъ полѣ,
Снѣги забѣлѣлись, забѣлѣлись,—
Забѣлѣлися моего дружка
Каменны палаты, то палаты.
У палатушекъ стоятъ два шатра,
Шатры шелковые, шелковые;
Что во тѣхъ шатрахъ стоятъ два стола,
Столы дубовые, дубовые;
У столовъ стоятъ тамъ два стулика,
Стулья кленовые, кленовые;
Что сидятъ на нихъ два молодчика,
Двое молодые, молодые;
На столахъ стоятъ двѣ чернилицы,
Обѣ золотыя, золотыя.
У молодчиковъ по перу въ рукахъ,
Перья лебедины, лебедины.
Добры молодцы пишутъ грамотки
По бѣлой бумагѣ, по бумагѣ.
Противъ нихъ стоитъ красна дѣвица,
Сама горько плачетъ, горько плачетъ.

«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не плачь, не печалься, не печалься!
Что не быть, не быть твоему дружку,
Не быть во солдатахъ, во солдатахъ;
А что быть-то, быть твоему дружку
Во донскихъ казакахъ, во казакахъ!»

Кашинъ, выпускъ I, № 21 («протяжная»). Первая половина каждаго втораго стиха повторяется.

15.

Не бѣлы-то ли снѣги, снѣги во чистомъ полѣ, въ полѣ забѣлѣлися,
Ахъ, и забѣлѣлися,—
Забѣлѣлися моего милаго-любезнаго каменны палаты,
Ахъ, и палаты.
Во палатахъ-то ли стоятъ, стоятъ два столика, столы дубовые,
Ахъ, дубовые;
За столами ли сидятъ два молодчика, парня молодые,
Ахъ, молодые;
Во рукахъ они держатъ, держатъ они перышки, перья лебедины,
Ахъ, лебедины.
Около нихъ-то ли стоитъ, стоитъ красна дѣвица, сама горько плачетъ,
Ахъ, и горько плачетъ.
Что одинъ-то ли, одинъ, одинъ добрый молодецъ плакать унимаетъ,
Ахъ, и унимаетъ:
«Ты не плачь-ка ли, не плачь, не плачь, красна дѣвица, не плачь, не печалься,
Ахъ, не печалься!
Что не быть-то ли, не быть твоему дружку милому, не быть во солдатахъ,

Ахъ, и во солдатахъ,
А что быть-то ему, быть во донскихъ казакахъ,
Ахъ, и во казакахъ!»

Московская губернія, Звенигородскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 86. Очень сходная пѣсня: Лопатинъ и Прокунинъ, № 87; Прокунинъ, № 50 (Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ).

16.

Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися,—
У моего ль дружка, у дружка любезнаго каменны палатушки,
Что палаты, что палаты...
Во тѣхъ-то во палатушкахъ стоятъ по два садика;
Какъ во тѣхъ во садахъ лежатъ два шатерика, шатры шелковые;
На тѣхъ на шатрахъ стоятъ два столика, столы дубовые;
За столами стоятъ, стоятъ да два стулица;
На столахъ-то лежатъ, лежатъ да двѣ скатерти, скатерти браныя.
На стульяхъ сидятъ себѣ два молодчика.
Передъ ними стоятъ, стоятъ двѣ чернилицы, края золотые.
Во рукахъ-то у нихъ, у нихъ все по перышку, перья лебединыя.
Они пишутъ письмо, пишутъ они грамотку по бѣлой бумагѣ.
Передъ ними стоитъ, стоитъ красная дѣвушка, она слезно плачетъ.
Молодецъ-то се уговаривалъ, уговаривалъ:
«Ты не плачь, ты не плачь, красная дѣвушка!
Но быть-то, не быть твоему разлюбезному, не быть во солдатахъ,

Въ каменныхъ палатахъ, охъ, что въ палатахъ;
А быть-то, быть твоему разлюбезному во донскихъ
казакахъ,
Охъ, что казакахъ!»

Воронежскій уѣздъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1850 года, № 50.

17.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ забѣлѣлися,—
Забѣлѣлись во полѣ каменны палаты.
Какъ за тѣми за палатами сады зеленые,
Во садахъ-то шатры шелковые,
Во шатрахъ стоятъ столы дубовые,
За столами стоятъ двѣ скамеечки, скамьи кленовыя,
На скамьяхъ-то сидятъ два молодца молодые.
Передъ ними стоятъ двѣ чернильницы золотыя,
Во чернильницахъ торчатъ перья лебедины.
Какъ и пишутъ молодцы по бумажкѣ по гербовой,
Не перомъ пишутъ, не чернилами—горючми слезами.
Поконецъ-то стола дубоваго стоитъ тутъ дѣвица.
Да и плачетъ красная дѣвушка, какъ рѣка льется.
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвушка, не плачь,
не печалься!
Не быть-то твоему дружку милому, не быть во солдатахъ;
Еще быть-то, быть доброму молодцу во донскихъ во
казакахъ!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 82.

18.

Не бѣлы-то ли, не бѣлы, эхъ, снѣги во чистомъ
полѣ, въ полѣ снѣги забѣлѣлися,
Забѣлѣлися,—

Забѣлѣлися у моего, эхъ, у дружка любезнаго каменны палаты,
Все палаты.
За палатами ли стоятъ, эхъ, стоятъ два шатерика, шатры они шелковые,
Шелковые;
Во шатрахъ-то ли стоятъ, эхъ, стоятъ тамъ два столика, столы они дубовые,
Дубовые;
На столахъ-то ли стоятъ, ахъ, стоятъ двѣ чернильницы, края у нихъ золотые,
Золотые.
За столами-то сидятъ, ахъ, сидятъ два молодчика, парни они молодые,
Молодые;
Они пишутъ письмо, ахъ, письмо все по грамоткѣ, по бѣлой бумажкѣ,
По бумажкѣ.
Передъ ними стоятъ, ахъ, стоятъ двѣ дѣвчоночки, стоятъ онѣ, слезно плачутъ,
Слезно плачутъ.
«Вы не плачьте, ахъ, вы не плачьте, красны дѣвицы, вы не плачьте, не печальтесь,
Не печальтесь!
Что не быть-то ли, не быть, ахъ, намъ не быть, молодчикамъ, не быть во солдатахъ,
Во солдатахъ,
Только быть-то ли намъ, быть, ахъ, намъ, добрымъ молодчикамъ, во донскихъ казакахъ,
Во казакахъ,
Ужъ служить-то ли намъ, служить, ахъ, служить царю бѣлому, служить вѣрой-правдой,
Вѣрой-правдой!»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 88.

19.

Не бѣлы-то снѣжки, снѣжки во чистомъ полюшкѣ,
Снѣжки забѣлѣли, забѣлѣли,
Забѣлѣли-ли-то снѣжки;
Забѣлѣли-то у дружка любезнаго каменны палаты.
Во палатахъ-то стояли два шатрика,
Шатры шелковые;
Во шатрахъ-ли-то, шатрахъ стояли два столика,
Столы дубовые;
Что на столикахъ стоятъ черниленки,
Края золотые;
Въ черниленкахъ-то спущены два перышка,
Перья лебедины, лебедины.
Что на стуликахъ сидятъ, сидѣли два молодчика,
Парни молодые, охъ, молодые.
Во рукахъ-то ли держатъ, держали по перышку,
Перья лебедины, перья лебедины.
Они пишутъ же перышкамъ по грамоткѣ,
По бѣлой бумагѣ, по бумагѣ.
Передъ нимъ-то ли стоитъ красна дѣвица,
Стоитъ, слезно плачетъ, слезно плачетъ.
Парень дѣвушку унимаетъ,
Онъ ей слезы вытираетъ, охъ, вытираетъ:
«Ты не плачь-ка, не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не плачь, не печалься, охъ, не печалься!
Что не быть-то мнѣ, не быть, не быть, добру молодцу,
Не быть во солдатахъ, во солдатахъ;
Только быть-то мнѣ, быть, быть, добру молодцу,
Во казакахъ, охъ, во казакахъ;
Что служить-то мнѣ, служить, служить, добру молодцу,
Царю государю, охъ, государю!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 174 («семейная, протяжная»).

20.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ,
Снѣги забѣлѣлися,—
Забѣлѣлися у моего любезнаго
Каменны палаты.
Во палатахъ сидятъ, сидятъ добры молодцы,
Парни молодые;
Они пишутъ письмо, пишутъ не по грамоткѣ,
По бѣлой бумагѣ.
Передъ ними стоитъ красна дѣвица,
Она горько плачетъ.
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не плачь, не печалься!
Что не быть намъ, не быть, ахъ, намъ, добрымъ молодцамъ,
Не быть во солдатахъ,
А служить намъ, служить, добрымъ молодцамъ,
Во донскихъ казакахъ!»

Вильбоа, № 88.

21.

Въ пятьдесятъ четвертый годъ
Припечалился народъ:
Назначены дѣла
У великаго царя.
У великаго царя
Главно дѣло—писаря.
Писаря мало ночки спали,
Дѣла царски исполняли.
Закричали во весь ротъ:

Собирай народъ на сходъ!
Собралось народу тѣсно
Во присутственное мѣсто;
Наѣзжало соловьевъ
Для исправницкихъ дѣловъ,
Для подъему жеребьевъ.
Жеребья они метали;
Отцы плакали-рыдали.
Послужить надо царю
За матушку Россіюшку свою!....

Новгородская губернія, Крестецкій уѣздъ. Новгородскія Губернскія Вѣдомости 1875 года, № 15.

22.

Ты, прекрасная Марьина роща,
Ты къ чему рано зашумѣла,
Не дождавши поры-времени,
Поры-времени—весны красныя,
Весны красныя, лѣта теплаго,
Лѣта теплаго меженнаго?
Свое вѣтьице опустила
Что съ вершиночки до коренья;
Распустила свое кореньице
Вдоль по матушкѣ сырой землѣ?...

Изъ Московскаго государства,
Что изъ главнаго изъ сената,
Изъ военныя изъ конторы,
Что разосланы были указы,
Что за черными за печатьми,
По губерніямъ да по провинціямъ,
Что по селамъ да по деревнямъ,
По всѣмъ ли по мелкимъ пригородкамъ:

Что по нынѣшней по ревизіи
Набирать ли насъ, добрыхъ молодцевъ,
Что во солдатушки новобраные;
Что идтить намъ будетъ, добрымъ молодцамъ,
На грозну службу на государеву,
Что во Прусскую во землю....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 120. Каждый стихъ повторяется.

23.

Ужъ вы, вѣтры мои, вѣтерочки,
Тоненькіе голосочки,
Вы не дуйте на лѣсочки,
Вы не дуйте въ бору сосну:
И такъ сосенкѣ стоять тошно,
Стоять тошно, стоять грустно!
Стоитъ сосенка на рыночкѣ,
На крутенькомъ бережочкѣ;
Не водою сосенку подмываетъ,—
Горностай къ сосенкѣ подбѣгаетъ,
Злы коренья подъѣдаетъ.
Съ вершинушки сосны сучки гнутся.
Къ этой сосенкѣ пчелы вьются;
Онѣ вьются, не привьются,
Онѣ гнутся, не пригнутся.
У молодца кудри вьются;
На молодцѣ печаль-горе:
Отдаютъ дружка въ солдаты!

Саратовская губернія. Леопольдовъ, стр. 78.

24.

Ужъ вы, вѣтры мои, вѣтерочки,
Ваши тонки голосочки!
Вы не дуйте, вѣтры, на лѣсочки,
Не шатайте, вѣтры, въ бору сосну!
Во бору ли сосенкѣ стоять тошно,
Стоять тошно сосенкѣ, невозможно:
Не водой ли сосенку подмываетъ,—
Горностайка къ сосенкѣ подбѣгаетъ,
Злы кореньица подъѣдаетъ.
Посередь-то сосенки пчелы вьются,
Пчелы вьются, пчелушки не привьются.
Какъ у Ванюшки кудри вьются, не завьются;
Какъ у любушки слезы льются, льются, не уймутся.
Ты скажи-ка, любушка, о чемъ плачешь?
Ты скажи-ка, любушка, съ кѣмъ гуляешь?
Или съ братьями, или ты съ сестрами,
Или съ прежними со друзьями?—
—«Ужъ и есть у меня печаль-горе:
Отдаютъ дружка въ солдаты!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 192.

25.

Моего милаго нѣжатъ-берегутъ,
Третій годъ ему работать не даютъ—
Во солдаты все милаго берегутъ;
Всѣ сусѣди неработникомъ зовутъ.

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 56.

26.

Ужъ вы, дѣвушки-матушки,
Ярославскія красавушки!
Вы молите, дѣвки, Бога за меня,
Чтобы Господи помиловалъ меня,
Меня отъ службы отъ царскіе,
Отъ рекрутскіе повинности!
Чтобы, чтобы уродиться одному:
Меня не взяли бы въ солдаты на вѣку!

На рукѣ колечко носится,
Моя милая возносится:
«Не люба, дакъ не люби-ка ты меня!
Далеко, такъ не ходи-ка никогда!...»
Какъ Поповская стоитъ на волоку;
Наша кареточка на самомъ берегу.
Съ-по этому-то бережку
Ходилъ милой на бесѣдушку,
Со своей большой гармоньюшкой,
Со своей онъ съ полюбовницею.
У бабушки золотые голоса;
У любезные русые волоса,
Подъ гребеночку причесана коса....
Это какъ мнѣ не плакать, не тужить?
Мой-етъ миленькій съ похмѣльица лежитъ,
Онъ лежитъ, лежитъ, валяется,
Лихорадкой забавляется.
Потряси-ка, лихорадочка, его
За великіе обманы за его!
Почто ходитъ, обманываетъ,
Лѣто къ лѣту приговариваетъ!...

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 года, № 4, стр. 271. Кромѣ послѣдняго, каждый стихъ повторяется.

27.

«Вечоръ нонѣ, матушка, мнѣ мало спалось,
Мало спалось, да много видѣлось:
Разнесъ меня да добрый конь по чисту полю,
Да по раздольицу;
Спала моя шляпонька съ буйной головы,
Спала моя плеточка да со правой руки,
Со правой руки, да со перчаточкой.
Знать-то, мнѣ-ка, матушка, дома не бывать,
Знать-то, добру молодцу, да во солдатахъ быть,
Во солдатахъ быть, да мнѣ царю служить,
Мнѣ царю служить да вѣрой-правдою!»
Заплакала матушка объ сынѣ своемъ.
«Не плачь, не плачь, матушка, да радость моя!
Втапоры наплачешься, послѣ, безъ меня!
Что угонятъ меня, молодца, во ины мѣста,
Во ины мѣста—въ дальны города;
Напишу къ тебѣ я, матушка, да скору грамотку,
Скору грамотку, да вѣсть нерадостну,
Не перомъ напишу, не чернилами,
Напишу я грамотку да горючми слезми,
Горючми слезми да изъ ясныхъ очей;
Положу во грамотку перстень да портретъ,
Перстень да портретъ, крестикъ золотой;
Запечатаю я грамотку да думой крѣпкою;
Пошлю эту грамотку со скорымъ посломъ,
Со скорымъ посломъ—да со буйнымъ вѣтромъ.
Получишь ты, матушка, да эту грамотку,—
Вынь-ка, моя матушка, перстень да портретъ,
Крестикъ золотой.
На портретъ взгляни,—меня вспомяни!»

Якушкинъ, стр. 556. Почти тожественная пѣсня: Кораблевъ, Любопытный сборникъ русской народной старины и современности, М. 1859. стр. 13.

28.

Ночешная ноченька мнѣ мало спалось;
Привидѣлся, маменька, сонъ мнѣ не хорошъ:
Добрый конь разнесъ,
Добрый конь разнесъ же, добрый вороной,
Подъ бѣлымъ ковромъ.
Свалилася шляпонька съ буйной головы,
Славна моя шляпонька—съ кисточкой картузъ;
Свалилася плетонька со правой руки.
Знать, что мнѣ-ка, маменька, во несчастьѣ быть—
Въ солдатахъ служить, царю бѣлому служить,
Царю бѣлому слугою вѣрною;
Моимъ малымъ дѣтонькамъ вѣкъ свой будетъ сиротать;
А моей молодой женѣ вѣкъ солдаткой слыть!

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 85.

29.

Разгуляйся-ка, молодецъ,
На своемъ добромъ конѣ,
На своемъ добромъ конѣ,
Во черкасскомъ во сѣдлѣ!
Сѣделечко мѣдное,
Узденышка съ наборамъ,
Съ наборамъ узденышка,
Шелковенькій поводокъ,
Шелковенькій поводокъ,
Любезные поясокъ.
Выпали да у молодца,
Выпали вожжи изъ рукъ;

Спали у дородняго
Перчаточки долой съ рукъ;
Слышитъ ретиво сердце:
Несчастливымъ, вѣрно, быть,
Несчастливому, злочастному—
Во солдатахъ вѣкъ служить;
Моей молодой женѣ,
Во солдаткахъ вѣкъ ей жить;
Моимъ малымъ дѣтонькамъ
И на вѣки сиротать!
Станетъ по мнѣ матушка,
Станетъ плакать-горевать,
Станетъ плакать-горевать!
Мнѣ науки не понять,
Не понять науки мнѣ!...
Всѣ начальнички бранять,
Всѣ начальнички бранятъ,
Офицеры бить хотятъ....

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 года, № 4, стр. 274. Кромѣ послѣдняго, каждый второй стихъ повторяется.

30.

Ахъ ты, воля наша, волюшка,
Отъ весны воля до осени!
А на осень воля окажется—
Будетъ большое солдатствіе,
Большое, превеликое,
На три города губернскіе:
На первый городъ—на Бирженскій,
На второй городъ—Сереговскій,
А на третью—на славну Вологду,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ.

Повезли нашихъ ребятушекъ,
Забривать стали головушки,
Накидать стали фуражечки,
Надѣвать стали шинелюшки,
Что солдатскія шинелюшки....

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 53.

31.

Воля ты моя, волюшка,
Отъ весны воля до осени!
На осень воля означится,
Волюшка пріозначится,
Время пріостанется—
На осень будетъ солдатчина
На три города россійскіихъ:
На первый городъ—на Мамор ѳисъ,
На второй городъ—на Верейскій,
На третій городъ—на Ворецкій.
На сиротскихъ малыхъ дѣточекъ,
На дѣтей на маленькихъ,
Что отдаютъ ихъ въ солдаты новобранные,
Одѣваютъ въ мундирушки, шляпы солдатскія....

Архангельская губернія. Ефименко, стр. 97.

32.

Ужъ ты, воля, наша воля,
Со весны воля до осени,
Волюшка до осени!
На осень будетъ большой наборъ
На три города губернскіе:

На первый городъ—Архангельскій,
На другой городъ—Саратовскій,
На третей городъ—на Вологду,
На Волынски славны вотчины,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ.
У сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ
Ни отца нѣту, ни матери!
Повезутъ ребятъ въ солдатушки,
Во Казенную палатушку;
Забривать будутъ ребятушкамъ
Волосы кудрявые;
Скидывать будутъ сибирочки,
Надѣвать будутъ шинелочки,
И все сѣрыя.

Ахъ, прощайте, дѣвки, бабы,
Намъ тепере не до васъ:
Во солдаты везутъ насъ!
Во солдатушки поѣдемъ,—
Съ горя пѣсни запоемъ....
Съ горя ноженьки не носятъ,
Глаза на свѣтъ не глядятъ....

Архангельская губернія. Ефименко, стр. 97.

33.

Во хорошемъ-то высокомъ теремѣ,
Подъ краснымъ подъ косящатымъ окошкомъ,
Что голубь со голубушкой воркуетъ,
Дѣвица съ молодцемъ рѣчи говорила:
«А душечка удалый добрый молодецъ!
Божился, добрый молодецъ, ротился,
А всякими неправдами заклинался,

Порукою давалъ мнѣ Спасовъ образъ,
Святителя Николу Чудотворца—
Не пить бы пива пьянаго,
До-пьяна зеленаго вина не пить,
До-повалу сладкiихъ медовъ, безпросыпныхъ;
А нонѣ ты, мой надежа, запиваешься:
Ты пьешь-то пива пьянаго,
До-пьяна зеленое вино пьешь, до-повалу,
А сладкiе пьешь меды безъ просыпу!»
Отвѣтъ держитъ удалый добрый молодецъ:
«Ты глупая, дѣвица, да неразумная!
Не съ радости пью я, молодецъ,—съ кручины,
Съ тоя ли . . . . . великiя печали:
Записанъ, добрый молодецъ, въ солдаты,
Поверстанъ, добрый молодецъ, я въ капралы.
Не то мнѣ, доброму молодцу, забѣдно,
Что царь меня на службу ту посылаетъ;
А то мнѣ, доброму молодцу, забѣдно:
Отецъ, мати старешеньки остаются,
А некому поить будетъ ихъ, кормити;
Еще мнѣ, доброму молодцу, забѣдно:
Что съ недругомъ въ одномъ мнѣ полку быти,
Въ одномъ мнѣ шереножкѣ служити.»

Кирша Даниловъ, № 49.

34.

Во далечѣ-далечѣ да въ чистомъ полѣ,
Во хорошемъ во широкомъ во раздольѣ,
Еще по край пути, широкiя дорожки,
Стояла съ-тонка бѣленькая береза,
Тонешенька, бѣлешенька, кудревата.
Со корени березонька садовая,

По середочкѣ березочка вихлевата,
Подъ вершиночку кудрявая листовата.
Подъ той было подъ бѣлой подъ березой
Не сивъ голубь съ голубушкою воркуетъ,
Не сизенькій со бѣленькой разставался.
Голубушка голубчику слово молвитъ:
«Ахъ, ты ой еси, мой сизенькій голубчикъ!
Ты къ чему рано съ теплаго гнѣзда слетаешь?
На кого жъ ты меня, голубушку, оставляешь?
На кого своихъ малыхъ дѣточекъ покидаешь?»
Что отвѣтъ держитъ тутъ сизенькій голубчикъ:
«Что не самъ-то со теплаго гнѣзда слетаю,—
Что неволюшка съ тобой меня разлучаетъ!»

Что во славномъ было городѣ во Тобольскомъ,
Во большой было улицѣ во Ильинской,
Ходилъ-гулялъ удалъ добрый молодецъ,
Безсчастный добрый молодецъ, безталанный,
Безродный добрый молодецъ, безплемянный.
Ему некуда головушки приклонити
Опришенно государева кружала.
Что по-часту онъ на царевъ кабакъ гуляетъ,
Что по многу онъ золотой казны пропиваетъ.
Что изъ далеча-далеча изъ чиста поля,
Что изъ хороша изъ высока терема,
Изъ краснаго косещатаго окошка
Узрила усмотрѣла красна дѣвица.
Что сама она, красна дѣвица, говорила:
«Что безсчастный добрый молодецъ, безталанный,
Безродный добрый молодецъ, безплемянный!
Ему некуда головушки приклонити,
Окромѣ государева кружала.
По-часту на царевъ кабакъ гуляетъ
И по многу ты золотой казны пропиваешь....»

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (O. XIV. 11), № 31. Каждый стихъ повторяется.

35.

Какъ по Питерской дорожкѣ
Славный домичекъ стоитъ:
Изъ-подъ вырѣзу окошки,
Шпанеровыя стѣны,
Хрустальные косяки,
Червой былъ потолокъ,
Изъ банхету выстланъ полъ;
По Россіи первый домъ.
Тотъ домичекъ не хуже
Государева дворца:
Только тѣмъ онъ похуже:
Золотаго нѣтъ орла.
Нонѣче-топерече
Сорокъ тысячъ издержу,—
Золотой орелъ солью,
Ко палатушкѣ прибью.
Кто ни ѣдетъ, ни идетъ,
Царскимъ домомъ назоветъ.
Молодца хвальба беретъ.
Сядемъ-ка на лавочку,
Зглянемъ-ка въ окошечко,
Въ кутнее, середнее,
На Тальянскій бережокъ:
На Тальянскомъ бережку
Рекрута катаются,
Слевамъ уливаются,
Платомъ утираются,
Въ солдаты наряжаются.
Покатайтесь, батюшки!
Васъ увезутъ въ солдатушки
Отъ отца, отъ матушки,
Отъ милой подруженьки!

Ой, ой, какая это жизнь!
Повезутъ,—только держись!

Въ новой банькѣ-каменкѣ
Карамель-то въ грамоткѣ.
Карамель ту дѣвки ѣли,
Губы, зубы заболѣли;
Пришли домой, заревѣли.
Дома матки забранили....
Ѣла прянички, рожки;
Перемѣнные дружки.
Ѣла прянички и грушу;
Полюблю парня,—не струшу.
Полюбила-ухнула
Самого кондуктора.
Брякай, брякай, чайничекъ!
Мой милой—начальничекъ.
Брякай, брякай, тарантасъ!
Въ офицеры не попасть!

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 года, № 4, стр. 270. Кромѣ послѣдняго, каждый второй стихъ повторяется.

36.

Какъ на гору, на гору,
Ко Изову кабаку!
Мы заложимъ по рублю,
По рублику на винцо.
Не успѣли вино пить,
Въ барабаны стали бить.
Они били-пробивали,
Насъ, молодчиковъ, сзывали.
Легки шляпы надѣвали.

Весь народъ съ нами гулялъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ,
Въ Кострому городъ стрѣлялъ.
Кострома городъ привольный,
Питья-кушанья довольно,
Раставанье широко,
Полюбить-то есть кого.
Анюшенька хороша,
Въ косѣ лента широка,
Издалека вевсна—
Изъ Казани, изъ Москвы.
Что въ Казани на Кабанѣ,
Что на новыимъ плоту,
Что на новыимъ плоту,
Мыла дѣвица фату.
Она мыла, колотила,
Фату въ воду опустила.
Фаты дѣвкѣ хочется,
Въ воду лѣзть не хочется....

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 72 («обыденная»).

37.

Выйду, выйду, младехонька,
На ново крылечко,
Разгляжусь я, разсмотрюсь
Въ свои ясны очи....
Ванька скованъ, Ванька связанъ
За дѣвку красотку....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 261.

38.

Гулялъ Ванюшка недѣльку, гулялъ двѣ.
Въ томъ гуляньицѣ Ванюшка веселья не нашелъ,
Свою любушку-сударушку до худой славы довелъ.
Зато Ванюшку въ солдаты отдали,
Въ солдаты Ванюшку, въ гарнадеры, въ гарнадерскіе
полки.

Саратовскій уѣздъ. Саратовскій Сборникъ, томъ II (1882 года), стр. 308.

39.

Подымались буйны вѣтры со горы;
Не свалите черной шляпы съ головы!
Черна шляпа со павлинымъ перомъ;
Раздымалося павлиное перо.
Миновалося гуляньице мое;
Довело меня гулянье до того—
До великаго позору, до стыда:
Везутъ-везутъ въ солдаты молодца!
А сказали: во солдатахъ хорошо,—
По три денежки во суточки даютъ,
По сту лозановъ во спинушку кладутъ!
Выду, выду за новыя ворота,
Стану, стану злѣ точеной вереи,
Гляну, гляну на четыре стороны,
Да на пятую—любезную свою:
Не стоитъ ли и моя гдѣ у воротъ,
Не машетъ ли своей правою рукой,
Не сьяетъ ли золотъ перстень на рукѣ,
Не пойдетъ ли красавица за меня....

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій № 39 («хороводная»).

40.

Миновалося мое гуляньице молодецкое....
Что засохъ и заблекъ у молодца зеленъ садикъ,
Мелки пташечки вонъ изъ садика вылетали;
Одна пташечка соловеюшко оставался.
Жалобненько соловеюшко воспѣваетъ.
Ты, гулянье мое, гуляньице молодецкое,
Довело ты меня, гуляньице, до несчастья:
Отдаютъ меня, добраго молодца, во солдаты,
Что во тѣ ль новобраные во рекруты,
Велятъ править службу царскую,
Исполнять волю командирскую.

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 51.

41.

Ахъ, гулянье, гулянье мое!
До чего меня гулянье довело!
Довело меня гулянье до конца!
На гуляньѣ сынъ прогнѣвавши отца.
Зато отдали въ солдаты молодца.
Запрягали тройку коней вороныхъ.
Отправлялись въ славный городъ Кострому.
Кострома городъ—привольна сторона;
На горѣ стоитъ пріемна высока,
Высока пріемна, каменная,
Двои двери деревянныя.
Какъ во этой во пріемной
Много стуликовъ стоитъ;
А на стуликахъ чиновники сидятъ;
По-за стуликамъ рекрутики стоятъ.

Тутъ сказали Ванѣ первому въ пріемъ:
Засверкали свѣтлы ноженки,
Повалились русы кудерьки.

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 115.

42.

Ты, гулянье, гулянье мое!
До чего меня гулянье довело!
Довело меня гулянье до конца!
Черезъ милую опротивѣлъ мать-отецъ!
Не зато ли во солдаты молодца,
Не зато ли въ новобранны рекрута?
Ужъ ты, мамонька родимая моя,
Подбери-ка русы кудри у меня,
Завяжи-ка ихъ во платочекъ, въ узелокъ,
Положи-ка ихъ на божницу въ уголокъ!
Во солдатахъ горе-горькое житье,
Горе-горькое, кукушечье!
Припилася намъ болотная вода,
Прихлебалися намъ постны щи,
Намъ пріѣлись оржаные сухари....

Пермская губернія. Шишонко, стр. 272.

43.

Ты не стой, не скучай передо мной:
Мнѣ тепере не случай гулять съ тобой!
Случай будетъ,—нагуляемся,
Мы по той ли по чужою сторонѣ,
Мы по матушкѣ Тальянской слободѣ.
Жили-были двѣ названныя кумы,

Двѣ кумы, сизы голубушки.
Стали кумушки по миломъ тосковать,
Что по милымъ по Васенькѣ.
Что, сказали, Васю въ видѣ не видать.
Не видать Васю, не видывати.
Вечоръ Васенька по улицѣ прошелъ;
Онъ и наигры наигрываетъ,
Въ балалаечку набрякиваетъ;
Балалайка выговариваетъ,
Про гулянье Васю спрашиваетъ.
«Ты, гулянье, ты, гуляньице мое!
Довело меня гулянье до конца!
Во гуляньѣ распрогнѣвалъ сынъ отца.
Не зато ли во солдаты молодца?
Во солдатахъ горе-горькое житье,
Горе-горькое, кукушечье,
Что кукушечье, горюшечье!
Не заводятъ хороводы для меня,
Въ хороводахъ красны дѣвушки,
Красны дѣвушки молодушки.»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 114.
Каждый стихъ повторяется.

44.

Всю ночь не спалъ, все ходилъ да гулялъ;
Ко бѣлой-то зарѣ ко двору я пришелъ.
Молодая жена со постели встаетъ,
Со постели встала, слезой залилась:
«Безъ тебя, мой другъ, постелюшка холодна,
И одѣялице призаинѣло въ ногахъ,
Подушечка потонула во слезахъ.»
Со стыда, молодецъ, я ницъ личикомъ упалъ,
Самъ себя ругалъ, про гуляньице сказалъ:

«Ты, гулянье, ты, гуляньице мое!
Довело ты молодца до конца!
Распрогнѣвалъ я родную матушку-отца;
Черезъ то, молодецъ, на службицу пошелъ.
А на службицѣ послѣднее житье;
По немногу тамъ намъ жалованья даютъ:
По три денежки у суточки,
По пяти плетей у спинушку кладутъ!»

Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка!
Не плачь, не печаль добраго молодца,
Ты не жди, ты не жди молодца черезъ три года;
На четвертый годъ самъ письмо пришлю,
Во письмѣ пропишу строку черную,
Строку черную, печальную;
Поминай ты меня тогда, родимая матушка, хлѣбомъ-солью.

Донская область. Савельевъ, стр. 150.

45.

Ужъ какъ вздумалъ мой родитель-батюшка
Отдать-то меня во солдатушки,
Во солдатушки, во наборные полки,
Во наборные, принаполненные,
За небольшое за жалованьице:
По три денежки на суточки даютъ,
По полтинушкѣ на мѣсяцъ выдаютъ.
Я не знаю, куда денежки дѣвать:
То-ли молодцу пропить ли, прогулять,
Али молодцу на картахъ проиграть....

Петрозаводскъ. Рыбниковъ, часть III, стр. 460.

46.

Соловейко кукушечку уговаривалъ:
Полетимъ, кукушечка, во мой зеленъ садъ!
Во моемъ ли во садику зеленъ виноградъ;
Во моемъ ли во садику молодчикъ гулялъ,
Молодецъ молодешенькій, не веселъ онъ былъ.
«Чего добру молодцу веселому быть?
Что журитъ-бранитъ батюшка, не зная за что;
Нарекъ, нарекъ батюшка во солдаты отдать.
А мнѣ, доброму молодцу, не хотѣлося,
Хотѣлось молодцу хоть годокъ дома прожить,
Хоть годокъ дома прожить, во Москвѣ побывать,
Въ Москвѣ, въ Москвѣ побывать, солдатушекъ погля-
дѣть.
Солдатушки батюшки во строю стоятъ,
Во строю-строю стоятъ, по ружью держатъ.»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, выпускъ VI, стр. 13.

47.

Соловей кукушечку подговаривалъ,
Подговаривалъ, подманывалъ:
Полети, кукушечка, въ мой зеленый садъ!
Во моемъ во садику молодецъ гуляетъ,
Молодецъ гуляетъ, не веселъ добре.
«А какъ же мнѣ, молодцу, веселому быть?
Хочетъ меня батюшка у службу отдать,
У службу отдать—на строю стоять!
Слезы котятся—къ двору хочется,
Къ отцу, къ матери, къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ.»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 2 («протяжная»).

48.

Не за деньги моя гинетъ голова!
Дѣлать нечего, родимая моя,
Собери-ка ты котомочку
На чужу дальню сторонушку!
Ужъ ты, тятенька родимый мой,
Запряги-ка ворона коня,
Отвези-ка въ городъ Вологду меня!
Середь Вологды пріемненькая,
Во пріемной есть начальнички;
Остригутъ они волосьеце.

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 57.

49.

Какъ вечоръ-то моя головушка пила, погуляла;
Вечоръ добрый молодецъ поздно загулялся,
У чужихъ воротъ я, дѣтинушка, долго застоялся,
На свою любу-сударушку заглядѣлся.
И вечоръ-то меня, молодца, у ней поймали,
Въ желѣзушки, разудалаго, заковали.
Повели меня, дѣтинушку, въ солдатску пріемну,
И поставили меня въ казенную мѣру.
Въ казенную мѣру я, удалъ молодецъ, вышелъ.
Начали дѣтинушку брити, не жалѣти;
Раскидали мои кудерушки по всей по пріемной.
Соберу-то я свои кудерушки, всѣ до волосочка;
Заверну я свои русыя въ гербову бумагу,
И пошлю я ихъ на родну сторонку—
Къ сударынѣ матушкѣ, къ батюшкѣ родному,
Къ своей молодой женѣ, къ малымъ дѣтямъ.

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 193.

50.

Попила-то моя буйная головушка, попила, погуляла,
Что за батюшкиной, да за матушкиной большой головою,
Что за братцевой, за невѣсткиной тяжелой работой.
Какъ не бѣлъ гребень головушку чешетъ,—чешетъ пора-время,
Чешетъ пора-времячко, гульба-воля, удаль молодецкая, вольное раздолье.
Вдругъ почуяло мое сердечушко невзгоду.
Та невзгода ли, невзгода: частые наборы.
Что хотятъ-то меня, молодца, всѣмъ міромъ поймать,
Бѣлы рученьки связать, рѣзвы ноженьки сковать;
Не поймавши добра молодца, какъ же въ рекруты отдать?
Не сыскавши красной дѣвушки, кого жъ замужъ обвѣнчать?
Какъ поймали добра молодца у прилуки красной дѣвицы;
Бѣлы рученьки связали, рѣзвы ноженьки сковали;
Посадили меня, молодца, на мірски подводы,
Повезли-то меня, молодца, во городъ Саратовъ.
Во городѣ во Саратовѣ брѣютъ кудри, не жалѣючи.
Приводили молодца въ пріемную,
Становили разудалаго подъ мѣру казенную
И обрили добру молодцу кудри русыя.
Не видать моимъ кудерюшкамъ уже прежней холюшки;
Ужъ не будетъ добру молодцу гульбы волюшки!
Соберите, братцы милые мои кудри русыя,
Завяжите ихъ въ миткалевый платокъ,
Отошлите къ матушкѣ въ теремъ высокъ!

Саратовская губернія. Леопольдовъ, стр. 76.

51.

Охъ, попила то моя головушка,
Пила, погуляла,
Охъ, не за батюшкиной, не за матушкиной
Буйной головою,
Ахъ, что за братниной, за невѣстиной
За легкой работой.
Ахъ, что со радости, со весельица
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ахъ, со тоски-то, со кручинушки
Кудерьки сѣкутся...
Ахъ, что случилось со мною, добрымъ молодцемъ,
Большое несчастье.
Охъ, что вчера-то я, добрый молодецъ,
Долго загулялся...
Ахъ, посадили меня, добра молодца,
На ямскую тройку;
Ахъ, повезли-то меня, добра молодца,
Къ губерніи Твери;
Ахъ, постановили меня, добра молодца,
Меня въ станокъ-мѣру.
Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Всѣхъ бояръ, князей видалъ,
Одного я не видалъ....
Эхъ, ужъ какъ брѣютъ меня, добра молодца,
Брѣютъ, не жалѣютъ....

Тверская губернія, Новоторжскій уѣздъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, № 1.

52.

Что пила-то, пила моя буйная головушка,
Пила, погуляла,
Не изъ-за батюшки, не изъ-за матушки,—

Изъ-за легкія работушки.
Чешетъ мою буйную головушку, чешетъ да не гребень,
Чешетъ мою буйную головушку. чешетъ пора-время.
Что со радости кудеречки вьются,
Со печалюшки кудеречки сѣкутся.
Они слышатъ на себя невзгоду:
Мірскіе переговоры, солдатскіе наборы;
Что хотятъ-то меня, молодца, поймати
И въ солдаты отдати....

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 128 («семейная, протяжная»).

53.

Пила моя головушка, пила, пировала,
Со легонькой работы—со дѣвичьей охоты.
День и ночь гуляла, еще не нагуляла....
Грозятся на добраго молодца злые таки люди,
Ближніе сосѣди:
Хотятъ добраго молодца поймать въ узкомъ переулкѣ,
Въ маленькой избушкѣ, на мягкой перинѣ....
Связали у добраго молодца бѣлы ручки,
Заковали ножки рѣзвыя въ желѣза;
Запрягаютъ про добраго молодца тройку вороную;
Повезли добраго молодца въ городъ Челябу.
Довозятъ добраго молодца до города Челябы,
Заводятъ добраго молодца въ пріемную,
Ставятъ добраго молодца въ дубовый станокъ,
Смотрятъ и вертятъ и на очередь становятъ.
Скричали доброму молодцу: брить со лбу до затылку!
Подбѣгаютъ молоды сержанты, берутъ подъ бѣлыя руки,
Садятъ на ременчатъ стулъ, стали забривати....

Повалились у добраго молодца русы кудри на могучи плечи,
Со могучихъ плечъ на бѣлы колѣни.
И собираетъ онъ свои русы кудри, завязываетъ въ тальянскій платочекъ,
Отсылаетъ на родиму сторону—въ Верхтеченску слободу,
Ко родимому батюшку, ко родимой матушкѣ
И ко всей роднѣ жалостливой.

Пермская губернія, Шадринскій уѣздъ. Пермскій Сборникъ, книжка 1, стр. 113.

54.

Пропила ли ты, моя головушка,
Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной головою,
Не за братцевой, не за сестрицыной легкой работой....
Что поймали-то раздобраго молодца, поймали въ прилуки,
Что у той ли у прилуки—у красной у дѣвки.
Что куютъ-то меня, добра молодца, куютъ во желѣза;
Посадили меня, добраго молодца, въ козырныя сани;
Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ во губернію;
Привели-то меня, добра молодца, привели ко пріему;
Посадили меня-то, добра молодца, во красное стуло;
Какъ и стали меня, разудалаго, стричь они-то, брити.
Ужъ вы брейте мои кудерюшки, брейте, не жалѣйте!
Отошлите мои кудерюшки ко красной ко дѣвкѣ!

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 550.

55.

На что наши буйныя головушки,
На что онѣ зародились?
Знать-то, наши буйныя головушки
Во службу царю пригодились....
Посадили меня, добра молодца,
Во черныя новы сани;
Повезли-то меня, разудалаго,
Во губернскій городъ Саратовъ;
Повели-то меня во Казенную палату,
Поставили молодца подъ мѣру.
Какъ и брѣютъ-то мои русы кудри,
Брѣютъ ихъ, не жалѣютъ....

Саратовская губернія, Аткарскій уѣздъ. Саратовскій Сборникъ, томъ I (1881 года), стр. 261.

56.

Какъ у ласточки у касаточки
На лету крылья примахалися;
Какъ у душечки красной дѣвицы
На ходу ноги подломилися....
  У дороднаго добраго молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Во четвертый рядъ по плечамъ лежатъ,
Ой, во пятый рядъ съ плечъ валилися.
Ой, почуяли черны кудри
Что невзгодушку великую,
Что служить службу государеву.
Повели тутъ добра молодца
Въ канцелярью государеву;
Записали добра молодца

Во драгуны государевы.
Ой, не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны....
На сторонушкѣ три зазнобушки:
Ой, какъ первая зазнобушка—
Разставался я съ отцомъ, съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ молодой женой,
Съ сиротами робятами,
Съ моими малыми дѣтками....

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 160.

57.

Настя по саду гуляла,
Хмѣлю яраго щипала,
Брагу пьяную варила.
Всѣхъ гостей зазывала,
Всѣхъ по лавкамъ разсажала,
Всѣхъ по лавкамъ, по скамейкамъ.
Сама сяду на диванѣ
Супротивъ дружка Ивана.
Стаканъ рому наливала,
Наливала, горевала,
Подносила всѣмъ, просила:
«Выпей-выкушай, Ванюша!»—
—«Я не пью, не пью, Настасья!
У меня горе-несчастье—
Государево солдатство!
Я солдатства не боюся:
Я подъ мѣру не гожуся!»
Вдругъ подъ Ванино окошко
Подкатилися саночки,
Подкатилися саночки;

Взяли Ваню, подхватили,
На ямщицкихъ покатили;
Стали Ваню забривати,
Стало сердце замирати!..
Дайте ножикъ, дайте бритву,
Дайте чисто полотенце,
Дайте чисто полотенце,
Настенькино рукодѣльце!

С.-Петербургская губернія, Лугскій уѣздъ. Галлеръ, № 20 («круговая»). Каждый стихъ повторяется, послѣ чего слѣдуетъ припѣвъ: Люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

58.

Повадился Ванюшка ко боярскимъ воротамъ,
Ко душѣ красной дѣвицѣ,
Ко прикащиковой дочкѣ
Ко Степановой Настасьѣ.
Дома ль, дома ль, Настенька, Настя?
Настасьюшки въ домѣ нѣту....
Настасья пиво варила,
Зелено вино курила.
Къ себѣ гостей зазывала,
Всѣхъ по лавкамъ разсажала,
Всѣхъ по лавкамъ, по скамейкамъ,
По дубовымъ дощечкамъ;
Супротивъ его Настасью
На дубовую дощечку.
Зелено вино курила,
Она гостямъ подносила.
Настасья скоро скакала,
Полуштофикъ въ руки брала,
Рюмку водки наливала,
Ко Ванюшѣ подносила:

«Ты испей, испей, Ванюша,
Испей, миленькій дружочекъ,
Будто сахарный кусочекъ!»—
—«Я не пью, не пью, Настасья!
На насъ выпало несчастье—
Государево солдатство!»
Взяли Ванюшку, подхватили,
Въ новы сани посадили,
Ко пріему привозили,
На фатеру становили;
Фатерушки становыя.
Хозяюшки молодыя
Парной баенки стопили,
Трои щелочки варили,
Съ камфарой мыло купили,
Ваню на-бѣло умыли,
Въ палату приводили,
Подъ мѣру становили.

Олонецкая губернія Студитскій, стр. 77 («круговая»). Нѣкоторые стихи повторяются.

59.

Бравая Настасья
Бѣлилася, румянилася,
Черны брови наводила,
На улицу выходила,
Къ себѣ гостей зазывала.
По лавочкамъ разсажала;
Сама сѣла на скамейку,
Заиграла во жалейку,
Супроти дружка Ивана.
Стаканъ меду наливала,

Подносила, голосила:
«Выпей, выпей, дружокъ Ваня!»—
—«Я не пью, не пью, Настасья!
Надо мной горе-несчастье!»
Ой, малыя ребята
Посадили Ваню въ сани,
Повезли Ваню катати
Черезъ Питеръ городочекъ;
Поставили во станочекъ.
Закричали: лопай мыло!
Его матушка завыла.
Она выла, голосила,
Полотенчика просила:
«Ой, дайте полотенце
Ванѣ съ горя утереться!
Ой, дайте алляное—
Его лицо румяное!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 85 («хороводная»).

60.

Настя по саду ходила,
Хмѣлю яраго щипала,
Брагу пьяную варила,
Въ погребахъ долго томила.
Настя гостей зазывала,
Всѣхъ по лавочкамъ сажала;
Сама сѣла на скамейкѣ
Супротивъ души Ванюши.
Стаканъ меду наливала
И Ванюшѣ подносила:
«Выпей, выкушай, Ванюша!»—

—«Я не пью, не пью, Настасья:
На меня вышло несчастье,
Несчастьице не большое:
Хочутъ Ванюшку поймати,
Рѣзвы ноженьки сковати,
Во солдатушки отдати!»
Ваню въ мѣру становили,
Ваня въ мѣрѣ не годился;
Вышелъ Ваня, поклонился.

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 548.

61.

Мимо тыну-огорода
По тропинѣ шелъ дѣтина.
Онъ въ шубѣ, не въ кафтанѣ,
Въ тонкомъ бѣломъ балахонѣ.
До деревни доходилъ онъ,
До деревни, до селенья.
Спросилъ: «дома ли хозяинъ?»
Хозяина дома нѣтъ,
Хозяюшки не случилось,
Една Анна залучилась.
За ворота выходила,
Пива ведро выносила,
Вина штофъ выставляла,
Своему милу подавала:
«Ну-ка, миленькій, искушай,
Ну-ка, миленькій, изо всей!
Съ тобой, миленькій, попляшемъ,
Бѣлымъ рученькамъ помажемъ,
Рѣзвымъ ноженькамъ попляшемъ,
Головушкой покачаемъ!»

Рѣзвы ноженьки не пляшутъ,
Бѣлы рученьки не мажутъ,
Головушка не качаетъ....

Вятскій уѣздъ. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ стр. 357 («плясовая»).

62.

Зародила Ваню мать
На все горе, на печаль,
Чужихъ людей докучать.
Надокучилъ Ваня, надоѣлъ,
Ваня родненькимъ своимъ.
Истрепалъ Ваня сапожки,
Ко Дуняшѣ ходючи;
Изодралъ Ваня сюртукъ,
По заборамъ лазючи,
По заборамъ, по плетнямъ,
По дѣвичьимъ по клѣтямъ;
Истеръ Ваня перчатки,
За колышки держучи;
Сгноилъ Ваня картузикъ,
Подъ капелями стоючи.
Капелюшки капали,—
По немъ дѣвки плакали,
Молодушки рыдали,
Старушеньки ругали,
За что Ванюшку поймали.
Больно на-крѣпко связали,
Въ новы сани посадили,
Къ заставѣ подвозили,
Въ ново стуло посадили,

Русы кудри подобрили,
Во пучечки вязали,
Ко Дуняшѣ отсылали.

Якушкинъ, стр. 635.

63.

Пройди, денекъ, поскорѣе!
Наступай, ночь, потемнѣе!
Приди, милый, поскорѣе!
У насъ дома нездорово—
Поголовное солдатство.
Я солдатства не боюся,
Выду на міръ, поклонюся:
«Господа, міръ православный,
Вы помилуйте дѣтину,
Иванушку сиротину!»
Міръ Ванюшу не милуетъ.
Запрягайте коней пару,
Коней пару вороныихъ,
Новы сани волотыя!
Посадили Ваню въ сани,
Повезли Ваню къ Рязани,
Ко Рязанскою заставѣ.
Привели Ваню въ пріемну,
Становили Ваню въ мѣру,
Закричали: лобъ на мѣру!
Подай мыло, подай бритву,
Подай бѣло полотенце,
Съ горя Ванѣ утереться,
Съ отцемъ-матерью проститься!...

Шелъ Ванюшенька горою,
Шелъ высокою, крутою,

Несъ гусли подъ полою.
Вы заиграйте, гусли-мысли,
Распотѣшьте душу Машу!
Ты не плачь, душа Машурка,
Не рони слезы напрасно!
Слезы ронишь—лицо портишь,
Свою красоту!

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 67 («обыденная»).

64.

Охъ ты, воля, моя воля,
Охъ ты, воля дорогая,
Раскрасотка молодая,
Раскрасила парню кудри,
Раскрасила бѣло-русы,
Раскрасила парню кудри,
Раскрасила свѣтло-русы,
Свѣтло-русы, бѣло-русы!
По плечамъ кудри лежали,
Словно жаръ кудри горѣли,
Словно огонь кудри пылали....
А кто не былъ на прилукѣ,
Завязали назадъ руки
И сковали скоры ноги.
Посадили Ваню въ сани,
Повезли Ваню въ городочекъ,
Ставили Ваню въ станочекъ,
Забрили бѣлъ лобочекъ.
Закричали-завопили:
Подай стулья, подай брусья,
Подай мыло, подай бритвы!

Ванѣ кудри собривали,
Во платокъ кудри вязали,
Родной матушкѣ отсылали.
Родна матушка пріймала,
Горячи слезы роняла,
Рукописное писемцо отсылала.

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 168.
Каждый стихъ повторяется.

65.

Изъ-за лѣсику-лѣсочку,
Изъ-за сыраго борочку
Загорался огонечекъ.
Зарождался паренечекъ.
Хорошъ мальчикъ изродился,
Во солдатушки сгодился.
«Я солдатства не боюся:
Кажной деньгой откуплюся!»
Кажна деньга не помога:
Молодцу идти дорога.
Та бродяжка не велика....
«Охъ вы, братья мои, братья,
Запрягайте коней пару
Вороную,
Третью лошадь соловую!»
Посадили Ваню въ сани,
Повезли Ваню во городъ;
Привезли его во городъ;
Посадили Ваню въ стулья;
Стали Ваню забривати.
Повалили съ плечъ кудерца,
Покатились изъ глазъ слезы.

*

«Охъ ты, мати моя, мати,
Подойди, мати, поближе,
Подбери мои кудерца,
Отошли же ко любезной!
Гдѣ моя-то любезная?
Она жила бъ, не тужила,
Изъ глазъ слезы не ронила!»

Вятскій уѣздъ. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ, стр. 380.

66.

Хорошъ мальчикъ уродился,
Во солдаты жить годился,
Въ молодые рекруточки.
Я рекрутства не боюся:
Были бы деньги,—откуплюся!
Нынче деньги не подмога:
Знать, мнѣ, молодцу, дорога,
Разудалому, путь широкій!
Ужъ вы, братцы мои, братцы,
Всѣ три брателка родные!
Запрягайте пару коней,
Пару коней вороныхъ,
Во карету голубую;
Вы везите прямо въ городъ,
Прямо въ городъ Верхотурье!
Въ Верхотурьѣ есть пріемна,
Во пріемной—присутствіе,
Во присутствіи стоятъ стулья,
А на стульяхъ сидятъ судьи,
Сидятъ судьи мировые,
Держатъ книги дѣловыя....

Пермская губернія. Шишонко, стр. 258.

67.

Отдаютъ Өедьку въ солдаты,
Не за деньги, не за плату.
Поймали на лужку,
Ручки-ножки сковали,
Въ ямски избы отправляли,
За дубовый столъ садили,
Чаемъ-кофеемъ поили.
Какъ оружья забренчали,
Командиры закричали:
«Ставьте Өедора подъ мѣру,
Ему брейте волоса!»
Өедоръ плачетъ и рыдаетъ,
Свои волосы сбираетъ,
Съ кораблями отправляетъ,
Отцу-матери на горе,
Молодцамъ на похвальбу,
Краснымъ дѣвкамъ на печаль.

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 66 («вечериночная»).

68.

Не кукушечка во сыромъ бору
Скуковала, скуковала,
Не въ высокъ теремъ разкукушечка
Вѣстку подавала, вѣстку подавала,—
То родная матушка
Слезно спричитала:
«Что хорошъ, что пригожъ, мое дитятко,
Хорошъ уродился,
Что хорошъ уродился,
Да несчастливо снарядился!»—

—«Моя матушка, не плачь, не крушись,
Что во солдаты годился:
Золотой казной, размальчишка,
Казною откуплюся,
Зеленымъ виномъ, размальчишка,
Виномъ отопьюся!»—
—«Золота-то казна, мое дитятко,
Казна не въ помогу;
Зелено-то вино, мое дитятко,
Вино не въ пособу!»
Снаряжали добра молодца
Во Иркутскій городъ;
Подводили добру молодцу
Все мірски подводы;
Посадили добра молодца
На мірски подводы;
Повезли добра молодца
Во Иркутскій городъ.
«Мимо любушки своей, голубушки,
Лихо прокачуся!»
Что ведутъ добра молодца
Во каменны палаты;
Что становили добра молодца
Подъ солдатску мѣру;
Что садятъ добра молодца
На кленовый стульчикъ.
Что брейте его, добра молодца,
Брейте, не жалѣйте!
Что брили его, добра молодца,
Брили, не жалѣли.
«Соберу-ка я свои кудерцы
Въ итальянскій платъ;
Отошлю-ка я свои кудерцы
Къ матушкѣ родной!»

Сибирь. Иркутскія Губернскія Вѣдомости 1866 года, № 8.

69.

Ахъ, не кокушечка во сыромъ бору куковала,
Не соловушко въ зеленомъ саду громко свищетъ;
Добрый молодецъ во неволюшкѣ слезно плачетъ:
«Никогда-то на меня, на молодца, такой тоски не бывало;
Какъ сегодняшный-етъ денечекъ грусть-тоска меня обуяла.
Какъ, знать, быть-то мнѣ, доброму молодцу, во неволѣ,
Какъ во той-ли-то во неволюшкѣ—во солдатахъ;
Какъ служить - то мнѣ, доброму молодцу, службу государеву;
Какъ стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ....
Что никто-то по молодцѣ не потужитъ;
Только тужитъ по мнѣ, по молодцѣ, батюшка родимый;
Государыня моя матушка слезно плачетъ;
Молодая-то жена по мнѣ, по молодцѣ, не помянетъ.»

Пѣсенникъ 1803 года, стр. 134.

70.

Не кукушечка во сыромъ бору куковала,
Не соловушка въ зеленомъ саду громко свищетъ;
Добрый молодецъ, во неволюшкѣ сидя, плачетъ,
Обливается горючими слезами.
Какъ берутъ меня, добраго молодца, въ неволю,
Ужъ какъ вяжутъ добру молодцу бѣлы руки,
Что куютъ-куютъ добру молодцу скоры ноги,
Везутъ-везутъ добра молодца во городъ,
Отдаютъ тамъ добраго молодца въ царску службу,

Что во ту ли царску службу—во солдаты.
Ужъ никто-то по мнѣ, молодцѣ, не тужитъ;
Только тужитъ одна матушка родная.
Молодая ли жена проклинаетъ,
Красны дѣвушки про молодца вспоминаютъ,
Весь родъ-племя меня, молодца, провожаютъ:
«Послужи тамъ, добрый молодецъ, вѣрой-правдой,
Положи за насъ свою буйну головку!»

Пѣсенникъ 1810 года, стр. 124.

71.

Не кукушечка во сыромъ бору куковала,
Не соловушко въ зеленомъ саду громко свищетъ;
Добрый молодецъ, во неволюшкѣ сидя, плачетъ,
Обливается добрый молодецъ горючими слезами.
Какъ берутъ меня, добра молодца, во неволю,
Ужъ какъ вяжутъ мнѣ, добру молодцу, бѣлы руки,
Что куютъ-куютъ добру молодцу скоры ноги,
Что везутъ-везутъ добра молодца, везутъ въ городъ,
Отдаютъ меня, добра молодца, въ царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую—во солдаты.
Ужъ никто по мнѣ, добромъ молодцѣ, не потужитъ;
Только тужитъ лишь одна матушка, мать родная.
Молода жена добра молодца проклинаетъ,
Красны дѣвушки про молодчика вспоминаютъ,
Родъ и племя все меня, молодца, провожаютъ:
«Послужи-ка ты, добрый молодецъ, вѣрой-правдой,
Положи за насъ свою буйную ты головку!»

Кашинъ, книга I, № 8 («протяжная»).—Вильбоа, № 64 (безъ послѣднихъ двухъ стиховъ). Послѣдніе четыре слога каждаго стиха повторяются.

72.

Не кукушечка, братцы, во сыромъ бору куковала,
Не соловьюшко, братцы, въ зеленомъ саду громко-
звонко свищетъ;
Добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно-горько пла-
четъ:
«Никогда жъ въ меня, раздобраго молодца, тоски-
горя не бывало:
А вотъ нонѣшній день-то, вотъ денечекъ тоска-горе
обуяло.
Что куютъ - то, куютъ меня, раздобраго молодца,
куютъ во желѣза;
Что везутъ, везутъ меня, разудалаго, везутъ во сол-
даты.
Что никто-то, никто по мнѣ, добромъ молодцѣ, не
тужитъ, не плачетъ;
Что поплакала по мнѣ, порыдала, ахъ, матушка родная;
А еще по мнѣ, по завдалому, красная дѣвица.»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 555.
Почти тожественная пѣсня: Лопатинъ и Прокунинъ, № 91.

73.

Растоскуйся ты, моя, ты, моя сударушка, по мнѣ
возгорюйся!
Ужъ я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я
встосковался!
Нападаютъ-то на меня, меня, сиротинушку, ахъ, да
лихи люди;
Что хотятъ-то ли, хотятъ меня, сиротинушку, отдать
во солдаты,

Что куютъ-то ли, куютъ меня, сиротинушку, меня
во желѣза;
Что везутъ-то, везутъ меня, сиротинушку, меня ко
пріему.
Всѣ пріемщики на меня, меня, сиротинушку, они
вздивовались:
«Ужъ и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты
уродился?»—
—Породила-то меня, меня, сиротинушку, ахъ, да
родна матушка;
Воспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, право-
славный міръ;
Возлелѣяла меня, меня, сиротинушку, ахъ, да Волга
матушка;
Воскачала-то ли меня, меня, сиротинушку, ахъ, да
легка лодочка!

Москва. Якушкинъ, стр. 553.—Вильбоа, № 16.—Лопатинъ и Прокунинъ, № 93. Очень сходная пѣсня: Филипповъ, № 23.

74.

Что куютъ-то ли, куютъ, куютъ ножки рѣзвыя,
Что вяжутъ, вяжутъ ручки бѣлыя,
При компаньицѣ вяжутъ, вяжутъ при бесѣдушкѣ....
Мнѣ не жаль-то, молодцу, ножекъ рѣзвыхъ;
Мнѣ не жалко, молодцу, ручекъ бѣлыихъ;
Только жалко, молодцу, мнѣ бесѣдушки;
Во-другихъ-то мнѣ-ка жаль старичка батюшка;
Во-вторыхъ-то мнѣ жаль старушки матушки;
Потошнѣе мнѣ-ка жаль сестрицъ лебедушекъ;
Мнѣ еще, мнѣ-ка жаль братцевъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ.
Что давайте молодцу пару вороныхъ коней;

Во-другихъ мнѣ-ка, братцы, дубовыхъ саней!
Повезли-ка въ городъ Петрозаводскій.
Разтошнѣется мое ретиво сердце.
Оставались у меня малы дѣтушки;
Оставалась у меня женка молодая.
Что молодая жена наживетъ мужа,
Наживетъ мужа, мужа самолучшаго.
Малы дѣтушки, они, дѣти, горевать пойдутъ,
Горевать пойдутъ, они сиротать станутъ....
Потошнѣе мнѣ-ка жаль милой подруженьки....

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 38 («продольная»).

75.

Молодость молодецкая,
Молодецкая, безотецкая,
Не запомню я, когда ты прошла,
Прошла ты, прокатилась!
Пора-времячко скоро миновалось—
За единъ часъ показалось,
За единъ часъ, за минуточку.
Свѣтлы праздничкн будетъ мнѣ не хаживати,
Цвѣтнаго платьица не нашивати!
Все прошло мое, прокатилося
Не въ гульбахъ да въ прохладахъ,—
Во работушкахъ тяжелыхъ,
Въ чужихъ людяхъ добрыхъ.
Ужъ вы, други мои, пріятели,
Вы, сусѣдушки мои порядовые,
Пособите мнѣ-ка думу думати,
Думу думати да мысли мыслити:
Мнѣ женитися, или холосту гулять,
Холосту гулять да не женатому?...

Мнѣ женитьба-то палась не по счастію,
Молода жена палась не по разуму,
Малы дѣточки не по надобью....
Отдаютъ да добра молодца во неволюшку,
Во неволюшку—да службу царскую,
Службу царскую да государскую;
Остается да молода жена.

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 61 («на уличная»).

76.

Мать ты наша, матушка,
Вѣсточка нерадостна,
Вѣсточка нерадостна—
На весну солдатчинка.
Отводили молодцовъ
Отъ матушекъ, отъ отцовъ.
Какъ женатыихъ ведутъ,—
Сзади жоночки бѣгутъ.
Холостыихъ-то ведутъ,—
Сзади матери бѣгутъ.
Какъ наемщиковъ ведутъ,—
Сзади любушки бѣгутъ.
Насъ и вяжутъ, насъ и бьютъ,
Во солдатушки ведутъ.
Во пріемъ насъ приводили,
Во станочки становили.
Какъ цырульничекъ идетъ,
Бритву, ножницы несетъ.
Еще хлопнули ножнямъ
Надъ русыимъ надъ кудрямъ.
Погодите, братцы, стричь:
Дайте любушкѣ взойтить!

Еще любушка взойдетъ,—
Волосъ къ волосу сберетъ,
Во шкатулку уберетъ,
Горючимъ слезамъ ульетъ,
Сама заплачетъ, вонъ пойдетъ!
Закричали Яшѣ: лобъ!
Ѳенюшка оземь хлопъ.

Новгородская губернія. Студитскій, стр. 9. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Воля наша вольная, гульба безпокойпая: на весну солдатчинка.

77.

Чортъ возьми, какая скука,
Безпрестанно хоша плачь!
Во солдаты везутъ насъ.
Въ городъ Вологду привозятъ,
Прямо къ Гусеву на дворъ.
Тамъ намъ ужина готова
И ведерная съ виномъ:
Прогуляемъ ночку всю
До утряной до зари.
Какъ на утряной зарѣ
Во пріемную ведутъ.
Становили насъ на кругъ,
Начинали брить насъ тутъ.
Какъ забрякали ножнямъ
По Ванюшинымъ кудрямъ.
Погодите, не стригите,
Дайте батюшку придти!
Родной батюшко придетъ,—
На колѣни упадетъ,
Русы кудри подберетъ,
Во платочекъ завернетъ,

Родной матушкѣ снесетъ.
Родимая мать возьметъ,
Къ ретиву сердцу прижметъ,
Горькимъ слезамъ обольетъ.

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 58.

78.

Я несчастный уродился:
Не съ кѣмъ жеребій метать,
Не съ кѣмъ горя горевать!
Нѣту маменьки родной,
Я не вижу предъ собой.
Пойду, схожу на кладбище,
Побужу родную мать:
Ты вставай, родная мать,
Со мной горе горевать,
Во солдатушки сбирать!
Ужъ ты, тятенька родной,
Сядь на лавочку со мной!
Я не пахарь полевой,
Не косецъ я луговой,
Не рачитель домовой,
Я—солдатикъ рядовой!

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 57. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: «Воля, воля вольная, служба безпокойная».

79.

Ты пеки, пеки, красно солнышко,
Ты свѣти, свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты со частыми со звѣздами,

Ты со свѣтлою со луною,
Чтобы намъ, старикамъ ворамъ-міроѣдамъ,
Чтобы видно было на кабакъ идти,
На̀ кабакъ идти да дума думати:
У богатаго взять,—не отдати;
У бѣднаго взять,—дакъ разворити!
Есть за рѣченькою, за рѣкою,
У вдовушки у старушки
Одинъ-одинакій сынъ Иванушко;
Намъ того отдать да во солдаты:
Онъ хорошъ-пригожъ да уродился,
Онъ дѣвушкамъ да прилюбился,
Онъ всему міру да пригодился.

Архангельская губернія. Рыбниковъ, часть III, стр. 160.

80.

Меня мать родила—
Во солдаты ладила;
Меня батюшка крещалъ—
Во солдаты обѣщалъ;
Говорилъ же братъ родной:
Не ходи пьяный домой!
Милый пьяный напился,
Черезчуръ натрескался,
Черезчуръ натрескался,
Во солдаты продался.
Не охотою продался,—
Первый жеребій попался.
Онъ кутитъ и мутитъ;
Гдѣ бы милаго женить?
Вотъ женили милаго
Во пріемной на кругу.

Ставятъ Ванюшку на кругъ,—
Не хватаетъ верховъ двухъ.
Дали сторонь подъ бока,—
Натянули верха два.
Какъ остригли у милаго
Русые волоса,
Русые волоса,
Вся обрита борода,—
Руки, ноги опустились,
Какъ шелкова плетка;
Тѣло бѣло помертвѣло,
Какъ земля багряна;
Очи ясны приглядѣлись,
Какъ стекло багряно.
Что же старшіе солдаты?
Стали въ трубочки трубить,
Въ барабаны стали бить,
Въ барабаны стали бить.
Прочь отъ родичей пошли.
Прощай, мать, прощай, отецъ,
Прощай, любезная моя,
Прощай, любезная моя!
Не видать больше меня!
Насъ поставятъ на конецъ,
Да и гонятъ, какъ овецъ,
Кого въ Питеръ, кого въ Польшу,
Меня, молодца, въ Москву.
Завивай горе-тоску!

Вологодскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 25 («посидѣлочная»).

81.

Двадцать пятаго числа
Изъ правленья вѣсть пришла:
Записали въ некрута,

Не спросилися отца;
Отъ родимой матушки
Повезли въ солдатушки.
Какъ кудряваго забрѣютъ,
Мнѣ въ умѣ не устоять,
Старшинѣ пойду пенять:
Старшина, ты, старшина,
Разсуди наши дѣла:
Не тѣхъ забрилъ въ некрута!
Что въ Софроновскомъ правленьѣ
Нѣтъ разсудку ничего:
Старшина судитъ за деньги,
Писарь пишетъ за вино;
Забрили милаго моего!

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 54.

82.

У отца было, у матери три сына любимыхъ.
Отецъ съ матерью всю ночь не спятъ,
Всю ночь не спятъ, за столомъ сидятъ,
За столомъ сидятъ, думу думаютъ:
«Намъ котораго сына въ солдаты отдать?
Большаго-то отдать,—дѣтей много;
Средняго отдать,—жена хороша,
Жена хороша, больно услужлива.
Ужъ отдать ли, нѣтъ ли сына малаго,
Сына малаго, не женатаго.»
А меньшой-етъ сынъ расплакался,
Отцу съ матерью разжаловался:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Или я вамъ не тотъ же сынъ?

Или я вамъ не кормилецъ былъ?»—
—«Ужъ вы, дѣти мои милыя!
Ужъ вы всѣ-то мнѣ милехоньки,
Милехоньки и больнехоньки!
Вы возьмите-ка по ножичку,
Ужъ вы срѣжьте-ка по прутику;
Сами сдѣлайте по жеребью
И метните-ка по жеребью,
Что которому достанется!»
Доставалося большому брату.
Большой братъ расплакался,
Передъ батюшкой съ матушкой стоючи:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя матушка!
Не покиньте мою молоду жену,
Молодую жену, малыхъ дѣтушекъ!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 189.

83.

Не ясенъ-то ли соколичекъ пролетывалъ,
Не душа ли добрый молодецъ прогуливалъ,
Про солдатчину все выспрашивалъ:
«Велика ли, не мала будетъ солдатчина?»
Что не со ста душъ, не съ пятидесятъ,—
Съ двадцати пяти надо рекрута,
Надо рекрута, парня хорошаго!

Было въ городѣ, славной Вологдѣ,
У купца было, купца у богатаго,
Были три сына, всѣ на возрастѣ.
Отецъ съ матерью ночи не спали,
Ночи не спали, думу думали:
«Намъ котораго сына во солдатушки отдать?

У большаго-то сына дѣти малыя;
У втораго-то сына жена умная,
Жена умная, роду почетнаго.
Намъ отдать было, отдать сына меньшаго.»
Что меньшой-то сынъ порасплакался,
На отца съ матушкой поразгнѣвался.

Вологодскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 25 («посидѣлочная»)

84.

Не ясенъ ли соколикъ полетывалъ,
Не душа ли добрый молодецъ погуливалъ,
Про солдатчину милой выспрашивалъ:
«Велика ли нонче будетъ солдатчина?»
Что не со ста душъ, не съ пятидесяти,—
Съ двадцати было пяти надобно
Некрута, парня хорошаго!

Было въ городѣ, въ нашей Вологдѣ,
У купца было, купца богатаго,
Были три сына, всѣ на возрастѣ,
Всѣ на возрастѣ, всѣ споженены.
Отецъ съ матерью ночи не спали,
Думу думали, рѣчь говорили:
«Котораго отдать сына во солдатушки?
Намъ большаго-то отдать—дитя милое;
Намъ меньшаго-то отдать—порасплачется!»...
Вы пойдемте, братовья, во зеленый садъ гулять;
Ужъ мы срубимъ, братовья, всѣ по разнымъ же-
ребьямъ!
Ужъ какъ первый братъ срубилъ себѣ калиновый;
Какъ второй-етъ братъ срубилъ себѣ малиновый;
Какъ Иванушка срубилъ горько-осиновый.

*

Мы пойдемте, братовья, на Дунай рѣку гулять;
Ужъ мы бросимъ, братовья, свои разны жеребья!
Какъ большой-етъ братъ бросилъ,—онъ ко бережку приплылъ;
Какъ второй-етъ братъ бросилъ, — на ту сторону поплылъ;
Какъ Иванушка бросилъ,—посередь моря поплылъ,
Видно, Иванова бѣда, и записали въ некрута.

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 53.

85.

Ты, таланъ ли мой, таланъ худой,
Ужъ ты, участь моя горькая!
На роду ты мнѣ, участь, досталася,
Что отъ молодости вплоть до старости,
До сѣдаго бѣла волоса!
Ты, таланъ ли мой, таланъ худой,
Ужъ ты, участь моя горькая!

У отца были, у матери,
Были три сына любимые,
Что любимые, родимые.
Какъ изъ трехъ изъ нихъ въ солдаты хотятъ брать.
Доставалось брату большему.
Тутъ и большій братъ возговорилъ:
«Ужъ ты, батюшка родимый мой,
Аль тебѣ я не такой же сынъ,
Не такой же сынъ-кормилецъ былъ?»—
—«Охъ вы, дѣти мои, дѣтушки,
Для меня вы всѣ равнешеньки,
Всѣ равнешеньки, милешеньки!
Вы подите въ нову горенку,

Вы откройте домовой сундукъ,
Вы возьмите-ка по ножичку,
Что по ножичку булатному;
Вы идите во темны лѣса,
Во темны лѣса дремучіе.
Тамъ вы вырѣжьте по прутику
И вы сдѣлайте по жеребью;
Бросьте жребій между трехъ братьевъ,
Да кому изъ васъ достанется!»
Доставалось брату меньшему....
«Ты, дитя ль мое, родимый сынъ!
Разставайся съ молодой женой,
Съ молодой женой, съ малы дѣтками,
Съ малы дѣтками, малолѣтками!»

Оренбургская губернія, Верхнеуральскій уѣздъ. Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1860 года, № 26.

86.

Выѣзжаетъ молодой маіоръ,
Молодой маіоръ-полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ-ребятушекъ.

У отца было три сына,
Три сына хорошіе;
Большаго сына жаль отдать,
Средняго не хочется;
Отдамъ я сына меньшаго,
Сына меньшаго Иванушку!
Меньшій сынъ расплакался:
«Государь нашъ батюшка!
Или я вамъ былъ не родный сынъ?
Или я вамъ былъ пасынокъ?»—

—«Да вы, дѣти мои милыя,
Вы возьмите-тка по палочкѣ,
Да вы бросьте-тка по жеребью:
Да кому изъ васъ достанется?»
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 549.

87.

Въ мужика было богатаго,
Да и три сына были хорошіе.
Вотъ и вышло на нихъ несчастьице—
Да невольщина-некрутчина!
Да и старшаго сына жаль отдать,
А середняго не хочется;
Что идти ль, не идти сыну меньшему.
Какъ и меньшій сынъ расплачется:
«Охъ, и я ли вамъ не родный сынъ?»
Какъ возговоритъ-то и батюшка:
«Ахъ, и дѣти мои вы родныя,
Ахъ, идите-тка во зеленый садъ,
Да вы срѣжьте по жеребію,
Ну вы бросьте-тка жеребій!»
Какъ досталось сыну старшему.
Старшій сынъ пригорюнился,
Молода жена его расплакалася,
Малы дѣти разрыдалися.
Какъ возговоритъ да и меньшій сынъ:
«Да не плачьте жъ вы, да и родные:
Я иду за васъ охотою.»

Якушкинъ, стр 555.

88.

Намъ родители писали,
Чтобъ мы ѣхали домой.
Насъ три братца собралося,
На почтовый дворъ зашли,
Взяли троечку лихую;
Съ нами кучеръ молодой.
Молодой кучеръ Ванюша
Держалъ тройку всю въ возжахъ.
Эта тройка бѣжитъ бойко
Съ намъ, несчастнымъ сѣдокамъ.
Пріѣзжаемъ близко къ дому,
Залились горькимъ слезамъ.
Мы входимъ во избушку:
За-мертвую мать лежитъ;
Наши жонки молодыя
Всѣ по лавочкамъ сидятъ;
Нашъ отецъ-то, старикъ старый,
На лежаночкѣ лежитъ,
На лежаночкѣ лежитъ,
Во слезахъ рѣчь говоритъ:
«Ужъ вы, дѣти ль мои, дѣти,
Однокровны сыновья,
Вы вставайте утромъ рано,
Вынимайте жеребья!»
Доставалося меньшому
Во рекрутскій во наборъ.
«Прощай, городъ и столица,
Прощай, родина моя,
Прощай, мать-отецъ родные,
Прощай, жонка молода!»

Новгородская губернія. Студитскій, стр. 8.

89.

Изъ-подъ лѣсу, изъ-за лѣсу темнаго,
Изъ-подъ садику-садику зеленаго,
Тамъ лежала шляхъ-дороженька.
Никто по ней, никто по ней все не хаживалъ.
Тутъ шелъ-прошелъ казакъ бравый, молодой;
Онъ несъ-пронесъ листъ бумаги подъ рукой,
Написанный, намалеванный.
Про трехъ братьевъ въ немъ пояснено,
Кому чередъ въ Туретчину идти:
Или старшему, или младшему, иль середнему.
Пришлось идти, идти Ванѣ малому.
Какъ старшій братъ откупается,
А средній отмогается;
А Ванюшка въ походъ убирается,
Передъ столомъ стоитъ, одѣвается,
Горючой слезой умывается,
Съ отцомъ, съ матерью прощается.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 268.

90.

По-за лѣсомъ-лѣсомъ темненькимъ,
По-за садикомъ зелененькимъ
Пролегаетъ шляхтъ-дороженька,
Широкая, пріубитая.
По той дороженькѣ, по широкой, пріубитой,
Тамъ прошелъ новобранцевъ наборъ;
Впереди былъ офицеръ молодой.
Онъ на конѣ выхиляется,
Да въ письмо все заглядается.

Что въ письмѣ томъ да написано,
Написано, намалевано?
Ой, написано, намалевано,
Изъ трехъ братьевъ найменовано,
Что старшему не приходится;
Среднiй братъ откупается;
Самый меньшой собирается,
Съ отцемъ-матерью прощается:
«Прощай, родный ты мой батюшка
И родная моя матушка!
Понесу я мою головушку
Въ чужую сторонушку!
Знать, не жалѣли сына меньшаго,
Что въ рекрутики отдали!»

Егоровъ, Сборникъ избранныхъ пѣсенъ для солдатскаго хороваго пѣнiя, Екатеринославъ, 1893 г., стр. 76. Первые четыре—пять слоговъ каждаго двустишiя повторяются.

91.

Какъ за рѣчкою да за быстрою
Живутъ мужики все богатые,
Все богатые, тороватые;
У нихъ дѣвицы—все красавицы,
Все красавицы, горожаночки.
Собрались онѣ въ лѣсъ по ягоды,
Что по малину и смородину.
Ягодъ не набрали, молодца поймали,
Молодца поймали, рученьки вязали,
Рученьки вязали, ноженьки ковали.
Одна дѣвица прослезилася,
Прослезившися, она молвила:
«Ахъ, подруженьки, вы, голубушки!
Не вяжите-тка и не куйте-тка

Добра молодца, друга милаго,
Друга милаго, мнѣ любезнаго!
Не отдайте-тка во солдатушки!»

Пѣсенникъ 1791 года, часть I, стр. 71. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Шилды-булды-начики-чикалды-шивалды-балды-бухъ-бухъ-бухъ.

92.

Не шумите-ка вы, ахъ, да вѣтры буйные,
Не бушуйте вы, ахъ, да лѣса темные,
Ты не плачь, не плачь, душа красна-дѣвица!—
—Не сама-то я плачу, плачутъ очи ясныя,
По неволюшкѣ изъ глазъ слезы катятся,
По неволюшкѣ да все по миломъ дружкѣ,
Что везутъ-то ль, отдаютъ дружка во солдатушки,
Въ молодые ли его, ахъ, да во некрутики!
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошохонько,
Провожу ль я, провожу дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владимира,
Я до матушки ль его-его каменной Москвы.
Середи-то ли Москвы да мы становилися,
Со милымъ ли со дружкомъ да мы распрощалися.
Господа-то ли, купцы на насъ дивовалися:
Ужъ и кто же это съ кѣмъ, кто съ кѣмъ распро-
щается?
Или мужъ со женой, или это братъ съ сестрой?
Добрый молодецъ съ душой красной дѣвицей!

Москва. Якушкинъ, стр. 553. Почти тожественная пѣсня: Вильбоа, № 15; Филипповъ, № 22.

93.

Коровать ты моя, короватушка!
Запустѣла коровать безъ мила дружка,
Безъ мила-то дружка, безъ сердечнаго.
Ну куда жъ ты, мой другъ, собираешься,
Во новые сапоги обуваешься,
Во зеленъ ты кафтанъ одѣваешься,
Ну со мной, со молодой, не прощаешься?....
Провожу жъ я дружка черезъ три поля,
Черезъ три-то поля-поля чистыя,
Черезъ три-то моря-моря синія.
Какъ и вся-то Москва вздивовалася:
Ну да кто жъ тамъ въ саду распрощается?
Или мужъ-то съ женой, или братъ съ сестрой?
Или молодецъ ли съ красной дѣвушкой?

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 623.

94.

Во деревнѣ злой народъ живетъ,
Злой народъ безсовѣстный,
Не даютъ-то съ дружкомъ въ любви пожить,
Въ любви пожить, живота нажить,
Кроватку купить, кровать новую тесовую,
Перину пуховую, одѣялышко черно соболиное,
Занавѣсочки модно-ситцевыя.
Запустѣла моя кроватушка
Безъ удаленькой головушки—
Безъ дородна добра молодца,
Безъ надеженьки дружка милаго.

За три годика сердце слышало,
За недѣльку все спровѣдало,
За три денечка все сказало мнѣ:
Отдаютъ-то дружка во солдатушки,
Во солдатушки новобранные....
Хорошо дружка снарядили,
Далеко его спроводили—
Что за три поля широкія,
Что за три моря глубокія.
Среди матушки каменной Москвы
Что не братъ съ сестрой распрощаются,
Что не мужъ съ женой разстаются,—
Разстается красна дѣвица
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ.

Архангельская губернія. Ефименко, стр. 97.

95.

Не сивой голубь по горамъ леталъ,
Тяжело вздыхалъ;
Тяжелѣй того дѣвка плакала
По своемъ дружку по Иванушкѣ.
У Иванушки на головушкѣ,
На головушкѣ вились кудрюшки....
Далеко я шла провожать дружка—
Далѣй Питера, далѣй города,
Далѣй матушки каменной Москвы.
Середи Москвы разставалися.
Съ стороны люди дивовалися:
Ужъ и чей такой разстается?
Либо мужъ съ женой, либо братъ съ сестрой,
Либо прежній другъ съ полюбовницей,
Съ красной дѣвицей съ рукодѣльницей?

Рязанская губернія, Скопинскій уѣздъ. Будде, № 18 («плясовая»).

96.

Вотъ сизой орелъ по горамъ леталъ,
По горамъ, по доламъ, тяжело вздыхалъ
Тяжелѣй того дѣвка плакала,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,—
По миломъ дружкѣ по Иванушкѣ.
У Иванушки вились кудрюшки,
Они вилися, развѣвалися,
Въ три ряда, въ три ряда заплеталися,
Во четвертый рядъ по плечамъ висятъ.
Далеко я шла провожать дружка—
Дальше города дальше Новаго.
Посередъ Москвы разставалися.
И всѣ люди дивовалися:
Да и кто такой разстается съ кѣмъ?
Либо братъ съ сестрой, либо мужъ съ женой?
Либо первый другъ съ полюбовницей?

Какъ и по мосту-мосту по калиновому,
По другому по сухому перелетывалъ,
Тамъ и шелъ-прошелъ молодой почтарь,
Молодой почтарь, голубой кафтанъ,
Голубой съ галуной, весь изорванный худой;
Полы машутся, раздуваются;
Миткалевая рубашечка бѣлѣется.
Бѣла, бѣла, мнѣ сударушка дала,
Мнѣ дала, дала, мнѣ пожаловала.
«Милъ, носи, носи, носи, а другую не проси!»

Рязанская губернія, Касимовскій уѣздъ. Прокунинъ, № 31 («уличная»).

97.

Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ
Выростало древо.
Это древо не плохое—бѣленька береза;
Она изтонка высока, листьицемъ широка,
Пруточкомъ частая, корочкой бѣлая.
На березѣ бѣлой той сидѣлъ соловейко.
Ужъ онъ жалко распѣваетъ,
А меня ли, красну дѣвку, печаль разбираетъ.
Разбираетъ печаль-горе: милый во неволѣ,
Во такой большой неволѣ—въ рекрутскомъ наборѣ.
Познавалась я съ любезнымъ ровно три часочка;
Разставалась со любезнымъ ровно три годочка.
Познаванье было тайно, разставанье—явно....
Провожу дружка милаго въ городъ ли въ Даниловъ,
До заставушки Московской, до воротъ Трухмальныхъ.
У воротъ съ дружкомъ разстались, слезми обливались;
На насъ люди дивовались: что это за парка?
Мужъ ли то съ женой, али братъ съ сестрой?...
Нѣтъ, не мужъ то со женою и не братъ съ сестрою,—
Молодецъ то удалой съ дѣвкой дорогой!

На прощанье другъ наказывалъ,
Честью-лестью уговаривалъ:
«Посмирнѣе ты живи,
Себя, лапка, береги!»
Я наказу не послушала
И любовь съ дружкомъ порушила....
Я съ другимъ пошла гулять,

Нова дружка цѣловать!
Во гуляньицѣ покаялась,
Горючми слезми наплакалась,
Со новымъ дружкомъ гуляючи,
Стара друга вспоминаючи:
Видно прежній другъ лучше новыхъ двухъ!

Славянская, часть III, № 6 («бесѣдная»).

98.

Время снѣжкамъ припадать....
Полно, милый, тужить-горевать!
Лучше съѣздить домой побывать,
Черноброву свою повидать!
Чернобровой моей дома нѣтъ.
Во бесѣдѣ она сидѣла,
Прибезчестила своего дружка—
Съ дружка волосы сняла,
Съ кудрей черныхъ шляпу сорвала,
Во солдаты дружка отдала.
Послѣ плакать по немъ начала.
Вдоль по Питеру гулять пошла,
На почтовый дворъ зашла,
Ямскихъ тройку наняла,
Сто сигнацій за нихъ отдала,
Въ погоню за нимъ погнала,
Впередъ голосъ подала:
Воротись-ка, мой милый, назадъ!
Завтра праздничекъ у насъ,
Большой праздникъ, большой, годовой,
У насъ праздникъ большой, годовой;
Воротись-ка, мой милый, домой!—
—«Гуляй, Шашенька моя!

Теперь воля, Шаша, не моя,
Воля бѣлаго царя,
Что Лександра Николаича!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій стр. 13. («обыденная»).

99.

Полно, бѣленькій снѣжочекъ,
На талой землѣ лежать!
Время, бѣленькій снѣжочекъ,
Время таять-пропадать,
Во долинушки стекать
И сыру землю питать!
Полно, миленькій дружочекъ,
По сторонкѣ жалковать;
Лучше въ гости побывать!
Соберусь я, снаряжуся,
Вдоль по улицѣ пройду,
Нову пѣсню пропою
Про любезну про свою:
«Ты, любезная моя,
Что я слышалъ про тебя:
Слышь, поругиваешь меня?»—
—«Да неправда жъ, милъ, твоя,
Не ругала я тебя,
Не бранила я тебя,—
Только шляпушку сняла,
За русы кудри брала,
Во пріемъ я повела,
Во солдаты отдала.»

Астраханская губернія, Черноярскій уѣздъ. Астраханскій Справочный Листокъ 1876 года, № 11.

100.

Прощай, Томскій и Тобольскій,
Краснуфимскій городокъ!
Всѣ сударушки, прощайте!
Намъ тепере не до васъ,
Намъ тепере не до васъ,
Намъ приходитъ горькій часъ:
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдаты, во рекруты, во чисто поле гулять!

Въ чистомъ полѣ, при долинѣ берева стоитъ.
Изъ-подъ бѣлою только березы
Быстра рѣчка протекла.
Течетъ рѣчка, течетъ быстра
Мать широкая Уфа.
Какъ по этой ли по рѣчкѣ
Легка лодочка плыветъ;
Какъ во той ли легкой лодкѣ
Все казаченьки сидятъ,
Все казаченьки сидятъ,
Про разлуку говорятъ:
Ты разлука, злая скука,
Чужа дальна сторона!
Чужа дальна сторона
Разлучила-развела
Съ отцомъ-матерью меня!
Отца-матери лишился,
Отъѣзжаю на Илекъ.
На Илинской на Защитѣ
Нѣтъ ни ягодъ, ни цвѣтовъ,
Нѣтъ ни ягодъ, ни цвѣтовъ,
Одна травка ковылокъ.
Ужъ и полно намъ, ребята,

Полно горе горевать!
Ужъ мы станемте, ребята,
Станемъ пашеньку пахать,
Мы арбузы разсѣвать,
Слезми горьками поливать,
Въ Ерусланѣ продавать!

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 75 («проголосная»). Многіе стихи повторяются.

101.

Я вечоръ своего милаго
Провожала далеко,
Провожала-вывожала,
Слезно плакала по немъ....

Прощай, Томска и Тобольска,
Кандравинскій городокъ!
Прощай, Шаши, души наши,
Намъ топере не до васъ,
Нашъ приходитъ горькій часъ:
Во солдаты везутъ насъ!

Изъ-подъ бѣлою березы
Быстра рѣченька бѣжитъ.
Какъ по этой быстрой рѣчкѣ
Съ верху лодочка бѣжитъ.
Какъ на этой легкой лодкѣ
Добры молодцы сидятъ,
Про разлуку говорятъ:
Ужъ ты скука, зла разлука,
Чужа дальна сторона!
Разлучила-развела
Съ отцомъ, съ матерью меня,

Съ родомъ-племенемъ на вѣкъ!
Отправляться на Илеть!
На Илети нѣтъ ни ягодъ, ни цвѣтовъ,
Растетъ травка ковылекъ.
Мы и будемъ тамъ стоять,
Черну пашеньку пахать,
Арбузиковъ насѣвать,
Въ Казань городъ отсылать,
Много денегъ наживать!

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 25 («обыденная»).

102.

Прощай, прощай, вишневка!
Прощай, Шадринъ городокъ!
Вы прощайте, наши любезны,
Поминайте насъ, робятъ,
Поминайте, не забывайте,—
Мы опять будемъ сюда!
Ужъ мы будемъ, не забудемъ,
Васъ, любезныхъ, надвѣстимъ;
Надвѣщавши васъ, любезныхъ,
Эту пѣсенку споемъ.

Я вечоръ дружка милаго
Провожала далеко;
Провожала я милаго,
Воздохнула тяжело;
Тяжелешенько вздохнула,
Слезно плакала по немъ....
Не знала, куда придти...
Темнымъ лѣсомъ проходила,
Мнѣ казался алый цвѣтъ;

Не шелкова въ полѣ травка
Застилаетъ за мной слѣдъ,—
Застилаетъ-заплетаетъ
Полынь горькая трава.
Что изъ-за лѣсу, горъ высокихъ
Подымалась туча-громъ,
Подъ частымъ мелкимъ дождемъ.
Что со этого дождечку
Быстра рѣчка протекла.
Течетъ рѣчушка Казанка;
На водѣ лежитъ струя.
Что по той-то быстрой рѣчкѣ
Легка лодочка плыветъ;
Что во этой легкой лодкѣ
Два молодчика сидятъ,
Про разлуку говорятъ:
Скука ты, разлука,
Чужа дальна сторона!
Чужа дальная сторонка
Разлучила-развела
Съ отцомъ, съ матерью меня!

Пермская губернія, Шадринскій уѣздъ. Пермскій Сборникъ, книжка 1, стр. 114.

103.

Собирайтесь-ка, братцы-ребятушки,
На квартирушку на мою,
Сокладайтесь-ка, братцы-ребятушки,
На полштофчика на вино!
Какъ у насъ, удалыхъ,
На косушечку не достаетъ....
Одинъ мальчикъ вышилъ вина шкальчикъ,

Самъ ко дѣвушкамъ гулять пошелъ,
Къ хороводу мальчикъ подошелъ:
«Прощай, дѣвки, прощай, бабы,
Намъ теперь не надо васъ:
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдаты, во рекрутство,
Подъ невольное житье,
Подъ тяжелое ружье!»

Нижегородская губернія, Княгининскій уѣздъ. Балакиревъ, № 18 («протяжная»).

104.

Пошелъ мальчикъ, онъ пріубрался,
Во новый кабачекъ зашелъ;
Налилъ мальчикъ, онъ выпилъ шкальчикъ,
Веселешенько мальчикъ пошелъ.
Съ горя пѣсенку мальчикъ запѣлъ:
«Прощай, дѣвки, вы прощай, бабы,
Мнѣ тепереча, мнѣ не до васъ!
Съ горя ноженьки мои не ходятъ,
На свѣтъ глазки мои не глядятъ:
Назначаютъ намъ, братцы, ребятамъ,
Солдатушкамъ, братцы, въ походъ!»

Калужская губернія. Мельгуновъ, выпускъ II, № 10 б.

105.

Прощай, дѣвки, прощай, бабы,
Намъ тепереча пришло не до васъ,
Намъ тепереча пришло не до васъ:
Во солдаты везутъ насъ,

Во солдатики насъ, во некрутики,
Во невольное насъ во житье,
Во невольное насъ во житье,
Подъ тяжелое насъ подъ ружье!
Съ горя ноженьки у насъ не ходятъ,
Со слезъ глазки на свѣтъ не глядятъ....
Соберемся мы, братцы-товарищи,
Вдоль по улицѣ, братцы, пройдемъ,
Вдоль по улицѣ, братцы, пройдемъ,
Во питейный домъ съ горя зайдемъ!

Калужская губернія. Мельгуновъ, выпускъ II, № 10 а.

106.

Сидитъ Ваня на диванѣ,
Онъ послѣдню чарку пьетъ;
Видитъ донышко въ стаканѣ,
Сказалъ: «милая, прощай!
Прощай, дѣвки, прощай, бабы,
Прощай, стары старики,
Прощай, старыя старухи,
Пожилые мужики!»

Какъ въ Усольѣ во трактирѣ
Много денегъ прокутилъ.
Прокутимши, промотавши
Сотъ я восемь серебромъ,
Остается у мальчишки,
Остается рублей сто.
Я на эти на сто рублей
Найму тройку лошадей.
Ты бѣжи-ка, моя тройка,
Вдоль по дорожкѣ трактовой!

На тракту село большое,
На углу новый кабакъ.
Какъ во этомъ кабачишкѣ
Цѣловальничекъ знакомъ,
Цѣловальничекъ знакомый,
Онъ изъ нашихъ изъ ребятъ—
Изъ Покчинскихъ изъ бродягъ.
Если хочешь, мальчикъ, выпить,
Возьми водки полуштофъ;
Если хочешь закусити,
Возьми рыбный пирожекъ!
Если хочешь прокататься,
Возьми тройку лошадей;
Если хочешь прогуляться,
Возьми Сашеньку съ собой!

Пермская губернія, Чердынскій уѣздъ. Поповъ, стр. 246.

107.

Тамъ построили, тамъ кабакъ
Не про дѣвокъ, не про бабъ,
Про холостыхъ-то про робятъ.
Пришелъ мальчикъ, выпилъ шкальчикъ,
Веселешенекъ пошелъ.
Прощай, дѣвки, прощай, бабы,
Намъ теперича не до васъ:
Во солдатушки берутъ насъ!
Наши ноженьки да не ходятъ,
На свѣтъ глазушки да не глядятъ....

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
«Вы пойдемте-ка, дѣвушки, съ нами,

Съ нами, добрыми молодцами,
Не далече—до Казани!
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно;
У насъ денежекъ предовольно;
У насъ домики пребогаты—
Бѣлокаменныя стоятъ палаты;
Межъ домами-то течетъ рѣчка,
Течетъ рѣченька медовая,
По ней струечка золотая.»
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ;
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
«Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
На солдатскія на обманки:
У солдатушекъ домы—горы,
Домы—горы каменисты;
Межъ домами-то течетъ рѣчка,
Течетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка да слезяная.»

Архангельская губернія, Кола. Якушкинъ, стр. 545.

108.

Вы прощайте, мать-отецъ родные,
Простите сына своего!
Ты прощай, любезная сестрица!
Прощайте, братья и друзья!
Ты прощай, душа красна дѣвица!
Ты прощай, родная сторона!

Ужъ я сяду на коня, пущуся,
Слезою горькою зальюсь.
Да Богъ знаетъ, когда возвращуся,
Назадъ стрѣлою прилечу....
Мнѣ чужая семья не покорна,
Не отецъ, не мать и не жена;
Мнѣ чужая матушка не скажетъ:
«Возьми, сыночекъ, съѣшь калачъ!»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Прокунинъ, № 17.
Кромѣ перваго и послѣдняго, каждое двустишіе повторяется.

109.

Какъ и шли-прошли солдаты молодые;
Да за ними идутъ матушки родныя,
Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ....
. . . .
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
«Охъ вы, матушки родныя, да родныя!
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 550.

110.

За славною рѣкою за Москвою,
За высокими горами Воробьевы,
Пролегала тутъ широкая дорожка.
Широкимъ-то она, дороженька, не широка,
А пробоемъ-то она, дороженька, не пробойна.
Ужъ по той ли по дорожкѣ по широкой

Еще шли-прошли солдаты новобраны.
Идучи, они, солдаты, сами плачутъ,
Въ слезахъ они дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ:
«Что гораздо мы передъ Богомъ согрѣшили,
Государя мы царя распрогнѣвили,
Ужъ какъ отдалъ насъ не русскому началу,
Что не русскому начальнику,—нѣмчину;
Онъ бьетъ-губитъ солдатушекъ напрасно!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 143.

111.

Вдоль по Питерской, по Московской по дороженькѣ,
Шли-прошли солдаты молодые;
А за ими-то идутъ мамоньки родныя.
Сколь вамъ, мамоньки, ни гнаться,—разставаться!
Всю Рассеюшку за нами и не пройдешь,
Сыру землю всю слезами не намочишь!
Не смочить сыру землю слезами,—
Буде смочитъ, не смочитъ частый дождикъ!
Наполнялось сине морюшко слезами и ручеями....
Изъ моречка два строечка вылетаютъ,
Изъ-подъ камешку погода подуваетъ....
Не ясенъ соколъ по воздуху летаетъ,
Молодой некрутъ съ квартиры соѣзжаетъ.
Не отецъ его, не мати провожаютъ,
Провожаютъ-уважаютъ добры люди,
Добры люди—все сусѣди,
Сусѣдушки молодушки, красны дѣвки....

Вятская губернія, Орловскій уѣздъ. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ, стр. 381.

112.

Тутъ шли-прошли ребята молодыя;
А за ними идутъ матушки родныя.
Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ,
Во рыданіи словечка не промолвятъ.
Оглянутся ребята молодыя:
«Вы не плачьте, наши матушки родныя,
Не топите сыру землю слезами!»

Молодой маіоръ съ квартиры съѣзжаетъ.
Какъ никто-то маіора, его не провожаетъ;
Провожала-то его одна красная дѣвушка;
Она плакала по маіорику, рыдала,
Во слезахъ словечушко сказала:
«Если бы я была, младенька,—лебеденька,
Возвилася бы я, младенька, полетѣла,
Всѣ казачьи походы облетѣла,
Къ молодому бы маіорику прилетѣла....»
Молодой маіоръ въ палатушкѣ гуляетъ,
Музыканты въ музыку играютъ,
Молодаго маіорика утѣшаютъ.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ VII, стр. 79.

113.

Что со вечера добрый молодецъ женился,
Со полуночи во солдаты да записался,
По утру, ранному свѣту его въ строй спрошали.
Добрый молодецъ со постелечки не вставаетъ,
Со зголовьица буйныя головы не приздымаетъ.
Въ головахъ ли стоятъ отецъ-мати родные,

Сопротивъ сердца—голубушка сестрица,
Во рѣзвыхъ ли ногахъ—душа жена молодая.
Что проговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Отойдите вы прочь, отецъ-мати родные!
Отодвинься ты прочь, голубушка сестрица!
Ты придвинься ко мнѣ, душа жена молодая!
Ты сходи, сходи единымъ часомъ въ чистое поле,
Поймай мнѣ яснаго сокола на полетѣ,
Ты утѣшь меня, добраго молодца, на отъѣздѣ!»
Что отвѣтъ ли держитъ душа жена молодая:
«Не сходить мнѣ единымъ часомъ въ чистое поле,
Не утѣшить мнѣ добраго молодца на отъѣздѣ!»

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 118. Каждый стихъ повторяется.

114.

Какъ во саду-саду, зеленомъ садочку,
Ходила-гуляла красная дѣвица,
Щипала-ломала съ винограда листья,
Кидала-бросала во ракитовый кустикъ.
Въ этомъ кусточку соловьюшекъ свищетъ,
Поетъ-воспѣваетъ, дѣвокъ восхваляетъ....
Казаченьки други, государевы слуги,
Въ походъ убирались, съ дѣвками прощались:
«Прощайте вы, дѣвочки, прощайте, болѣзочки!
Мы васъ не вабудемъ, гулять съ вами будемъ!»—
—«Иде жъ тому статься, чтобъ съ нами видаться?
Иде жъ тому сбыться, назадъ воротиться?»
Какъ нонѣче куры поютъ кочетами,
Тепереча жены старши надъ мужьями:
Сѣкутъ батожьями—своими боками....

Донская область. Савельевъ, стр. 167

115.

Еще нѣтъ-то у насъ въ синемъ морѣ, нѣтъ такой бусочки,
Еще нѣтъ-то у насъ въ синемъ морѣ такого кораб-личка,
Который бы корабль безъ мачты построенъ,
Безъ бѣлаго безъ тонкаго паруса;
Безъ якоря безъ булатнаго корабль не становится.
Нѣтъ у насъ въ чистомъ полѣ такой травушки,
Которая бы безъ вѣтру шаталась;
Нѣтъ такой въ полѣ травушки,
Чтобы безъ цвѣтовъ росла, она безъ лазоревыхъ.
Нѣтъ у насъ на свѣтѣ бѣломъ такой родной матушки,
Чтобы она, родимая матушка, по сыну не плакала,
Не лила бы слезъ она во сырую землю.
Сырая земля отъ слезъ загоралася—
Родимая матушка по сыну плакала....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ VII, стр. 96.

116.

Собирайтесь-ка, братцы-ребятушки, на зеленый лугъ,
Становитесь-ка, да ребятушки, во единый кругъ,
Запѣвайте-тка, братцы-ребятушки, пѣсню новую,
Мы которую, братцы-ребятушки, мы вечоръ пѣли,
Что на соколѣ на черномъ кораблѣ,
Мы пѣсенки воспѣвали, братцы, горе мыкали;
Спотѣшали мы, братцы-ребятушки, мы полковничка.
Что молоденькій нашъ полковничекъ не былъ на си-немъ морѣ;

Не видѣлъ-то нашъ полковничекъ страсти-ужасти,
Нашъ полковничекъ пальбы пушечной....
Еще есть-ли-то на синемъ морѣ такова лодья:
Лодья по морю да ходила бы, не шаталася;
Что безъ якоря ладья стояла бы, безъ руля плыла?
Еще есть-ли-то во чистомъ полѣ такова трава:
Что безъ корешка трава выросла, безъ цвѣтовъ цвѣла?
Еще есть-ли-то на семъ свѣтѣ таковая мать:
Отпущала бы своего сына во службу государеву,
Отпустила бы, слезми и не плакала?....
Еще большая сестра братцу коня подвела;
Что середняя сестра коня сѣдлала;
Еще меньшая сестра братцу плетку подала,
Поклонъ воздала.
У стременъ-то стоитъ бѣдна горюшица молода жена,
На рукахъ-то держитъ бѣдна горюшица младенчика ровно трехъ недѣль.
«Ты когда-то, моя надеженька, ты домой придешь?»—
—«Ты смотри-тка, гляди, молода жена, на сине море:
Что повыстанетъ бѣлъ горючъ камень,
Что повыростетъ на камышкѣ частъ ракитовъ кустъ,
Прилетитъ на кустышекъ соловьюшко,
Ужъ онъ совьетъ ли на кустышкѣ тепло гнѣздышко,
Онъ повыведетъ, да соловьюшко, малыхъ дѣтушекъ;—
Я тогда, бѣдна горюшица, я домой приду.»
Еще матушка, она плакала до гробной доски;
Моя сестра, она плакала, она до замужья;
Молодая жена, она плакала до мила дружка.
Еще матушка, она плачетъ какъ кокушица кокуетъ;
Какъ сестра плачетъ—какъ роса-то на травѣ;
Молода жена, она плакала—какъ ручей бѣжитъ.

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 40 («продольная»).

117.

Какъ я былъ-то, молодецъ, былъ малехонекъ,
Былъ малехонекъ, былъ глупехонекъ,
Какъ тогда-то молодца отецъ-мать любилъ,
Отецъ мать любилъ, на рукахъ носилъ,
На рукахъ носилъ, хорошо водилъ.
Какъ и сталъ-то, молодецъ, я на воврастѣ,
Сталъ на возрастѣ, на своихъ ногахъ,
Сталъ конемъ владать, изъ ружья стрѣлять,—
Записали молодца во службу дальнюю,
Во службу дальнюю, государеву.
Какъ никто-то молодца провожать нейдетъ;
Провожала его родная матушка,
Провожала, ублажала, слезно плакала:
«Ужъ ты, сынъ ли мой, сынъ возлюбленный!
Когда-то ты, сынъ, домой будешь?» —
—«Какъ есть у моего роднаго батюшки садъ,
Какъ есть у него садъ зелененькій,
Какъ во томъ-то саду стоитъ яблонька,
Во той-то яблоньки суха маковка;
Когда она разцвѣтать будетъ,
Вотъ тогда-то я домой буду!»—

Донская область. Савельевъ, стр. 148.

118.

Калина съ малиной не во время разцвѣли;
О ту пору-времячко мати сына родила;
Вспоила-вскормила до семнадцати годовъ;
Мать сына во солдаты отдала.
«Построй, построй, маменька, легкое суденышко,

Легкое суденышко, золотое донышко,
Мачтовы деревца, шелковы паруса!»...
Выйду я на горочку, посмотрю на рѣченьку,
Посмотрю на рѣченьку, погляжу на быструю:
«Дитя мое, дитятко, воротись, дитя, назадъ!»—
—«Родимая маменька, воротиться мнѣ нельзя:
Легонько суденышко супротивъ воды нейдетъ,
Шелковые паруса противъ вѣтра не берутъ!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 55 («наулично»).

119.

Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
Во селѣ было во Купелюшкѣ,
Всѣ квартирушки порасписаны,
Въ нихъ солдатушки поразставлены,
Все солдатушки полку Тульскаго,
Полку Тульскаго мушкатерскаго.
Какъ охочи были солдатушки
По ночамъ гулять съ краснымъ дѣвушкамъ,
Съ краснымъ дѣвушкамъ со верейскими,
Со молодками деревенскими.
Вдругъ несчастьице учинилося:
Приказъ съ вечера въ полку отданъ былъ,
Приказъ отданъ былъ, походъ сказанъ всѣмъ.
Во полночь они ружья чистили,
Со бѣлымъ свѣтомъ во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, по ружью держатъ,
На четыре ряда разсчитаны.
Капитанъ стоялъ передъ ротою,
А майоръ сидѣлъ на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ посреди полку.

Капитанъ сказалъ: «на плеча ружья!»
А майоръ вскричалъ: «по ремнямъ спущай,
По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
Всѣ солдаты тутъ призадумались,
Призадумавшись, слово молвили:
«Ахъ вы, братцы, други-пріятели!
Легко было съ дѣвкамъ свыкатися,
Тяжело теперь разлучатися!»

Изъ-за лѣсу ли, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ ли, да горъ высокіихъ,
Не ясно солнце выкаталося,
Не грозна туча поднималася,
Выходила тутъ русска армія,
Русска армія императорска,
Изъ того ль села изъ Купелюшки,
На сраженіе непріятелей,
Непріятелей царя бѣлаго.
А одинъ тутъ былъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ,
Въ рукахъ онъ несъ знамя царское,
Знамя царское, всероссійское.
Онъ не пьянъ идетъ, а шатается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцомъ-матерью онъ прощается,
Съ родомъ-племенемъ разстается,
Самъ слезами онъ обливается;
Съ молодой женой не прощается:
Что отъ ней пошелъ во неволюшку,
Во неволюшку—службу царскую,
Во всегдашнюю во заботушку.

Пѣсенникъ 1791 года, часть I, стр. 99.

120.

Какъ во городѣ, какъ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Тутъ фатерушки порасписаны,
Тутъ солдатушки поразставлены,
Все солдатушки одного полку,
Одного полку, полку Тульскаго,
Полку Тульскаго, роты первой.
Какъ со вечера нашимъ робятушкамъ
Указъ созданъ во походъ идти.
Съ полуночи ружья чистили,
Ко бѣлой зарѣ во строю стоятъ,
По ружью держатъ.
Капитанъ стоитъ передъ ротою,
А майоръ стоитъ посреди полку.
Младъ полковничекъ во чистомъ полѣ
Поразъѣзживаетъ,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцомъ-матерью распрощается,
Эхъ, съ молодой женой не прощается.
«Молода жена, пагуба моя,
Погубила ты мою головушку!
Отъ жены ушелъ во солдатушки!»

Изъ за лѣсу-то было, лѣсику,
Изъ за лѣсу-то было темнаго,
Катилося знамя царское,
Знамя царское, турка лютая!
Во походъ пошли, ногой топнули,
Ногой топнули, ружья звякнули,
Дѣвки всплакнули!....

Владимирская губернія. Труды Владимирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, выпускъ IX, стр. 162.

121.

Ты, дорога моя, дорога широкая,
Ужъ никто-то по тебѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Тутъ шли-прошли три полка солдатъ:
Ужъ и первый полкъ—все охотнички;
А другой-то полкъ—малы школьнички;
Ужъ и третій полкъ—все невольнички.
Какъ охотнички пѣсню гаркнули;
Малы школьнички—въ барабаны грянули;
А невольнички—громко всплакнули.
Середи полка знамена несутъ;
Подъ знаменами молодой солдатъ.
Онъ не пьянъ-то идетъ, самъ качается,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Съ отцемъ, съ матерью онъ прощается;
Съ молодой-то женой не прощается,
Не прощается, все ругается:
«Отъ тебя-то, жена, я въ солдаты пошелъ,
Отъ твоего ли, жена, полюбовника!»

Якушкинъ, стр. 554.

122.

Какъ у Ванюшки голова болитъ,
Голова болитъ, худо можется,
У сердечушки платкомъ связана,
Не простымъ платкомъ—гродетуровымъ.
Звали Ванюшку за рѣку гулять,
За рѣку гулять, на ту сторону,
Возлѣ крѣпости каменной Москвы.

*

Какъ тутъ шли-прошли три полка солдатъ,
Три полка солдатъ гренадерскіе,
Гренадерскіе, все армейскіе.
Напередъ идутъ все охотнички;
Послѣ нихъ идутъ все невольнички.
Какъ возговорятъ тѣ невольнички,
Свою сторону вспоминаючи:
«Сторона ль наша, ты, сторонушка,
Сторона ль наша, ты, родимая,
Не дала ты намъ нагулятися,
Съ отцомъ, съ матерью повидатися,
Съ молодой женой, съ дѣтьми малыми,
Съ родомъ-племенемъ распрощатися!»

Кашинъ, книга I, № 31 («протяжная»).

123.

Какъ у Ванюшки голова болитъ,
У мила дружка платкомъ связана,
Левантиновымъ перевязана.
Звали Ванюшку за рѣку гулять,
За рѣку гулять, на ту сторону,
На ту сторону, мимо города,
Мимо города мимо Кіева.

Ужъ какъ шли-прошли три полка солдатъ.
Впереди идетъ самъ полковничекъ;
А за нимъ ведутъ коня сиваго,
Коня сиваго, бѣлогриваго;
Позади идетъ молодой майоръ,
Онъ не пьянъ идетъ, все шатается,
Вострой сабелькой подпирается,
На всѣ стороны поклоняется,

Съ отцомъ, съ матерью самъ прощается:
«Ты прости, прости, родна сторона!
Прости, душечка молода жена,
Молода жена съ малымъ дѣтушкамъ!»

Бернардъ, стр. 61.

124.

У Иванушки голова-голова болитъ,
Да у хорошаго шалью связана—
Не простой-то шалью—да мусленетовой;
Алой ленточкой перевязана,
Алой ленточкой двухъ-аршинной
И съ-половинной и трехъ-съ-полтинной....
Звали Ванюшку красныя дѣвушки
За рѣку въ гости, на ту сторонку—
Въ каменну Москву.
Въ каменной Москвѣ три полка солдатъ,
Да три шириночки...

Пермская губернія. Шишонко, стр. 251.

125.

Какъ со вечера кочета поютъ;
Со полуночи дружка куютъ,
Куютъ дружка во желѣзушки,
Везутъ дружка во солдатушки,
Во молоденьки некрутики....

Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Мимо ельничку-березничку,

Мимо частаго орѣшничку,
Пролегала тутъ дороженька,
Дороженька не широкая,
Не широкая, не торная,
Не торная, не набойная.
Да никто по ней не хаживалъ,
Никто слѣду не прокладывалъ.
Только шли-прошли извощички,
Извощички не тяжелые,
Не тяжелы, нагруженные,
Съ солдатскою аммуниціей.
Напередъ идутъ охотнички,
Позади идутъ невольнички.
Охотнички пѣсни взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
«Сторона ль наша, сторонушка,
Ты, знамая и знакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
На слободушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка—красна дѣвушка!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 196.

126.

Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садика зеленаго,
Пролегала тамъ дороженька
Широка, торна, пробойная.
По той ли по дорогѣ,
Тамъ и ѣхалъ молодой майоръ,
Молодой майоръ со полковничкомъ.
Позади идутъ три невольничка,

Три невольничка невольные.
Они идутъ, выхваляются,
Выхваляютъ чужую сторонушку:
«На чужой дальней сторонушкѣ
Жемчугомъ поле усѣяно,
А сытою поле вливано,
А таФтою поле вкрывано.»
Услышалъ молодой майоръ,
Молодой майоръ со полковничкомъ.
«Не хвалитеся, невольнички!
Не хвалите чужу сторону!
На чужой дальней сторонушкѣ
Головами поле усѣяно,
А рудою поле вливано,
Тѣлесами поле вкрывано!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 35 («протяжная»).

127.

Середи Москвы на площади
Собирался полкъ—казачій кругъ;
Во томъ во кругу стоитъ добра лошадь;
На томъ на коню лежитъ ковано сѣдло;
На томъ на сѣдлѣ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, офицерскій сынъ.
Онъ и такъ плачетъ—что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцемъ-матерью прощается:
«Прощай, батюшка, прощай, матушка!
Прощай, душечка молода жена,
Прощай, дѣтки малыя, мои дѣтушки!
Прощай, братцы-товарищи!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 545.

128.

Ужъ ты, Волга рѣка, Волга матушка,
Широко ты, Волга, разливалася,
Затопила ты, Волга, всѣ боры, долы....
Что плыветъ-то по Волгѣ, плыветъ легка лодочка.
На кормѣ-то сидитъ-сидитъ сынъ полковничекъ;
Онъ сидитъ-сидитъ, самъ качается,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Съ отцемъ, съ матерью онъ прощается:
«Ты прости-прощай, отецъ съ матерью!
Мнѣ не жаль, не жаль отца съ матерью,
Ахъ, мнѣ жаль-то, жаль молодой жены,
Молодой жены, милыхъ дѣтушекъ!»

Тверская губернія, Зубцовъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, № 5.

129.

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цвѣты, братцы, развѣвалися,
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія царя бѣлаго,
Идучи, братцы, въ землю Прусскую,
На чужу дальну сторонушку,
На чужу дальну незнакомую;
Раздувалися знамена бѣлыя.
Напередъ идутъ новокорпусны,
Всереди везутъ артиллерію,
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница кирасирская.

Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
Веселы идутъ, принапудрены;
Что одинъ изъ нихъ невеселъ идетъ,
Невеселъ идетъ, призадумавшись.
Что за нимъ идетъ красна дѣвица;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.
Ужъ какъ взговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не слези лица румянаго,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то вѣдь тебѣ тошно,—
И мнѣ, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу дальну незнакомую,
Что на службу я государеву.»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 140.

130.

Какъ на славномъ то было на Кругломъ озерѣ,
Плавали тамъ гусюшки сѣрые;
Поплававши гуси сѣрые, они скоготалися,
Скоготавшися гуси сѣрые, они встрепенулися,
Встрепенувшися гуси сѣрые, они высоко поднялися.
А одинъ-то гусакъ остается, свою сѣрую гусочку дожидается.
Какъ всѣ-то полки казачіи съ Дону повыходили,
А одинъ-то казачекъ остается,
Остается казачекъ съ отцемъ, съ матерью:
«Ты прости-прощай, батюшка съ матушкой!
Ты прости-прощай, молода жена съ малыми дѣтками!

Ты прости-прощай, славный тихій Донъ!
Ты прости-прощай, Господній храмъ!
Не увидать намъ теперь родныхъ своихъ,
Не бывать-то намъ на тихомъ Дону,
Не слыхать-то намъ звону колокольнаго!»....

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 86.

131.

Былъ одинъ-то, одинъ у отца, у матери,
Все одинъ-единый сынъ.
Какъ его-то берутъ, разудалаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу его, разудалаго,
Берутъ государеву.
Какъ со вечера добру молодцу,
Ему приказъ отданъ былъ;
Съ полуночи-то, душа добрый молодецъ,
Онъ собираться сталъ;
На бѣлой-то зарѣ, душа добрый молодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора съѣзжать.
Провожаютъ его, разудалаго,
Его всѣ—отецъ и мать;
Провожаютъ его, еще разудалаго,
Его весь и родъ и племень.
Позади идетъ его горюшенька,
Его молода жена.
Молодецъ-то жену уговаривалъ:
«Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая!
Впереди-то у насъ все огни горятъ,

Огни горятъ неугасные.»—
—«Ужъ ты, миленькій сердечный другъ,
Не уговаривай меня, не обманывай!
Это горитъ-то и пылаетъ
У тебя, молодца, ретиво сердце.»—
—«Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая!
Позади-то у насъ вода полая.»—
—«Ужъ ты, миленькій сердечный другъ,
Не удерживай меня, не обманывай!
Это изъ твоихъ очей молодецкіихъ
Слезы катятся, какъ рѣка льются!»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, 1888 года, стр. 124. Почти тожественная пѣсня: Мякушинъ, стр. 197.

132.

Какъ одинъ-то, одинъ у отца, у матери,
Все одинъ-единый сынъ.
Какъ его-то берутъ, разудаленькаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу берутъ его, разудаленькаго,
Берутъ государеву.
Какъ со вечера ему, доброму молодцу,
Ему приказъ отданъ былъ;
Съ полу-то ночи душа добрый молодецъ,
А онъ собираться сталъ;
На бѣлой-етъ зарѣ душа добрый молодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора съѣзжать.
Провожаютъ его-его, разудалаго,
Его всѣ—отецъ и мать;

Провожаетъ его-его, разудалаго,
Его молода жена;
Провожаютъ еще его, разудалаго,
Его весь и родъ и племень.

Уральская область. Небольсинъ, Уральцы. Спб. 1855 года, стр. 124.

133.

Вы не дуйте-ка только, не бушуйте, сильные
Мои вѣтерочки,
Не носите-ка на мою подворинку
Снѣгу бѣлаго!
Ужъ и такъ-то моя широкая подворинка
Запустѣла;
Заростаетъ-то она, моя широкая подворинка,
Травушкой она, муравушкой,
Цвѣточками все лазоревыми....

Не ясенъ-то соколъ, онъ со тепла гнѣзда, соколъ,
Рано солетаетъ,—
Добрый молодецъ со широка-то ли со двора
Рано соѣзжаетъ.
Какъ никто-то его, вотъ добра его молодца,
Никто не проводитъ:
Ни батюшка, ни родная его матушка,
Ни родъ его, племень.
Провожала-то его, вотъ добраго молодца,
Красная дѣвица,
Провожала за широкія ворота,
За два повода, вотъ за два она шелковые
Коня-то держала....

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 121.

134.

Не бушуйте-ткась, вѣтры буйные, со чиста поля,
Не мечите снѣгу буйнаго на мое подворье!
Не травонькой, не муравонькой мой садъ заростаетъ,
Не зелеными лапушочками зелень застилаетъ....

Не ясенъ-то соколъ со тепла гнѣзда солетаетъ,—
Со фатерушки добрый молодецъ долой съѣзжаетъ.
Никто-то, никто добра молодца не спровожаетъ,
Ни отецъ-то, ни матушка, ни родна сестра;
Спровожаетъ его красная дѣвица, сама слезно плачетъ,
Сама слезно плачетъ. Разговаривалъ ей добрый молодецъ:
«Ты не плачь, не тужи, красна дѣвица, объ моемъ несчастьѣ!
Со здоровьицемъ наживешь иного любезнаго!
Если лучше наживешь,—такъ позабудешь;
Если хуже наживешь,—такъ воспомянешь,
Воспомянешь, слезно заплачешь!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 56 («наулична»).

135.

Не отъ вѣтра синее море сколыбалось,
Не отъ вехоря темные лѣсы приклонялись,
Не отъ искры, братцы, сырой дубъ загорался,
Загоралося соловьиное теплое гнѣздо....

Не младъ соловей со теплаго гнѣзда слетаетъ,
Добрый молодецъ со квартирушки съѣзжаетъ.

Не отецъ-мати добраго молодца спровожали,
Спровожала его душа красна дѣвица.
По новымъ ли сѣнямъ идетъ,—сама слезно плачетъ;
Со крылечушка спущается,—возрыдаетъ;
За воротечка спровожаетъ,—сама прощалась.

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 137. Каждый стихъ повторяется.

136.

Ты, долина ли, ты ль, моя долинушка,
Долина ль ты моя широкая!
Ничего ты, моя долинушка, не породила;
Породила ты, моя долинушка, одну бѣлую березоньку....
Какъ на этой на березонькѣ гнѣздо было соколиное;
Разореное было это тепло гнѣздышко, оно понапрасну!

Солетаилъ соколъ ясный со того тепла гнѣздышка;
Распрощаился молодой казакъ со квартирушкой.
Ужъ онъ плакалъ и съѣзжалъ, таки рѣчи говорилъ:
«Я стоялъ на тебѣ, ты, моя квартирушка, ровно три годочка;
Показалися мнѣ эти три годочка ровно за три за часочка!»
Со всѣми-то онъ распростился, удалой казаченька,
Съ одной душой красной дѣвицей не простился,
Назадъ взворотился....

Уральская область. Мякушинъ, стр. 185.

137.

Ты не пой, соловей молоденькій, не пой, соловейко!
Не пой-ка, не боли у моей разлапушки, ретиво сердечко!
Безъ того-то ли мое во мнѣ сердечушко все изныло,
Почернѣло-то мое во мнѣ сердечушко чернѣй черной грязи....

Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда рано солетаетъ,—
Молодой-то казакъ со квартирушки долой соѣзжаетъ.
Соѣхавши добрый молодецъ, самъ слезно заплакалъ;
Во слезахъ своихъ добрый молодецъ словечко промолвилъ:
«Ты, квартира ли моя, любезна моя стоянка!
Я стоялъ на тебѣ, моя квартирушка, три годочка;
Показалося мнѣ, доброму молодцу, за три денечка!
На квартирушкѣ былъ самъ хозяинъ—ровно зла цѣпна собака;
У хозяина была хозяюшка—ровно мать родная;
У хозяюшки были двѣ дѣвушки—ровно двѣ родны сестрицы.»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выпускъ VI, стр. 76 («проголосная»).

138.

Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда солетаетъ,—
Добрый молодецъ со квартирушки долой соѣзжаетъ.
«Я любилъ на тебѣ, квартирушка, три зимушки зимовати,
Три веснушки весновати!

Ты прощай, моя милая квартира, милая хозяйка!
Никто меня, добра молодца, никто не проводитъ!»
Провожали молодца все чужіе люди,
Все красныя дѣвки.

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 62.

139.

Что не сизъ голубь по воздуху леталъ,—
Молодой школьникъ съ квартирушки съѣзжалъ.
На большую на дорожку выѣзжалъ,
Пухову шляпу съ головушки снималъ:
«Прощай, батюшка Сибирь, славный городокъ!
Еще прощай, мой зелененькій садокъ!»
Въ этомъ садикѣ пригулка хороша:
Середь садику стоитъ яблонь кужлява,
Подъ яблоньцей кроватка тесова,
На кроваточкѣ перина пухова,
На перинушкѣ зголовье высоко.
На перинушкѣ дѣтинушка лежитъ;
Передъ молодцемъ красна дѣвица стоитъ.
Она будитъ-побуждаетъ молодца:
«Что на насъ, Ваня, невзгодушка пришла,
Невзгодушка, небылыя словеса:
Хотятъ Ванюшку въ солдатушки отдать,
Во солдатушки, въ новобранные полки!»

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 56.

140.

Все бы, все бы я подъ окошечкомъ сидѣлъ,
Все бы, все бы я на любезную глядѣлъ,
Я глядѣлъ бы, смотрѣлъ, съ очей мало сносилъ!

Наглядитеся, очи ясныя, въ запасъ!
Покатитесь вонъ, горючія слезы, изъ глазъ,
Что по моему по бѣлому лицу,
По моимъ-то ли по румянымъ по щекамъ!

Не соловьюшко со тепла гнѣзда слеталъ,—
Что не мой-етъ ли милой со квартерушки съѣзжалъ:
Становился на путь, на дороженьку сюда,
Онъ ругалъ-то, бранилъ чужу дальню сторону:
«Ты—злодѣй же, злодѣй, чужая сторона!
Разлучила съ отцомъ, съ матерью меня,
Ты еще же, злодѣй, со любезной со моей!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 149 («семейная, протяжная»). Въ каждомъ стихѣ, кромѣ двухъ послѣднихъ, два послѣднія слова повторяются.

141.

Казакамъ дружкамъ въ походъ явлено идти;
Моему дружку разлюбезному рѣчью сказано было.
Какъ со вечеру разлюбезный другъ убираться сталъ,
Со полуночи онъ коня своего сѣдлалъ,
Ко бѣлой зарѣ со двора милый съѣзжалъ.
Да никто-то добраго молодца, его провожать не шелъ:
Ни батюшка и ни матушка, ни родъ-племени его;
Провожала да добраго молодца молода его жена,
Провожала она его съ малыми дѣтками;
Какъ и шла-то она, слезно плакала.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 196.

142.

Служба явлена въ походъ.
Какъ со вечера добрый молодецъ коня своего ловилъ,
Ко полуночи сѣдельцемъ осѣдлалъ,
Ко бѣлой-то зарѣ съ широка двора съѣзжалъ.
Какъ никто-то его, добраго молодца, провожать нейдетъ:
Ни батюшка его, ни матушка его, ни роду его, ни племени.
Провожала его, добраго молодца, молодая жена,
Провожала его, добраго молодца, слезно плакала по немъ;
Въ слезахъ-то ему, молодцу, словечушко молвила:
«Ты вернись-воротись, душа добрый молодецъ,
Воротись, душа, назадъ!
Уберу-то я добраго молодца хорошохонько,
Провожу-то я тебя, добраго молодца, далекохонько!»—
—«Ужъ ты глупая, да ты неразумная, молодая моя жена!
Какъ всѣ-то они, друзья мои, во строю стоятъ,
Какъ меня-то они, добраго молодца, дожидаются!»—

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ VII, стр. 101.

143.

Казакамъ-то, дружкамъ разлюбезнымъ,
Ой, въ походъ явлено было;
Ой, да моему-то дружку разлюбезному,
Ой, рѣчью сказано было.

Убираться милой сталъ, ой, да къ полу-то ночи,
Ой, сталъ коня милой сѣдлать.
Ой, да никто-то, никто разлюбезнаго,
Ой, провожать его нейдетъ;
Ой, да нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,
Ой, роду-племени его.
Ой, да провожали его, добраго молодца,
Ой, всѣ товарищи-друзья.
Ой, да позади-то шла, добраго молодца,
Ой, молода его жена:
«Ой, да ты вернись-воротись, разлюбезный другъ,
Ой, ночуй ноченьку со мной!»—
— «Ой, да я радъ бы ночевать, разлюбезная,
Ой, да товарищи не ждутъ!»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 140.
Кромѣ послѣдняго, каждый второй стихъ повторяется.

144.

По улицѣ по широкой,
По муравѣ по зеленой,
Выходила Іона жена молодая,
Выводила Іонова коня воронаго,
Выносила сѣдельце черкасское,
Да еще уздечко тесмяное,
Провожала Іона въ путь-дорожку,
Въ дальній путь—въ царскую службу.
«Да кто бъ пошелъ вмѣсто Іона молодаго,
Тому бъ отдала Іонова коня воронаго,
Сѣдельце черкасское и уздечко тесмяное!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, выпускъ XV, стр. 166 («хороводная»).

145.

Что побѣдныя головушки солдатскія,
Они на бой и на приступъ—люди первые,
А къ жалованью—люди послѣдніе....
Какъ со вечера солдатамъ походъ сказанъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты на приступъ пошли.
Что не грозная туча подымалася,
Что не черныя облака сходилися,
Что подымался выше облакъ черный дымъ,
Загремѣла тутъ стрѣльба ружейная;
Что не камушки съ крутыхъ горъ покатилися,
Покатились съ плечъ головушки солдатскія;
Что не алое сукно въ полѣ заалѣлось,
Заалѣлася тутъ кровь солдатская;
Что не бѣлыя лебедушки воскликнули,
Такъ воскликнутъ молоды жены солдатскія.

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 87.

146.

Що-конецъ было славна города,
Славна города—каменной Москвы,
Что на самомъ ли на выѣздѣ,
На ростаняхъ ко Всесвятскому,
Не туманъ, братцы, затуманился,
Не роса пала на травушку,—
Что катились горючи слезы,
Горючи слезы солдатскія,
Идучи, братцы, въ землю Шведскую.
Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,

Во слезахъ идутъ, возрыдаючи.
Что прощаются ль солдатушки
Какъ съ отцами и со матерьми,
Что съ женами и со дѣтками,
Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.
Лишь одинъ изъ нихъ веселъ идетъ,
Что веселъ идетъ, не кручинится.
Оставляетъ онъ отца и мать,
Оставляетъ молоду жену,
Оставляетъ малыхъ дѣтушекъ,
Оставляетъ весь и родъ-племя;
Но имѣетъ весьма храбрый духъ,
Исполняетъ волю царскую,
Вооружается за вѣру онъ,
Идетъ ратью за отечество.

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 57.

147.

Охъ, и что нынче за годы!
Тяжело больно народу:
Солдатствица частыя,
Наборушки большіе.
Идетъ армія солдатовъ;
Всѣ солдаты плачутъ;
Единъ солдатъ не плачетъ,
И онъ по арміи гуляетъ,
И онъ во скрипочку играетъ,
Всѣхъ солдатовъ утѣшаетъ:
«Вы не плачьте-ка, солдаты!»—
—«Что, какъ же намъ не плакать?
Наши домы удалѣли,

И отцы-матери устарѣли,
Наши женушки гуляютъ,
Наши дѣти сиротаютъ!»

Вятская губернія. Колосовъ, стр. 260.

148.

Со восточной было со сторонки,
Не студенъ-то, холоденъ вѣтеръ поносить,
Поноситъ вѣтерокъ по чисту полю,
По чисту полю на лѣсъ, на дубраву,
На дубровушку, на зелену рощу.
Во той ли рощѣ листья разшумѣлись.
Во шуму-то, во грому ничего не слышно;
Только слышно во шуму одинъ голосъ человѣчій,
Человѣка голосъ не простаго—казаченька донскаго.
Донской казакъ пашеньки не пашетъ,
Пашеньки не пашетъ, шелковой травы не коситъ;
Онъ по рощѣ, казачекъ, гуляетъ,
И во скрипочку казачекъ играетъ,
Полевыхъ-то молодыхъ солдатъ забавляетъ:
«Вы не плачьте-ка, молоды солдаты!»—
—«Вотъ и какъ-то намъ, казачекъ, не плакать?
Отцы-матери наши устарѣли,
Молоды жены овдовѣли,
Малы дѣтушки осиротѣли!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 82.

149.

Ахъ ты, роща моя, роща, роща зеленая!
Ты о чемъ, роща моя, рано сохнешь,
Рано сохнешь, скоро блекнешь?—

—Я о томъ, роща, рано сохну, скоро блекну,
Что вкругъ той рощи казаки все плачутъ.
А одинъ казакъ по рощицѣ гуляетъ,
Онъ по рощицѣ гуляетъ,
Онъ во гусельки играетъ;
Онъ во гусельки играетъ,
Свою братью извеселяетъ:
«Вы не плачьте, мои братцы!
Намъ не пашеньку пахать,
Не сохой земли орать,
Не косой сѣно косить!»—
—«А и какъ же намъ не плакать?
Наши стороны привдарѣли,
Отцы съ матерью пристарѣли,
Молоды жены овдовѣли,
Малы дѣтушки осиротѣли!»

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 173.

150.

Ахъ вы, выходы, выходы,
Погреба государевы!
Ахъ, изъ тѣхъ ли изъ выходовъ
Выходилъ добрый молодецъ:
Онъ не шуменъ,—шатается,
Онъ не пьянъ,—идетъ, валяется,
Самъ ѳузеею подпирается.
Что увидѣли изъ терема
Души красныя дѣвицы,
Двѣ маіорскія дочери;
Какъ сойти было съ терема,
Какъ спросить было молодца:
«Ахъ, женатъ ли ты, молодецъ?»—

—«Я женатъ, женатъ, дѣвицы,
Я женатъ, женатъ, красныя!
Какъ жена моя боярыня—
Что фузея государева;
А малыя мои дѣтушки—
Круглы пули свинцовыя;
А родъ-племя у молодца—
Сума и съ патронами;
Помѣстье и вотчины—
Раздолье широкое;
А честь и жизнь у молодца—
Моя сабля булатная!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 144.

151.

Солдатушки, браво-ребятушки,
А кто вашъ родимый?
—Нашъ родимый—царь непобѣдимый,
Вотъ гдѣ нашъ родимый!
Солдатушки, ребятушки,
А есть у васъ родная?
—Есть родная мать, намъ дорогая,—
Наша Русь святая!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Гдѣ же ваши дѣды?
—Наши дѣды—славныя побѣды,
Вотъ гдѣ наши дѣды!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Гдѣ же ваши матки?
—Наши матки—бѣлыя палатки,
Вотъ гдѣ наши матки!
Солдатушки, браво-ребятушки,
А гдѣ же ваши жены?

—Наши жены—ружья заряжены,
Вотъ гдѣ наши жены!
Солдатушки браво-ребятушки,
А есть у васъ и тетки?
—Есть у насъ и тетки—двѣ косушки водки,
Вотъ гдѣ наши тетки!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Гдѣ же ваши сестры?
—Наши сестры—штыки, сабли остры,
Вотъ гдѣ наши сестры!
Солдатушки-братцы удалые,
Гдѣ же у васъ дѣтки?
—Наши дѣтки—пули наши мѣтки,
Вотъ гдѣ наши дѣтки!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Гдѣ же ваша хата?
—Наша хата—лагерь супостата,
Вотъ гдѣ наша хата!

Егоровъ, Сборникъ избранныхъ пѣсенъ для солдатскаго хороваго пѣнія, Екатеринославъ, 1893 г., стр. 42. Каждый четвертый стихъ повторяется.

152.

Гренадеры молодцы,
Други-братцы, удальцы!
Станемъ, братцы, въ круговую,
Грянемъ пѣсню удалую!
Грянемъ пѣсню въ добрый часъ,
Благо хлѣбъ-соль есть у насъ!
Запоемъ мы прытко, хватско
Про житье-бытье солдатско!
Что подъ дождичкомъ трава,—
То солдатска голова:
Весело цвѣтетъ, не вянетъ,

Службу царску бойко тянетъ.
Жизнь мужицкая, прости!
Рады службу мы нести.
По призыву ль, иль по волѣ
Умереть готовы въ полѣ.
Въ комъ хоть мало есть ума,
Не страшна тому сума.
Онъ ружье, патронникъ, лямку—
Какъ ребенокъ любитъ матку.
А бывало, братцы, встарь—
Хоть дубиной пріударь,
Ни изъ чести, ни изъ платы
Не пойдетъ мужикъ въ солдаты.
Пальцы рубитъ, зубы рветъ,
Въ службу царскую нейдетъ.
А когда служить сберется,
Словно съ жизнью разстается.
Тутъ жена, и сватъ, и братъ,
Гришка, Сидоръ и Кондратъ,
Какъ по мертвомъ зарыдаютъ,
До кружала провожаютъ;
Всей деревней заревутъ:
Ваньку въ рекруты сдаютъ!
Ахъ, прости на вѣки, Ваня!
Вотъ ужо те будетъ баня!
А теперь—чего тужить?
Какъ съ охотой не служить?
Слава Богу, есть отставка,
По два рублика прибавка.
Ой, спасибо, наша мать!
Рады въ полѣ умирать!
Жизнь солдатска намъ забава,
Польза, счастье намъ и слава!

Альбрехтъ, № 28. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ой калина, ой малина.

153.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать!
Полно вамъ, солдатушки, горе горевать!
Оставляй тоску-печаль во темныихъ лѣсахъ!
Станемъ привыкать мы къ турецкiимъ степямъ,
Ко французскимъ городамъ!
Забывай, солдатушки, отца, мать, жену!
Вспомните, служивые, тесакъ, ружье, суму!
Съ дѣвками, съ молодками полно намъ гулять!
Перяны подушечки пора намъ забывать!
Стоять въ караулѣ—не надобно дремать
И ружье съ сумой терять!
Ходя наѣдимся, стоя выспимся;
На зарѣ мы встанемъ,—слезми умоемся,
Кручиной утремся, Богу помолимся:
Дай, Боже, солдатушкамъ пожить, послужить,
За свою сторонушку головку положить!
Есть ли у васъ, солдатушки, крупа и мука?
Хлѣбовъ напечемъ, густой каши наваримъ;
Сложимся по денежкѣ,—мы купимъ винца;
Выпьемъ мы по рюмочкѣ, выпьемъ винца;
Выпьемъ по другой,—разгуляемся;
По третьей мы выпьемъ,—сами пѣсни запоемъ,
Пѣсни запоемъ, во походъ скоро пойдемъ!

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 27.

154.

Долго ли снѣжочкамъ на талой землѣ лежать?
Долго ли солдатушкамъ горе горевать?
Оставимъ тоску-печаль во темныихъ лѣсахъ,

Станемъ привыкать ко турецкимъ сторонамъ!
Забывай, солдатушки, отца, мать и жену!
Вспомните, ребята, тесакъ, ружье, суму!
Плащъ, кафтанъ съ камзоломъ намъ не скидавать;
Стоя въ караулѣ, намъ нечего дремать!
Съ дѣвками, съ молодками ужъ полно намъ гулять!
Мягки перинушки пора намъ забывать!
Солдатское житье гораздо лучше всего;
Чортъ возьми того, кто не похвалитъ его!
Ходя наѣдимся, стоя да мы выспимся;
По утру ли слезами умываемся;
Утремся мы полой, Богу мы помолимся:
Дай, Боже, солдатушкамъ пожить, послужить,
На чужой сторонушкѣ головъ не положить!
Есть у насъ, ребятушки, мука и крупа:
Хлѣбовъ напечемъ, еще мы каши наваримъ;
Сложимся по денежкѣ,—купимъ мы винца;
Выпьемъ мы по чарочкѣ,—да позавтракаемъ;
Выпьемъ, братцы, по другой,—разгуляемся;
Выпьемъ мы по третьей,—сами пѣсни запоемъ:
Трахъ-трахъ-тарарахъ-тахъ-тахъ-тарарушечки!
Ужъ вы гдѣ наши дѣвались, прежни душечки,
Прежни наши душечки, красны дѣвицы?

Альбрехтъ, № 57.

155.

Пора вамъ, снѣжочки, въ быстру рѣчку бѣжать!
Полно вамъ, ребятушки, горе-горевать!
Оставимъ тоску-печаль въ темныхъ лѣсахъ,
Во темныихъ лѣсахъ, во турецкихъ поляхъ!
Забывай, солдатушки, отца, мать и жену!
Вспоминайте, ребята, тесакъ, ружье, суму!

Плащъ, кафтанъ съ камзоломъ намъ не надо скидавать,
Стоя въ караулѣ, намъ нечего дремать!
Съ дѣвками, съ молодками ужъ полно намъ гулять!
Перины, подушечки пора намъ забывать!
Солдатское житье гораздо лучше всего;
Чортъ возьми того, кто не похвалитъ его!
Ходя мы наѣдимся, стоя да мы выспимся;
По утру ли росою умываемся;
Утремся мы полой, Богу мы помолимся:
Дай Богъ намъ, солдатушкамъ, пожить, послужить,
На родной сторонушкѣ головку сложить!
Есть у насъ, ребятушки, мука и крупа:
Хлѣбовъ напечемъ, еще мы каши сваримъ;
Сложимся по денежкѣ,—пошлемъ за винцомъ;
Выпьемъ мы по чарочкѣ,—да позавтракаемъ;
Выпьемъ по другой,—разговоры, братцы, заведемъ;
Выпьемъ мы по третьей,—пѣсню запоемъ;
Выпьемъ по четвертой,—во походъ пойдемъ!

Поповъ, Боевыя пѣсни русскаго солдата, СПБ. 1893, стр. 61.

156.

Полно намъ, ребятушки, тужить-горевать!
Пора намъ, ребятушки, подушки забывать!
Время намъ, ребятушки, ко конечкамъ привыкать,
Ко коню, ко сѣдлу, ко булатному копью!
Забудемъ мы, братцы, отца, мать и жену!
Вспомнимъ мы, братцы, все военное!
Съ отцомъ, матерью, женой намъ годъ годовать,
Какъ и съ шашкой да ружьемъ на часахъ намъ стоять!
Будутъ у насъ, братцы, крупа и мука,

Оржаные сухари,—
Съ крупъ мы каши наваримъ, съ муки хлѣбовъ напечемъ;
Ходя наѣдимся, стоя выспимся;
Скинемся по денежкѣ,—купимъ водочки;
Выпьемъ мы по чарочкѣ,—похмѣлимся;
Выпьемъ по другой,—разгуляемся;
Выпьемъ мы по третьей,—во походъ скоро пойдемъ,
Пойдемъ мы, братцы, подъ горы Кавказскія,
Какъ подъ тѣ аулы подъ чеченскіе;
Крикнемъ мы, гикнемъ, всѣ аулы разобьемъ,
Черкесовъ въ плѣнъ наберемъ, да на тихій Донъ пойдемъ!

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 86.

157.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать!
Полно вамъ, ребятушки, горе горевать!
Оставимъ тоску во темномъ лѣску,
Станемъ привыкать къ грузинскимъ горамъ,
Къ чеченскимъ мѣстамъ,
Станемъ забывать отца, матерю, жену!
Съ дѣвками, съ молодками полно пить-гулять!
Перины-подушки пора намъ забывать!
Выпьемъ по рюмочкѣ,—похмѣлимся;
Выпьемъ по другой,—разгуляемся;
Выпьемъ по третьей,—во походъ пойдемъ!
Дай намъ, ребятушки, попить, послужить,
На своей сторонушкѣ голову сложить!

Донская область. Савельевъ, стр. 138.

158.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать!
Полно намъ, казаченьки, горе горевать!
Оставимъ тоску-печаль во темныхъ во лѣсахъ;
Къ чужой дальней сторонѣ будемъ привыкать;
Чужой молодой женѣ будемъ уважать!
Есть у насъ, казаченьки, мука и крупа:
Кашицы наваримъ, мягкихъ хлѣбовъ напечемъ;
Ходя наѣдимся, стоя выспимся;
Полою утремся, Богу помолимся;
Сложимся по денежкѣ,—пошлемъ за винцомъ;
Выпьемъ по чарочкѣ,—позавтракаемъ;
Выпьемъ по другой,—разговоры заведемъ;
Выпьемъ по третьей,—съ горя пѣсню запоемъ!
Домъ у насъ, ребята,—черна бурочка;
Жена молодая—винтовочка;
Отецъ нашъ, родитель—нашъ начальничекъ.
Отпусти насъ, родной, домой на ружельце посмотрѣть,
Чтобъ оно было вычищено, саломъ смазано;
Сидѣть въ секретѣ . . . . . .
Ударятъ на тревогу, чтобъ заряжено было!

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 75.

159.

Полно снѣжкамъ, полно бѣлымъ
На сырой землѣ лежать!
Полно, полно намъ, ребята,
Полно горе горевать!

Пора, пора намъ, ребята,
Пора въ походъ выступать!
Выйдемъ, братцы, на лужокъ,
Да станемъ-ка во кружокъ,
Да станемъ-ка во кружокъ,
Заиграемъ во рожокъ!
Заиграли наши гренадеры,
Заплакала мать стара,
Заплакала мать старая,
Еще жена молодая....

Е г о р о в ъ, Сборникъ избранныхъ пѣсенъ для солдатскаго хороваго пѣнія, Екатеринославъ, 1893 г., стр. 56. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Гей, гей, ой да люли, съ двукратнымъ повторенiемъ втораго стиха.

160.

«А Ванюшка, мой батюшка,
Куда тебя снаряжаютъ?»—
—А мамонька, въ солдаты,
Сударыня, въ солдаты,
Не тронь, въ солдаты,
Не замай, въ солдаты,
Что же дѣлать, въ солдаты!—
—«А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь въ солдатахъ дѣлать?»—
—А мамонька, учиться....
. . . .

—«А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь ѣсть-то?»—
—А мамонька, сухари....
. . . .

«А Ванюшка, мой батюшка,
Сухари-то жестки!»—
—А мамонька, размочу....
. . . .

«А Ванюшка, мой батюшка,
Что еще тамъ дѣлать?»—
—А мамонька, отдыхать....
. . . .

«А Ванюшка, мой батюшка,
Съ кѣмъ же отдыхать-то?»—
—А мамонька, съ женою....
. . . .

«А Ванюшка, мой батюшка,
Гдѣ жену-то возьмешь?»—
—А мамонька, украду....
. . . .

«А Ванюшка, мой батюшка,
Она убѣжитъ?»—
—А мамонька, догоню....
. . . .

Самарская губернія, Николаевскъ. Варенцовъ, стр. 216.

161.

Собиралися ребята
Ко цареву кабаку;
Они думали-гадали
Про солдатское житье.
Какъ солдатское житье—
Лучше въ свѣтѣ нѣтъ его:

Солдатъ пашеньки не пашетъ,
Косы въ руки не беретъ,
Въ казну денегъ не кладетъ;
Съ казны денегъ не беретъ.
Мужики, вы, мужики,
Міроѣды, дураки!
Вы придите къ намъ,
Поживите у насъ:
У насъ—голодъ, у насъ —холодъ,
У насъ—хлѣба недородъ!
Придетъ праздникъ воскресенье,
Намъ хочется погулять,—
Офицеры не велятъ;
Придетъ темная ночь,
Пойдемъ гулять во всю ночь.
Рано, рано по утру
Несутъ розги во пуку.
Не велятъ намъ оправдаться,
Велятъ скоро раздѣваться;
Рубашечки долой съ плечъ,
Начинаютъ больно сѣчь.
Хотя спинушка набита,
Дакъ сударушка нажита;
Хотя спинушка болитъ,
Сударушка говоритъ,
Вечеркомъ ходить велитъ.

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 30 («протяжная»).

162.

Ой, намъ весело жить,
Теперь не по чемъ тужить,
Намъ, казакамъ молодымъ,

Здѣсь армейцамъ полевымъ!
Только та наша бѣда—
Лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
По утру рано вставать,
Намъ головушки чесать,
Чубы на бокъ заводить,
На ученье выходить!
Намъ ученье—ничего,
Между прочимъ—тяжело:
Стой прямо, смотри браво,
Шашкой дѣлай хорошо;
Приступай ты ногой правой,
Поворачивайся:
Не довернешься,—бьютъ,
Перевернешься,—бьютъ!
Наряжаемся обрядно,
Щеголяемъ, какъ хотимъ;
Намъ сударушки знакомы,
Всегды въ гости зовутъ,
Ой, зовутъ, зовутъ, зовутъ,
Всегды жаловаютъ!
Мы осеннюю ночь
Прогуляли всею ночь.
Какъ приходимъ по утру,—
Держатъ палокъ по пуку;
Не велятъ намъ оправдаться,
Велятъ скоро раздѣваться.
Хочь спинушка взбита,—
Сударушка нажита;
Хочь взбили спину больно,—
Любилъ дѣвочекъ довольно;
Пущай спинушка гніетъ,—
Сударушка прочь нейдетъ!

Донская область. Пивоваровъ, стр. 125.

163.

Намъ весело жить,
Намъ не о чемъ тужить,
Казакамъ молодымъ,
Басурманцамъ полевымъ:
Службицу всю мы знаемъ,
Щеголяемъ, какъ хотимъ;
Сударушки намъ знакомы,
Къ себѣ въ гости насъ зовутъ,
Много жалуютъ.
Лишь одна наша бѣда—
Зиму въ лагерѣ стоять,
По утру рано вставать,
Намъ головушки чесать,
Чубы на бокъ заводить,
На ученье выходить.
Намъ ученье—ничего,
Хоть немножко тяжело.
Стой прямо, гляди браво,
Дѣлай шашкой хорошо!
. . . .

Какъ сказали казакамъ:
Со полуночи въ походъ....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 73.

164.

Ужъ ты, зимушка-зима,
Холодна очень была!
Холодна зима проходитъ,

Весна красна настаетъ;
У солдата сердце мретъ:
Лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
По утру рано вставать,
Лицо бѣло умывать,
На ученье поспѣвать.
Намъ ученье—ничего,
Только очень тяжело.
Солдатъ бравый, стой ты прямо,
Ружьемъ дѣлай хорошо!

Альбрехтъ, № 67. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Эй-эй-эхъ-ха-хо, черная галка, ясная полянка, ты же, Марусенька черноброва, чего не ночуешь дома. Нѣкоторые стихи повторяются.

165.

Ужъ ты, зимушка-зима,
Холодна, зима, была!
Холодна зима проходитъ,
Лѣто красно настаетъ,
Лѣто красно настаетъ,
У солдата сердце мретъ,
У солдата сердце мретъ:
Лѣто дома не живетъ,
Лѣто въ лагеряхъ стоять,
По утру рано вставать,
По утру рано вставать,
Лицо бѣло умывать,
Лицо бѣло умывать,
Мундиръ черный надѣвать,
Мундиръ черный надѣвать,
На ученье выѣзжать.
Намъ ученье не мученье,

Между прочимъ тяжело,
Между прочимъ тяжело,
Что не знаемъ ничего!

Лопатинъ и Прокунинъ, № 103.

166.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго
Протекалъ ручей бѣлъ-серебряный.
Да по бережку да по крутому
Шли-прошли два полка солдатъ;
Идучи они промежъ собой молвили:
«Еще дай, братцы, переженимся!»
Красны дѣвушки испужалися,
За старыхъ замужъ побросалися.
Солдатскія жены насмѣялися:
«Хорошо намъ жить за солдатами:
Они пьютъ-ѣдятъ все готовое,
Цвѣтно платье носятъ государево;
Они въ лагеряхъ стоятъ во палаточкахъ,
Во походъ пойдутъ во кибиточкахъ.»

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 62.

167.

У насъ по улицѣ, у насъ по широкой,
У насъ по муравѣ, у насъ по зеленой,
Дорожка лежитъ, воронъ конь бѣжитъ,
Копыта гудутъ.
Капитанъ ѣдетъ съ капитаншею;
Генералъ ѣдетъ съ генеральшею.

Все везутъ вѣсти да нерадостны,
Нерадостныя, невеселыя:
Какъ и старыхъ бабъ—на барабаны драть,
А молодушекъ—на линію гнать,
Красныхъ дѣвушекъ—замужъ отдавать
За молодыхъ солдатъ, за рекрутиковъ.
Красныя дѣвушки испужалися,
За старыхъ мужьевъ разбѣжалися.
А после того вспохватнулися,
Вспохватнулися, обманулися.
«Ну жъ кабы мы, дѣвки, знали-вѣдали,
За старыхъ мужьевъ мы бъ не бѣгали,—
Мы пошли бъ замужъ за молодыхъ солдатъ,
За рекрутиковъ за молоденькихъ,
За хорошенькихъ!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 201.

168.

По улицѣ-улицѣ дорожка лежитъ;
Вотъ по этой по дорожкѣ воронъ конь бѣжитъ,
Воронъ конь бѣжитъ,—вся земля дрожитъ,
Копытца гудутъ, подковы звенятъ.
Капитанъ ѣдетъ съ капитаншею,
Съ капитаншею, съ енаральшею.
Капитанушка у насъ—Андреюшка,
Капитанша его у насъ—свѣтъ Марьюшка.
Они везли, везли вѣсти новыя,
Вѣсти новыя, невеселыя:
Молодушекъ на игрище звать;
А ретивыхъ бабъ на убахту драть,
Соломою набивать, пескомъ насыпать;
Красныхъ дѣвушекъ замужъ отдавать

За молодыхъ солдатъ, за некрутичковъ.
Красны дѣвушки испужалися,
Испужалися, разбѣжалися;
А послѣй того схаменулися:
«Знали бъ, вѣдали, мы бъ не бѣгали,
Мы бы замужъ ишли за младыхъ солдатъ,
За младыхъ солдатъ, за некрутичковъ:
У молодыхъ солдатъ платье вольное,
Платье вольное, заслуженное.»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 73 («хороводная»).

169.

Ахъ ты, долюшка, ты, невзгодушка,
Сокрушила ты добра молодца!
Ахъ, ты гой еси, добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка!
Не ходи-ка ты вдоль по улицѣ,
Не заглядывай ты въ окошечко
Къ красной дѣвушкѣ Палагеюшкѣ!
У нея-то другъ не тебѣ чета:
Онъ смиренъ-скроменъ какъ овечушка;
Не хлебаетъ онъ зелена вина,
Не порочитъ онъ красну дѣвицу….

Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ
Не ручей журчитъ, не рѣка бѣжитъ,
А лежитъ подъ нимъ добрый молодецъ.
Онъ головушку накрылъ киверомъ,
Опоясался саблей острою.
Ахъ, житье мое ты солдатское,
Ты, веселое, забубенное!

Послужу ли я вѣрой-правдою
Православному царю батюшкѣ,
Православному царю бѣлому....

Народныя русскія пѣсни, стр. 48 («протяжная»). Пѣсня сомнительнаго достоинства.

170.

По дороженькѣ по широкою
По Московскою,
Туда шла-прошла сила-армія,
Конна гвардія,
Три полка солдатъ, все молодые,
Безбородые.
Впереди полка знамена несутъ,
Артикулъ мечутъ.
Ружье свѣтлое, замки крѣпкіе,
Кремни острые.
Замки сбрякали, солдаты всплакали,
Во походъ пошли, во дороженьку,
Хоть не въ дальную, да въ печальную—
На сраженьице, на ученьице.
Гдѣ, ребятушки, день-то намъ ночевать,
Ночь коротать?
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Все подъ соснами подъ жаровыми,
Подъ кудрявыми;
Намъ постелюшка—мать сыра земля;
Намъ зголовьице—зло кореньице;
Одѣялышко—вѣтры буйные!

Архангельская губернія, Холмогоры. Якушкинъ, стр. 546.

171.

Круты горы развеселы,
Растутъ садики зелены,
Зеленые разсажены.
Что по этимъ-то по садикамъ
Пролегала путь-дороженька.
Дороженька была торна,
Широка, долга Московска,
Московска, Питенбургска.
Никто по ей не прохаживалъ,
Никто слѣды не прокладывалъ.
Только шли-прошли солдаты,
Солдатушки, люди бѣдны;
Несутъ въ рукахъ ружья свѣтлы,
А замочки у ихъ мѣдны.
Замочикамъ они сбрякали;
Во походъ пошли, заплакали.
Объ ихъ есть кому поплакати:
Тужитъ-плачетъ родной батюшка,
Со своимъ со малымъ дѣтонькамъ,
Съ молодой женой.

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ, стр. 381.

172.

Ярославль городъ на красѣ стоялъ,
Что на той на красѣ—на желтомъ песку,
На большомъ тракту.
Шли солдатушки, шли солдаты новображны.
Во походъ пошли, ружья сподбрали,
А саблями сбрякали;

Во походъ пошли, заплакали.
Пошли на дальню сторонушку
Спогубить свою головушку,
Спогубить бы не за денежку....

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1891 годъ, стр. 381.

173.

Петербургска была дорожка,
Московска была широка.
Да никто-то на этой дорожкѣ
Ни не былъ только, ни гулялъ.
Только шелъ-прошелъ
Пѣшехотный полкъ солдатъ.
Не дошедши до села-деревни,
Становились солдаты въ рядъ;
Подъ бѣлой березой
Ложились солдаты спать;
Стали отдыхать
Ровнехонько-ровно три часа....
Одинъ мальчикъ раскрасавчикъ
Всю Россею испрошелъ,
Отца съ матерью не нашелъ;
Нашелъ новый кабачекъ,
Пропилъ шапку, кушачекъ.

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Будде, № 39 («круговая»).

174.

Породила да меня матушка,
Породила да государыня,
Въ зеленомъ-то саду гуляючи,

Что подъ грушею подъ зеленою,
Что подъ яблонью подъ кудрявою,
Что на травушкѣ, на муравушкѣ,
На цвѣточкахъ на лазоревыхъ;
Пеленала да меня матушка
Во пеленочки во камчатыя,
Во свивальники во шелковые;
Берегла-то меня матушка
Что отъ вѣтру и отъ вихорю;
Что пустила меня матушка
На чужу дальну сторонушку....
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая,
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не добрый меня конь завезъ;—
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая,
Служба грозная государева,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая....

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 161.

175.

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ;—
Завезла меня, добраго молодца,
Прытость-бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.
Породила да меня матушка
Во безсчастный день во пятницу,

Въ зеленомъ саду гуляючи,
Что подъ грушею подъ зеленою,
Что подъ яблонью подъ кудрявою;
Пеленала да меня матушка
Во пеленочки во атласныя;
Что свивала да меня матушка
Во свивальничекъ во алый бархатный;
Одѣвала да меня матушка
Одѣяломъ ли соболинымъ;
Берегла меня матушка
И отъ вѣтру, да и отъ вихорю,
Что отъ часта мелка дождичка;
Уберегла меня матушка
И отъ вѣтру, да и отъ вихорю,
И отъ частаго мелкаго дождичка;
Не уберегла меня матушка
Что отъ службы государевой,
Отъ чужой дальной сторонушки.

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 72.—Почти тожественная пѣсня: Пѣсенникъ 1819 года, часть II, стр. 25.

176.

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя незнакомая!
Что не самъ я на тебя зашелъ,
Что не добрый меня конь завезъ,
Не буйны вѣтры завѣяли,
Не быстры рѣки залелѣяли;—
Занесла меня, добраго молодца,
Что неволюшка солдатская,
Грозна служба государева.
На чужой дальней сторонушкѣ
Ни отца нѣту, ни матушки,

Ни брата, ни родной сестры,
Ни младой жены, ни младыхъ дѣтушекъ.
Какъ на чужой дальной сторонушкѣ
Что ложился я, добрый молодецъ,
На голыхъ доскахъ безъ постелюшки;
Умывался я, добрый молодецъ,
Что своими горючми слезми;
Утирался я, добрый молодецъ,
Я своею полой правою....

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 167.

177.

Сторона ли ты моя, вотъ моя сторонушка,
Сторона моя чужая!
Да не самъ-то ли я на эту сторонушку,
Не самъ я зашелъ-заѣхалъ,—
Занесло меня, раздобраго молодца,
Занесло меня неволею....

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ III, стр. 74.

178.

Ты взойди, ты взойди, красное солнышко,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ ущельями взойди надъ глубокими,
Надъ лѣсами взойди надъ дремучими,
Надъ долинами взойди надъ широкими,
Надъ лугами взойди надъ зелеными,
Надъ родимой взойди надъ сторонушкой!

Сторона ль моя, ты, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая,

Незнакомая, невеселая!
Какъ не самъ-то, не самъ я, добрый молодецъ,
Какъ не самъ-то, не самъ я зашелъ-заѣхалъ,—
Занесла-то меня служба царская....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ VII, стр. 101.

179.

Ты взойди, красное солнышко,
Надъ горами надъ высокими,
Надъ ущельями надъ глыбокими!...
Не ковыль трава въ полѣ зашаталася,
Зашатался удалъ добрый молодецъ
На чужой сторонушкѣ.
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя невеселая!
Не самъ я на тебя зашелъ-заѣхалъ,—
Занесла меня, добра молодца,
Служба царская, государская....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 208.

180.

Сторона ль ты моя, вотъ моя сторонушка,
Сторона ль моя чужая, ой, вотъ чужая!
Да не самъ я на тебя вотъ, моя сторонушка,
Не самъ я зашелъ-заѣхалъ, ой, вотъ заѣхалъ;—
Занесла-то меня, да добраго молодца,
Занесла меня неволя, ой, вотъ неволя!
Да неволенъ я былъ, да я, добрый молодецъ,
Неволенъ я былъ, кручиненъ, ой, былъ кручиненъ.

Да никто-то, никто про мою кручинушку,
Никто про нее не знаетъ, ой, вотъ не знаетъ;
Только знаетъ про нее, про мою кручинушку,
Сердечушко ретивое, ой, ретивое.
Ой, да какъ закрытое, ты, мое сердечко,
Закрыто грудью бѣлою, ой, грудью бѣлою;
Запечатанное, вотъ мое ретивое,
Оно только думой крѣпкою, ой, думой крѣпкою....

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 143.

181.

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
За другою рѣчкой Перебрагою,
Не полынь трава во полѣ шаталася,
Зашатался тамъ душа добрый молодецъ.
Оповадился Ваня за рѣку ходить въ кабакъ;
Не въ кабакъ онъ ходитъ,—къ цѣловальницѣ,
И не къ ней самой,—къ ея дочери.
«Я не дочь люблю,—сладку водочку,
Сладку водочку, все вишневочку.»
Съ этой водочки онъ сдѣлался пьянешенекъ.
Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,—
Занесло его силою невольною;
Завела молодца неволюшка,
Чужа дальняя сторонушка;
Поневолила жизнь его боярская,
Жизнь его боярская, служба государева.
Велика служба-служба—съ утра день до вечера,
Съ утра день до вечера, часика до перваго.

Олонецкая губернія, Петрозаводскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III, стр. 155.

182.

За Невагою, за другой рѣчкой Перебрагою,
Не полынь трава во полѣ шаталася,
Зашатался тутъ душа добрый молодецъ,
Ванюшка сердечный другъ.
Оповадился Ваня за рѣчку ходить въ кабакъ;
Не въ кабакъ онъ ходилъ,—къ цѣловальницѣ,
И не къ ней самой,—къ ея дочери.
«Я не дочь люблю,—сладку водочку,
Сладку водочку, все вишневочку.»
Съ этой водочки онъ сдѣлался пьянешенекъ.
Не самъ зашелъ, не своей охотою,—
Завела молодца неволюшка,
Чужа дальная сторонушка,
Жизнь его боярская.

Олонецкая губернія. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1868 года, № 27.

183.

Какъ за рѣченькой я былъ за Невагою,
За другой былъ я Перевратою.
Не кувиль-травка во полѣ шатается,—
Тутъ ходилъ-гулялъ за-душа моя,
Милъ раздушенька, удалъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, еще Иванъ Ѳедорычъ.
Онъ не самъ зашелъ, не своей охотой,—
Завела дружка-молодца неволюшка,
Воля-волюшка, чужая сторонушка,
Чужа дальняя, его нужда крайняя,
Нужда крайняя, его жизнь боярская,

Жизнь боярская, наша служба царская.
Тяжело служить день до вечера,
День до вечера, ночи до полуночи.
Полуночная звѣзда высоко взошла;
Полуночныя звѣзды съ неба сыплются....

Владимирская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 74.

184.

За рѣчкой за Невагушкой,
За широкою Перебрагушкой,
Не полынь-трава въ полѣ зашаталася,
Что во полѣ за-душа миленькій мой.
Онъ не самъ зашелъ, не своей охотушкою,
Не охотою;
Занесло дружка великою погодушкою,
Погодушкою;
Не погодушкой,—великою неволюшкою,
Неволею.
Подневольная жизнь наша боярская,
Жизнь боярская,
Служба государева, государева,
Государева служба, царя бѣлаго,
Царя бѣлаго Петра Перваго.
Тяжело служить, служба день до вечера,
День до вечера;
Что со вечера служить до полуночи,
Со полуночи служить до часу девятаго,
Служить до бѣлой до зари.

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 111.

185.

Надъ горою надъ высокой,
Надъ долиной надъ широкой,
Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ!
Мы люди бѣдные, казаки военные!

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ III, стр. 76.

186.

Шелъ дѣтинушка дорогою,
Шелъ удалый молодецъ широкою.
Пристигала молодца темная ночь,
Темная ночь осенняя.
И гдѣ-то молодцу ночевать будетъ?
Ночевать молодцу въ темномъ лѣсу,
Въ сыромъ бору подъ сосною
Подъ зеленою.
Буйные-то вѣтры разбушилися;
Зеленая-то сосна расшаталася,
Расшаталася, расшумѣлася.
Не сосна шумитъ, то молодца журитъ:
«Ты зачѣмъ же, молодецъ, подъ меня зашелъ?»
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Не бушуйте, вѣтры буйные!
Не шатайся ты, не шуми, зелена сосна,
Не жури меня, добраго молодца!
Я не самъ, молодецъ, подъ тебя зашелъ,
Занесла меня неволюшка,
Неволюшка, невзгодушка—
Государева солдатчинка!»

*

Припаду я, молодецъ, ко сырой землѣ:
Не стонетъ ли мать сыра земля,
Не плачетъ ли отецъ съ матерью,
Не горюетъ ли молода жена,
Молода жена съ малыми дѣтушками?

Новгородская губернія. Новгородскія Губернскія Вѣдомости 1876 года, № 37.

187.

Дорогой ты мой камешекъ, возлюбленный!
Залежался ты, мой камень, на крутой горѣ,
На крутой-то горѣ, на сырой землѣ!
Не въ атласѣ лежишь ты и не въ бархатѣ,
И не въ той-то лежишь дорогой камкѣ,—
Ты лежишь, камень, противъ солнышка,
Противъ солнышка противъ краснаго,
Противъ батюшки свѣтла мѣсяца.

Ты, рябина моя, рябинушка,
Кудреватая, листоватая!
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?—
—Что весной взошла, лѣтомъ выросла;
По зарямъ цвѣла, въ полдни вызрѣла.

Ты, дѣтинушка-сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка!
На чужой живешь ты сторонушкѣ!
Еще кто тебя, друга, спородилъ?
Еще кто-то тебя вспоилъ, вскормилъ?—
—Породила-то меня родна матушка;
Воспоилъ-то, вскормилъ сударь батюшко;
Возлелѣяли родны брателки;

Завивали кудри родны сестрицы;
Научила меня чужа сторона,
Чужа сторона—служба царская,
Служба царская, государева!

Пріуралье. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II, стр. 171.

188.

Шла Машенька лѣсикомъ,
Красавица темныимъ,
Растемныимъ лѣсикомъ.
Почудилось дѣвушкѣ,
Что во лѣсикѣ шумитъ.
Какъ шумитъ ли въ немъ, гремитъ
Березонька бѣлая.
Бѣлая, кудрявая
Развеселая стояла
Во сыромъ бору-долу.
Какъ на эту на березку
Слеталися пташечки,
Развольныя пташечки,
Двѣ горькихъ кукушечки;
Кукуютъ-горюютъ
По миломъ дружкѣ,
По миломъ дружкѣ,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ.

Что въ сыромъ бору-долу
Ранымъ рано разцвѣло.
Порошенька выпала,—
Меня мати родила,
На ножки поставила,

Въ чужи люди отдала.
Каково тебѣ, сынокъ,
Въ чужихъ людяхъ жить?

Самара. Варенцовъ, стр. 49.

189.

Да когда я былъ-былъ малехонекъ,
Былъ глупехонекъ,
Да тогда-то меня отецъ-мать любили,
На рукахъ носили.
А потомъ я сталъ на возрастѣ,
На своихъ ногахъ,
Сталъ конемъ владать, изъ ружья стрѣлять,
Изъ любимой своей винтовочки;
Я ходилъ-гулялъ по дикой степи,
Ужъ я билъ-стрѣлялъ гусей-лебедей,
Сѣрыхъ уточекъ.
А теперь мнѣ пришлось на войну ходить,
На кровавый бой....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 197.

190.

Что по сѣнямъ было, сѣнямъ-сѣнечкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,
Что ходилъ-гулялъ добрый молодецъ,
Во рукахъ носилъ яснаго сокола;
Самъ соколу онъ наказываетъ:
«Полети, соколъ, куда я пошлю,
Куда я пошлю, куда я велю!

Полети, соколъ, да на чисто поле,
Со чиста поля да на святую Русь,
На святу Русь да въ каменну Москву!
Ты спустись, соколъ, да на Семеновской,
И ты сядь, соколъ, да на высокъ теремъ!
Ты спустись-спустись, соколъ, на окошечко,
Ты запой-запой жалобнешенько,
Ты скажи-скажи родной матушкѣ:
Ахъ, какъ мы живемъ въ горѣ да въ великомъ,
Какъ отъ слезъ насъ не могутъ утѣшити!
Ахъ, не съ кѣмъ намъ горя размыкати,
Горя размыкати, думы придумати!
Кабы ты, мнѣ родная матушка,
Родилась бы ты въ нашемъ лагерѣ,
Что да на бѣломъ горючемъ на камышкѣ,—
Еще тутъ бы мы съ тобой горе размыкали,
Горе размыкали, думу придумали,
Что и отъ слезъ бы насъ утѣшили!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 147.

191.

Далеко было, далече во чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ полынь-травушка
Разросталася....
Погорчѣе тебя, полынь-травушка,
Во всемъ полѣ нѣтъ!...
Потруднѣе тебя, служба царская,
Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ!...
Пристоялись у насъ ноженьки
Ко сырой землѣ;
Прищипало бѣлы рученьки

Къ строеву ружью;
Приглядѣлись очи ясныя
За Дунай рѣку....

Тверская губернія, Зубцовъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, № 3.

192.

Не бѣленькая березонька къ землѣ клонится,
Не шелковая въ полѣ травонька разстилается,—
Стелется-разстилается полынь горькая.
Нѣтъ тебя, полынушки, горьче въ полѣ нѣтъ!
Горьчѣе тебя, полынушка, служба царская,
Наша солдатская,
Царя бѣлаго Петра Перваго!
Не днемъ-то намъ, со вечера, солдатушкамъ, ружья чистити;
Со полуночи солдатушкамъ голова чесать,
Голова чесать да кудри пудрити;
На бѣломъ свѣту солдатушкамъ во походъ идти,
Во походъ идти, во строю стоять,
Во строю стоять да по ружью держать.
Пристоялись рѣзвы ноженьки ко сырой землѣ;
Придержались бѣлы рученьки къ огненному ружью;
Приглядѣлись очи ясныя за Дунай рѣку.
Ужъ мы ждали-то, дождали непріятеля,
Непріятеля да супостателя—короля шведскаго.
Выходилъ-то нашъ король шведскій изъ бѣла шатра;
Онъ смотрѣлъ русску силушку изъ ясна стекла,
Какова-то есть русска силушка, во строю стоитъ,
Во строю стоитъ да по ружью держитъ.

Пермская губернія, Соликамскій уѣздъ. Записки Уральскаго Общества любителей естествознанія, томъ VII, стр. 124 («проголосная»).

193.

Не шуми ты, не гуди въ чистомъ полѣ, дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думать....
Не ясенъ соколъ по крутымъ горамъ летаетъ,—
Добрый молодецъ по армеюшкѣ ѣздитъ-разъѣзжаетъ,
Что ни лучшаго себѣ молодчика выбираетъ:
«Кто бы могъ достать среди моря желтаго песочку?
Кто бы стеръ съ моей острой сабли красную ржаву?
Вскрылъ бы мои молодецкія бѣлыя груди,
Посмотрѣлъ бы, посмотрѣлъ бы ретивое мое сердце,
Отчего-то оно во мнѣ все изныло,
Безъ поры, безъ времячка молодца сокрушило?
Безъ огня-то оно, мое сердечушко, сгорѣло,
Безъ полымя-то оно, мое ретивое, сотлѣло!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 127.

194.

Ой, не туманушки, да они по балочкамъ,
Туманъ, братцы, разстилался,—
Двѣ армеюшки, онѣ царя бѣлаго,
Въ Доргахъ собирались.
Не ясенъ-то соколъ по поднебесью,
Высоко соколъ летаетъ,—
Добрый молодецъ, да онъ по армеюшкѣ,
Да онъ разъѣзжаетъ,
Да онъ ищетъ себѣ да хитраго-мудраго,
Ищетъ себѣ человѣка:
«Да и кто бы это могъ изо дна моря
Достать желтаго песку?
Да и кто бы это могъ изъ моихъ черныхъ ноженъ
Вынуть саблю острую?

Да и кто бы это могъ изъ этой острой сабли
Вывесть всю эту ржавчину?
Да и кто бы это могъ да этой острой саблей
Вскрыть мои груди бѣлыя?
Кто бы еще могъ изъ моихъ бѣлыхъ грудей
Вынуть сердце ретивое?
Посмотрѣлъ бы я на свое сердечушко,
Какъ оно во мнѣ изныло....
Охъ, болитъ-то, болитъ во мнѣ мое сердечушко,
Оно болитъ-ноетъ!»...

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 146.

195.

Охъ ты, служба наша нужная, сторона Грузинская!
Надоѣла ты намъ, служба, надокучила,
Добрыхъ коней позамучила
Частыми походами, тяжелыми подъемами!
Положила ты, служба, много казачьихъ головушекъ,
Прослезила ты, служба, много отцовъ-матерей,
Завдовила ты, служба, молодыхъ молодушекъ,
Позасиротила ты, служба, малыхъ дѣточекъ!

Донская область. Савельевъ, стр. 33.

196.

Ты, служба, ты, служба нужная,
Надоѣла, служба, надокучила,
Всѣхъ добрыхъ коней позамучила,
Тѣми-то было походами частыми
И караулами казацкими!
Какъ со вечеру, братцы, курьеръ прибѣгъ,

А заутра намъ приказъ отданъ,
Приказъ отданъ—въ походъ итить,
Итить, братцы, намъ за горы грузинскія,
За тѣ-то лѣса оссетинскіе....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 124.

197.

Да ты, служба наша, службица,
Служба государева!
Надоѣла намъ служба, она надокучила
Намъ, казаченькамъ;
Всѣхъ добрыхъ нашихъ коней, вотъ нашихъ лошадушекъ,
Она призамучила.
Мы день-то стоимъ, казаченьки,
Стоимъ на пикетушкахъ;
Ночь-то мы лежимъ, казаченьки,
Лежимъ на секретушкахъ.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ VII, стр. 102.

198.

Ой, ты взойди, ты взойди, да красное солнышко,
Взойди по утру раненько!
Ой, обогрѣй ты меня, да добраго молодца,
Стоя меня на пикетѣ,
Ой, на пикетѣ ты меня, добраго молодца,
На главномъ секретѣ!

Ой, простоялъ я свои да рѣзвыя ноженьки,
Стоя на пикетѣ;
Ой, просмотрѣлъ я свои очи ясныя
За Сулакъ за рѣку!

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 144.
Каждый второй стихъ повторяется.

199.

Какъ при стежкѣ, при дорожкѣ стоялъ бѣлъ шатерикъ.
Какъ во томъ бѣломъ шатрѣ молодой полковникъ.
Онъ конверты развертаетъ, указы читаетъ,
Онъ указушки читаетъ, казаковъ пытаетъ:
«Отчего вы, казаченьки, очень худы-блѣдны?»—
—«Оттого мы худы-блѣдны, что мы очень бѣдны.
Какъ мы день-то во походѣ, а ночь въ караулѣ;
Съ караула смѣняемся,—идемъ на бекеты;
Со бекетовъ смѣняемся,—идемъ на секреты,
Не разуты, не раздѣты!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 145.

200.

У часовеньки было бѣлокаменной,
У образа было позолоченнаго,
Собирался хоромъ (?) казачій кругъ.
Во кругу-то стоитъ знамечко,
Подъ знамечкомъ стоитъ стулечко,
На стулѣ сидитъ полковничекъ.
Онъ рѣчь говоритъ, что въ трубу трубитъ:
«Ой вы, други мои, донскіе казаки,
Вы, орлы мои сизокрылые,

Соколы мои поднебесные!
Кто изъ васъ на Кумѣ рѣкѣ бывалъ,
На Кумѣ рѣкѣ бывалъ, про Кубань слыхалъ?»
Какъ одинъ сказалъ, что «я не былъ тамъ»,
А другой сказалъ, что «и не слыхивалъ»;
Какъ и третій сказалъ, что «я самъ тамъ былъ:
Кубань рѣчка—быстрая, каменистая;
По рѣкѣ-то растутъ лѣса темные,
Во лѣсахъ живутъ мурзы горскіе!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 79.

201.

Ночи темныя, непроглядныя!
Надоѣло мнѣ, надокучило
На часахъ стоять, караулъ держать!...
Ой вы, други мои, вы, товарищи,
Вы, орлы мои сивокрылые,
Соколы мои поднебесные!
Кто изъ васъ, братцы, на Кумѣ бывалъ,
Кто изъ васъ, братцы, про Кубань слыхалъ?
Вызывался тутъ мальчикъ маленькій,
Казачекъ лихой молоденькій:
«Я-то, братцы, на Кумѣ бывалъ,
Я-то, братцы, про Кубань слыхалъ,
Про вершины ея чистыя:
Кубань рѣчка изъ-подъ Шатъ-горы,
И бѣжитъ она быстрехонько,
А служить-то тамъ тошнехонько!»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 144.

202.

Пролегала во полѣ дороженька;
Шириной она, дороженька, она не широкая,
Далиной она не далекая.
Никто-то, никто по этой дороженькѣ не проѣзживалъ;
Ни коннаго, ни пѣшаго по ней слѣду нѣту.
Проѣзжалъ по этой дороженькѣ удалъ добрый молодецъ;
Подъ нимъ добрый конь, его добрая лошадушка,
Худымъ она худенька, она притомленая да припотненая.
Пристигла его, добраго молодца, темная ноченька;
Сворачивалъ онъ, добрый молодецъ, со пути-дороженьки,
Приворачивалъ онъ, добрый молодецъ, къ кусточку горькому полыночку.
«Ты позволь, ты позволь мнѣ, кусточекъ, ночку ночевать!»—
—«Ты ночуй, ты ночуй, добрый молодецъ, ночуй, не убойся!
Постелюшка тебѣ, доброму молодцу,—что ковыль-травушка,
Въ изголовьице тебѣ—самъ кусточекъ,
Часовые тебѣ, доброму молодцу,—частыя звѣздочки,
Коню твоему, добрый молодецъ, коню—сѣрые волки!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 296.

203.

Какъ въ полѣ шляхъ-дороженька пролегала,
Она не широкая, въ длину жъ конца-края не было.
Какъ по этой-то по дороженькѣ шелъ младъ донской казакъ.

Онъ шелъ, оглядался, приглядалъ въ полѣ себѣ товарища;
Съ дорожки добрый молодецъ сворачивалъ.
«Богъ помощь тебѣ, кусточекъ полыночекъ!
Прикажи мнѣ, кусточекъ, ночку ночевать!»—
—«Ночуй, ночуй, молодецъ, ночуй, разудаленькій!
Вотъ тебѣ постелюшка—ковылъ-травушка,
А высокія изголовьица—полыночекъ,
Какъ и теплое одѣялице—темная ночушка,
Шитый-браный положочекъ—частыя звѣзды,
Какъ и крѣпкій караульщичекъ тебѣ—свѣтелъ мѣсяцъ!»
Свѣти, свѣти, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ, во всю темную ночушку!

Донская область. Савельевъ, стр. 131.

204.

Что у насъ-то было, братцы, въ рощицѣ,
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ со всѣми приборами—
Что со ружьецемъ, со саблею, съ большимъ мушкатантомъ;
Что со вечера, со полуночи поздно спать ложился,
По утру-то ранымъ-ранешенько ужъ онъ поднимался.
Умывался-то добрый молодецъ холодной росою,
Утирался-то онъ, добрый молодецъ, черною тафтою.
Что пришелъ-то онъ, добрый молодецъ, къ братьямъ, къ товарищамъ:
«Вы здорово ли, братья-товарищи, спали-ночевали?
А какъ мнѣ-то, добру молодцу, нынче не спалося,
Нынѣ-то мнѣ, доброму молодцу, много грезилося:

Что ходилъ-то, гулялъ, добрый молодецъ, да вдоль
по лужку,
Что по крутому по бѣлому бережку,
Что крутой берегъ, братцы-товарищи, будто обвалился,
Ужъ и я-то ли, добрый молодецъ, будто бы скатился,
Что за горькую, за безсчастную осину схватился;
Оттого я, братцы-товарищи, пробудился.»

Якушкинъ, стр. 581.

205.

Ахъ, какъ на дворѣ день вечеряетъ,
А подъ молодцемъ конь приставаетъ,
Молодецъ на конѣ недомогаетъ,
Кручина да молодца обуяла.
Какъ негдѣ молодцу пріютиться,
Отъ темныя ночи схорониться.
Онъ просится въ травку ночевати:
«Ой, травка-травушка ковылочекъ,
Пусти молодца ночевати,
Не годъ у тебя да годовати—
Едина мнѣ ночка ночевати!
Мнѣ цвѣтное платье обсушити,
Мнѣ добраго коня накормити!»
По утру трава провѣщаетъ:
«Вставай, молодецъ, пробужайся,
Со травы росою умывайся;
Правымъ рукавомъ утирайся!
Друзья-братья уѣзжаютъ,
Тебя, молодца, оставляютъ
На чужой дальной сторонкѣ,
На той ли на чужой незнакомой!»

Вставалъ молодецъ, пробуждался,
Со травы росою умывался,
Правымъ рукавомъ утирался;
Онъ кланялся на всѣ четыре сторонки:
«Здорово ли, братцы, спали-ночевали?
А я, молодецъ, нездорово:
Друзья-братцы уѣзжали,
Меня, молодца, покидали
На чужой дальней сторонкѣ,
На той ли на чужой незнакомой!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 173.

206.

Вечеринушка, красное солнце стало садиться,
Подъ добрымъ молодцемъ сталъ конь становиться.
Всѣ друзья-то, братья его покидають,
Какъ за горочку-бугорокъ они заѣзжаютъ.
Я голосомъ кричалъ,—они все не слышатъ;
Я фуражечкой махалъ,—они все не видятъ!
Сворачивалъ я, добрый молодецъ, съ пути-дорожки,
Приворачивалъ я, молодецъ, къ кусту полыночку.
«Какъ ты, кустикъ мой, полынь травушка,
Пусти меня, добра молодца, ночевати!
У меня ли, молодца, пристала лошадушка;
А друзья-то, братья меня покинули!»
Какъ снимаетъ сѣдельце со добра коня,
Пускаетъ добра коня на траву зеленую,
Постилаетъ добрый молодецъ бурочку черную,
Въ голова кладетъ сѣдельце черкесское,
Одѣвается своимъ сѣрымъ шинелемъ.

Донская область. Пивоваровъ, стр. 136.

207.

Ахъ, степь моя, степинушка,
Ничего въ тебѣ, степь, не обозначилось,
Ни травоньки, ни муравоньки, ни цвѣточка лаворева!
Только и есть въ тебѣ, степинушка, большая дороженька;
По этой дороженькѣ никто не ѣздитъ и не ходитъ.
Только шли по этой дороженькѣ казаченьки черноморцы.
Ничего мы на дикой степи не видали;
Только видѣли мы ракитовый кустикъ.
Изъ-подъ этого кустика протекала быстрая рѣка,
По прозваньицу быстрая рѣка Конторка;
По той рѣкѣ по Конторушкѣ проростала камышъ-трава.
Потихохоньку мы, посмирнехоньку по камышъ-травкѣ гуляли;
Мы просилися, казаченьки, у камышъ-травки ночевати:
Пусти насъ, камышъ-травонька, ночевати!
Намъ не годъ-то у тебя, камышъ-травонька, годовати,—
Одну темную ноченьку, камышъ-травонька, ночевати,
Государевыхъ добрыхъ коней намъ покормити,
Казенную збрую ратную намъ перебрати,
Провіантскую кашицу намъ похлебати!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 83.

208.

Ужъ вы, горы мои, горы крутыя!
Вы позвольте, горы, длѣ васъ постояти:
Намъ не годъ годовати—одну ночь ночевати,
Свинецъ-порохъ получати!

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ III, стр. 73.

209.

Соловей мой, соловей,
Ты куда, куда летишь,
Куда Богъ тебя несетъ?—
—Я лечу, лечу
Черезъ быструю рѣку,
Черезъ быструю рѣку
Во зеленый садъ.
Во зеленомъ во саду
Енаралъ гулялъ;
Енаралъ долго гулялъ
Съ енаральшею;
А молоденькій солдатикъ
На часахъ стоялъ;
Протянулися солдатику
Часы долгіе,
Показалися солдату
Ночи темныя.

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 171.

210.

А вскрикнули да два лебедя
Посередъ моря да на камушку:
«Охъ, и дай Боже, дай половодье,
Чтобы намъ на бережку покупаться
И желтаго песку повобаться!»

Какъ ускрикнули да два молодца
Посередъ поля да на площади:
«Охъ, и дай Боже, дай замиренье,
Чтобы наши цареви замирились,
Чтобы намъ на площади постояти
И на бѣлый свѣтъ поглядѣти!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Халанскій, № 7 (поется во время половодья).

211.

Бережечекъ выблется,
Да песочекъ сыплется,
Ледочекъ ломится,
Добры кони тонутъ,
Молодцы томятся.
Ино, Боже, Боже,
Сотворилъ ты, Боже,
Да и небо, землю;
Сотвори же, Боже,
Весновую службу!
Не давай ты, Боже,
Зимовые службы!
Зимовая служба—
Молодцамъ кручинно

Да сердцу надсадно;
Ино дай же, Боже,
Весновую службу!
Весновая служба—
Молодцамъ веселье,
Сердцу утѣха.
И емлите, братцы,
Яровы весельца;
А садимся, братцы,
Въ ветляны стружечки;
Да грянемте, братцы,
Въ яровы весельца,
Ино внизъ по Волгѣ!
Сотворилъ намъ, Боже,
Весновую службу!

Записано для англичанина Ричарда Джемса въ 1619—1620 году, вѣроятно, въ Холмогорахъ. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ I (1852 г.), стр. 9.

212.

Нашъ полковничекъ господинъ
Себѣ орденъ получилъ,
А намъ походикъ объявилъ.
Мы походовъ не боимся,
Больше радуемся;
Мы на конь сядемъ, поѣдемъ,—
Сами пѣсни запоемъ,
Въ Тифлисъ голосъ подаемъ.
Ты прости-прощай, Отрадная станица!
Прощай, красная дѣвица!
Мнѣ не жалко Отрадной станицы,
Жалко красной дѣвицы!
Мы въ походъ служить пойдемъ,

Съ собой дѣвицу возьмемъ!
Вы молитесь, дѣти, Богу:
Богъ надъ нами, только всегда съ нами,
Съ нами въ сторону служить пойдетъ....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія....
Кавказа, выпускъ VI, стр. 34.

213.

Нашъ полковникъ господинъ
Себѣ орденъ получилъ,
Намъ походецъ объявилъ.
Мы походовъ не боимся,
Больше радуемся;
Мы на-конь сядемъ, поѣдемъ,—
Сами пѣсни запоемъ.
Ты прости-прощай, наша станица!
Прощай, здѣшній край родной!
Наши жены стоятъ наряжены,
Насъ не чаютъ проводить....

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія....
Кавказа, выпускъ III, стр. 75.

214.

На горѣ комары,
Подъ горою мужики....
Каталися-валялися
Капитану въ ножки:
Капитанъ-порутчикъ,
Сизенькій голубчикъ!
Морозы студеные,

Сертуки холодные,
Рукавчики узки,
Шиты по-французски....

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 172.

215.

Изъ-за лѣсу-лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго,
Занималась заря ясная,
Восходило солнце красное.
Проходила тамо силушка,
Не большая, не малешенька—
Четыре полка тысячныхъ.
Идучи, мы заплакали,
На колѣнушки попадали:
«Государь нашъ, православный царь,
Поморилъ же ты насъ голодомъ;
Вотъ изъ голоду, изъ холоду....»
Отвѣчалъ имъ бѣлый царь:
«Ахъ вы, дѣтушки солдатушки,
Послужите по-малешеньку,
Вотъ малешенько—ровно три года!
Послѣ трехъ лѣтъ я васъ побалую—
По пяти рублевъ съ полтиною,
По три аршина сукна зеленаго.
Вы пошейте себѣ мундирушки,
А остаточки—вамъ на шапочки,
Обрѣвочки—на перчаточки,
Лоскутьеца—на заплаточки!»

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 174.

216.

Какъ не самъ-то я по дѣвицу ходилъ,
Никого-то вовсе къ ней не посылалъ;
Какъ сама-то ко мнѣ дѣвица пришла,
Какъ пришла, да выхваляла молодца:
«Ахъ ты, душечка удалый молодецъ!
Ты гораздъ, другъ, огонечекъ высѣкать,
Ты гораздъ, другъ, часты искры высыпать,
Ретивое мое сердце зажигать!»—
—Ахъ ты, душечка купеческая дочь,
Ты попомни, радость, прежнюю любовь,
Ты попомни, какъ къ тебѣ въ гости ходилъ,
Какъ безъ счету золоту казну носилъ,
Безъ аршинчика камку я отдиралъ,
Къ тебѣ, радость, для наряду посылалъ.
А какъ нынѣ прискудѣлось молодцу:
Поверстали во напольные полки.
Горе-горькое солдатское житье!
По немножку идетъ жалованье намъ:
По три денежки на суточки даютъ;
Тутъ хоть пей ты, тутъ хоть ѣшь ты, молодецъ,
Тутъ хоть къ дѣвицѣ съ подарками ходи!
Какъ пойду ль, пойду ль я, добрый молодецъ,
Съ тремя денежками въ рыночекъ гулять;
Я на денежку похлебочки куплю,
На другую хлѣба мягкаго возьму,
А на третію подарокъ дорогой;
Я ко дѣвицѣ съ подарочкомъ приду:
«Не погнѣвайся, мой миленькій дружокъ,
Ужъ теперь я—подневольный человѣкъ!
Нынѣ воля,—не при батюшкѣ моемъ;
Теперь нѣга,—не при матушкѣ родной!»

Кашинъ, книга I, № 13 («протяжная»).

217.

По улицѣ по широкой
Туманъ разстилался.
Какъ по этомъ по туманѣ
Сивъ голубь летаетъ,
Онъ летаетъ-летаетъ—
Голубку шукаетъ.
Голубушка улетѣла
На синее море,
Да на синее море,
На крутъ бережочекъ,
На желтый песочекъ.
Тамъ казакъ платье моетъ,
Да онъ моетъ, не моетъ,
Самъ голосомъ воетъ:
«Не казацкое то дѣло—
Что мыть платье бѣло;
А казацкое дѣло—
Во строю стояти,
Ружье заряжати,
Подъ черкесъ стрѣляти!»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ III, стр. 75.

218.

Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ,
Стояло туто деревце вельми высоко;
Подъ тѣмъ ли подъ древомъ выростала трава;
На той ли на травонькѣ разцвѣтали цвѣты,
Разцвѣтали цвѣты, все лазуревые;
На тѣхъ ли на цвѣтахъ разостланъ коверъ;

На томъ ли на коврѣ два брата сидятъ,
Два брата сидятъ, два родимые.
Большой-то братецъ въ цимбалы игралъ,
А меньшой-то братецъ пѣсню припѣвалъ:
Породила насъ матушка какъ двухъ сыновей;
Вспоилъ-вскормилъ батюшка какъ двухъ соколовъ;
Вспоивши-вскормивши, ничему насъ не училъ.
Научила молодцевъ чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, понизовы города.
Чужа дальна сторона безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру сушитъ и безъ морозу знобитъ.
Какъ думала матушка насъ вѣкъ не избыть,—
Избыла насъ родимая единымъ часомъ.
А теперь тебѣ, матушка, насъ вѣкъ не видать....

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 148.

219.

Въ полѣ-полѣ чистыимъ,
Стояло тутъ деревцо
Тонко, высоко;
Подъ этимъ деревцомъ
Травонька росла,
Травонька-муравонька,
Листомъ широка.
На этой на травонькѣ
Цвѣты разцвѣли;
На этихъ на цвѣтикахъ
Разставленъ шатеръ;
Во этомъ во шатерикѣ
Разостланъ коверъ;
На этомъ на коврикѣ
Столики стоятъ;
А на тѣхъ на столикахъ

Скатерти лежатъ;
На этихъ на скатертяхъ
Пойлице стоитъ.
У того у столика
Два стула стоятъ;
На этихъ на стуликахъ
Два братца сидятъ,
Два братцы родные,
Родимыхъ-родныхъ.
Большой-то меньшому
Ту рѣчь говорилъ:
«Братецъ ты мой, братецъ,
Родимый-родной!
Единая насъ матушка,
Братецъ, родила,
Не научивши уму-разуму,
Въ службу пустила.
Чужа дальняя сторонушка
Безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру, безъ вихря,
Безъ краснаго солнышка;
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журятъ!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 202.

220.

Выростала древушка тонка, высока,
Листомъ широка;
Подъ этимъ древушкомъ выростала травушка,
Трава шелкова;
На этой травушкѣ разостланъ коверъ;
На этомъ коврикѣ два стула стоятъ;

На этихъ стуликахъ два братца сидятъ.
Меньшiй къ большему рѣчи говоритъ:
«Что же ты, братецъ, ты не пьешь, не ѣшь,
Не веселъ сидишь?
Или тебѣ, братецъ мой, гульба не мила?»—
—«Все-то мнѣ мило, все-то хорошо;
Одна мнѣ не мила чужа сторона:
На чужой сторонушкѣ жить умѣючи,
Разумѣючи;
Быть сердечушкѣ покорливѣ,
Быть головушкѣ поклончивѣ!
А мое сердечушко не покорное;
А моя головушка не поклончива!»

Терская область. Терскiй Сборникъ, выпускъ I, стр. 142.

221.

Какъ на горкѣ-горочкѣ, тамъ древо росло,
Тонко, высоко, листомъ широко.
Подъ этимъ подъ деревцомъ выросла трава,
Выросла трава, трава шелкова;
На этой на травушкѣ равостланъ коверъ,
Равостланъ коверъ, коверъ шелковой;
На этомъ на коврикѣ два стула стоятъ,
Два стула стоятъ сосновые;
На этихъ на стуликахъ два братца родимые.
Какъ большой-то братъ меньшому, да онъ ему рѣчи говоритъ:
«Да что жъ ты, мой братецъ, не веселъ сидишь,
Не веселъ сидишь, не пьешь и не ѣшь?
Или тебѣ, братецъ, гульба не мила?»—
—«Да все-то мнѣ мило, да все хорошо;
Только мнѣ не мила чужа сторона:

На чужой сторонушкѣ жить умѣючи,
Быть учтивому да покорливому,
Держать головушку все поклонливую!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 266.

222.

Воздалече было, воздалеченьки въ чистомъ полѣ,
Какъ и росъ-выросталъ тамъ сырой дубъ;
Подъ тѣмъ-то было подъ сырымъ дубочкомъ росла трава зеленая;
Какъ на травушкѣ разостланъ ковричекъ;
На томъ-то ковричкѣ сидятъ три братца родимые,
Три донскіе казака.
Какъ старшій братъ въ звончатныя гусли играетъ;
Средній братъ гуслямъ пѣсню припѣваетъ;
А третій Грузинскую сторону проклинаетъ:
«Ты шельма-злодѣйка, Грузинская сторона!
Безъ вѣтру и безъ вихрю изсушила молодца,
Присушила черныя кудерцы ко буйной головѣ,
Вынула кровь-румянецъ съ моего бѣлаго лица,
Заставила добраго молодца пѣшимъ ходить,
Руки въ пазушкѣ носить!»

Донская область. Савельевъ, стр. 126.—Очень сходная пѣсня: Пивоваровъ, стр. 124.

223.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная?

Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмила красно солнышко.
Какъ далече во чистомъ полѣ,
Что стоялъ туто высокъ теремъ.
Что во томъ-ли-то во теремѣ,
Подъ косящатымъ окошечкомъ,
За стеклянною оконницей,
Что сидѣла тутъ боярыня;
Передъ ней стоитъ ей родной сынъ.
Говоритъ ли она плачучи:
«Ты, дитя ли мое милое,
Ты, дитя мое разумное,
Съ чего, дитятко, состарился?
Не жена ль тебя, дитятко,
Не жена ль тебя состарила?
Или малы твои дѣтушки?»—
— «Государыня ты матушка!
Не жена меня состарила,
Что не малыя ли дѣтушки;
А состарила меня, матушка,
Что чужа дальна сторонушка,
Грозна служба государева,
Что часты дальные походы все!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 184. Почти тожественная пѣсня: Прачъ 1790 года, № 9 («протяжная»).

224.

Какъ во садику во зеленому не кукушечка тамъ кукуетъ,
Во теремѣ во высокомъ мать по сыну слезно плачетъ,
По одиному по родимому тяжелехонько вздыхаетъ:

«Ты, чадо мое, чадо милое, ты почто, мое чадушко,
состарился?
Или я тебя, мое чадушко, состарила, иль мои долгіе
вѣки?
Или душечка молода жена, или малыя твои дѣтушки?»
Какъ отвѣтъ держитъ сынъ матери:
«Мать моя, матушка, мать моя родная!
Не ты меня состарила и не твои долгіе вѣки,
И не душа молода жена и не мои малыя дѣти;
Какъ состарила меня чужа дальняя сторонушка,
Да разъѣзды были частые,
Караулы были крѣпкіе,
И переходы были долгіе.»

Донская область. Савельевъ, стр. 147

225.

Ой, не по морюшку было, было-то по синему,
Ой, не бѣлый-то ли лебедь,
Ой, онъ, лебедикъ, восплывалъ;
Ой, не черный-то ли воронъ, да онъ во темныхъ-то
ли лѣсахъ,
Ой, да воронъ воскаркнулъ,
Ой, онъ воскаркнулъ;
Ой, не во сыромъ бору рябая кукушечка,
Ой, кукушечка вскуковала,
Ой, вскуковала;
Охъ, какъ во теремѣ родная матушка,
Мать по сыну слезно плакала,
Ой, слезно плакала:
«Охъ ты, дитя ли ты мое, дитя мое, дитятко,
Да чадушко мое милое,
Ой, чадо милое!

Охъ, отчего же ты, дитя, да ты, мое дитятко,
Да ты такъ рано состарился,
Ой, вотъ, состарился?
Охъ, какъ головушку твою, да ты, мое дитятко,
Сѣдинушка пробивать стала,
Ой, пробивать стала;
Охъ, а бородушка твоя, да ты, мое дитятко,
Бородушка какъ лунь бѣлая,
Ой, какъ лунь бѣлая....
Охъ, да не я-то ли тебя, дитятко мое, состарила,
Или твоя молодая жена,
Ой, молода жена?»—
—«Охъ, не тебѣ-то ли было, родимая матушка,
Меня, молодца, было спрашивать,
Ой, было спрашивать;
Охъ, не мнѣ-то ли было, да доброму молодцу,
Не мнѣ тебѣ было сказывать,
Ой, было сказывать!
Охъ, государыня моя, родимая матушка,
Да не ты, не ты меня состарила,
Ой, вотъ состарила;
Охъ, какъ состарила меня, ой, добра молодца,
Состарила служба царская,
Ой, служба царская;
Охъ, да состарили меня походушки частые,
А перемѣны рѣдкія,
Ой, онѣ рѣдкія!»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 119.

226.

Не черной воронъ во темныхъ лѣсахъ, онъ воскаркнулъ,
А матушка во высокомъ теремѣ,
По сыну она слезно плакала:

«Ты, дитя ли мое, чадо милое,
Отчего такъ скоро ты состарился?
Не сѣдинушка ли, она по твоей головушкѣ,
Она пробивать стала;
Почетная она, твоя бородушка,
Она стала бѣлѣй луня бѣлаго;
Состарила тебя, мое чадо милое,
Молодая жена со малыми дѣтками!»
Отвѣтъ держалъ сынъ матери:
«Не жена душечка меня состарила,
А состарила меня, родимая матушка,
Чужа дальная сторонушка,
Частые меня состарили походушки
И рѣдкія меня перемѣнушки.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 277.

227.

Ее матушка своему сыну говорила навсегда:
«Ты, чадо мое, чадушко, чадо милое!
Отчего ты, мое чадушко, не бѣлый ходишь, не румянъ?»
Отвѣчаетъ сынъ родной матери:
«Оттого я хожу, родная матушка,
Хожу не бѣлый, не румяный:
Я служилъ-служилъ, родная матушка,
На чужой дальней сторонѣ,
Во Крымской дальней слободѣ.
Полюбила меня, добраго молодца,
Красная дѣвушка всей душой;
Велѣла мнѣ, доброму молодцу,
Прійти въ вечеру позднымъ-поздно.
Не дождался я, добрый молодецъ,

Поры-времячка, пошелъ къ дѣвушкѣ;
Я взошелъ-взошелъ насередь двора,—
Увидалъ меня, добраго молодца,
Увидалъ молодой крымецъ изъ окна;
Онъ погналъ за мной, добрымъ молодцемъ,
Вдо́ль по улицѣ широкой въ погонь;
Онъ догналъ меня, добраго молодца,
Догналъ середи моего пути;
Онъ хватилъ меня, добраго молодца,
Поперекъ сердца моего, живота;
Онъ поднялъ меня, добраго молодца,
Выше буйной своей головы;
Онъ ударилъ меня, добраго молодца,
О сырую землю животомъ;
Оттого я хожу, родная матушка,
Я не бѣлый и не румянъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 209.

228.

Какъ и мать сына спрашивала:
«Ты, дитя мое, дитятко милое!
Отчего ты, дитя, не бѣлъ, не румянъ?»
Сынъ матери отвѣтъ держалъ:
«Какъ я былъ, какъ служилъ во дальней сторонѣ,
Во дальней сторонѣ, что во Греческой землѣ,—
Пріобычилась мнѣ молодая гречаночка,—
Повелѣла мнѣ въ вечеру поздно придти.
Я жъ, не дождавшись поры-времячка,
Ко гречаночкѣ пошелъ.
Увидалъ меня молодой гречинъ изъ окна;
Онъ сустрѣтилъ меня середи двора,
Ухватилъ онъ меня поперекъ живота,

Приподнялъ онъ меня выше буйной головы,
Онъ ударилъ меня о сырую землю;
Оттого я не бѣлъ, не румянъ.»

Терская область. Терскія Вѣдомости 1868 года, № 52.

229.

Да во полѣ-то, братцы, во чистомъ полѣ,
Какъ не два-то ли орла вмѣстѣ солеталися;
Да не два-то ли братца, два родимые, они соѣзжалися,
Не доѣхавши, фуражечки поснимали, они здоровлялися:
«Ужъ ты, братъ мой, утробный братъ,
Да и гдѣ же мы съ тобой ночку ночевать будемъ?»
Среди пути-дороженьки братцы становилися,
Пораскинувши свои теплыя бурочки, они спать ложилися;
Своими рученьками обнималися, во сахарныя уста цѣловалися:
Почуяло ихъ ретиво сердце, что они больше уже не свидятся.

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 86.

230.

Не сизы орлы солеталися,
Два братца родные во чистомъ полѣ соѣзжалися,
Родною роднею сознавалися,
Бѣлыми руками обнималися,
Во сахарныя уста цѣловалися.
Какъ меньшой братъ большому рѣчь возговорилъ:
«Гдѣ-то мы, братецъ, темную ночь ночевать будемъ?»—

*

—«Заночуемъ подъ сырымъ дубомъ, дубочкомъ зелененькимъ.»
Бѣлыми ручками снѣжокъ разгребали,
Сабелька о сабельку огонюшекъ вырубали,
Калеными стрѣлочками огонь разводили,
Кровавыя ноженьки къ огню пригрѣвали....

Донская область. Савельевъ, стр. 127.

231.

Ахъ ты, дорожечка, да дорожечка,
Путь широкая да Московская,
Потаковщица ворамъ да разбойникамъ,—
Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ!
Во Облукѣ, славномъ кабакѣ,
Что за стойкой государевой,
Сидитъ молодецъ, думу думаетъ;
Онъ повѣсилъ да буйную голову
Что ко матушкѣ ко сырой землѣ.
Говорилъ онъ таковы рѣчи:
«Голова ль ты моя, да головушка,
Молодецкая да солдатская!
До чего тебѣ дошататися
По всему ли да свѣту бѣлому,
По всему ли царству Московскому....»
Едина ли дочь у батюшка,
У родимыя да у матушки,
Подлѣ рощи шла, не боялася
Что ни вора, да ни разбойника,
Что ни плута, да ни мошенника;
Одного-ли-то въ рощѣ убоялася—
Своего ли друга милаго,
Что пріятеля сердечнаго....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (O. XIV. 11), № 89. Каждый стихъ повторяется.

232.

Ночи мои темныя, вечера веселые!
Ужъ я всѣ ночи просиживаю,
Ужъ я всѣ-то думы передумаю;
Какъ одна дума съ ума нейдетъ.
Кабы были у меня сизы крылушки,
Еще бъ были бъ у меня волотыя перышки,
Воспорхнулъ бы, воспорхнулъ бы высоко,
Полетѣлъ бы далекохонько,
Я слеталъ бы на свою сторону,
Ужъ я сѣлъ бы на широкій на свой дворъ,
Поглядѣлъ бы, посмотрѣлъ бы я
Что на свой ли на высокъ на теремъ.
Какъ въ томъ-то терему стоятъ три стола.
За первымъ-то за столикомъ родной батюшка сидитъ;
За другимъ за столикомъ родна матушка;
За третьимъ за столикомъ молода жена
Со малыми-то со дѣтушками.
Ужъ вы, дѣти мои, дѣти сирыя!
Еще нѣтъ-то у васъ родна батюшки!

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 184.

233.

По синю морю Хвалынскому
Лебедь съ орликомъ купаются,
Они купаются, пытаются:
Ужъ ты, орликъ-орелъ сизокрыленькій,
Не бывалъ ли, орелъ, на моею сторонѣ,
Не видѣлъ ли отца съ матерью,
Не тужатъ ли, не плачутъ ли они обо мнѣ,

Тужатъ-плачутъ, сокрушаются,
Меня съ службы дожидаются,
Меня съ службы, съ чужою стороны?...

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 58 («обыденная»).

234.

Какъ не ясенъ-то соколъ, соколъ по горамъ ле-
талъ,—
Молодой-то офицеръ по полкамъ скакалъ.
Молодые казаки его во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, всѣ на коняхъ сидятъ.
Какъ одинъ-то казачекъ сидитъ, призадумался.
Подъѣзжалъ тутъ къ нему младъ полковничекъ,
Началъ спрашивать его, все выспрашивать:
«Что ты, что ты, казачекъ, сидишь, призадумался?
Или жалко тебѣ свою казачью сторонушку?
Или жалко тебѣ отца съ матерью?
Или жалко тебѣ свою молодую жену?
Или жалко тебѣ, казакъ, малыхъ дѣтушекъ?»
Отвѣчалъ казакъ правду-истину:
«Нѣтъ, мнѣ жаль только малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ горемычныихъ,
Что остались они наги, босыя;
Насидятся теперь за столомъ голодныя,
Наглядятся они кусочка поданнаго.»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 115.

235.

Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ,
По алымъ цвѣтамъ, по лазоревымъ,
Тутъ стоялъ-то полкъ казаченьковъ.

Какъ всѣ-то казаченьки во фрунту стоятъ,
Во фрунту стоятъ, по своимъ мѣстамъ;
Какъ одинъ-то казакъ позадѣ полку,
Позадѣ фрунту;
Онъ и думаетъ думу крѣпкую.
Подходилъ къ нему младъ урядничекъ,
Онъ и сталъ его выспрашивать:
«Охъ, ты что, казакъ, призадумавшись стоишь?
Или думаешь думу крѣпкую?
Или жаль тебѣ, казакъ, отца съ матерью?
Или жаль тебѣ роду-племени?
Или жалко тебѣ свою сторону?»—
—«Мнѣ не жаль-то отца съ матерью,
Мнѣ не жаль-то свою сторону,
Только жалко мнѣ малыхъ дѣтушекъ!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 183.

236.

Какъ за тѣми было за Бештовыми крутыми горами;
Какъ за тѣми было за дремучими темными лѣсами;
Тамъ ходилъ-гулялъ есаулъ донской съ донскими казаками,
Разстанавливалъ тамъ есаулъ донской частые пикеты.
Разстановивши есаулъ донской, онъ самъ приповднился,
Не вечерявши, есаулъ донской, онъ спать ложился.
По утру рано есаулъ донской просыпался,
Ключевою студеною водицею чисто умывался,
Тонкимъ бѣленькимъ платкомъ утирался,
На восходѣ солнца онъ Богу молился;
На всѣ стороны низко поклонился.

«Да здорово ль вы, мои станичники, спали себѣ, но-
чевали?
Ахъ, и я ли, есаулъ донской, не дюже здорово.
Получилъ я себѣ съ тихаго Дона бѣлую бумагу,
Да за тою было за станичною черною печатью.
Да написаны въ ней, во той во бумагѣ, такія рѣчи:
Что родимаго моего батюшки, его въ-живѣ нѣту,
А родимая моя матушка, она чуть живая;
Да жена моя, каналья, она пьетъ-гуляетъ;
А какъ малыя мои дѣточки, они ходятъ, плачутъ,
Во слезахъ-то они, малыя дѣточки, меня поминаютъ:
«Да когда-то нашъ батюшка со Грузіи будетъ?»

Донская область. Савельевъ, стр. 159.

237.

Ты, берева моя, да моя кучерявая!
Ты не стой, ты не стой, не стой надъ быстрой рѣ-
кой!
Эта рѣчушка бѣжитъ—не утомится,
Она врозь разольется.
Разливалась рѣчка, она по желтымъ пескамъ.
Какъ расплакался вотъ нашъ молодой казакъ
Предъ своимъ-то паномъ, молодымъ полковничкомъ:
«Да ты, батюшка нашъ, молодой полковничекъ!
Ты пусти, ты пусти меня со полка домой!
У меня-то дома случилось несчастьице:
Какъ и померъ-то мой родименькій батюшка;
А родная моя матушка, да лежитъ она, преста-
вляется!»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія....
Кавказа, выпускъ III, стр. 74.

238.

Заводы ли вы мои фабричные,
Мои горемычные!
Ужъ и дайте-тка знать, кто этотъ заводъ завелъ!
Завела-то ли заводъ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка душа Палагеюшка;
Не достроивши заводъ, сама въ лѣсъ пошла.
Не въ лѣсу ли Машенька заблудилася,
На рябинушку Маша засмотрѣлася.
Ты, рябина ли моя кудрявая,
Разкудрява рябина моя моложавая!
Ты не стой-ка, рябина, близко къ бережку,
Близко къ бережку не стой, не стой ко Дунай-рѣкѣ!
По Дунаю по рѣкѣ плыветъ легка лодочка,
Легка лодочка плыветъ, лодка изукрашена,
Тонкимъ бѣлымъ парусомъ лодка изувѣшена,
Молодцами лодка изукрашена.
Середи-то лодочки сидитъ графъ-полковничекъ.
Какъ по бережку идетъ рядовой солдатъ,
Рядовой солдатъ идетъ-идетъ, низко кланяется,
Низко кланяется солдатъ, солдатъ домой просится:
Ты пусти меня, графъ-полковничекъ,
Ты пусти-ка меня въ домовой отпускъ:
У меня ли въ домѣ, во дому три несчастьица:
Какъ и перво несчастье—батюшка впереди лежитъ;
А другое несчастье—матушка скончалася;
А и третье несчастье—жена за гульбой пошла,
За гульбой пошла, себѣ худу зла она жела (?),
Худу зла она жела, семерыхъ нашла....
Дѣ и мать-то плачетъ, тутъ рѣки прошли;

Дѣ сестра-то плачетъ, тутъ колодцы воды;
Дѣ жена-то плачетъ, роса утрення;
Какъ солнышко взойдетъ, роса высохнетъ.

Владимирская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 23.

239.

Вы, заводы ли, вы, заводушки,
Вы, кирпичные, горемычные!
Завела-то васъ красна дѣвица,
Красна дѣвица Пелагеюшка,
Завела-то васъ, сама въ лѣсъ пошла.
Въ лѣсу дѣвица заблудилася,
На рябинушку заглядѣлася.
«Ты, рябинушка, ты, кудрявая,
Ты, кудрявая, моложавая,
Ты не стой, не стой близь быстрой рѣки,
Близь быстрой рѣки—Волги матушки!
Какъ весна придетъ, съ горъ вода польетъ,
И подмоетъ всѣ твои корнюшки,
Разнесетъ твои листья ранніе....»

Кашинъ, книга I, № 29 («протяжная»).

240.

Вы, заводы мои, вы, заводушки,
Вы, кирпичные, горемычные!
Ино, кто жъ это заводилъ заводъ?
Завела заводъ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка сиротинушка,
Завела заводъ, не достроила,

Недостроивши, сама въ лѣсъ пошла;
Въ лѣсу дѣвушка заблудилася,
На рябинушку разглядѣлася.
«Ты, рябина моя, рябинушка,
Ты, кудрявая, моложавая!
Ты когда взошла, когда выросла?
И когда цвѣла, когда вызрѣла?»—
—«Я весной взошла, лѣтомъ выросла;
По зарямъ цвѣла, солнцемъ вызрѣла;
Частымъ дождичкомъ наливалася!»

Новгородская губернія, Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, выпускъ III, стр. 9.

241.

Вы, заводы ли мои, заводушки,
Вы, заводы ли мои фабричные,
Вы, фабричные да горемычные!
Завела заводъ красна дѣвица,
Завела заводъ, да не окончила,
Не окончила, заводъ бросила,
Заводъ бросила, за гульбой пошла,
За гульбой пошла, за прохладушкой,
За прохладушкой, да загулялася,
Подъ рябинушкой застоялася.
Ты, рябина ли моя, рябинушка,
Ты, рябина моя кужлявая!
Мой етъ милой другъ кудрявенькій....

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 76.

242.

Не студенъ-холоденъ вѣтеръ подуваетъ....
Да не ласточка, не касаточка, она къ молодцу прилетала,
Она разныя вѣстушки, она щебетала:
Что ни батюшки, ни матушки, да ихъ въ живыхъ нѣту;
Родимая теща его, она сидитъ у сосѣдушки;
Молодая жена его, она замужъ вышла....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, выпускъ XV, стр. 295.

243.

Гулялъ Ванюшка недѣльку, гулялъ-гулялъ Ваня двѣ;
Въ томъ гуляньицѣ веселья Ваня не нашелъ,
Сударушку-разлапушку до худой славы довелъ.
Не за то ли Ванюшку дружочка во солдаты отдаютъ?
Испрошелъ же Ванюшка дружочекъ всѣ губерни-города,
Не нашелъ онъ, Ванюшка дружочекъ, супротивъ солдатскаго хуже житья.
Какъ солдатское житье да равнесчастно—ни въ чемъ счастья судьба не дала,
Ни въ батюшкѣ, ни въ матушкѣ, ни въ молоденькой шельмѣ-женѣ.
Какъ молоденька шельма-жена, за гульбой она пошла;
Своихъ маленькихъ ребятокъ по пріемышамъ она раздала,
По тетушкамъ, по дядюшкамъ, по всѣмъ сродникамъ своимъ.

Самарская губернія, Николаевскъ. Варенцовъ, стр. 195.

244.

Да полно жъ тебѣ, добрый молодецъ, на чужой сторонушкѣ пить-гулять!
Не пора ли тебѣ, добрый молодецъ, на тихій Донъ пойтить-побывать?
Какъ и я, молодецъ, съ тоски, со кручинушки на конюшенку пойду,
Я возьму-то, возьму тесмененькую уздечечку,
Обротаю своего добраго коня,
Подложу я, добрый молодецъ, въ три-рядъ бумажны потнички,
А въ четвертый рядъ подложу шелковенькіе,
Осѣдлаю я коня черкасскимъ легенькимъ сѣдломъ,
Я поѣду, молодецъ, въ чисто поле гулять,
Я не столько погулять—три дорожки узнавать:
По которой мнѣ дорожкѣ пойтить на Донъ побывать?
Мнѣ прійтить-то, молодцу, къ отцу-матери,—то-ли живы они, то-ли нѣтъ?
Къ роду-племени молодцу прійтить,—не угадаютъ они меня, добраго молодца!
Къ молодой женѣ мнѣ прійтить,—у ней лучше меня теперь есть!
Ужъ съ того-то горя, со кручинушки во царевъ кабакъ пойду!

Донская область. Савельевъ, стр. 134.

245.

Полно тебѣ, добрый молодецъ, по Молдавіи гулять!
Не пора ли, добрый молодецъ, на тихій Донъ побывать?
—Какъ пойду я, добрый молодецъ, на квартирушку свою,

Возьму я, возьму, добрый молодецъ, тесменную узду,
Пойду я, добрый молодецъ, на конюшенку свою,
Поймаю, добрый молодецъ, своего добраго коня,
Осѣдлаю его черкесскимъ лёгонькимъ сѣдломъ,
Поѣду я, добрый молодецъ, во чисто поле гулять,
Всѣ я стежки, всѣ дорожки я пытать:
По которой бы мнѣ на тихій Донъ пройтить?
Какъ и первая дорожка—къ отцу, къ матери;
Вторая путь-дорожка—къ молодой женѣ;
А какъ третья путь-дорожка—къ роду-племени.
Какъ поѣду я, добрый молодецъ, къ отцу-матери,—
То-ли живы будутъ они, то-ли нѣтъ?
Какъ поѣду я, добрый молодецъ, къ молодой женѣ,—
То-ли дома она будетъ, то-ли нѣтъ?
Какъ поѣду я, добрый молодецъ, къ роду-племени,—
Не то рады они будутъ мнѣ, не то нѣтъ....
Какъ поѣду я, добрый молодецъ, во царевъ кабакъ,
Наберу я, добрый молодецъ, зелена вина....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 116.

246.

Какъ у моря-моря синяго, неугасимаго,
У пристаньица корабельнаго,
Тамъ стоятъ кони переузданы,
Переузданы, пересѣдланы.
Православный царь на войну пошелъ
Войны воевать, города разбивать.
Какъ за нимъ бѣжатъ изъ Москвы гонцы,
Изъ Москвы стрѣльцы, добрые молодцы:
«Воротись домой: твоя жена дочь родила!»—
—«Я для дочери не вернусь домой:

Дочь мнѣ не скорый посолъ, не перемѣнушка.
Я для сына ворочусь домой:
Сынъ мнѣ скорый посолъ, перемѣнушка.»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 111.

247.

Ужъ ты, роща ль моя, роща зеленая!
Ужъ и чѣмъ ты, роща, изукрашена?
Изукрашена роща калиной-малиной.
На калинушкѣ сидитъ соловей пташка,
На малинушкѣ сидитъ канареюшка.
Ты, дороженька моя широкая, столбовая!
Да никто по тебѣ не прохаживалъ,
Никто слѣду не прокладывалъ.
Только шелъ тутъ, прошелъ донской казакъ;
За донскимъ казакомъ лошадей косякъ,
Лошадей-то косякъ, государскихъ коней.
Государскіе-то кони крѣпко ранены.
Напередъ-то бѣжитъ сивъ-чубарый конь,
На конѣ-то сидитъ младъ казаченекъ,
Младъ казаченекъ, генеральскій сынъ,
Генеральскій сынъ, капитанскій чинъ.
А подъ нимъ-то конекъ призадумался.
Генеральскій сынъ съ конемъ рѣчь говорилъ:
«Ужъ ты, конь мой, конь. добра лошадь моя!
Ты травой, конь, идешь,—ты травы не мнешь;
Ты водой, конь, идешь,—ты воды не пьешь;
Или я на тебѣ, конь, тяжелъ больно сижу?»—
—«Не тяжелъ ты сидишь, добрый молодецъ:
Тяжела твоя шуба лисія,
Тяжелѣе того сабля вострая!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 85.

248.

Ой ты, рощица моя раззелененькая,
Зеленая рощица разсосновенькая!
Какъ во рощицѣ есть полянушка,
Черезъ полянушку есть дороженька.
Какъ по ней-то никто не хаживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ;
Только шелъ-прошелъ молодой табунъ.
Напередъ-то идетъ сивъ-чубарый конь;
На конѣ-то сидитъ молодой сержантъ,
Молодой сержантъ, злой татарченокъ,
Злой татарченокъ-басурманченокъ,
Офицерскій сынъ, генеральскій чинъ.
Онъ и самъ съ конемъ разговариваетъ:
«Ой, ты что жъ, мой конь, не веселъ идешь?
По лугамъ идешь,—травы не рвешь;
По озерамъ идешь,—воды не пьешь;
Или что я, конь, на тебѣ сижу?
Тяжела ли моя збруя ратная?

Саратовскій уѣздъ. Саратовскій Сборникъ, томъ II (1882 года), стр. 307.

249.

Ахъ, долина моя, ты, долинушка,
Ты, широкое мое раздольице!
Какъ не пѣшъ-то я по тебѣ хожу
И сѣделице за плечами ношу,
Цвѣтно платье въ торока вяжу,
А добра коня въ поводу веду,
За тоненькій поводъ шелковый,
За ту узду за тесмянную,

За то кольцо за серебряно.
Хозяинъ-то рѣчь возговоритъ:
«Что, рѣзвый конь, не веселъ стоишь,
Повѣсилъ ты свою буйную голову?
Аль я на тебѣ тяжелъ сижу?
Аль тяжела моя збруя ратная?
Аль остро копье булатное?»
Конь хозяину рѣчь возговоритъ:
«Ты, хозяинъ мой, мой ласковый!
Не тяжелъ ты на мнѣ сидишь,
Не тяжела твоя збруя ратная,—
Тяжелы твои дальни переходушки,
Безводица, коню, безкормица;
А мнѣ, коню, идти по неволюшкѣ,
А тебѣ, добру молодцу, по охотушкѣ.
Тяжела мнѣ служба Чуманова,
Чуманова сына Урманова.»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 108. — Очень сходная пѣсня Сахаровъ, книга III, стр. 248.

250.

Шириной ты, дорожка, не такъ широка;
Далиной ты, дорожка,—конца-краю нѣтъ.
Что никто по тебѣ не прохаживалъ;
Никто слѣду не прокладывалъ.
Только гнали по тебѣ табунъ коней,
Табунъ-то коней государевыхъ,
Государевыхъ коней крѣпко раненыхъ.
Напередъ-то бѣжитъ сивъ-чубарый конь;
На конѣ-то сидитъ младъ полковничекъ.
«Ужъ и что жъ ты, конь, не веселъ идешь?
Ты лугами, конь, идешь,—и травы не рвешь;
Озерами, конь, идешь,—и воды не пьешь;

Али я на тебѣ тяжелъ сижу?»—
—«Мнѣ не тяжела твоя збруя ратная;
Тяжела мнѣ твоя служба царская.
Какъ заутра мнѣ, коню, быть убитому,
Тебѣ, доброму молодцу, крѣпко ранену!»
Какъ и сталъ молодецъ въ грѣхахъ каяться:
«Какъ и первый мой грѣхъ—отца-мать бранилъ,
Какъ второй мой грѣхъ—я сноху любилъ!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 197.

251.

У колодезя у холоднаго добрый молодецъ коня поилъ:
На кизиловый онъ приколъ становилъ.
«Отчего ты, душечка добрый конь, не веселъ стоишь?
Или на тебѣ тяжело черкесское сѣдельце лежитъ?
Или я самъ на тебѣ тяжелъ сижу?»—
—«Не тяжело-то сѣдельце черкесское на мнѣ лежитъ,
И не тяжелъ ты самъ на мнѣ сидишь,
А тяжелъ-то мнѣ твой царевъ кабакъ!
Какъ часто ты во кабакъ заѣзжаешь,
Меня къ дубову столбу привязываешь,
Самъ зелена вина напиваешься;
На меня-то, добраго коня, садишься, на обои боки ты вихляешься,
Мною, добрымъ конемъ, выхваляешься;
Оттого-то я худъ и не веселъ стою.»

Донская область. Савельевъ, стр. 126.

252.

Что подъ грушею было, было подъ кудрявою,
Молодой-то ли казакъ, да казакъ все починъ держалъ,
Онъ починъ-то держалъ, казакъ, все коня кормилъ,
И кормилъ-то коня, онъ его выглаживалъ,
Казакъ все коня разспрашивалъ:
«Почему же ты, конь, ты не пьешь, не ѣшь,
Не веселъ стоишь?
Все состарила тебя, а все только служба царская?
Тяжела тебѣ чужая сторона?
Тяжело тебѣ сѣдло черкесское?»—
—«Не состарила меня, а все только служба царская,
Не тяжелая мнѣ чужа сторона,
Не тяжелое мнѣ все сѣдло черкесское,—
Тяжелымъ мнѣ тяжело, когда ты пьяный напиваешься,
Да и мною, конемъ, а ты выхваляешься.»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 74.

253.

Не жалко эту дороженьку, что она запылена;
Только жалко эту дѣвочку, что она зажурена.
Запылена эта дороженька буйными вѣтрами;
Зажурена дѣвочка прежними друзьями.
Дуракъ казакъ дѣвчоночку журитъ-бранитъ не за дѣло,
А за самое бездѣльице—за коника воронаго.
Казакъ коника пытаетъ: «съ чего, коникъ, зажуреный?

Овесъ-сѣно у тебя все цѣлое, ключевая вода не почата.
Али ты, мой конечекъ, чуешь походы дальніе?»—
—«Мнѣ не страшны, мой хозяинъ, твои походы дальніе;
Только страшны, мой хозяинъ, корчемочки частыя;
Еще страшнѣе, мой хозяинъ, дѣвчоночки молоды!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 139.

254.

Какъ былъ у молодца конь, конь заносистый,
Занесъ молодца въ зелены луга.
Въ зеленыхъ-то лугахъ выростала травушка,
Со конемъ равнялася.
Какъ порѣзалъ я своему коню ноженьку
По самую щеточку.
На конѣ-то сижу, молодецъ, думу думаю....
Скинулъ я съ шеи шелковый платокъ,
Завязалъ своему коню ноженьку.

Донская область. Пивоваровъ, стр. 138.

255.

Ахъ ты, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта?
Во Московскомъ государствѣ,
Во Кремлѣ, во славномъ городѣ,
Что во томъ было соборѣ во Успенскомъ,
Что у праваго у крылоса,
Молодой сержантъ Богу молится,

Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется.
Въ возрыданьѣ слово вымолвилъ:
«Разступись ты, мать сыра земля!
Ты раскройся, гробова доска!
Развернися, золота парча!
Пробудись ты, нашъ батюшка православный царь,
Погляди на свое войско милое,
Что на милое и на храброе!
Безъ тебя мы осиротѣли,
А осиротѣвъ, мы обезсилѣли.»

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 36.—Три сходныя пѣсни: Кирѣевскій, вып. IX, стр. 264—265.

256.

Во матушкѣ во Россеюшкѣ,
Во Россеюшкѣ, въ кременной Москвѣ,
У крыльца-то дворца было у царскаго,
Часовой стоитъ, какъ свѣча горитъ,
Слезно плачетъ, приговариваетъ:
«Вы подуйте, вѣтры буйные,
Пошатните горы крутыя, лѣса темные,
Разнесите, вѣтры, царскую могилушку!
Ты возстань, возстань, грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ!
Посмотри-ка на свою Россеюшку,
Посмотри на свою армеюшку:
Стоитъ не по старому, стоитъ не по прежнему;
Ужъ усы-то, бородушки повыбриты,
Кудри длинныя пообстрижены.»

Терская область. Терскія Вѣдомости 1868 года, № 51.

257.

Какъ у насъ то было на святой Руси,
Въ славномъ городѣ было Питерѣ,
Въ Петропавловской было крѣпости;
Тутъ-то сидятъ удалы добры молодцы.
Заодно они думу думали,
Однѣ рѣчи они говорили:
«Вы подуйте-ка, вѣтры буйные,
Вы снесите-ка съ горъ желты пески,
Съ горъ желты пески, съ гробовой доски!
Ты возстань-ка, возстань, наша матушка,
Благовѣрная государыня,
Катерина свѣтъ Алексѣевна!
Осмотри-ка ты свою армію,
Осмотри-ка ты свою гвардію
И любимый полкъ Семеновскій:
У насъ служба-то перемѣнена;
Всѣ начальники стали грозные,
А полковнички безтолковые;
Государь-то сталъ прогнѣванный;
Мы, солдатушки, въ крѣпости сидимъ.»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 321.

258.

Просвѣти, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Просвѣти мнѣ путь-дороженьку,
Путь-дороженьку вплоть до города,
Вплоть до города въ кременну Москву,
Въ кременну Москву, ко дворцу князя,
Ко дворцу князя Шереметьева,

А къ крылечку ко дворцу государеву!
Молодой казакъ у нихъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, крѣпко призадумался.
Во правой рукѣ держитъ саблю острую,
А въ лѣвой рукѣ держитъ боевой зарядъ....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 277.

259.

Во лужкѣ-то было, во лужочкѣ во зеленомъ,
Собиралась тамъ наша армеюшка во единый кругъ.
Середи-то круга, середи казачьяго разостланъ шелковый коверъ,
А на коврикѣ стоялъ раздвижной стуликъ,
На стулу-то сидѣлъ донской атаманушка.
Передъ нимъ же стоятъ донскіе казаки,
Во рукахъ держатъ знамя—золотой бунчукъ;
Они просятъ атаманушку:
«Напиши намъ, атаманушка, съ Дону смѣнушку!»
Донской атаманушка рѣчь вовговорилъ:
«Ужъ служили вы три года,
Послужите вы, слуги вѣрные, хоть еще годокъ!
Ужъ тогда я напишу вамъ съ Дону смѣнушку,
И на тихій Донъ провожу я васъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 132.

260.

Лежала путь-дорожка
По горамъ, по доламъ,
До славной вплоть до рѣчки,

До рѣчки до Еньбы.
Никто по той дорожкѣ,
Никто не проѣзжалъ,
А шелъ-прошелъ по тропкѣ
Одинъ казачій полкъ.
А впереди предъ ратью
Несутъ всѣ знамена;
За знаменами ѣдетъ
Полковникъ молодецъ.
Выходитъ нашъ полковникъ
На гору высоку;
Глядѣлъ-смотрѣлъ полковникъ
Въ подзорную трубу.
Но ничего полковникъ
Тутъ въ полѣ не видалъ;
А видѣлъ нашъ полковникъ
Одну рѣчку Еньбу.
А вдоль по той по рѣчкѣ
Растетъ камышъ трава.
Со вечера та травка
Чего-то поднялась;
Къ полуночи камышекъ
Опять попріутихъ.
Вотъ такъ и нашъ полковникъ
Съ зарею поднялся;
Лишь выглянуло солнце,
Въ походъ онъ собрался.
Попросимъ-ка, ребята,
Полковника отца,
Попросимъ его дружно
Намъ сдѣлать здѣсь привалъ:
«Позволь, позволь, полковникъ,
Намъ здѣсь поотдохнуть!
Еще позволь, полковникъ,
Намъ коней накормить!

Еще позволь, полковникъ,
Намъ коней разсѣдлать,
Казачіи намъ сѣдла
Позволь здѣсь обсушить!»

Уральская область. Отечественныя Записки 848 года, № 8, смѣсь, стр. 140.

261.

Надоѣли мнѣ ночи, надокучили....
На зарѣ было, на зоренькѣ,
На зарѣ было на утренней,
Собирались тамъ полки казачіи, они во единый кругъ.
Во кругу стоитъ знамя царское,
А подъ знамечкомъ сидитъ нашъ царь батюшка,
Атаманушка.
Онъ рѣчь говоритъ, ровно какъ въ трубу трубитъ:
«Казаки вы мои моздокскіе,
Послужите вы мнѣ вѣрой-правдою!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 282.

262.

Не косицами да это сине море,
Ой, сине море взволновалося.
Не два сокола, они изъ дубровушки,
Ой, соколики вылетали,
Два корабличка, они изъ Царяграда,
Ой, кораблички выплывали.
На корабличкахъ, тамъ сидятъ мазурушки,
Ой, прехрабрые злые турки;

Покрашеными вотъ они весельцами,
Ой, весельцами загребаютъ;
Позлачеными вотъ они рулечками,
Ой, рулечками управляютъ.
На носу-то ли корабля, да тамъ стоитъ знамечко,
Ой, знамя стоитъ распущенное;
На корму-то ли сидитъ, тамъ сидитъ нашъ батюшка,
Ой, стрѣлецкій нашъ атаманушка.
Да онъ рѣчь-то говоритъ, словно во трубу, во трубу трубитъ,
Ой, да онъ словно во трубу, во трубу трубитъ....

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 107.

263.

Какъ во славной во сторонкѣ
Во Шведской землѣ,
Во прекрасной во столицѣ
Въ Петербургѣ городѣ,
Надъ быстрой рѣкой Невою
Стоитъ Зимній дворецъ,
Россійскаго государя
Все Романова царя.
Лейбъ-казаки въ дворцѣ служатъ,
При дверяхъ всегда стоятъ.
Государь часто проходитъ,
Имъ «здорово» говоритъ.
А донцы съ охотой служатъ,
Отвѣчаютъ весело.
Московскіе господа
Завидуютъ казакамъ.
Во манежѣ мы собирались,
Государя дожидались,

Ученьицемъ занялись.
Государь къ намъ пріѣзжалъ,
Самъ по фронту проѣзжалъ;
Онъ по фронту проѣзжалъ,
Самъ разводы начиналъ;
А покончивши разводы,
Намъ «спасибо», какъ всегда.
За разводы отпущалъ
По полтинѣ серебромъ.
Мы денежки получаемъ,
Поздравлять царя пойдемъ.

Пивоваровъ, стр. 144.

264.

Полно, братцы, сокрушаться, перестанемъ горевать!
Лучше будемъ веселиться, съ горя пѣсню запоемъ.
Запоемте, братцы, пѣсню про солдатское житье,
Какъ мы, братцы, вмѣстѣ жили за Дунаемъ за рѣкой!
Дунай рѣчка не величка, перевозу на ней нѣтъ,
Перевозу, переходу, нѣтъ ни лодокъ, ни плотовъ,
Нѣтъ ни лодокъ, ни плотовъ, ни калиновыхъ мостовъ.
Мы на это не взирали, вели плѣнныхъ за собой.
Лѣтомъ въ лагеряхъ стояли; государь явился къ намъ.
Государь явился къ намъ, передъ нами разъѣзжалъ,
Передъ нами, егерями, слово ласково сказалъ:
«Вы скажите, мои дѣти, про походы про свои,
Гдѣ походы проходили?»—«По дикіимъ по степямъ!»
«Гдѣ вы крови проливали?»—«Подъ Аршавой на штыкахъ!»

Еще вторы, третьи взводы со знаменами впередъ;
Во четвертомъ, пятомъ взводѣ закричали вразъ: ура,
Закричали вразъ: ура, ура, ура, ура! государю честь, хвала!

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 77 («протяжная»).

265.

Полно, братцы, намъ крушиться,
Перестанемъ горевать!
Лучше будемъ веселиться,
Съ горя пѣсни запоемъ!
Запоемъ мы, братцы, пѣсню
Про казачіе житье!
Жизнь казачія—плохая:
Очень служба тяжела!
Гдѣ мы жили-веселились—
Надъ Дунаемъ надъ рѣкой.
Дунай рѣчка небольшая,
Переправы на ней нѣтъ.
Мы на это не кручились;
Ведемъ плѣнныхъ за собой.
Лѣтомъ въ лагеряхъ стояли;
Государь къ намъ пріѣзжалъ,
По лагерямъ разъѣзжалъ,
Слово ласково сказалъ:
«Какъ здорово, кавалеры?
Здравствуй, славные донцы!
Разскажите, кавалеры,
Про походы про свои!»—
—«Тяжелы были походы:

Весь походъ мы моремъ шли!»—
—«Послужите, кавалеры,
Какъ дѣды ваши, отцы!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 111.

266.

Полно, братцы, намъ крушиться,
Перестанемъ горевать!
Лучше будемъ веселиться,
Съ горя пѣсню запоемъ,
Запоемъ мы съ горя пѣсню
Про солдатское житье,
Какъ мы жили-веселились
За Дунаемъ за рѣкой.
Дунай рѣчка не широка,
Перевоза на ней нѣтъ.
Мы на это не смотрѣли,
Вели плѣнныхъ за собой.
Лѣтомъ въ лагеряхъ стояли;
Государь явился къ намъ,
Передъ нами разъѣзжаетъ:
«Вы здорово, мои дѣти,
Здравствуй, храбры егеря!
Вы скажите, мои дѣти,
Про походы про свои!»—
—«Мы походы проходили
Подъ Аршавой городкомъ;
Кровь горячу проливали
Подъ Аршавой на штыкахъ.»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 211.

267.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Вы, буйные вѣтры, осенніе!
Успокойся ты, море синее,
Не волнуй ты, море Средиземное!
Ты постой, постой, лѣто теплое!
Не теки, постой, солнце красное!
Не я самъ велю, вамъ указъ велитъ,
Съ страны указъ пришелъ, съ страны сѣверной.
Хоть давно течетъ солнце красное,
Давно вѣютъ вѣтры буйные,
Не видали вы такого дива!
По указу ли царя бѣлаго,
Наказать царя вѣроломнаго,
На восточную дальну сторону
Снаряжался флотъ съ бѣлой Руси,
Со бреговъ Невы, рѣки славныя;
Снарядившись, протекалъ моря,
Всѣ препятства ни во что вмѣнялъ.
Приближаяся къ Царюграду,
Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
«Ой, ты гой еси, невѣрный царь,
Прогнѣвивши ты своей гордостью
Нашу мудрую государыню,
Прогнѣвляешь ты самого Творца!
Я за то присланъ наказать тебя.
Поспѣши упасть ты къ стопамъ ея,
Ты успѣй просить прощенія;
Не успѣешь ты просить прощенія,
Опровергнутъ тронъ невѣрнаго!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 172. Пѣсня едва ли не искусственная.

268.

Ахъ ты, камень ли, ты, мой камешекъ,
Дорогой ли камень лазоревый!
Залежался мой горючъ камень
На крутой горѣ противъ солнышка,
Противъ младаго свѣтлаго мѣсяца.
Что у младаго свѣтлаго мѣсяца
Нѣтъ лучи, нѣтъ ни свѣтлости;
Что отъ моего друга милаго
Нѣтъ ни вѣсточки, нѣтъ ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьица.
Загулялся мой сердечній другъ
По чужой ли по дальней сторонѣ,
По Сибирскія да по украинѣ.
Во Тобольскомъ да славномъ городѣ,
На царевѣ на большомъ кабакѣ,
Онъ пьетъ ли да зелено вино,
Запиваетъ ли да медомъ сладкимъ.
Я ждала друга милаго
Со чужой ли дальней стороны,
Со Сибирскія да со украины.
Говорила я другу милому:
Ахъ, ты стань ли, ты стань, надежда мой,
Пробудися же ты, сердечній другъ,
Пробудися же ты, душа моя!
Передъ нашей да передъ съѣзжею
Все солдаты да во строю стоятъ,
Офицеры все да передъ фронтами;
Что полковники да во полкахъ стоятъ,
Барабанщики да въ барабаны бьютъ.
Моего ли друга нѣтъ какъ нѣтъ,
Что пріятеля сердечнаго....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 105. Кромѣ перваго, каждый стихъ повторяется.

269.

Во лугахъ-лугахъ во зеленыихъ,
Во раздольицѣ во широкомъ,
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,—
Увивалася лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая, красная дѣвица,
Вкругъ бѣла шатра полотнянаго,
Вкругъ кроватушки вкругъ тесовыя,
Вкругъ перинушки вкругъ пуховыя,
Вкругъ изголовьица вкругъ высокаго,
Вкругъ одѣяличка вкругъ соболинаго,
Вкругъ дороднаго добраго молодца.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
«Ахъ, ты встань-пробудись, добрый молодецъ,
Пробудись, душа ты отецкій сынъ!
Полуночь прошла, заря бѣлая,
Всѣ солдатушки во строю стоятъ,
Барабанщички въ барабаны бьютъ,
Всѣ флейщички наигрываютъ,
Офицеры всѣ передъ взводами,
А сержанты всѣ по своимъ мѣстамъ;
Молодой маіоръ на конѣ сидитъ,
А полковникъ посередь полку,
Генералы всѣ позади ѣдутъ;
Какъ отъ пушекъ и отъ ружей будто громъ гремитъ,
Отъ метанья бомбъ и земля дрожитъ....
Одного тебя туто нѣту, другъ,
Одного тебя, подполковничка!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 189.

270.

Не пой, соловей, въ саду, не буди моего друга милаго!
Я сама пойду, разбужу дружка помалешеньку.
Ты вставай-ка, вставай, душа милый другъ, вставай помалешеньку!
Ужъ какъ всѣ-то полки во походъ ушли,
Какъ одинъ ли твой полкъ въ Москвѣ оставается,
Какъ тебя ли, мой другъ, тебя дожидается.
Всѣ казаченьки сидятъ на лошадушкахъ;
Всѣ урядничкн стоятъ по своимъ мѣстамъ;
Всѣ офицерики стоятъ по своимъ взводамъ;
Самъ полковникъ стоитъ посреди полка,
Что тебя, мой другъ, дожидается.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выпускъ VI, стр. 84 («проголосная»).

271.

Болитъ, болитъ моя головушка,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,—
По милому дружку по сердечному.
Звала дружка къ себѣ я въ гости,
Не на многъ звала,—на одну ноченьку....
Ложись, ложись, милъ сердечный другъ!
Я сама встану, дѣвка, ранешенько,
Разбужу тебя скорешенько!
Ты усталъ, усталъ, милъ сердечный другъ;
Умывайся ты бѣлешенько!
Какъ вся армія воздрогонулася,
И увси полки у походъ идутъ;
Твоя ротушка позади идетъ;

И добра коня въ рукахъ ведутъ,
Дорого ружье на плечахъ несутъ;
Тебя, молодца, у мертвыхъ пишутъ.
Не пиши въ мертвыхъ, пиши въ живностяхъ:
Я былъ въ гостяхъ—не у батюшки,
Не у матушки;
А былъ въ гостяхъ—у сударушки,
У сударушки красной дѣвушки!

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 169.

272.

Какъ пріѣхалъ урядничекъ ко Степочкѣ въ гости.
Онъ только пріѣхалъ, опять уѣзжаетъ.
Вышла Степа за ворота, его провожаетъ,
Она его провожаетъ, все плачетъ-рыдаеть,
Молодаго урядничка ночевать уймаетъ:
«Ночуй, ночуй, урядничекъ, хоть ночку со мною!»
—«И три ночи и четыре я бы радъ ночевати;—
Будутъ меня, урядничка, товарищи ждати,
Будутъ меня, молодаго, во глаза ругати!
Хотя, Степа, заночую, буди меня рано,
Буди, Степа, меня рано, чтобъ не разсвѣтало,
Чтобы мои товарищи коней не сѣдлали,
Чтобы мои музыканты музыки не грали!»
Проспалъ я, урядничекъ, до бѣлаго свѣту,
Проспалъ я, молоденькій, до краснаго солнца;
Проспалъ я, урядничекъ, коня воронаго,
Коня, коня воронаго, сѣделице ново,
А на сѣдлѣ попоночка зеленаго шелка.
А самъ же я, урядничекъ, Гребенскаго полка,
Гребенскаго я полка, Червленой станицы!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ VII, стр. 89.

273.

Съ горъ вода бѣжитъ, съ горъ по камушкамъ,
Съ горъ по камушкамъ, по ступенушкамъ,
По новымъ сѣнямъ, по рѣшетчатымъ.
Всѣмъ господамъ, всѣмъ князьямъ слуги дадены;
Моему жъ дружку слово сказано,
Чтобы мой милой напередъ ишелъ.
Всѣмъ господамъ, всѣмъ князьямъ кони дадены;
Моему жъ дружку коня не дали.
Ахъ, милой, милой, ты возьми меня,
Заложи меня,
Заложи меня и купи коня!
Всѣ господа, всѣ князья домой съѣхались,
Моего жъ дружка дома нѣтути....
Шелковы повода въ грязи вымараны,
Острая сабелька изъ рукъ вывалилась....

Калужская губернія, Мещовскій уѣздъ. Калужскія Губернскія Вѣдомости 1860 года, № 27.

274.

И отъ Москвы заря-заря занималася,
На царя война-война подымалася.
Что на-всѣмъ князьямъ была служба явлена,—
Моему дружку было давно сказано,
Давно сказано—ему напередъ идтить,
Напередъ идтить, ему хороводъ водить,
Хороводъ водить, ему пѣсни запѣвать,
Пѣсни запѣвать, ему дѣвокъ выбирать.
Что на-всѣмъ князьямъ-князьямъ по коню дали;
Моему дружку, ему коня не дали,
Коня не дали, его съ собой не взяли,
Съ собой не взяли, ему ѣхать не на чемъ,

Ѣхать не на чемъ, ему купить не на что,
Купить не на что, продать ему нечего,
Продать нечего, заложить некого.
Ужъ ты, милый мой, милъ душа моя,
Милъ душа моя, ты заложь меня,
Ты заложь меня, ты купи коня,
Ты купи коня, поѣзжай въ службу,
Поѣзжай въ службу, въ службу царскую;
Службу выслужишь,—меня, младу, выкупишь,
Меня выкупишь, а самъ себя выручишь!
Я пойду, млада, схожу во чисто поле,
Посмотрю, млада, я на всѣ стороны.
Какъ всѣ князья, они со войны идутъ,
Моего дружка, его и въ завѣтѣ нѣтъ,
И въ завѣтѣ нѣтъ; только одинъ конь бѣжитъ,
Одинъ конь бѣжитъ, на коню-то явъ лежитъ,
На емъ явъ лежитъ—черна пухова шляпа;
А во шляпушкѣ есть примѣтушка,
Есть примѣтушка: лежитъ мой шелковъ платокъ.
Мнѣ не жаль платка, что онъ въ шляпѣ носится;
А мнѣ жаль дружка, что онъ съ иной водится,
Съ иной водится, со мной, младой, бронится,
Со мной бронится, бронится-ругается,
Надо мной, младой, въ глазахъ насмѣхается.
Съ какой водится, съ тою поцѣлуется.

Калужская губернія. Мельгуновъ, выпускъ II, № 1 («хороводная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ай ли, ай люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

275.

Давно сказано, давно баяно
Моему дружку напередъ идти,
Напередъ идти, круги наводить,

Круги наводить, пѣсни запѣвать,
Пѣсни новыя хороводныя.
Какъ и всѣмъ дружкамъ по коню дали;
Моему дружку коня не дали;
Ѣхать не на чемъ, купить не на что.
Ты заложь жену и купи коня,
Ты купи коня; поѣзжай служить;
Службу выслужишь, жену выкупишь!
Какъ и всѣ князья со войны идутъ;
Моего дружка и въ завѣтѣ нѣтъ.
Одинъ конь бѣжитъ, на немъ явъ лежитъ,
На немъ явъ лежитъ—пухова шляпа,
Пухова шляпа, мой шелковъ платокъ.
Платокъ носится, другъ не водится,
Другъ не водится, со мной бронится....

Рязанская губернія, Касимовскій уѣздъ. Прокунинъ, № 19 («хороводная»).

276.

Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутаго,
Изъ-подъ камешку-камня бѣлаго,
Тутъ ручей течетъ бѣлъ серебряный.
По ручаеку селезень плыветъ,
Селезень плыветъ, дѣвкамъ вѣсть несетъ,
Дѣвкамъ вѣсть несетъ, вѣсть нерадостну:
Набирать дѣвокъ во Казань городъ,
Во Казань городъ за солдатъ замужъ.
Наши дѣвушки испужалися,
За холостыхъ замужъ побросалися,
Кой за стараго, кой за малаго....

Всѣмъ князьямъ-царямъ служба сказана;
Моему дружку впередъ явлено—
Напередъ идти, передомъ вести.

Всѣмъ князьямъ-царямъ по коню дали;
Моему дружку коня не дали.
Ты, размиленькій, милъ душа моя,
Милъ душа моя, помочи нельзя!
Ты заложь меня, милъ, купи коня,
Коня ворона и осѣдлана;
Поѣзжай, милой, въ службу царскую,
Ты служи царю вѣрой-правдою!
Когды выслужишь,—меня выкупишь!
Всѣ князья-царя домой съѣхались;
Моего дружка, его въ видѣ нѣтъ;
Одинъ конь бѣжитъ, на немъ явъ лежитъ,
На немъ явъ лежитъ, явъ—черна шляпа....
Красна дѣвушка, ты не стой со мной,
Ты не стой со мной, не гляди за мной!
Добрый молодецъ за гульбой пошелъ,
За гульбой пошелъ: я ину нашелъ,
Я ину нашелъ—красну дѣвушку,
Красну дѣвушку разсударушку....

Владимирская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 123 («хороводная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой ли, ой люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

277.

Раскухарочка разлюбезная
По саду гуляла.
Съ Дону вѣсточка пришла,
Было слышно здѣсь у насъ:
Всѣмъ чиновнымъ полкамъ идти первыми,
Одному моему дружку, ему смѣны нѣту....
Жалко, жалко мнѣ того,
Кто съ кѣмъ разстается.
Разставался сизой голубь со своей голубкой....

Воронежская губернія, Бобровскій уѣздъ. Воронежскій Юбилейный Сборникъ, томъ I, стр. 608.

278.

Мнѣ, матушка, тошнехонько,
Государыня, грустнехонько,
Мнѣ пить и ѣсть не хочется,
Мнѣ гульба, прохладъ на умъ нейдутъ:
Мнѣ милый другъ съ ума нейдетъ.
Сильна-крѣпка я разумомъ,
Но я пала-перепалася:
Съ милымъ другомъ давно видѣлась,
Черезъ рѣчку ему поклонилася,
Черезъ поле слово молвила....

Всѣ полки домой идутъ,
Моего дружка коня ведутъ,
Буланаго, пріубранаго,
Сивогриваго, бѣлкопытнаго;
Въ торокахъ везутъ его рубашечку,
Рубашечку боевую, кровавую.
Умиралъ мой другъ, приказывалъ:
«Вы, братцы мои, товарищи,
Можетъ, Богъ велитъ вамъ домой прійти,—
Поклонитесь вы моему батюшкѣ,
Сударынѣ родной матушкѣ;
Милой женѣ слово молвите,
Чтобы вымыла мою рубашечку
Не на рѣчкѣ, не въ колодезѣ,
А вымыла горючей своей слезой;
Чтобъ высушила мою рубашечку,
Не на вѣтрѣ, не на солнышкѣ,
А высушила на бѣлой своей груди.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 201.

279.

Ужъ мнѣ, матушка, тошнехонько,
Государыня, мнѣ грустнехонько!
Ужъ мнѣ ѣсть-пить не хочется,
Ужъ игра-то, гульба, она на умъ нейдетъ:
Мнѣ сердечный-то другъ съ ума нейдетъ,
Съ великаго-то моего, крѣпкаго разума.
Ужъ я выду-то на крашеный крылецъ,
Стану, гляну я вдоль по улицѣ въ конецъ:
Какъ всѣ-то друзья изъ похода идутъ,
А моего-то дружка воронаго коня ведутъ,
Припотненнаго, притомленнаго;
Въ торокахъ-то везутъ цвѣтное платье,
Цвѣтное-то платьице—рубашечку,
Боеву-то рубашечку кровавую,
Острыми-то саблями изрубленную,
Мелкими-то пулями изстрѣлянную....
Говорилъ-то милый, умирая, наказывалъ,
Честью, лестью уговаривалъ:
«Вы, друзья-братья, товарищи,
Поклонитесь моей молодой женѣ,
Молодой моей горькой вдовушкѣ,
Малымъ дѣтушкамъ, горькимъ сиротамъ,
Чтобы выбанила эту горькую рубашечку,
Не въ Терекѣ, не въ колодезѣ,
Чтобы выбанила рубашечку горючей слезой;
А высушила бы рубашечку не на солнышкѣ,
Не на печечкѣ,
А на своемъ ретивомъ сердечушкѣ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ VII, стр. 98.

280.

Какъ свекровь матушка невѣстку журитъ-бранитъ:
«Отчего ты, сноха, ходишь невеселая,
Невеселая ходишь неубранная?»—
Какъ же бы мнѣ, бабочкѣ, веселой быть,
Хорошо ходить?
Какъ слыхала-то я, бабочка, вѣсти нехорошія:
Всѣ полки съ моря домой идутъ;
Какъ моего-то друга милаго коня ведутъ,
Конечка-то ведутъ его буланаго,
Всего коника пріубраннаго.
На конѣ-то лежитъ сѣдельце черкесское,
На сѣделечкѣ лежитъ подушка козловая,
Въ той подушкѣ лежитъ рубашечка бѣлая;
Не чистымъ-чисто она вымыта,
Да въ крови-то она вся смазана.
Умиралъ-то молодецъ, самъ друзьямъ приказывалъ:
«Какъ лучитъ Господь васъ на тихій Донъ,—
Молодой женѣ поклонъ;
Скажите ей, чтобъ не мыла рубашечку въ рѣчной водѣ,
Чтобъ выбанила ее горючей слезой;
Чтобъ не сушила на солнышкѣ,
Чтобъ высушила на своей груди.»

Донская область. Савельевъ, стр. 165.

281.

Всѣ полки домой идутъ.
Какъ и всѣ письма шлютъ,
Какъ мой-то милый мнѣ письма не шлетъ,

Да и самъ нейдетъ....
Какъ прислалъ мнѣ черную рубашечку,
Въ рубашечкѣ бѣлая бумажечка,
Въ бумажечкѣ написано три словечка:
«Ты побань, Дуня, черную рубашечку,
Не въ быстрой рѣчкѣ, не въ колодезѣ,
Ты побань, Дуня, своею горючей слезой!
Ты высуши ее, Дуня, не на жердочкѣ, не на гру-
бочкѣ,
Ты высуши, Дуня, на своихъ грудяхъ бѣлыхъ,
Выкатай, Дуня, на своихъ рукахъ бѣлыхъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 154.

282.

Ой, солетались, ой, солетались,
Солетались соколики съ стороны,
Ой, сѣли-пали, ой, сѣли-пали,
Сѣли-пали къ удовушкѣ на дворѣ;
Крылышками, крылышками
Широкій дворъ размели,
Голосами, голосами,
Голосами удовушку будили:
«Устань-проснись, удовушка молода!
Чужи мужья со походу идутъ;
Твоего мужа ворона коня ведутъ,
Сѣделице на бѣлыхъ рукахъ несутъ,
Тѣло бѣло въ черной бурочкѣ везутъ!»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 76.

283.

Слетались соколы со стороны,
Сѣли-пали у вдовоньки на дворѣ;
Крылышками широкъ дворикъ размели,
Голосьями они вдовоньку будили:
«Встань-проснись ты, вдовонька молода!
Всѣ казаки изъ похода ужъ идутъ;
Твоего мужа въ колясочкѣ везутъ,
Ворона коня за шелковъ поводъ ведутъ;
На лошадушкѣ сѣделице лежитъ,
На сѣделицѣ рубашечка виситъ.
Рубашечка алой кровью облита;
А ты, молода, на вѣкъ—бѣдная вдова,
А малыя дѣтки на вѣкъ вѣчный—сироты.»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 201.

284.

Во городѣ солучилася бѣда:
Тамъ убили молодаго казака,
Схоронили при широкой долинѣ.
Тамъ летѣли соколики стороной;
Сѣли-пали ко удовушкѣ на дворъ,
Крылышками широкій дворъ размели,
Голосами удовушку сбудили:
Встань-проснися, удовушка молода,
Пойди-выди за новыя ворота!
Стань, послушай, да что люди говорятъ.
Люди баютъ и гутарятъ-говорятъ:
Тебѣ, младой, удовою горевать,
Твоимъ дѣткамъ сиротами тосковать!

Чужи мужья изъ солдатушекъ идутъ,
Твоего мужа ворона коня ведутъ,
Сѣделицу на бѣлыхъ рукахъ несутъ.
Пойду-выду во каретный во сарай,
Запрягу я тройку вороныхъ коней.
Я поѣду, гдѣ мой милый схороненъ.

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 3 («протяжная»). Первая половина каждаго стиха повторяется по три раза.

285.

Во городѣ солучилася бѣда:
Тамъ убили молодого казака,
Прихоронили при широкой долинѣ.
Тамъ летѣли соколики стороной;
Сѣли-пали у вдовушки на дворѣ.
Крылушками широко размели,
Голосами увдовушку будили:
Стань-проснись, увдовушка-вдова!
Ты послушай, про что люди говорятъ!
Люди баютъ, и ругаютъ, и бранятъ....
Чужи мужи со рубашками идутъ,
Своимъ женамъ по подарочкамъ несутъ;
Моего пана во колясочкахъ везутъ....
Мои дѣти—сироточки....

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Будде, № 40 («круговая»).

286.

Мимо садику, мимо зеленаго,
Случилося тутъ-то было ѣхати,
Случилося тутъ-то было слышати

Нѣжнаго женскаго голоса.
Какъ свекоръ-то журитъ-бранитъ
Свою большую невѣстушку:
«Что, невѣстушка, ходишь невеселая,
Невеселая ты, неразубраная?»—
—«Какъ же мнѣ ходить разубраной:
Всѣ полки донскіе посмѣнилися, домой идутъ,
А моего друга милаго коня ведутъ!»—
—«Не журись, не плачь, моя невѣстушка,
По своемъ мужѣ, по моемъ сынѣ!
Я поѣду самъ во отчетушки,
Выправлюся хорошехонько,
И тогда сами знать будемъ.»
Какъ и тутъ-то невѣстка взвеселилася....

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 86.

287.

Ахъ ты, скука моя, жизнь-разлука,
Чужа дальняя сторона!
Разлучила меня, жизнь-разлука,
Со милымъ дружкомъ на вѣкъ;
Не дала ты мнѣ, разлука,
Во любови съ нимъ пожить!
Да я выйду, молоденька,
На высокій на курганъ,
Да я взгляну, молоденька,
На четыре стороны.
Я глянула на дорожку:
По ней пыль-кура куритъ;
За той пылью, за курою

Молодой курьеръ бѣгитъ.
«Ты, курьерикъ, мой голубчикъ,
Ты отколь скоро бѣгишь?»—
—«Я бѣгу, бѣгу, душа моя,
Изъ Турціи во Науръ;
Я везу-несу, душа моя,
Не радость,—грусть-тоску:
Твоего дружка милаго,
Его въ-живѣ давно нѣтъ.
Какъ ужъ девять дней проходитъ
И десятый наступилъ,—
Принесли друзья на буркѣ,
Вели добраго коня.
Вотъ доспѣхи его боевые;
Тебѣ велѣно отдать.»
Да я съ той тоски-кручины
Во зеленый садъ пойду.
Во зеленомъ во садочкѣ
Тамъ кукушечка сидитъ,
Она жалобно кукуетъ:
«О чемъ, Маша млада, плачешь,
Слезы горькія что льешь?»—
—«Да и какъ же мнѣ не плакать,
Да какъ же мнѣ не тужить?
Былъ одинъ у меня садочекъ,
Да и тотъ сталъ засыхать;
Разъединый былъ дружочекъ,
И тотъ кинулъ меня на вѣкъ!
Ничего бъ я не желала,—
Сизы крылышки имѣть;
Я взвилась бы, полетѣла,
Гдѣ мой милый другъ зарытъ;
Я бы все тогда узнала,
Не стала бы тосковать;
Я бы косточки собрала

И во гробъ ихъ поклала,
Родной землѣ предала,
Горьки слевы пролила!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія....
Кавказа, выпускъ XV, стр. 201.

288.

За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за старою,
Изъ далеча чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана польскаго,
Атамана польскаго, а по имени Михаила Черкашенина.
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются,
Еще плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;
Съ высокаго терема заврѣла молодая жена,
А плачетъ, убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ.
Скрозь слевы свои она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
«Казачья вольная поздорову пріѣхали,
Тебя, свѣта моего, привезли убитаго,
Привезли убитаго атамана польскаго,
А по имеию Михаила Черкашенина!»

Кирша Даниловъ, № 50.

289.

Гонятъ, гонятъ казаченьку
На царскую службу.
Остаются у нихъ дома
Молодыя жены,
Молодыя жены,
Малыя дѣти.

Померъ, померъ казаченька
Во середу рано,
Посреди Урала.
Сдѣлаемъ, сдѣлаемъ казаченькѣ
Золоту гробницу,
Золоту гробницу,
Темную темницу!
Уложили казаченьку
На травку-муравку:
Лежи, лежи, казаченька,
Со вечера до утра!
Мы полковничку доложимъ,
Тебя въ гробъ положимъ!
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь голову клонитъ.
Ты взоржи, взоржи, конь вороный!
Услыхала его мати
Изъ каменной палаты,
Изъ каменной палаты,
Съ тесовой кровати.
«Охъ, мой сыночекъ,
Ясный соколочекъ!
Какъ бы я голубка,
Золотыя крылья,
Золотыя крылья,
Разсизыя перья,—
Взвилась, полетѣла,
Гдѣ мой сынокъ померъ,
Гдѣ мой сынокъ померъ,
Много крови пролилъ;
Моему милому сыночку
Зеленый садочекъ
Выростила бы!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 55 («обыденная»).

290.

Пошли наши казаченьки
Въ походъ съ полуночи.
Идутъ, идутъ казаченьки,
Назадъ поглядаютъ,
Тяжело вздыхаютъ:
«Остаются наши домы,
Молодыя жены
И малыя дѣти;
Домы наши запустѣютъ,
Жены завдовѣютъ,
Дѣти сиротѣютъ!»
Какъ задумалъ казакъ бравый,
Онъ въ Турціи умереть.
Умеръ, умеръ казаченька,
Умеръ молоденькій,
Онъ на травкѣ, на муравкѣ
Да на черной буркѣ.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь голову клонитъ.
«Закричи ты, конекъ добрый,
Хоть разъ надо мною,
Надъ буйной головою!»....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 196.

291.

По сырой землѣ туманъ стелется,
По горамъ война подымается.
Какъ казаченьки въ походъ собираются.

Какъ отецъ сына въ походъ провожалъ,—
Въ походъ провожалъ, самъ приказывалъ:
«Ужъ ты, сынъ, ты, мой сынъ, сынъ возлюбленный,
Берегися, мой сынъ, все черкесовъ злыхъ
И князей молодыхъ!»

Какъ за рѣчкою было все за Саржевою,
Тамъ стоялъ-простоялъ все Хоперскій полкъ.
Какъ у этомъ у полку все несчастьице:
Пролетѣла пуля, пуля быстрая;
Прошумѣла шашка, шашка острая;
Какъ убили казака все Хоперскаго полка.
Какъ упалъ казакъ на сырую землю,
Вскричалъ казакъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, братцы мои, вы, товарищи,
Не покиньте меня на чужой сторонѣ,
На чужой сторонѣ, на Турецкой землѣ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ VI, стр. 35.

292.

На зарѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Собирались тамъ полки казачіи во единый кругъ.
Во кругу-то стоитъ душа добрый конь;
На коню-то сидитъ младъ донской полковничекъ.
Онъ не убитъ сидитъ, а крѣпко раненый;
Ретиво его сердце наскрозь прострѣлено,
А права его рука прочь отрублена,
Какъ и лѣвая нога наскрозь проколота.
Онъ самъ-то плачетъ, какъ рѣка льется.
Во лѣвой его рукѣ знамя царское распущенное.
Во слезахъ-то онъ рѣчь возговорилъ,

Со бѣлымъ свѣтомъ прощаяся:
«Прощай, бѣлый свѣтъ, прощай, тихій Донъ!
Вы простите, казаки други-товарищи!
Кому Богъ судитъ притить на тихій Донъ,
Поклонитеся моему батюшкѣ Александру Григорье-
вичу,
Моей матушкѣ Прасковьѣ Васильевнѣ,
Милымъ дѣтушкамъ миръ-благословеніе,
Молодой моей женѣ Аленѣ Гавриловнѣ любовь моя
до вздыханія.
Да скажите ей, что у ней теперь своя волюшка:
Хочетъ,—замужъ идетъ, а не хочетъ,—удовой си-
дитъ.»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 83.

293.

На зарѣ то было, на зорюшкѣ,
На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго;
Не буйные вѣтры подымалися,
Не синее море всколыхалося,
Не ѳузеюшка въ полѣ прогрянула,
Не лютая змѣя въ полѣ просвиснула,—
Просвиснула пулечка свинчатая.
Она падала, пулька, не на землю,
Не на землю пуля и не на воду,
Она падала, пуля, въ казачій кругъ,
На урочную-то на головушку,
Что да на перваго есаулушку;
Попадала пулечка промежъ бровей,
Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей.

Упалъ молодецъ коню на черну гриву.
«Охъ вы, братцы мои, товарищи!
Поднимите меня на ворона коня,
Повезите меня во бѣлъ шатеръ,
Положите меня на коечку!
Кому изъ васъ судитъ Богъ на тихій Донъ,
Поклонитесь всему Дону тихому,
Отцу, матери, молодой женѣ;
Пущай она въ тоску не убивается,
Въ свое-то платье убирается!
Не покидайте родителей моихъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 129. Первые 16 стиховъ: Корниловичъ, Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго на 1825 годъ, Спб., стр. 141.—Очень сходная пѣсня: Альбрехтъ, № 52.

294.

На зарѣ то было, на зоренькѣ,
На зарѣ то было все на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
То не вѣтры поднималися,
Не сине море всколыхалося,
Не фузеюшка въ полѣ грянула,
Не лютая змѣя въ полѣ свиснула,
Просвиснула пулечка свинчатая.
Она падала да не на землю,
Не на землю пуля, не на воду,
Она падала во казачій полкъ,
На урочную на головушку—
Что на перваго есаулушку.
Попадала она промежъ бровей,
Промежъ ясныхъ очей.
Упадалъ есаулушка коню на черную гриву.

«Охъ вы, братцы мои, вы, товарищи!
Поднимите меня на ворона коня,
Отвезите меня во палатушку,
Положите меня на сухое сѣно!
А кому придется вамъ быть на Уралѣ рѣкѣ,
Поклонитесь ему, Горыновичу,
Отцу, матери, молодой женѣ;
Передайте ей, чтобъ не убивалася,
Въ свое платье убиралася
И не оставляла отца-мать моихъ!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 78.

295.

Изъ-за горъ было, братцы, высокіихъ,
Изъ-за кустика-куста было ракитова,
Не лютая-то змѣя-змѣюшка выпалзывала,
Не свинцова-то пуля-пулечка вылетывала,
Упадала пулечка, она во казачій полкъ.
Никого-то въ полку пуля не обранила,
Убивала пулечка младшаго урядничка,
Что ни лучша у насъ перва воина.
Упадалъ молодецъ къ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы падалъ на сыру землю.

Уральская область. Морской Сборникъ 1859 года, № 9, стр. 28.

296.

Не бѣла заря занималася,
Не красное солнце закаталося,
Выходила-выступала сила войская,

Сила войская царя бѣлаго,
Государя Петра Перваго.
Напередъ идутъ съ знаменами,
Позади идутъ съ барабанами.
Въ барабаны-то пробили по веселому,
Намъ указы прочитали по печальному:
Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался—генералъ померъ.
Самого-то генерала на рукахъ несутъ,
Генеральнаго коня въ поводу ведутъ,
Молодую генеральшу шестерной везутъ.
Молодая-то генеральша слезно плачетъ.

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 200. Нѣсколько сходныхъ пѣсенъ: Кирѣевскій, вып. IX, дополненіе. стр. XVIII—XX.

297.

Охъ, да не травушка, она не муравушка
Къ сырой, братцы, землѣ клонится,—
Царя бѣлаго да наша армеюшка,
Стоитъ она, Богу молится.
Ой, помоливши-то Богу, да наша армеюшка,
Она, братцы, на конь посадилася,
На конь она посадилася;
Ой, посажомши, да наша армеюшка,
Она распростилася;
Распрощомши, да наша армеюшка,
Она на ударъ пошла,
Охъ, она, братцы, на ударъ пошла!...
Вотъ они билися и рубилися
Цѣлый день до вечера, темную осеннюю ноченьку,
Ее до бѣлой зари....

Охъ, да убили-то у насъ, у насъ, у казаченьковъ,
Храбраго служителя—въ полку призводителя.
Ну, еще-то убили у насъ, у насъ, у казаченьковъ,
Втораго знаменщика....

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 145.

298.

Собиралась наша сила-армія
Въ походъ подъ француза;
Занимала себѣ лагерь
Да среди во чистаго поля.
Покопали шанцы, баттареи
Славно себѣ для запасу.
Баттарейные командирушки
Славно квартируютъ;
Бомбардиры съ гренадерами
Славно маршируютъ.
Случилася перепалушка
Со праваго фланга.
Убили нашего полковничка
Въ грудь пулею свинчатою.
Упалъ нашъ полковничекъ
Съ конечка на сыру землю.
Закричалъ молодой полковничекъ:
«Стойте, дѣти, не робѣйте!
Свинцу-пороху не жалѣйте:
Свинцу-пороху достанетъ,
А насъ, молодцевъ, не станетъ!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 100.

299.

Не травушка ковылушка къ землѣ клонится,—
Государева армеюшка Богу молится;
Помолемшись, наша армеюшка на конь садилася.
Закричали, загичали, сами на ударъ пошли,
На тую-то они на орду, на орду турецкую.
Они билися, рубилися день до вечеру,
Осеннюю темную ночушку до бѣлой зари.
Несчастьице надъ донскими-то солучилося:
Убили въ полку что ни лучшаго хорунжаго.
Уронилъ онъ свою хоруночку на сыру землю,
Онъ и самъ-то упалъ къ коню на черну гриву.
Не ясменъ-то соколъ надъ бѣлымъ тѣломъ возвивается,
Возвивается, убивается его родный братъ:
«Ахъ ты, братецъ мой, братецъ родимый мой!
Кабы я-то былъ съ тобой въ одномъ полку,
Замѣнилъ бы я твою смерточку животомъ своимъ,
Животомъ своимъ, родный братецъ мой, грудью бѣлою,
И сходилъ бы я, добрый молодецъ, за ключевой водой,
Промылъ бы твои ранушки все кровавыя,
Приложилъ бы я твои ранушки зеленой травой,
Умоталъ бы я твои ранушки платкомъ шелковымъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 116.

300.

Какъ за рѣчушкою было за славнымъ Дунаемъ,
Что горитъ тамъ огонюшекъ да малехонекъ;
Отъ огонюшка дымочекъ идетъ тонехонекъ.

Подъ дымочкомъ, надъ огонюшкомъ разостланъ войлочекъ;
Что на войлочку подушечка лежитъ арчачная;
На подушечкѣ па арчачнинной лежитъ добрый молодецъ,
Что не такъ лежитъ, лежитъ больно раненный;
Его буйная головушка вся изрублена,
Ретивое его сердечушко скрозь прострѣлено.
Да никто-то къ доброму молодцу, никто не привернется—
Ни ластушка, ни касатушка, ни сизой орелъ.
Вотъ какъ приходитъ ко добру молодцу его родный братъ.
«Говорилъ вѣдь тебѣ, братецъ, я приказывалъ:
Не мечись же ты, мой братецъ, въ турецкіе лагери,
А больше того, мой братецъ, на ихъ баттареюшку!
Хотѣлъ ты, мой родный братецъ, чинъ хорунжаго,
А теперча не будетъ твоей ни чести, ни славушки!»

Донская область. Савельевъ, стр. 138.

301.

За каменною за стѣною, за московскою пѣхотою,
За казачьими за полками, за буйными головами,
Близъ зеленаго было близъ лужочка,
Стоялъ шатеръ бѣлый полотняный.
Въ томъ шатрѣ молодецъ смертью кончался.
Не ясенъ соколъ надъ нимъ вөзвивался,
Родной его братецъ надъ нимъ убивался,
Горючей слезой братецъ заливался:
«Встань, родной братецъ, встань, пробудися!
Какъ и всѣ полки коней посѣдлали,
А твой добрый конь стоитъ не осѣдланный!»—

—«Не могу я встать, головы поднять
Со вчерашняго, братецъ, пойла пьянаго:
Напоилъ меня персидскій царь пулею свинцовою!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 134.

302.

Подъ горою было подъ крутою,
Да подъ каменною подъ стѣною;
Тамъ спали два братца,
Спали они, спочивали.
Да что старшій братецъ меньшему брату говоритъ:
«Ты устань, братецъ, братецъ, подымися,
Да отъ сна, братецъ, пробудися!»—
—«Не могу-то я встати, головы, братецъ, подняти
Со вчерашняго было похмѣльица!
Напоили меня князья горскіе,
Напоили меня тремя пивами:
Что первое пиво—пуля свинцовая,
А второе пиво—шашка острая,
А третье пиво—мечъ булатный.»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 73.

303.

Братецъ ты мой родимый,
Сродничекъ ты мой любимый!
Какъ болитъ-то, болитъ моя головушка
Со вчерашняго-то похмѣлья,
Со недавняго перепою.
Напоилъ-то меня князь турецкій,

Поилъ онъ меня тремя пойлами,
Тремя пойлами разнопьяными:
На первой пойлочкѣ—пуля свинчатая,
На второй-то—шашка вострая,
А на третьей—копье ясное....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 134.

304.

Не травушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался-волочился удалъ добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ.
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
И камчатны ея полочки назадъ застегнуты,
Бусурманскою онѣ кровiю позабрызганы.
Онъ идетъ, удалъ добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючею онъ слезою обливается,
Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
Какъ никто-то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается.
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная матушка.
«Ахъ ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься,
До сырой-то ты до земли все приклоняешься
И за травушку за ковылушку все хватаешься?»
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
«Я не самъ такъ, добрый молодецъ, напиваюся,—
Напоилъ-то меня турецкiй царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:

Какъ и первое-то его пойло—сабля острая;
А другое его пойло—копье мѣткое было;
Еще третіе-то пойло—пуля свинчатая!»

Донская область. Корниловичъ, Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго на 1825 годъ, Спб., стр. 272. Очень сходная пѣсня: Альбрехтъ, № 93. Послѣдніе четыре или пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

305.

Прошли казачушки съ моря Чернаго,
Со Чернаго со моря, со Каспицкаго,
Со того ли со батальица со турецкаго.
Утомленныхъ своихъ коней въ поводахъ ведутъ,
А кровавое цвѣтно платьице въ торокахъ везутъ,
А булатными тупейцами подпираются.
Случилось идти мимо городу,
Мимо городу, мимо Питеру.
Увидѣла милосердная государыня,
Призываетъ она молоденькаго полковничка:
«Охъ, ты гой еси, молоденькій-младъ полковничекъ!
Молодехонекъ ты упиваешься!
Ты не отдалъ чести городу Питеру;
Не чаялъ ты въ городѣ государыни?»—
—«Охъ, ты гой еси, наша матушка,
Бѣлосвѣтная государыня!
Напоилъ-то насъ пруцкой король
Тремя пойлами, тремя розными:
Перво пойлице—свинцомъ-порохомъ;
Друго пойлице—саблями вострыми;
Третье пойлице—копьями вострыми!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. IX, стр. 116.

306.

Далече-далеченько во чистомъ полѣ,
Не травонька, не муравонька во полѣ шатается,
Зашатался-загулялся добрый молодецъ
Въ одной тоненькой въ ольняненькой во руба-
шечкѣ,
Въ другой легенькой во кармазовой во черкешечкѣ;
У черкешечки знать полочки позатыканы,
Молодецкою кровью позабрызганы.
Онъ не пьянъ-то идетъ, самъ шатается,
За ковылъ траву запинается.
Какъ увидѣла-усмотрѣла его матушка родима:
«Ты, дитя ли мое, дитятко,
Зачѣмъ пьяный напиваешься?»—
—«Государыня моя матушка,
Я не самъ собой пьянъ напиваюся,—
Напоилъ меня злодѣй басурманъ,
Злодѣй басурманъ молодой французъ,
Тремя пойлами, тремя розными:
Перво пойлице—строево ружье,
Прострѣлилъ могучія плеча;
Другое пойлице—его сабля вострая,
Разрубилъ мою буйную головушку;
Третье пойлице—его копье булатное,
Проткнулъ мнѣ ретиво сердце.
Оттого-то я, матушка, и сдѣлался пьянъ.»—
—«Ты, дитя ли мое, дитятко,
На кого ты спонадѣялся?»—
—«Спонадѣялся я, родная матушка,
На свою буйную головушку!
Что сгубилъ-то я, матушка,

Сгубилъ я своего недруга—
Снималъ съ него буйну голову,
Втыкалъ я въ его голову свой вострый штыкъ.»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. IX, стр. 118.—Сходныя пѣсни: Кирѣевскій, вып. IX, стр. 172, 173.

307.

Во лугу то было, во лужочкѣ,
Во зеленомъ то было во лугу;
Какъ у всѣхъ-то моихъ друзьевъ-братьевъ
Поосѣдланы кони стоятъ.
У моего-то братца у родимаго
Не осѣдланъ конь стоитъ.
«Какъ ты встань, ты проснись, мой родной братецъ,
Осѣдлай-то своего коня!»—
—«Не могу-то я встать, головы своей приподнять;
Потусмѣло-то мое тѣло бѣлое
Чернѣе матушки сырой земли;
Сквозь частыя мои ребрушки
Камышъ травушка поросла;
Сквозь ретивое мое сердечушко
Змѣя лютая проползла;
Не буйные-то вѣтры черныя мои кудерцы
По чистому-то полю разнесли!»

Донская область. Савельевъ, стр. 128.

308.

Вы, туманы мои, вы, туманушки,
Вы, осенніе сильные мои дожди!
Не пора ли вамъ, мои туманушки,

Прочь отъ синяго моря долой?
Ужъ вы, гости мои, гостечки, вы, гости мои дорогіе,
Вы зачѣмъ-то, зачѣмъ, мои гостечки,
Ко мнѣ поздно вечоръ приходили,
Да какую корысть-радость мнѣ приносили?
Мнѣ самой-то, самой, хорошенькой бабочкѣ,
Мнѣ малымъ-мало ночкой спалось.
Какъ и нынѣшнюю ночь всю я ноченьку не спала,
На правой-то рукѣ яснаго сокола всю ноченьку я проносила;
Вотъ какъ и мой-то милой, мой разлюбезный дружокъ, онъ убитый лежитъ;
Его буйная головушка, прочь отрубленная, въ сторонѣ лежитъ;
Сквозь его ретивое сердечушко не лютая змѣя проползала,
Проползала-то сквозь его сердечушко пуля свинцовая.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 81.

309.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ да гулялъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ.
Онъ ходилъ-гулялъ, все коня спасалъ;
Самъ огонь кресалъ шашкой вострою,
Разводилъ-раздувалъ полынь-травушкой,
Онъ грѣлъ-согрѣвалъ ключеву воду,
Обливалъ-обмывалъ раны смертныя.
«Ужъ вы, раны мои, раны, кровью изошли,
Тяжелымъ-тяжело къ ретиву сердцу пришли!»

Умиралъ-помиралъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ малолѣточекъ,
На чужой дальней на сторонушкѣ,
Среди степи во темной ночи,
Отъ тяжелыхъ ранъ, отъ черкесскихъ пуль,
Все за батюшку царя бѣлаго.

Донская область. Савельевъ, стр. 121.

310.

За славною за Кубанью рѣкой
Не глыбушка снѣгу бѣлаго, она забѣлѣлася,
Въ чистомъ полѣ тѣло молодецкое, оно завиднѣлося.
Да никто къ бѣлому тѣлу, никто не привернется.
Что два ворона кругъ бѣлаго тѣла, они увивалися,—
Два черкеса надъ бѣлымъ тѣломъ, они надругалися:
Вскрывали ему, да доброму молодцу, они грудь бѣлую;
Вынимали они изъ добраго молодца что сердце со печенью.
На ножѣ оно, ретивое сердце, оно встрепенулося,
Надъ черкесами надъ ретивыми оно усмѣхнулося.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 300.

311.

Какъ расплачется мати
О своемъ дитяти.
Передъ Спасовымъ образомъ
Она плачетъ-возрыдаетъ:

«Охъ ты, свѣтъ мое милое чадо,
Чадо, чадо дорогое,
Гдѣ жъ ты пребываешь?»
Пребываетъ онъ, мати,
Во чужой дальной сторонкѣ.
Пріѣхали друзья-братья,
Про него ли возвѣстили:
Какъ твое ли милое чадо,
На бою его убили,
За отечество на рати!
Дай же ему, Боже,
Вѣчное блаженство!

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 186.

312.

Береза моя, березонька, береза кудрявая!
Ты умѣла, бѣлая березонька, при городѣ постоять,
Съ вѣтрами буйными бушевать!
Ты, вдовушка моя, молодушка, вдова молодая!
Да умѣла ты, вдовушка, во вдовушкахъ посидѣти,
Въ зеленомъ-то саду да ты погуляти,
Да сахарныя садовыя яблочки въ саду сорывати!
Какъ поставили къ молодой вдовушкѣ полковничка на квартиру.
Да и сталъ спрашивать молодой полковничекъ
У вдовушки молодой овса, сѣна.
«Овса, сѣна я, вдовушка, не косила;
Молодаго полковничка на квартиру не просила.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 185.

313.

Въ восемьсотъ первомъ году,
Въ Архангельскомъ городу,
Тутъ жила стара старушка.
У старушки постоялецъ,
Постоялецъ мой, красавецъ,
Превеликій воръ-лукавецъ:
Ѣсть садится,—не крестится;
Послѣ съ трубкой веселится.
Во чуланъ баба бѣжала,
Платкомъ ноздри затыкала,
Постояльца проклинала.
Тутъ старуху научили,
Ко маіору посылали.
Ко маіору приходила
И маіорика просила:
«Ужъ ты, батюшка-родитель,
Нашъ поитель и кормитель,
Ты повѣрь бабѣ старухѣ:
Не люблю табачна духу!»
Что маіорикъ разсудилъ
И старухѣ говорилъ:
«Ужъ я знаю ваши правы:
Завсегда бабы неправы!
Я васъ знаю, какъ учить—
На работу нарядить!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 331.

314.

Во селѣ было Покровскомъ,
Въ славной вотчинѣ Орловскоіі,
Тутъ жила-была старуха,

Емельяновна колдуха.
Какъ у этой у старухи
Постоялецъ изъ дворянъ;
Постоялецъ воръ-поганецъ,
Воръ-поганецъ, благородецъ:
Ѣсть садится,—не крестится;
Одной трубкой веселится.
А старуха щепетуха
Не любила того духа,
Не любила того духа.
Къ командиру побѣжала:
«Командиръ, нашъ батюшка,
Разсуди наши дѣла!
Наше дѣло не простое:
Съ постояльцемъ разбранилась!»
Командиръ ей говорилъ,
Во глаза ее бранилъ.
Тутъ старуха возгордилась,
Съ командиромъ разбранилась,
Съ командиромъ разбранилась,
Во царевъ кабакъ пошла.
Она бросила пятакъ:
«Наливай вина, чумакъ!»—
—«Ахъ ты, старый чортъ, старуха,
По восьми гривенъ осьмуха,
По восьми гривенъ осьмуха!
Пятаковой мѣры нѣтъ!»

Костромская губернія, Галичскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 54 («плясовая»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ой, калина, ой, малина.

315.

Вы, матросики батюшки,
Молоды ребятушки!
Вотъ какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

Намъ назначенъ былъ походъ,
Намъ назначенъ былъ походъ—
Идти въ Ревель, въ Гельсингфорсъ.
Перебрались на корабли;
Объ насъ дѣвки плакали.
Говорила тутъ дѣвкѣ мать,
Чтобъ матросъ не принимать:
«Они здѣсь теперь гуляютъ,
Завтра Выборгъ посѣщаютъ;
Они въ Выборгѣ побыли,
Въ Гельсингфорсъ опять отплыли.»
—«Полно ты, матка, не бранись
И съ матросомъ помирись!
Сентябрь мѣсяцъ настаетъ,
Флотъ въ Кронштадтъ опять придетъ.
Флотъ на якорь становится:
Надъ Кронштадтомъ дымъ клубится.
Матросъ на берегъ съѣзжаетъ,
Ко мнѣ въ гости поспѣшаетъ.
Онъ въ синемъ морѣ походилъ,
Много денегъ накопилъ,
Что много денегъ накопилъ,
Мнѣ подарковъ накупилъ,
Мнѣ подарковъ-то накупилъ,—
Крѣпче прежняго любилъ!»

Альбрехтъ, № 42. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Гей-гей-гей ха-хо, съ повтореніемъ втораго стиха.

316.

Что по травкѣ, по муравкѣ,
По лазуревымъ цвѣтамъ,
По Московской по дорожкѣ,
По калинову мосточку,

Тутъ стояла нова квартира,
При квартирѣ солдатъ Яшка;
Что хозяинъ-отъ—Ивашко.
У Ивашка дочь Наташка;
Баско-щепетко ходила:
По три мыла измывала,
По три мушки налѣпляла,
По три юпочки носила,
По четвертой тѣлогрѣечкѣ.
Что ложилася Наташка
Что подъ кутнее окошко;
Солдатъ Яшка—подъ передне.
Растягался-разметался,
Разметалъ свои бѣлы ручки
На Натальины бѣлы груди.
Пробужалася Наталья,
Зычнымъ голосомъ скрычала:
«Ахъ ты, матушка родная,
Добывай огня скорѣе!»
Солдатъ Яшка догадался,
Вдоль по лавкѣ подвигался,
За окошечко спущался.
На Натальюшку гровился:
«Я каковъ, Яшка, ни буду,—
Я тебя, к...у, добуду!
Я каковъ, Яшка, ни стану,—
Я тебя, к...у, достану!»

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 107. Каждый стихъ повторяется.

317.

На горкѣ, на горкѣ,
На правой сторонкѣ,
Тамъ стояла свѣтличка,

Она ни мала, ни величка;
У свѣтличкѣ постоялецъ,
Постоялецъ—солдатъ Яшка;
А хозяинъ—младъ Ивашка.
У Ивашки дочь Наташка;
На полу Богу молилась,
А на лавкѣ спать ложилась.
Солдатъ Яшка въ головашкахъ;
Равоспался, разметался,
Разметалъ бѣлыя руки
На Натальины бѣлыя груди.
Свѣтъ Наталья не смолчала,
Громкимъ голосомъ кричала:
«Ужъ ты, матушка Марея,
Дуй лучину поскорѣе,
Освѣти мою постелю!
У насъ домъ не здоровъ:
У насъ кошечка блудничка;
Всее ночку проблудила,
На Натальюшку вступила!»
Солдатъ Яшка услыхалъ,
Вдоль по лавочкѣ двигался,
Увъ окошечко спущался,
На добра коня садился,
На Натальюшку грозился:
«Ты постой, постой, Наталья,
Постой, шельма-расканалья!»
Она, шельма-расканалья,
Больно щипетко ходила:
По два мыла измывала,
По двѣ юбки надѣвала,
По четыре душегрѣйки,
Чтобъ не стыдно было красной.

Курская губернія. Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 68 («хороводная»).

318.

Какъ и по мосту-мосточку,
По калинову мосточку,
Тутъ и шли-прошли солдаты,
Солдатушки молодые,
Офицеры полковые.
Несли въ рукахъ фонаречки,
Въ фонаречкахъ уголечки.
Подымались вѣтерочки,
Раздували уголечки;
Выпалъ, выпалъ уголечекъ
Подъ калиновый мосточекъ.
Калинъ-мостикъ загорѣлся,
Солдатушки испугались,
По квартирамъ разбѣжались.
На квартирѣ солдатъ Яшка,
А хозяинъ-то—Ивашка.
У Ивашки дочь Наташка;
Ложилася спать на лавку,
На лавочку возлѣ пода,
Возлѣ самаго прихода.
Кто ни придетъ, ни прiѣдетъ,
Отполомъ одѣваетъ;
По три мыла измываетъ,
По четыре грошевыя;
По три юбки надѣваетъ,
По четыре душегрѣйки....

Самарская губернія, Бузулукскій уѣздъ. Варенцовъ, стр. 214.

319.

Какъ жила-была курочка, на ней черный хохолокъ.
Какъ повадилася курка къ коменданту въ огородъ.
Комендантовы ребята—злы-догадливые:
Взяли курочку, поймали, съ крыльевъ перья ощипали,
Съ крыльевъ перья ощипали, хохолъ выдергали.

Альбрехтъ, № 96. Каждый стихъ повторяется; затѣмъ слѣдуетъ припѣвъ: Ахахаха-хахаха, съ повторенiемъ второй половины стиха.

320.

Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ,
Что не бѣлые снѣги забѣлѣлися,
Забѣлѣлися въ чистомъ полѣ палатки солдатскiя.
Посреди полку стоитъ полотнянъ шатеръ,
Во шатрѣ стоятъ столы дубовые,
За столомъ сидитъ младъ полковничекъ,
Что того полку бомбандирскаго,
Со своими со штапами-офицерами.
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвица;
Она проситъ у полковника
На того сержанта имрека:
«Заманилъ меня, дѣвицу, во чисто поле,
Заманивъ меня, дѣвицу, обманулъ вѣдь онъ.»
Да что взговоритъ младъ полковничекъ:
«Ахъ, ты гой еси, душа красна дѣвица!
Не ходить было тебѣ во чисто поле,
Не смотрѣть было солдатской экверцицiи:
У меня въ полку солдаты молодые,
Молодые, холостые, неженатые.»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 149.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 172.

321.

Какъ на горѣ, да на горѣ на крутой,
Тамъ огни горятъ, да все свѣтленькіе.
Какъ на тѣхъ-то па огняхъ да на свѣтленькихъ
Все кипятъ котлы да кипучіе;
Какъ вокругъ-то огней-то да все свѣтленькихъ,
Сидятъ татарье да все злое.
Сидятъ-то они да все дѣлятъ-то
Да все животы да отца твоего
Да родименькаго.
Встань-ка, пробудись-ка, да мое ты дитятко,
Расхорошее!
Да снимай-ка, да снимай, мое золотое,
Да со стѣны свою сабельку острую,
Да снимай-ка, снимай да со стѣны сабельку,
Да всѣ мечи-то, мечи да булатные!
Ты коли-то, коли, да руби сабелькою
Злыхъ татаръ да съ татарченками!
Ты сѣки-то, сѣки, сѣки да кроши мечами да булатными
Грабителей да мучителей!
Спи-усни, мое дитятко, пока гроза не пройдетъ,
Да пока бѣда не минетъ!
Спи, спи, спи,
Угомонъ тебя возьметъ!

Пермская губернія. Шишонко, стр. 296 («дѣтская»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Баюшки-баю, баю, баю, мое дитятко.

322.

Ужъ конь ты нашъ пѣгій, конь сѣропѣгій!
Не покинь ты млада вьюноша, сына моего милаго!
На дай ты взять верхъ надъ собой коню басурманина!

Вывези моего сына на родимую сторонку!
Отплачу же я тебѣ за то сторицею:
Подкую тебя на серебряны подковки,
Сплету я тебѣ своими руками уздечку шелковую,
Покрою тебя попоной ковровою,
Уберу я тебѣ гриву въ ленты алыя;
Будешь ты у насъ стоять въ стойлицѣ ясеневомъ,
Будешь ты у насъ ѣсть бѣлоярую пшеничку,
Будешь пить воду ключевую, а не то—сыту медвяную!
Голубчикъ сѣренькій, сѣропѣгенькій,
Не покинь моего вьюноша въ ордѣ басурманской!

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, Спб. 1888, стр. 96.

323.

Какъ и мать-то сына, во походъ его провожала,
Хорошо-то сыну она приказывала:
«Ты пойдешь, ты пойдешь, вотъ милое дитятко, на чужую сторону,—
Не берись же ты, не берись, не берись а ты во знаменщики:
Во знаменщикахъ быть—надо напередѣ итить;
Напередѣ итить—все убитому быть.»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 75.

324.

Ой ты, сердце ли, ты, мое сердечушко, сердечушко кроткое,
Что же ты, мое сердечушко, во мнѣ болишь-ноешь, во мнѣ болишь-ноешь,

Ничего мнѣ не провѣтствуешь?
Ой, да провѣстилъ-то мнѣ, да доброму молодцу, мой душечка добрый конь:
«Ой да ты, хозяинъ мой, хозяинъ молоденькій,
Не мечись ты во большіе чины, не берись во знаменщики!
Во знаменщикахъ служить тяжелехонько:
Знаменщикомъ быть—надо впередъ идти,
Впередъ надо идти, подъ первыя пулечки;
На компаньицѣ быть—ему впереди сидѣть
Да первую чару пить....»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 141.

325.

Изъ-за лѣсу-лѣсу темнаго, изъ-за садика зеленаго,
Изъ провальица глубокаго, изъ ущельица змѣинаго,
Не два стадушка черныхъ галушекъ, онѣ на пролетъ летятъ,
Двѣ армеюшки царя бѣлаго, онѣ въ походъ идутъ.
Впереди двухъ стадушекъ снѣжокъ перепархивалъ;
Впереди двухъ армеюшекъ генералъ проѣзживалъ,
Своего добраго коня онъ наѣзживалъ.
Подъ нимъ добрый конь ровно лютый звѣрь,
А управушка на немъ ровно жаръ горитъ.... .

Донская область. Пивоваровъ, стр. 126.

326.

Изъ-за лѣсу-то было, лѣсу темнаго,
Изъ провалья было изъ глубокаго,
Не двѣ стадушки, черныя галушки въ пролетъ летятъ,—

Со тиха Дона полки казацкіе во походъ идутъ.
Впереди-то полка казачьяго снѣжокъ перепархивалъ,
Младъ ясменъ соколъ по крутымъ горамъ полетывалъ,
Нашъ полковничекъ впереди полка ѣздилъ-поразъѣзживалъ,
На раздушечкѣ своемъ на добру коню на буланому.
Подъ нимъ душечка его добрый конь игралъ ровно лютый змѣй;
На конѣ-то сидѣлъ нашъ полковничекъ какъ ясменъ соколъ;
На немъ шапочка-кабардиночка съ бразументами;
Онъ и такъ сидитъ, не трухнется,
Его шапочка кабардиночка не шелохнется....

Донская область. Савельевъ, стр. 130.

327.

Какъ не сонъ-то клонитъ мою буйную головушку,
Не сонъ, не дрема валитъ со того коня добра молодца,
Съ коня иноходаго,
Со того ли сѣдла меня, добра молодца,
Со сѣдла черкасскаго,
Со того ли стремя меня, добра молодца,
Со стремя булатнаго.
Вдругъ несчастьице надъ добрымъ молодцемъ,
Несчастье случилося:
Какъ желѣзное его колечко-кольцо распаялося,
Не тесьмянная его уздечка-узда разрывалася.
У меня же вотъ, у добра молодца, конь заносливый:
Заносилъ-то меня, добра молодца,
Во дикую степь къ непріятелю.

Уральская область. Мякушинъ, стр. 109.

328.

Не бѣленька березонька къ землѣ клонится,
Не ковыль трава въ чистомъ полѣ зашаталася,—
Зашатаился, загуляился добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой кармазинной во черкешечкѣ;
У черкешечки рукавчики назадъ заткнуты,
И серебряной булавочкой они приткнуты.
За плечами несетъ онъ ружьеце, турку цѣльную,
Турку цѣльную, все ружьеце, снасть турецкую.
Въ правой рукѣ онъ несетъ присошечекъ тоненькій гордоленькій.
Онъ присошечкомъ, добрый молодецъ, подпираился,
Горючми слезами, разудаленькій, заливаился.
Какъ надъ нимъ, надъ молодчикомъ, несчастьице солучилося:
Поднималась вдругъ погодушка, съ горъ хуртавьюга,
Заносила у добра молодца путь-дороженьку,
И сбивала-то добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то добра молодца ко городу,
Къ тому ко городу къ незнакомому,
Къ незнакомому ко городу ко Яицкому.

Уральская область. Мякушинъ, стр. 184.

329.

Далече, далече во чистомъ полѣ,
Еще того подале въ раздольицѣ,
Пролегала тутъ широкая дороженька;
Широкимъ-то она, дороженька, не широка,
Боемъ-то она, дороженька, пробоиста.
По той ли по широкой по дороженькѣ,

Бѣжитъ тутъ, выбѣгаетъ конь добра лошадь;
Черкасское сѣделечко на боку несетъ,
Серебряны стремяночки по землѣ тащитъ,
И тесмянную уздечку на ухѣ несетъ,
Онъ шелковый поводочекъ во ногахъ топчетъ.
За конемъ-то бѣжитъ удалый добрый молодецъ;
Не кричитъ онъ, не гаркаетъ,—
Черной шляпою помахиваетъ;
Кричитъ: «стой, постой, конь добра лошадь!
Уносилъ ты меня, добрый конь, отъ двухъ смертей,
Унеси меня, удалаго, отъ третьей—
Отъ того ли отъ хана басурманскаго!»....

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 года, № 1, стр. 62.

330.

Воздалече то было во чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ дороженька не широкая,
Шириною та дороженька на три ступеня,
Длиною та дороженька—конца-края нѣтъ.
Какъ по той-то было по дороженькѣ,
Никто пѣшъ не хаживалъ,
Ни пѣшаго, ни коннаго слѣду прежде не было.
Проходилъ по дороженькѣ казачій полкъ;
За полкомъ-то бѣжитъ душа добрый конь.
Онъ черкесское сѣделечко на боку несетъ,
А тесмянная уздечка на правомъ ухѣ виситъ,
Шелковы поводьица ноги путаютъ.
За нимъ-то гонитъ младъ донской казакъ;
Онъ кричитъ-то своему коню вѣрному:
«Ты постой-подожди, душа вѣрный конь,
Не покинь ты меня одинокаго!
Безъ тебя не уйти отъ чеченцевъ злыхъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 122.

331.

По степямъ-то, степямъ все раздольныимъ,
Пролегала тутъ путь-дороженька не широкая,
Далекимъ-то она пошла—конца-краю нѣтъ.
Никто по этой дороженькѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдъ-пути не прокладывалъ.
Только шелъ-прошелъ одинъ сивый рѣзвый конь;
На боку-то онъ пронесъ сѣделице казацкое,
Полуженыя его стременьица по копытамъ бьютъ,
Ременныя поводьица коню ноги путаютъ.
За конемъ-то шелъ разудаленькій добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, удалой казакъ.
Онъ не пьянъ-то шелъ, но шатаился,
За ковыль-травку запинаился,
Горючми слезми разудаленькій заливаился.
Онъ вскричалъ-взгаркнулъ своимъ голосомъ:
«Ты постой, не бѣги, сивый рѣзвый конь!
Ужъ мнѣ моченьки нѣтъ за тобой идти:
Одолѣли меня, добра молодца, кровавы раны,
Разломило мои могучи плечи нести знамя царское!»....

Уральская область. Мякушинъ, стр. 107.

332.

Воздалече то было въ чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ дороженька не широкая;
Шириною та дороженька на три ступени;
Длининою эта дорожка—конца-краю нѣтъ.
Какъ никто по той дороженькѣ не хаживалъ;
Ни пѣшаго, ни коннаго слѣду на ней не было.
Проходилъ по той дороженькѣ казачій полкъ;

За полкомъ-то бѣжалъ душа добрый конь.
Онъ черкесское сѣделечко на боку несетъ,
А тесьменная уздечка на правомъ ухѣ виситъ;
Полуженыя стременушки по копытамъ бьютъ,
Шелковыя поводьица ноги путаютъ.
За нимъ гонитъ вслѣдъ младъ донской казакъ;
Онъ кричитъ коню громкимъ голосомъ:
«Ты постой-подожди, душа добрый конь!
Могуты моей не стало за тобой идти:
Одолѣли меня ранушки кровавыя,
Обломило могучи плечи знамя царское,
Обезсилѣла молодца кровь горячая!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 137.

333.

Воздалече было, воздалеченько,
Пролегала тамъ дорога, она не широкая,
Длининою та дороженька—конца-краю нѣтъ.
Какъ никто по той дороженькѣ не хаживалъ....
Какъ одинъ-то разъ выбѣгаетъ по ней душа добрый конь,
Черкесское сѣделечко на боку несетъ,
Полуженыя стремянушки по копытцамъ бьютъ,
Тесьменное уздечушко на правомъ ухѣ,
Шелковые поводья ноги путаютъ.
А за нимъ-то бѣжитъ младъ донской казакъ.
Воскричитъ-то онъ, возопитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты постой, подожди, душа добрый конь!
Могуты моей нѣтъ итить пѣшему:

Истомили меня, добра молодца, раны кровавыя,
Разломило мнѣ могучи плеча ружьецо турецкое!
Подожди ты меня, лошадь вѣрная,
Довези ты меня да на тихій Донъ,
Къ отцу-матери, молодой женѣ,
Малымъ дѣтушкамъ!
Какъ отецъ-то и мать, молодая жена будутъ холить тебя,
Приговаривать:
Да спасибо тебѣ, лошадь вѣрная,
Что ты вывезъ намъ нашего болѣзнаго!»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 85.

334.

Не черная черница зачернѣлася,
Зачернѣлось турецкое чисто поле.
Не плугомъ оно попахано, не сохою,—
Попахано поле конскими копытами;
Повасѣяно поле не всхожими сѣменами,—
Какъ и тѣми-то казачьими головами;
Заволочено поле казачьимъ цвѣтнымъ платьемъ.
Не ясменъ соколъ по крутымъ горамъ летаетъ,
Нашъ полковникъ по палатушкамъ разъѣзжаетъ,
И тутъ ѣхавши, нашъ полковникъ становился,
Надъ казачьими головушками прослезился:
«Понапрасну христіанская кровь эта пролита!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 135.

335.

Между Курой, между Малкой распахана земе-
люшка,
Не плугами, не сохами распахана земелюшка,
Распахана она конными копытами;
Засѣяна она не всхожими сѣменами,
А засѣяна казачьими головами;
Заволочена она конскими хвостами.
Никто къ этой земелюшкѣ не подвернетъ;
Только подъѣзжалъ на эту земельку,
Подъѣзжалъ одинъ князь Дементьевъ.
Наѣзжавши-то князь Дементьевъ,
Пріопнулся, пріопнувши, ужахнулся:
«Отъ кого, братцы, эта измѣнушка случилась?»—
—Случилась эта измѣнушка отъ донскихъ отъ ка-
зачушекъ.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія....
Кавказа, выпускъ XV, стр. 280.

336.

Вотъ не все горе приплакать,
Не все его притужить!
Вы давайте-ка, ребята,
Съ горя пѣсню запоемъ!
На разсвѣтѣ было дня,
Сила войская прошла;
Насъ немного проходило—
Девяносто семь полковъ,
Сорокъ тысячъ казаковъ.
Какъ и шли-прошли казаки
Словно тученька черна;

Востры жъ пики подняты—
Словно звѣздоньки часты.
Становились казаки,
Казаченьки въ два ряда.
Вотъ которы на горѣ—
Стоятъ по поясъ въ кровѣ;
А которы подъ горой—
Тѣ засыпаны землей....

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 83.

337.

Какъ хвалится нашъ донской генералушка:
«Есть у меня на тихомъ Дону слуги вѣрные,
Слуги вѣрные—все донскіе казачки;
Какъ имѣютъ они у себя по конику по сѣдельному.
Какъ сѣдлайте вы своихъ коничковъ и не мѣшкайте,
Бѣгите-ка вы во чисто поле, распроотвѣдайте:
Изъ чего-то наша армеюшка дюже растревожилась?»
Не сизые-то орлы во полѣ солеталися,—
Казаки други въ кругъ соѣзжалися.
Какъ и тутъ-то злые турки, татаровья на нихъ напу
щалися...

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 82.

338.

Какъ далече-далече во чистомъ полѣ,
Далече во чистомъ полѣ,
На Литовскомъ на рубежѣ,
Подъ Смоленскимъ городомъ,
Подъ Смоленскимъ городомъ,
На лугахъ-лугахъ зеленыихъ,

На лугахъ-лугахъ зеленыихъ,
Молодецъ коня ималъ,
Молодецъ коня ималъ.
Дворянинъ душа спрашиваетъ:
«А и конь-то ли, добрый конь,
А конь наступчивый,
Зачѣмъ ты травы не ѣшь,
Травы, конь, зеленыя?
Зачѣмъ, конь, травы зеленыя не ѣшь,
Воды не пьешь ключевыя?»
Провѣщится добрый конь
Человѣческимъ языкомъ:
«Ты, хозяинъ мой ласковый,
Дворянинъ, душа отецкій сынъ!
Затѣмъ я травы не ѣмъ,
Травы не ѣмъ зеленыя
И воды не пью ключевыя,—
Я вѣдаю, добрый конь,
На твоей буйной головѣ
Невзгоду великую:
Поѣдешь ты, молодецъ,
На службу царскую
И на службу воинскую,—
А мнѣ, коню, быть подстрѣлену,
Быть тебѣ, молодцу, въ поиманьѣ;
Потерпишь ты, молодецъ,
Потерпишь, молодецъ,
Нужи-бѣдности великія;
А примешь ты, молодецъ,
Много холоду, голоду,
Много холоду ты, голоду,
Наготы, босоты вдвое того.»
Позабылъ добрый молодецъ
А и то время несчастливое.
Повѣстка ему, молодцу,

На ту службу на царскую;
Поѣхалъ, онъ, молодецъ,
Онъ во полкахъ государевыхъ.
Отъ Смоленца города,
Далече во чистомъ полѣ,
Стоятъ полки царскіе,
А и роты дворянскія,
А все были войска россійскія.
Изъ далеча чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Напущалися тутъ
На ихъ полки невѣрные,
Полки невѣрные,
Все чудь поганая;
А чудо поганое
На вылазку выѣхалъ,
А спрашивалъ противника
Изъ полковъ государевыхъ.
Изъ роты дворянскія
Противника не выискалось;
А онъ-то задоренъ былъ,
Дворянинъ, отецкій сынъ,
На вылазку выѣхалъ
Со чудомъ дратися,—
А чудо поганое о трехъ рукахъ.
Съѣзжаются молодцы
Далече во чистомъ полѣ;
А у чуда поганаго
Одно было побоище,
Одно было побоище—
Большая рогатина,
А у дворянина сабля вострая;
Сбѣгаются молодцы,
Какъ два ясные соколы
Въ едино мѣсто слеталися.

Помогай Богъ молодцу,
Дворянину русскому!
Онъ отводитъ рогатину
Своей саблей вострою;
Что у чуда поганаго
Отвелъ его рогатину,
Прирубилъ у него головы всѣ.
Идолища поганая
Подстрѣлили добра коня,
Подстрѣлили добра коня
У дворянина смоленскаго.
Онъ вѣдь пѣшъ, добрый молодецъ,
Бѣгаетъ пѣшъ по чисту полю,
Кричитъ-реветъ молодецъ
Во полки государевы:
«Стрѣльцы вы старые!
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дѣла ратнаго,
У часочку смертнаго!»
А идолы поганые
Металися грудою всѣ,
Схватили молодца,
Увезли въ чисто поле;
Стали его мучити,
И не поятъ, не кормятъ его,
Морятъ его смертью голодною,
И мучатъ смертью неподобною.
А пало молодцу на умъ
Несчастье великое,
Что ему добрый конь наказывалъ.
Изгибла головушка
Ни за едину денежку.

Кирша Даниловъ, № 51.

339.

Изъ-за горъ было, изъ-за крутыхъ горъ,
Изъ-за лѣсу было, лѣсу темнаго,
Выходилъ-выѣзжалъ молодой турчинъ,
Молодой турчинъ, басурманинъ онъ.
Онъ шумѣлъ-кричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:
«Какъ и нѣтъ ли у васъ съ Дону охотничка,
Того поединщичка?..

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1873 года, № 81.

340.

Воздалече то было, воздалеченьки,
Пролегала степь-дороженька.
Да никто по той дороженькѣ не хаживалъ.
Какъ и шелъ тамъ, прошелъ съ тиха Дона мало лѣточекъ.
Обнимала того малолѣточка да темная ноченька.
Какъ и гдѣ-то я, молодецъ, ночку ночевать буду?
Ночевать я буду во чистомъ полѣ на сырой землѣ.
Какъ и чѣмъ-то я, добрый молодецъ, пріодѣнуся?
Пріодѣнусь я, молодецъ, своей тонкой бурочкой,
Въ голова-то положу съ-подъ сѣдла подушечку....
Наѣзжали на молодца три татарина-басурманина.
Какъ одинъ-то сказалъ: «я его ружьемъ убью»;
А другой-то сказалъ: «я его копьемъ сколю»;
Какъ и третій-то сказалъ: «я его живьемъ возьму».
Какъ и тутъ-то ли душа добрый конь полохается;
Оттого-то ли младой малолѣточекъ пробуждается,
На злыхъ басурманиновъ молодецъ напускается.

Одного-то онъ съ ружья убилъ;
Другаго шельму-басурманина онъ копьемъ скололь;
А и третьяго татарина онъ въ полонъ взялъ.

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 84.

341.

При курганчикѣ, при широкомъ раздольицѣ,
Добрый молодецъ спочивъ имѣлъ,
Спочивъ имѣлъ, день до вечеру,
Осеннюю темную ночушку до бѣлой зари.
Наѣзжали на добраго молодца три охотничка,
Три охотничка, три татарина.
Одинъ-то говоритъ: «изъ ружья убью»;
А другой говоритъ: «я копьемъ сколю»;
А третій говоритъ: «я живаго возьму».
Добрый молодецъ отъ сна пробуждается,
За шелковъ чумбуръ хватается,
На своего добраго коня наскоро сажается.
Онъ и перваго татарина самъ изъ ружья убилъ;
А другаго татарина копьемъ скололь;
А третьяго татарина живьемъ повелъ.

Донская область. Савельевъ, стр. 132.

342.

Ужъ какъ шли-прошли казаки съ моря Чернаго,
Со того ли Черна моря со турецкаго;
Шли лугами, болотами, шли, топилися;
Ко Азову ко городу торопилися.
Не дошедши до Азова, становилися,

Заняли полей подъ лагерь на двѣнадцать верстъ,
А подъ шанцы съ баттареей на пятнадцать верстъ.
Не разставивъ караула, коней кинули;
Пустивъ коней во поле, сами спать легли.
А одинъ лишь казакъ старый былъ догадливый,
Не пустилъ онъ коня добра въ поле чистое,
Не покинулъ казакъ старый, на арканъ сажалъ.
А и спитъ, не спитъ старикъ нашъ, больше такъ лежитъ.
Вдругъ несчастіе надъ казаками случилося:
Набѣжали непріятели—турки храбрые,
Отнимали у казаковъ добрыхъ коней всѣхъ.
На ту пору казакъ старый пробуждается;
Пробудившись, казакъ старый сталъ коня сѣдлать.
А между тѣмъ въ городъ Азовъ шлетъ посыльщика.
Ужъ какъ ждетъ ли казакъ старый посла скораго;
Не дождавшись, казакъ старый самъ въ Азовъ скакалъ.
А до тѣхъ поръ городъ Азовъ намъ растворенъ былъ,
А тепере городъ Азовъ крѣпко запертъ намъ.
Какъ садится казакъ старый на добра коня,
Догонялъ онъ басурмана турка храбраго.
Одинъ отбилъ казакъ старый всѣхъ коней назадъ.

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8, смѣсь, стр. 140. Пѣсня едва ли не искусственная.

343.

Какъ и въ нашемъ-то полку,
У насъ, у казаченьковъ,
Будетъ завтра большой праздникъ,
Будетъ пиръ-бесѣдушка;
Какъ у насъ, друзья казаченьки,

Всѣ будутъ разодѣты-снаряжены;
Какъ для насъ-то, казаченьковъ,
Кабачки всѣ будутъ растворены....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 73.

344.

На Михайловъ день собираются
Во единый кругъ казаки братцы;
Они празднуютъ праздникъ войска,
Съ утра ранняго вплоть до вечера.
Среди круга стоитъ знамя царское,
Войсково знамя Георгіевское.
Казаки братцы старожилые
Передъ нимъ стоятъ, Богу молятся.
Ужъ ты, знамечко, знамя царское,
Ты—награда намъ государева:
Заработали мы тебя, знамечко,
Не плугомъ, не сохой, не лопатою,—
Заработали мы это знамечко
Шашкой вострою и винтовкою.
Вмѣсто пота лилась кровь горячая
Удалыхъ казаковъ, добрыхъ молодцевъ.
Развѣвайся жъ теперь, знамя царское,
И напомни ты намъ наши доблести!
За царя и за Русь мы помолимся,
А въ честь праздника выпьемъ водочки!

Уральская область. Мякушинъ, стр. 102. Пѣсня едва ли не искусственная.

345.

Вотъ корабль нашъ, господинъ;
Онъ съ командой, не одинъ.
Господинъ нашъ капитанъ
Позволяетъ гулять намъ.
Офицеры молодцы—
Какъ родные намъ отцы.
Они пьютъ съ намъ, веселятся.
Не велятъ себя бояться.
Унтера все—молодцы,
Скажемъ просто: удальцы.
Они въ дудки засвистали,
Мы наверхъ всѣ побѣжали,
Только трапы затрещали.
Мы наверхъ всѣ выбѣгали,
Старшины насъ повѣряли,
Ближе къ вантамъ посылали.
Капитанъ сказалъ: къ вантамъ!
Лейтенантъ кричитъ: по марсамъ!
Мы по марсамъ побѣжали,
Только ванты задрожали.
Мы на марсъ всѣ выбѣгали,
Лисель-спирты подымали,
Лисель-спирты подымали,
Близко къ топу мы вставали
И команды ожидали.
Лейтенантъ кричитъ: по реямъ!
Старшинка, съ линькомъ: скорѣе!
Мы по реямъ разбѣжались,
Ногами въ перты упирались.
Марсель-брамсель отдавали,
Съ рей долой скоро сбѣжали,
Марса-шкоты натягали,

Марса-фалы подымали.
Какъ на лѣвомъ тонокѣ,
Тамъ заѣлъ брасы въ блокѣ.
Тутъ матросы суетятся,
По снастямъ всѣ становятся.
Боцманъ въ ростарахъ стоитъ
И ничего не говоритъ,
Во всѣ стороны глядитъ,
Въ мѣдну дудочку свиститъ,
Къ себѣ рекрутиковъ манитъ:
«Бѣги, сѣры, поскорѣе!
Бери брасы посмѣлѣе!»
Рей брасомъ поправляли,
Снасти въ бухты укладали;
Насъ на шпиль всѣхъ прогоняли.
Ходомъ якорь доставали,
На кат-фишь мы его брали,
На перпулинъ якорь клали.
Прощай, Ревель и Форштадтъ,
Мы отправимся въ Кронштадтъ!
Прощай, Рижская гора,
Намъ въ Кронштадтъ идти пора!
Прощай, Узкій переулокъ,
Гдѣ поѣли много булокъ!
Какъ въ Кронштадтъ мы приходили,
Мы на якорь становились.
Якорь въ воду отдавали,
Шлюпки на воду спускали.
Насъ гулять всѣхъ отпускали.
Мы немного погуляли,
На гауптвахту всѣ попали.

Альбрехтъ, № 45. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Вотъ калина, вотъ малина. Нѣкоторые стихи повторяются.

346.

Въ славномъ морѣ-морѣ океанѣ,
Шла эскадра наша въ Россею.
Не дошедши Нѣмецкаго моря,
Набѣгаетъ на насъ сильный шквалъ.
Снасти рветъ у насъ, мачты ломаетъ;
Руль отшибло совсѣмъ у насъ прочь;
Трещатъ пушечные найтовы,
Римы рвутся у насъ изъ бортовъ.
Насъ качало, молодцевъ, валяло
Ровно двадцать восемь цѣлыхъ дней.
Ничего въ волнахъ было не видно,
Кромѣ судна только своего.
Вдругъ завидѣли мы въ океанѣ
Адмиральскій славный нашъ фрегатъ.
У насъ радость въ сердцѣ оживилась,
Вознадѣялись еще пожить!

Альбрехтъ, № 46.

347.

Изъ-за лѣса то было, изъ-за лѣсочка, изъ-за лѣса зеленаго,
Не буенъ-то холоденъ вѣтеръ повѣваетъ.
Ничего-то за вѣтромъ, ничего-то за буйнымъ не слышно;
Только слышно было одинъ нѣжный голосъ, голосъ офицерскій;
Онъ кричитъ-то, шумитъ во весь свой голосъ:
«Одолѣли-то меня, добраго молодца, злые турки непріятели!»

Тутъ наши донскіе казаки голосъ его услыхали,
На добрыхъ-то коней сажалися, въ темный лѣсъ бросились,
Донскаго своего офицерушку отбивали, а турокъ въ полонъ забрали.
Молодой-то нашъ офицерикъ къ полковнику подъѣзжаетъ,
Отъ радости слова не выговоритъ, отъ слезъ свѣта не видитъ.

Донская область. Пивоваровъ, стр. 132.

348.

Какъ пошли красныя дѣвушки въ лѣсъ по ягоды.
Какъ всѣ-то красныя дѣвушки ягодъ понарвалися,
А одна-то красная дѣвушка ягодъ не нарвалася,
Не нарвалася красная дѣвушка, она тамъ оставалася,
Заболѣла у красной дѣвушки буйная головушка.
Какъ и тутъ-то красная дѣвушка слезно плакала:
«Какъ и гдѣ-то я, дѣвушка, ночку ночевать буду?
Заночую я, красная дѣвушка, подъ сырымъ дубомъ,
Подъ сырымъ дубомъ подъ кудрявчатымъ!»
Какъ и тутъ-то наѣзжали на дѣвушку три татарина,
Три татарина, они три басурманина.
Какъ и первый-то говоритъ красной дѣвицѣ: «я тебя конемъ стопчу!»
А другой говоритъ на дѣвушку: «я тебя копьемъ сколю!»
Какъ и третій говоритъ красной дѣвицѣ: «я тебя въ полонъ возьму!
Садися ты, красная дѣвушка, на моего добра коня,
Какъ поѣдемъ мы съ тобой во зеленые луга!»
Какъ и стали они красную дѣвушку пытать-спрашивати:

«Скажи-ка ты, красная дѣвушка, чьего роду-племени?»—
—«Какъ и я ли, красная дѣвушка, роду не простецкаго:
Государь мой родной батюшка бояринъ былъ;
Государыня моя родная матушка была боярыня;
Какъ и я ли, красная дѣвушка, роду не простаго,—боярскаго.»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 84.

349.

Въ полѣ дороженька, въ полѣ не широкая пролегала.
Никто не хаживалъ по этой дороженькѣ и съ роду не ѣзживалъ;
Только шла красна дѣвица, шла она, опознилася,
Опознивши, она заблудилася, въ полѣ остановилася,
На восходъ Богу молилася и затѣмъ она спать ложилася.
Какъ наѣхали на красну дѣвицу три татарина,
Три татарина басурманина,
Какъ взяли они красну дѣвицу, посадили за круты бедра,
Повезли ее въ землю татарскую, землю басурманскую.
И проситъ красная дѣвица:
«Вы напишите бѣлу грамотку къ моему родимому батенькѣ,
Чтобъ досталъ онъ свою золотую казну,
Чтобъ ѣхалъ выкупать меня изъ чужой земли!»

Донская область Савельевъ, стр. 144.

350.

Во лугахъ зеленыхъ
Дѣвушки гуляли,
Цвѣточки срывали,
Вѣночки свивали,
На головки клали,
Себя украшали.
Домой приподзали,
Въ кустахъ ночевали.
Злы татары тамъ гуляли,
Въ лугахъ разъѣзжали.
Ихъ собаки набѣжали,
Душу Машу испужали.
Всѣ дѣвчата убѣжали,
А Машеньку оставляли.
Ее татары увидали
И во кустикахъ поймали,
Коню къ хвосту привязали,
Тѣло бѣло растервали.

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1873 года, № 84. Пѣсня сомнительной подлинности.

351.

Подъ городомъ подъ Кермантомъ,
Служили тамъ два брата;
Не поручикъ ли съ капитаномъ.
Не подъ городъ подступали,
Земляную стѣнушку разбивали.
Во полону-то они взяли

Но шведскую панью, младую княгиню.
Восплакалась наша шведская панья,
Востужилася наша младая княгиня.
Утѣшаютъ ее но два братца,
Утѣшаютъ ее но два родные,
Не поручикъ ли съ капитаномъ:
«Не плачь ты, не тужи, но шведская панья!
Мы возьмемъ тебя за сестру родную!»

Москва Кирѣевскій, вып. IX, стр. 174.

352.

Ахъ ты, матушка Москва рѣка,
Ты течешь быстра изъ-подъ камышка,
Изъ-подъ камышка изъ-подъ бѣлаго,
Изъ-подъ кустичка изъ-подъ ракитова,
Изъ-подъ красныя смородины;
Обрываешь ты круты бережки,
Круты бережки, пески желтые....
Что по крутенькому по бережку,
Что по желтому по песочку,
Какъ шли полки артиллерійскіе.
Что перва рота—гренадерская,
Что втора рота—бомбандирская,
Что третья рота—канонерская.
Во первой ротѣ—знамена несутъ,
Подъ знаменами—въ барабаны бьютъ;
Во второй ротѣ—все во флейточки;
Во третьей ротѣ ведутъ дѣвицу,
Красну дѣвицу полоненную,
Полоненную дочь, не русскую,—
Самого царя турецкаго.

Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, какъ ручьи шумятъ.
Унималъ ее младъ полковничекъ:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
Мы сведемъ тебя во свою землю,
Во свою землю, къ царю бѣлому.»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 183.

353.

Вечоръ поздно три роты шло:
Первая рота московская,
Другая рота литовская,
Третья рота турецкая.
А въ турецкой барабаны бьютъ,
А въ литовской трубы трубятъ,
А въ московской дѣвка плачетъ,
Замужъ не хочетъ.
Что не батюшка выдаетъ,
Что не матушка снаряжаетъ,
Что не братцы въ поѣздѣ,
Не сестрицы въ свашенькахъ,—
Выдаетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Снаряжаетъ красное солнце,
Частыя звѣзды въ поѣздѣ,
Вечерняя заря въ свашенькахъ....

Курская губернія. Кохановская, стр. 44. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ладо, ладо (поется на масляницѣ).

354.

За славною за рѣчкою за Кумою,
Подъ крутыми подъ Бештовыми подъ горами,
На желтыхъ песочкахъ на разсыпчатыхъ,
Тамъ лежалъ бѣлъ горючъ камень.
На камушкѣ сидитъ младъ донской казакъ,
Въ рукахъ держитъ бѣлу грамоту.
Не перомъ писана, не чернильцами,
Онъ писалъ письмо горючей слезой,
Припечатывалъ крѣпкимъ разумомъ,
Посылалъ письмо со скорымъ пословъ,
Со скорымъ посломъ—со буйнымъ вѣтромъ
На батюшку славный тихій Донъ,
Государю родному батюшкѣ,
Государынѣ родной матушкѣ:
«Не жалѣйте золотой казны,
Выкупайте меня со неволюшки,
Со проклятой Грузинской сторонушки!»

Донская область. Савельевъ, стр. 29. Почти тожественная пѣсня: Пивоваровъ, стр. 130.

355.

По морю-морю синему Турецкому,
Плывутъ тамъ три кораблика;
Первый кораблечекъ—съ златомъ, съ серебромъ,
Другой кораблечекъ—съ мелкимъ жемчугомъ,
А третій кораблечекъ—съ невольничками,
А невольнички—донскіе казаки.
Всѣ казаки положилися спать;
Одинъ казакъ Богу молится, низко кланяется:
«Создай намъ, Боже, буйнаго вѣтра,
Вынеси нашъ кораблечекъ изъ синя моря!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 128.

356.

Какъ по Дунаю-Дунаю,
По тихому по Дунаю,
Тамъ плывутъ-то, выплываютъ
Черноморскихъ три стружечка.
Какъ и первый-то стружечекъ,
Напередъ онъ выплываетъ,
Ровно соколъ вылетаетъ.
На стружкѣ людей немножко:
Только семеро рабочихъ,
Да восьмой-то воду носитъ,
Да девятый кашу варитъ;
А десятый—самъ хозяинъ.
По стружку ходитъ-гуляетъ,
Невольничковъ взвеселяетъ:
«Казаки-други донскіе,
Вы гребите, не робѣйте,
Своей силы не жалѣйте,
Бабаечекъ не сушите,
Хозяина не крушите!
Вотъ вамъ придетъ перемѣна,
Со бѣлымъ царемъ размѣна!»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 84.

357.

Въ Крыму-то было у насъ, братцы, во Туретчинѣ,
Было во Туретчинѣ,
Еще въ Стамбулѣ было, во славномъ было городѣ,
Во славномъ городѣ,

Еще какъ при широкой было, при ровной при пло-
щади,
При ровной при площади,
Еще тамъ построена была злодѣюшка темная тем-
ница,
Она темная темница.
Еще безъ дверей та тюрьма, она безъ окошечекъ,
Тюрьма безъ окошечекъ;
Еще съ одной та тюрьма, съ одной дымчатой трубой,
Съ одной дымчатой трубой.
Тамъ засоженный сидѣлъ-сидѣлъ добрый молодецъ,
Сидѣлъ добрый молодецъ,
Удалъ добрый молодецъ, что сидитъ гребенской ка-
закъ,
Сидитъ гребенской казакъ.
Онъ сидитъ, да сидитъ ровно тридцать лѣтъ,
Сидитъ ровно тридцать лѣтъ;
Посѣдѣла у молодца его буйная головушка,
Его буйная головушка;
Побѣлѣла у молодца его черная бородушка,
Его черная бородушка,
Что бѣлѣе ли она снѣгу бѣлаго,
Бѣлѣе снѣгу бѣлаго.
Довелось царю мимо тюрьмы ѣхать,
Мимо тюрьмы ѣхать.
Довелось молодцу во щелочку глянуть,
Во щелочку глянуть.
«Ужъ ты, батюшка, ты, нашъ православный царь,
Ты, нашъ православный царь!
Ужъ ты хочешь, да ты корми-пой меня,
Корми-пой меня;
А не хочешь кормить, выпусти на волюшку,
На родную сторонушку!»—
—«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
Слуги вѣрные!

Пойдите и спросите: за какую вину сидитъ?
За какую вину сидитъ?»—
—«Я сижу-то, сижу,—со Терека Горинича
Гребенской казакъ.»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 108.

358.

Какъ по морю было, морю по Еврейскому,
Какъ тутъ плыли-выплывали тридцать кораблей.
Какъ одинъ корабль напередъ бѣжитъ, что соколъ летитъ;
У кораблика носъ, корма по звѣриному,
Водяные бока по змѣиному.
На этомъ корабличкѣ раскрашенъ чердакъ;
На этомъ чердакѣ все дубовые столы;
Возлѣ столика-то стулъ раздвижной;
А на стулѣ сидитъ пруцкой король.
Передъ нимъ стоятъ два невольничка,
Два невольничка—два донскіе полковничка,
Во рукахъ держатъ золотой подносъ;
На подносѣ рюмочка серебряна,
Во серебряной во рюмкѣ сладка водочка.
«Ты изволь-ка, соизволь, пруцкой король,
Соизволь принять да выкушать,
Изъ неволюшки насъ выпустить!»

Уральская область. Небольсинъ, Уральцы. Спб., 1855 года, стр. 126.

359.

Какъ по морю-морю по Еврейскому,
Тутъ плыли-выплывали тридцать три кораблика.
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;

У него носъ, корма по звѣриному,
А водяные бока по змѣиному.
Какъ въ этомъ корабличкѣ разукрашенъ чердакъ;
Въ чердакѣ стоитъ раздвиженый стулъ,
На стулу сидитъ самъ пруцкой король,
Передъ нимъ стоятъ два невольничка—
Со тиха Дона два полковничка.
Какъ возговорилъ имъ пруцкой король:
«Ужъ вы гой еси, два невольничка,
Съ тихаго Дона два полковничка!
Какъ мнѣ въ нынѣшней ночи мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось.
Мнѣ привидѣлся частъ ракитовъ кустъ,
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу.»
Отвѣчали ему два невольничка,
Съ тихаго Дона два полковничка:
«Ужъ ты гой еси, пруцкой король!
Частъ ракитовъ кустъ—раздвиженый стулъ;
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ—православный царь;
А въ когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу—это перо лебединое.»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, Спб. 1888 г., стр. 126. Сходная пѣсня (сомнительнаго достоинства): Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 154.

360.

По-надъ славною рѣкою было Дунаемъ,
Тамъ ходилъ-гулялъ самъ турецкій царь.
Какъ за нимъ ходятъ три невольника,
Три невольника—три донскіе казака.
Какъ первый ходитъ—онъ коня водитъ;

А другой-то ходитъ—онъ кисетъ носитъ;
Какъ и третій ходитъ—онъ царя проситъ:
«Ой, гой еси ты, турецкій царь,
Отпусти ты насъ да на тихій Донъ!
Какъ у насъ на Дону казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные;
Какъ у нихъ-то есть кони добрые,
Кони добрые, копья вострыя....»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 120.

361.

Заря ты моя, заря красная!
Зачѣмъ ты, заря, рано занималася?
Не дала ты, заря, молодцу пріуправиться,
Пріуправиться, изъ полона бѣжать!
Какъ и за рѣчкою стоялъ садикъ зелененькій,
Какъ во томъ садику стоялъ высокій теремокъ,
Да во томъ теремку столикъ дубовенькій;
За тѣмъ столикомъ сидитъ невольничекъ молодой;
Передъ нимъ-то стоитъ молодая турчаночка,
Во рукахъ-то держитъ подносъ серебряный;
На подносѣ стоятъ чары позлаченыя.
Наливала она зелена вина,
Подносила она молодому невольничку:
«Выпей-выкушай, молодой невольничекъ!
И забывай ты про свою сторонушку,
Про своего отца-матерю,
Про молодую жену и своихъ малыхъ дѣточекъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 130.

362.

Ты свѣти-посвѣти, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти-посвѣти во всю линію,
Чтобъ видно было молодцу коня сѣдлать,
Чтобъ можно было молодцу изъ неволи бѣжать,
Не стежкою мнѣ бѣжать, не дорожкою,—
Поѣду я, молодецъ, прямо могучей степью!
Настигала меня, молодца, ночка темная;
Находила на меня, молодца, туча грозная.
Какъ я, молодецъ, ночку ночевать буду?
Нѣтъ у молодца одежечки—ни бурочки, ни шинелика!
Постель-то мнѣ будетъ мать сыра земля,
Одѣнетъ меня батюшка бѣлый свѣтъ....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 131.

363.

Со тиха Дона былъ охотникъ,
Со турецкой стороны шелъ невольникъ,
Не стежкою, не дорожкою, а звѣриною тропинкою.
Занимала молодца темная ночь осенняя.
Гдѣ жъ я ночку ночевать буду?
Во зеленомъ бору, подъ грушицею зеленою.
Постеля молодцу—мать сыра земля,
Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
Одѣялице—шелковая трава.
Буйные вѣтры подымаются,
Со сна молодецъ пробужается,
Горючею слезою умывается....

Донская область. Пивоваровъ, стр. 132.

364.

А изъ Крыму ли, братцы, изъ Ногаю,
Изъ тоя ли орды бусурманскія,
А ѣхали два братца родимые.
Подъ большимъ-то братомъ конь уставаетъ,
А меньшій за большаго умираетъ:
«А и гой еси, мой братецъ родимый!
А я тебя, братецъ, посверстнѣе,
А пѣше ту дороженьку повыду.»
Когда было добру молодцу время,
Народъ, господа его почитали;
А стало доброму молодцу безвремянье,
Никто-де молодца не почитаетъ,
А самъ се молодецъ размышляетъ:
Соколъ-ли-то на семъ свѣтѣ не птица,—
На его-то безвремяньице бываетъ:
Онъ пѣшъ да по чисту полю гуляетъ;
Худая-то птичка куличонко,
И та надъ соколомъ насмѣялась—
Напередъ-то его залетѣла.

Кирша Даниловъ, № 37.

365.

Изъ Крыму было, изъ Ногаю,
Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
Изъ той ли изъ орды, братцы, изъ поганой.
Подходитъ младъ невольничекъ ко Дунаю,
Изыскивалъ песчанаго переходу.
Безсчастьице на молодца приходило:
На тіе время тихой Дунай становился,
Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
Молоденькимъ снѣжочкомъ засыпался,

Лютыми морозами укрѣплялся.
Слѣзетъ молодецъ со добра коня,
Запѣлъ-то онъ съ горя пѣсню:
«Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль ты родимая,
Родимая, прохладливая!
Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
Отца съ матерью не видати!»

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 года, № 1, стр. 62.

366.

Какъ шли двое невольниковъ
Изъ неволи,
Изъ той орды проклятой
Изъ хивинской;
Пришли они къ быстрой рѣкѣ
Ко Уралу.
На ту пору Уралъ рѣка
Возмутилась,
Съ пескомъ она да съ желтенькимъ
Посмѣшалась,
Ледкомъ она да тоненькимъ
Сомыкалась,
Снѣжкомъ она да бѣленькимъ
Покрывалась.
Одинъ изъ нихъ пустился въ путь
Черезъ рѣку;
Онъ правой своей ножкой въ снѣгъ
Становился.
И только что успѣлъ онъ въ ледъ
Упереться,
Какъ бѣленькій снѣжочекъ вдругъ
Распахнулся,

А тоненькій ледочекъ вкругъ
Обломился,
Удалый добрый молодецъ
Сталъ тонути.
Товарищу онъ взгаркнулъ тутъ
Благимъ матомъ:
«Ты гой еси, товарищъ-другъ,
Братъ названный,
Не дай ты мнѣ въ мои года
Жалко сгибнуть!
Бѣги да протяни скорѣй
Праву руку!»—
—«И радъ бы я тебѣ
Протянути,—
Да ручка-то теперь моя—
Коротенька,
А быстра Уралъ рѣчушка—
Глубоконька.»

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8, смѣсь, стр. 111.

367.

Воздалече, воздалече въ чистомъ полѣ
Пролегала не дорога,—тропа малая.
Шли по ней два невольничка молодые;
Увидали два невольничка густой камышъ,
Они просили камышъ траву ночлегъ себѣ:
«Прими ты насъ, камышъ, гостьми себѣ,
Дозволь ты намъ суконныя онучи просушити,
Ременныя бахилочки тутъ провялити!»
Легли тутъ добрые молодцы въ камышъ траву.
Со вечера камышъ травушка пріутихла,
Со полуночи камышъ травушка зашумѣла,

На зарѣ камышъ травушка рѣчь возговорила:
«Уставайте вы, невольнички молодые!
За вами есть черкесская зла погоня,
Росланбекъ мурза съ узденями недалеко!»
Встрепенулись добры молодцы, въ ходъ пустились,
Передъ балкою они камышиной очутились.
Дошли внизъ по ней молодцы до трясины,
Схоронились въ ней молодцы со всѣмъ тѣломъ.
Росланбекъ злодѣй до балки той доѣзжаетъ;
Не нашедши ихъ, за Кубань рѣку завертаетъ.

Донская область. Пивоваровъ, стр. 130.

368.

Матушка красно солнышко,
Со свѣтлымъ мѣсяцемъ оно поразссорилось,
Называло его, свѣтлаго мѣсяца, вотъ его измѣнщикомъ:
«Ты измѣнникъ, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Свѣтишь ты со вечера, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ко полуночи да ты примеркаешь;
Потакаешь ты, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
По ворамъ, по плутамъ, да ты по разбойничкамъ!...»

Какъ воздалече было, ей, воздалече во чистомъ-то полѣ,
Было во синемъ морѣ.
Что не бѣлая лебедушка, она во пролетъ летитъ,—
Что не красная-то дѣвушка, она изъ плѣна бѣжитъ;
За ней гонятъ, за красной дѣвушкой, за ней-то въ гонь гонятъ.
Выбѣгаетъ она, красна дѣвушка, на быстрый Терекъ,
На крутой берегъ;
Что кричитъ-то она громкимъ голосомъ:

«Перевощички мои, перевощички, вы, гребенскіе казаки!
Перевезите меня, красную дѣвушку,
Перевезите на свою сторонушку!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ VII, стр. 97.

369.

Какъ не бѣлая лебедушка черезъ степь летитъ,
Красная дѣвушка съ полону бѣжитъ.
Она ружьеце, красна дѣвушка, за плечми несетъ,
Вострой саблей въ землю упирается.
Вотъ и гонятъ же за дѣвушкой три погонюшки:
Какъ и первая погонюшка—злые татары;
Другая погонюшка—злые калмыки;
Третья погонюшка—злые корсаки.
Не догнавши красну дѣвицу, похваляются:
«Мы догонимъ красну дѣвицу среди степи,
Мы вскроемъ же красной дѣвицѣ груди бѣлыя,
Мы вырѣжемъ у красной дѣвицы сердце съ печенью;
На ножѣ ея ретиво сердце встрепенется!»
Подбѣгаетъ красна дѣвица къ Яикъ-рѣкѣ,
Вскричитъ-то, вскричитъ красна дѣвица громкимъ голосомъ:
«Вы, братцы мои, перевощики!
Перевезите меня на ту сторону,
На ту сторону, къ отцу-матери,
Къ отцу, къ матери, къ роду-племени,
Вы возьмите съ меня злата-серебра, сколько хочется!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 68.

370.

Не бѣлая лебедка въ перелетъ летитъ,
Красная дѣвушка изъ полону бѣжитъ.
Подъ ней добрый конь растягается,
Хвостъ и грива у коня разстилаются;
На дѣвушкѣ кунья шуба раздувается;
На бѣлой груди скатъ-жемчугъ раскатается;
На бѣлой рукѣ златъ перстень какъ жаръ горитъ.
Выбѣгала красна дѣвушка на Дарью рѣку,
Становилась красная дѣвушка на крутой бережокъ,
Закричала она своимъ звычнымъ голосомъ:
«Охъ, ты сгой еси, матушка Дарья рѣка!
Еще есть ли по тебѣ броды мелкіе?
Еще есть ли по тебѣ калины-мосты?
Еще есть ли по тебѣ рыболовщички?
Еще есть ли по тебѣ перевощички?»
Неоткуль взялся перевощичекъ.
Она возговорила своимъ нѣжнымъ голосомъ:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
Къ отцу, къ матери, къ роду-племени,
Къ роду-племени, на святую Русь!
Я за то плачу тебѣ пятьсотъ рублей,
А мало покажется,—восемьсотъ рублей,
А еще мало покажется,—ровно тысячу;
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу съ плечъ кунью шубу,
Да еще плачу съ груди скатъ-жемчугъ,
Да еще плачу свой золотъ перстень,
Свой золотъ перстень о трехъ ставочкахъ:
Первая ставочка во пятьсотъ рублей,
А вторая ставочка въ восемьсотъ рублей,
А третья ставочка ровно въ тысячу,
Самому перстню смѣты нѣту-ка.»—

—«А пойдешь ли, красна дѣвица, замужъ за
меня?»—
—«Сватались за меня князья и боярины;
Такъ пойду ли я за тебя, за мордовича?»
Бѣжали за дѣвушкой два погоньщичка,
Два погоньщичка, два татарина.
Разстилала красна дѣвица куныю шубу,
Кидалась красна дѣвица во Дарью рѣку,
Тонула красна дѣвица словно ключъ ко дну.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выпускъ VI, стр. 92.

371.

Панушко по двору гуляетъ,
Добраго коня выбираетъ.
Паньюшка у стремени стояла,
Панушку плеть подавала;
Сама панья пану говорила:
«Не ѣзди ты, панушко, на службу,
На ту государеву-цареву!
Не быть тебѣ, панушку, живому,—
Быть тебѣ, пану, убитому!»—
—«Не тужи, слышь, моя панья!
Съѣзжу я въ добромъ здоровьѣ,
Привезу тебѣ, паньюшка, гостинцы—
Съ Руси русскую дѣвку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
Въ бѣленькой рубашкѣ миткалинной,
Въ аломъ во тафтяномъ сарафанѣ,
Въ широкой лентѣ во низаной,
Въ аленькихъ башмачкахъ во сафьянныхъ,
Въ бѣленькихъ чулочкахъ во бумажныхъ!»

Пойду я, выйду я въ новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней на крылечко,
Съ крылечика въ чисто поле;
Погляжу на синее море.
Какъ было на синемъ-то на морѣ,
Вдругъ забѣлѣлись парусочки,
Вдругъ зачернѣли три стружочка.
Какъ было во первомъ-то стружочкѣ,—
Везутъ паново платье,
Паново платье нѣмецкое.
Какъ было во другомъ-то стружочкѣ,—
Везутъ пана не живаго;
Убитъ панъ, да не до смерти.
Какъ было во третьемъ-то стружочкѣ,
Везутъ паньюшкѣ гостинцы—
Съ Руси русскую дѣвку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
Въ бѣленькой рубашкѣ миткалинной,
Въ аломъ во тафтяномъ сарафанѣ,
Въ широкой-то лентѣ во низаной,
Въ аленькихъ башмачкахъ во сафьянныхъ,
Въ бѣленькихъ чулочкахъ во бумажныхъ.

Пермская губернія, Чердынскій уѣздъ. Поповъ, стр. 58 («хороводная»).

372.

Разыгралась, разбушевалась Сура рѣка;
Она устьицемъ упала въ Волгу матушку.
На устьицѣ выросъ частъ ракитовъ кустъ,
У кустика лежитъ бѣлъ горючъ камень,
А у камушка сидятъ все разбойнички;
Сидятъ-то они, дуванъ дуванятъ,

Да кому-то изъ нихъ что достанется,
Кому золото, кому серебро,
Кому кунья шуба, кому золотъ перстень.
Одному добру молодцу ничего не досталося,
Доставалась ему одна красна дѣвушка.
Какъ растужится-разгорюется удалъ добрый молодецъ:
«Во разбоѣ-то я у васъ первый былъ,
Во дуванѣ-то я у васъ послѣдній сталъ!»
Какъ возговоритъ ему красна дѣвушка:
«Ты не плачь, удалъ добрый молодецъ!
У меня, у красной дѣвицы, есть кунья шуба,
Кунья шуба стоитъ восемьсотъ рублей;
Еще есть у меня, дѣвушки, золотой перстень,
Золотъ перстень стоитъ девятьсотъ рублей.»
Какъ возрадуется удалъ добрый молодецъ,
Что бросился ей на бѣлую грудь,
Цѣловалъ ея бѣлы рученьки.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 75.

373.

Ой ты, батюшка нашъ, батюшка,
Быстрый Терекъ ты Горыничъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая!
Ты прорылъ-прокопалъ горы крутыя,
Лѣса темные;
Ты упалъ, Терекъ Горыничъ, во синее море
Во Каспицкое;
И на устье ты выкатилъ бѣлъ горючій камень.
Тутъ ишли-прошли гребенскіе казаки со батальицы,
Что съ той-то со батальицы со турецкой;

Не дошедши они до бѣлаго камушка, становилися;
Становились они, дуванъ дуванили.
Что на каждаго доставалося по пятисотъ рублей,
Атаманушкѣ съ есаулами—по тысячѣ.
Одного-то добраго молодца обдуванили:
Доставалась ему, добру молодцу, красная дѣвица.
Какъ уборъ-то, приборъ на красной дѣвицѣ—во пять-
сотъ рублей;
Русая коса—во всю тысячу;
А самой-то красной дѣвицѣ цѣны нѣтути.

Терскія Вѣдомости 1868 года, № 44. Та же пѣсня, съ незначительными измѣненіями: Русская Старина 1890 года, № 9, стр. 570.

374.

Выметывалъ нашъ Яикушка
На синемъ морѣ Камынь островъ.
На островѣ Камынѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, всѣ легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлить золоту казну пуховою шляпой.
На конъ клали раскрасавицу красну дѣвушку,
И начали между себя трясти жеребій.
Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговоритъ атаманушка таковы слова:
«На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ,
На паю, на дуванѣ я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка!»
Возговоритъ красна дѣвушка таковы слова:

«Ужъ ты гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пятьсотъ рублей;
Поднизочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу;
Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣны нѣту!
Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ.»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, Спб. 1888 г., стр. 40.

375.

Какъ со славной со восточной со сторонушки
Протекла быстра рѣчушка—славный тихій Донъ.
Онъ прорылъ-прокопалъ, молодецъ, горы крутыя,
А по правую-то сторонушку лѣса темные.
На Дону-то все живутъ, братцы, люди вольные,
Люди вольные живутъ—то донскіе казаки.
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Они стали межъ собою да все дуванъ дѣлить.
Какъ на первый-етъ пай они клали пятьсотъ рублей,
На другой-то пай они клали всю тысячу,
А на третій становили красную дѣвицу....
Какъ растужится, какъ расплачется добрый молодецъ:
«Голова ль ты моя, головушка несчастная!
Ко бою-то, ко батальицѣ ты наипервая,
На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя!»
Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
«Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодецъ!
Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей;
А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу;
А третій-то коверъ я сотку, что и смѣты нѣтъ!»

Сахаровъ, книга III, стр. 230.

376.

Яикъ ты нашъ, сынъ Горыновичъ!
Золотое твое, Яикушка, донышко,
Серебряны твои, Яикушка, бережки!
Весною ты, Яикъ, быстрехонекъ бѣжишь,
Урываешь ты свои круты бережки,
Посреди себя выметываешь часты островы!
На тѣхъ островахъ казаки, братцы, дуванъ дуванятъ.
Дѣлили они золоту казну пуховой шляпой.
Одного добра молодца задуванили:
Доставалась ему, добру молодцу, красная дѣвица.
За досаду ему это показалося,
Возговорилъ добрый молодецъ таковы слова:
«На бою была моя головушка самая первая,
А на дуванѣ—самая послѣдняя!»
Тутъ беретъ онъ красну дѣвицу
За правую руку, за золотъ перстень,
Обнажилъ онъ свою саблю острую
И хотѣлъ отрубить ей буйну голову.
И тутъ красна дѣвица возмолилася,
Молодцу въ рѣзвы ноги поклонилася;
Возговоритъ ему красна дѣвица:
«Ой, ты гой еси, добрый молодецъ!
Не руби ты мнѣ буйну голову:
Вотъ тебѣ съ меня золотой перстень во пятьсотъ рублей;
Вотъ тебѣ кунья шуба во всю тысячу;
А я тебѣ, дѣвица, ни за что пришла!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 50.

377.

Какъ Яикъ-то нашъ, все Яикушка,
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ нашъ быстрехонекъ;
Выпадаилъ онъ въ море синее.
А на синемъ морѣ часты островы;
А на островахъ казаки живутъ,
Казаки, братцы, народъ вольный все.
Тамъ дуванъ они все дуванили
Пуховой шляпой, добры молодцы.
Какъ на пай клали по пятисотъ рублей;
Какъ на конъ клали красну дѣвицу.
Доставалася красна дѣвица добру молодцу,
Добру молодцу разудалому;
Возговорилъ-то онъ громкимъ голосомъ:
«На бою ли моя головушка наипервая,
На дуванѣ ли—такъ послѣдняя!»
Какъ выхватывалъ добрый молодецъ саблю острую,
Онъ и снять хочетъ красной дѣвицѣ буйну голову.
Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
«Не губи меня, красну дѣвицу!
Во ушахъ у меня серьги во пятьсотъ рублей;
На рукахъ перстни—въ цѣлу тысячу;
А сама-то я тебѣ такъ пришла!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 52.

378.

Во горахъ, долахъ, во раздольицахъ снѣга бѣлые;
Во лузяхъ, во лузяхъ во зеленыихъ вода полая.
Протекала тутъ Яикъ-рѣка быстрая,
Она мыла-вымывала бѣлъ горючъ камень,

Изъ-подъ камешка изъ-подъ бѣлаго—частъ ракитовъ
кустъ.
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ
Разудаленьки добры молодцы дуванъ дуванили—
Дѣлили они золоту казну пуховой шляпой.
Доставалось имъ, разудаленькимъ, по пятьсотъ рублей;
Атаманушкѣ съ есаулушкой—вся тысяча.
Одного они добра молодца задуванили,
Золотой казной призабидѣли:
На пай пала ему, добру молодцу, красна дѣвица,
Набѣлена, нарумянена, во цвѣтно платьице принаря-
жена,
Золотой лентой подпоясана.
И на то-то добрый молодецъ пріосердился,
Онъ взялъ красну дѣвицу за праву руку
И повелъ ее на круту гору;
Онъ хотѣлъ ей рубить буйну голову.
Раздуша моя красна дѣвица заплакала:
«Не руби ты мнѣ, добрый молодецъ, буйну голову!
У меня есть кунья шуба во пятьсотъ рублей;
Есть жемчужная моя поднизочка во всю тысячу;
А я тебѣ, дѣвица, въ барышахъ пришла!»

Сахаровъ, книга III, стр. 246.

379.

Какъ со вечеру сильный дождичекъ,
Со полуночи-ночи подморозило....
Ты взойди-ка-ся, взойди, солнце красное,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ дубровою взойди надъ зеленою,
Обогрѣй же ты насъ, сиротъ бѣдныихъ,
Сиротъ бѣдныихъ, только солдатъ бѣглыихъ!...

Обогрѣмшися, стали мы казну дѣлить;
Раздѣлили мы казну по пятисотъ рублей.
Одному-то изъ нихъ не досталося.
Призадумался онъ, да припечалился,
Припечалился онъ, да самъ восплакался:
«Воровать-то я былъ во первыихъ;
Въ дѣлежѣ-то я сталъ во послѣдніихъ!»....

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 53. Кромѣ перваго и послѣдняго, каждый стихъ повторяется.

380.

Да не ластушка въ полѣ, не касатушка,
Она увивалася,—
Да красная дѣвица у кроватушки
Убивалася.
Да будила-то да красная дѣвица
Друга милаго:
«Да ты встань-то ли, проснись, душечка любевный другъ,
Отъ сна пробудись!
У твоихъ-то у воротъ, у воротъ широкихъ,
Стоятъ други-недруги;
Во рукахъ-то ли держатъ, да держатъ по ножику,
По ножу булатному;
Да хотятъ ли тебя, да добраго молодца,
Хотятъ губить-рѣвати;
А меня-то ли, младу, меня, молодешеньку,
Хотятъ на позоръ пустить.
А мнѣ-то ли, младой да красной дѣвчонкѣ,
Сего не хотѣлося!»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 124.

381.

Да не ластушка въ полѣ, не касатушка, она увива-
ласяся,
Увивалася красная дѣвица, она у кроватушки,
Да будила она своего друга милаго:
«Ты встань, ты проснись, душечка любезный другъ.
Отъ сна пробудися!
У твоихъ ли воротъ, у твоихъ верeюшекъ,
Стоятъ твои недруги;
Во рукахъ-то у нихъ по ножу булатному;
Да хотятъ-то они тебя, душечка любезный другъ,
Хотятъ убить-зарѣвати;
А меня, красну дѣвицу, на позоръ отдать.
А мнѣ, красной дѣвицѣ, того бъ не хотѣлося!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 173.

382.

Ой, да не двѣ ластушки въ полѣ, двѣ касатушки,
Въ полѣ онѣ увивалися,
Увивалася вотъ красная дѣвушка въ молодца въ ко
роватушки.
Пробуждала она его, вотъ добраго молодца,
Отъ сна его пробуждала:
«Ты устань, ты проснись, удалъ добрый молодецъ,
Отъ сна пробудися!
Какъ твои-то было вотъ братья-товарищи,
Они у воротъ стоятъ;
Во рукахъ-то держатъ они да по ножичку;
Какъ тебя-то было, вотъ добраго молодца,

Они загубить хотятъ;
Какъ меня-то было, вотъ красную дѣвушку,
Они хотятъ на позоръ, на позоръ вывесть!»

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 80.

383.

Да ходилъ-гулялъ по базару....
Какъ за нимъ-то ходятъ-ходятъ два турецкіе да жолнерики молодые;
Наголо-то они носятъ вотъ вострыя свои шашечки.
Какъ его-то было, вотъ добраго молодца, загубить его хотятъ;
Вотъ буйную его головушку да хотятъ съ его плечъ свалити....

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 75.

384.

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались....
Какъ заслышали мои русы кудри на себя невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что ужъ быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатахъ,
Что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ.
Вотъ стоялъ я, добрый молодецъ, въ караулѣ;
Пристоялись у добраго молодца мои скоры ноги.
Какъ задумалъ я, добрый молодецъ, задумалъ бѣжати;
Что бѣжалъ я, добрый молодецъ, не путемъ-дорогой,
А бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣсами.
Во темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь я ободрался;

Подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь я обмочился;
Прибѣжалъ я, добрый молодецъ, ко своему подворью,
Прибѣжавши, добрый молодецъ, подъ окномъ я постучался:
«Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти обогрѣться!
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обсушиться!»—
—«Я бъ пустила тебя, мое дитятко,—боюсь государя;
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйнымъ вѣтромъ тебя, дитятко, тамъ обсушитъ,
Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, тебя обогрѣетъ!»
Что пошелъ-то я, добрый молодецъ, пошелъ, самъ заплакалъ:
«Ужъ возьмись, загоритесь вы, батюшкины хоромы!
Ужъ ты сгинь-пропади, матушкино подворье!»

Филиппов, № 10.—Якушкинъ, стр. 547.—Вильбоа, № 35.

385.

Вились, вились кудеречки,
Вились кудри, завивались....
Что заслышали кудеречки
Про себя бѣду-несчастіе—
Поголовное солдатствіе....
Пристоялъ я рѣзвы ноженьки
На солдатскомъ караулѣ;
Примахалъ я бѣлы рученьки
За солдатскими ружьями;
Пригнело наши головушки
Солдатскими киверами.
Что задумалъ добрый молодецъ
Съ караулу-то бѣжати.
Бѣжалъ, бѣжалъ добрый молодецъ;
Бѣжалъ лѣсомъ,—оборвался;

Бѣжалъ полемъ,—обмочился;
Бѣжалъ улочкой,—торопился.
Прибѣжалъ я, добрый молодецъ,
На родимую сторонку;
Постучалъ я, добрый молодецъ,
У сторонняго окошка:
«Пусти, пусти, родной батюшка,
Пусти обогрѣться!
Пусти, пусти, родна матушка,
Пусти обсушиться!»
Заглянула моя матушка
Да въ стороннее окошко:
«Не пущу тебя я, дитятко,
Не пущу обсушиться,
Не пущу и обогрѣться!
Мы боимся, мило дитятко,
Высшаго начальства;
Пуще мы боимся, дитятко,
Ближняго сосѣда!»
Пошелъ, пошелъ добрый молодецъ,
Самъ заплакалъ:
«Не спасибо тебѣ, батюшка,—
Не пустилъ ты обогрѣться!
Не спасибо тебѣ, матушка,—
Не пустила обсушиться!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 323.

386.

Ты, дѣтинушка сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка,
Безъ отца ты вросъ и безъ матери,
На чужой дальной сторонушкѣ!

Нѣтъ ни батюшки, ни матушки,
Ни братца, ни родной сестры,
Ни душечки молодой жены.
Вдоль да по улицѣ мой другъ гуляетъ,
Его грусть-тоска разнимаетъ.
Темна ноченька пристигаетъ,—
Ночевать никто не пускаетъ:
Всѣ разбойникомъ называютъ,
Всѣ окошечки закрываютъ,
Всѣ воротечки затворяютъ,
Всѣ его ко вдовушкѣ посылаютъ.
«Ты пусти, молода вдова!
Мнѣ не годъ у тебя годовати,
Не недѣлюшку мнѣ стояти,—
Одну ноченьку ночевати,
Цвѣтно платье обсушити,
На твое житье посмотрѣти!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 153. Почти тожественная пѣсня: Прачъ 1790 года, № 31 («протяжная»).

387.

Ты, дѣтинушка сиротинушка,
Безпріютная ты головушка,
Безъ отца ты взросъ и безъ матери,
На чужой дальней на сторонушкѣ!
Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,
Что ни братца-то, ни родной сестры,
Что ни душечки молодой жены....
Вдоль по улицѣ гулялъ молодецъ;
Разнимаетъ ли его грусть-тоска,
Пристигаетъ ли темна ноченька.
Не пускаютъ-то ночевать никто,

Называютъ-то всѣ разбойникомъ,
Закрываютъ-то всѣ окошечки,
Затворяютъ-то всѣ воротечки,
Посылаютъ-то его къ вдовушкѣ.
«Ты пусти, пусти, молода вдова!
У тебя не годъ годовать-то мнѣ,
У тебя стоять не недѣлюшку,—
Ночевать ли мнѣ одну ноченьку,
Обсушить свое цвѣтно платьице,
Посмотрѣть лишь мнѣ на твое житье!»

Кашинъ, книга I, № 32 («протяжная»).

388.

Сиротинушка да дѣтинка,
Безпріютная твоя головка!
Вдоль по улицѣ радость гуляетъ,
Его грусть-тоска разнимаетъ;
Ночевать его не пущаютъ.
Во селѣ было, селѣ Красномъ,
Во слободушкѣ во Тальянской,
Что-ль-то во улицѣ во Мѣщанской,
Тутъ жила вдова молодая.
Я пойду къ вдовѣ подъ окошко,
У окошечка постучуся,
Ночевать у ей попрошуся:
Ты, вдова, ... ночевати!
Я не воръ пришелъ, не разбойникъ....»

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (O. XIV. 11), № 214. Каждый стихъ повторяется.

389.

Я гулялъ-то, гулялъ, добрый молодецъ, гулялъ долго ночью,
Не одинъ-то я гулялъ, я, добрый молодецъ, гулялъ съ красной дѣвкой.
Красну дѣвушку люблю, разудаленькій, люблю по любови;
Я худую-то жену, жену разнегодную, люблю по закону.
Какъ худая-то жена, жена разнегодная вознесла худу славу.
Я худой-то славушки, разудаленькій, славы я не боюся,
Я боюсь-то, боюсь, разудаленькій, боюсь отца съ матерью;
А еще-то я боюсь, боюсь, разудаленькій, своего господина.
Я отца-то съ матерью боюсь, разудаленькій,—будутъ плакать;
Господина-то я боюсь, разудаленькій, боюсь,—отдастъ во солдаты....
Я разбилъ-то, разбилъ разудаленькій, разбилъ три обоза:
Какъ и первый-то обозъ разбилъ, разудаленькій,—съ золотой казной;
Я другой-то обозъ разбилъ, разудаленькій,—съ мелкими товарами;
Я и третій-то обозъ разбилъ, разудаленькій,—съ бѣлой рыбицей.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 76.

390.

Шелъ я, молодецъ, дорожкою, шелъ широкою.
Пристигаетъ молодца ночка темная,
Ночка темная, ночь осенная,
Во сыромъ бору подъ сосенкою,
Подъ сосенкою подъ зеленою,
Что подъ той ли сосной подъ кудрявою.
Стой-ка ты, сосна, не шатай себя,
Не шатай себя, не буди меня!
Я не самъ сюда зашелъ,—меня конь завезъ,
Меня конь завезъ отъ худой славы,
Отъ худой славы, отъ некрутчины,
Отъ некрутчины, отъ солдатчины,
Отъ солдатчины, отъ худой жены!
Припаду я ко сырой землѣ, послушаю:
Не кукуетъ ли кукунячка во сыромъ бору,
Не плачетъ ли по мнѣ отецъ и мать.
Ужъ какъ батюшка плачетъ,—крупенъ дождь идетъ;
Ужъ какъ матушка плачетъ,—какъ рѣка течетъ;
Сестра-то ли плачетъ,—какъ ключи кипятъ;
Жена плачетъ,—какъ роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ,—росу высушитъ;
У молодой-то жены сердце выкрушитъ.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выпускъ VI, стр. 88.

391.

Шелъ молодецъ дорогою, разудаленькій широкою,
Безъ товарищей, безъ огонечку.
Пристигла молодца ночка темная,
Ночь осенняя.

Гдѣ мнѣ, молодцу, ночку ночевати будетъ?
Ночевать мнѣ, молодцу, во темномъ лѣсу,
Во сыромъ бору подъ сосенкою;
А кроватушка у молодца—мать сыра земля;
Какъ постелюшка у молодца—шелкова трава.
Не вѣтры буйны зашумѣли,—
Зашумѣла, раскачалась зелена сосна.
Не качайся, не шатайся, зелена сосна!
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати,
Думу крѣпкую, молодецкую....

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 86.

392.

Не лѣса шумятъ, не дубровушка,—
Разыгралась волюшка атаманская,
Все-то братская.
Всѣ ли мы—братцы, всѣ ли мы—родные,
Однокровные:
Спородила насъ ночка темная,
Сосватала насъ сабля вострая;
У насъ сватушка—кистень батюшка,
А свахонька наша—сабля вострая.

Саратовская губернія, Аткарскій уѣздъ. Саратовскій Сборникъ, томъ I (1881 года), стр. 263.

393.

Сирота ли, сирота, ты, сиротушка,
Сиротецъ, удалецъ, горе-вдовкинъ сынъ!
Да ты спой, сирота, съ горя пѣсенку!—

—«Хорошо пѣсни пѣть, да пообѣдавши;
А и я ли, молодецъ, легъ,—не ужиналъ,
По утру рано всталъ,—да не завтракалъ;
Да плохой былъ обѣдъ, коли хлѣба нѣтъ,
Нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли, нѣтъ ни кислыхъ щей!
Я пойду ли, молодецъ, съ горя въ темный лѣсъ;
Я срублю ли, молодецъ, я иголочку,
Я иголочку, я дубовую,
Да я ниточку, я вязовую.
Хорошо иглой шить, подъ дорогой жить:
Ужъ и разъ-то я стебнулъ,—да я сто рублей;
А другой-то разъ стебнулъ,—да я тысячу;
А какъ третій разъ стебнулъ, — казны смѣты нѣтъ!»—
—Сирота, ты, сирота, ты, сиротушка,
Гдѣ твоя казна?—
—«А моя, братцы, казна во сыромъ бору,
Подъ сосною,
Подъ сосною подъ зеленою....»

Орловская губернія. Современникъ 1861 года, № 5, стр. 193.

394.

«Сиротка, ты, сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная!
Запой-ка ты, сиротка, съ горя пѣсенку!»—
—«Хорошо вамъ, братцы, пѣть,—вы пообѣдали,
А я, сирота, легъ не ужинавши,
Легъ не ужинавши, всталъ не завтракавши!
У меня ли, у сироты, нѣтъ ни хлѣба, ни соли,
Нѣтъ ни хлѣба, ни соли, нѣтъ ни кислыхъ щей;
Одна корочка-засушенка, и та лѣтошняя!»—

—«Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспородилъ?»—
—«Воспородила меня, сиротку, родна матушка;
Воспоила, воскормила меня Волга матушка;
Воспитала меня легка лодочка ветляненька;
Вовлелѣяли меня няньки-мамки—волны быстрыя;
Вовростила меня чужа дальна сторона Астраханская;
Я со этой со сторонушки на разбой пошелъ.»—
—«Ты скажи, скажи, сиротка: съ кѣмъ разбой держалъ?»—
—«Не одинъ я разбой держалъ,—съ тремя товарищами:
Первый мой товарищъ—ночь темная;
Другой мой товарищъ—конь добра лошадь;
Третій мой товарищъ—стально ружье!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 76.

395.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная моя головушка,
Безпріютная моя головка молодецкая.
Ужъ куды-то я, добрый молодецъ, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы,
Спрашиваютъ печатнаго пашпорта;
Что за красною печатью сургучевой.
У меня ль, у добраго молодца, своеручный,
Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
Что куды-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни своей матушки спрошуся:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 161;—Пѣсенникъ 1788 года часть II, стр. 186.

396.

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что повѣсили свои буйныя головы,
Что потупили ясны очи во сыру землю?
Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ
И мы пьемъ-ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное!
Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ-злодѣй, генералъ лихой:
Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
Высылаетъ все-то высылки солдатскія.
Они ловятъ насъ, хватаютъ, добрыхъ молодцевъ,
Называютъ насъ ворами-разбойниками.
И мы, братцы, вѣдь не воры, не разбойники,
Мы—люди добрые, ребята все повольскіе;
Еще ходимъ мы на Волгѣ не первый годъ,
Воровства и грабительства довольно есть.

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 163.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 188.

397.

Ахъ, тошнымъ мнѣ, доброму молодцу, тошнехонько,
Что грустнымъ-то мнѣ, доброму молодцу, грустнехонько,
Мнѣ да ни пить-то, ни ѣсть, доброму молодцу, не хочется,

Мнѣ сахарная сладкая ѣства, братцы, на умъ нейдетъ.
Мнѣ Московское сильное царство, братцы, съ ума нейдетъ.
Побывалъ бы я, добрый молодецъ, въ каменной Москвѣ,—
Только лихъ-то на насъ, добрыхъ молодцевъ, новый сыщичекъ,
Онъ по имени, по прозванью—Иванъ Каиновъ.
Онъ не дастъ намъ, добрымъ молодцамъ, появитися,
И онъ спрашиваетъ пашпортовъ все печатныхъ.
А у насъ, братцы, пашпорты своеручные,
Своеручные пашпорты, все фальшивые.

Комаровъ, Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ, перваго.... Ваньки Каина..., втораго Картуша, Спб. 1779, стр. 109.

398.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
Свѣтилъ въ половину;
Какъ скакалъ да скакалъ одинъ добрый молодецъ
Безъ вѣрной дружины.
А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ молодцемъ
Вѣтры полевые;
Ужъ свистятъ да свистятъ въ уши разудалому
Про его разбои.
А горятъ да горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
Костры сторожевые;
Ужъ слѣдятъ да слѣдятъ молодца разбойничка
Царскіе разъѣзды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому, въ Москвѣ бѣлокаменной
Каменны палаты.

Самарская губернія. Самарскія Губернскія Вѣдомости 1860 года, № 27.—Варенцовъ, стр. 232.

399.

Что свѣтилъ-то, свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
Свѣтилъ въ половину;
Что скакалъ-то, скакалъ одинъ добрый молодецъ
Безъ вѣрной дружины.
Что гнались-то, гнались за тѣмъ добрымъ молодцемъ
Вѣтры полевые;
Что свистятъ-то, свистятъ въ уши разудалому
Про его разбои.
Что горятъ-то, горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
Костры сторожевые;
Что слѣдятъ ли, слѣдятъ молодца разбойничка
Царскіе разъѣзды;
Что сулятъ ему, сулятъ въ Москвѣ бѣлокаменной
Каменны палаты,
Что и тѣ ль палаты—два столба точеные,
Столбы съ перекладиной.

Отечественныя Записки 1861 года, томъ CXXIX, стр. 470.

400.

Что пропились робятушки, промоталися,
Во косточки и въ карты проигралися....
На что-то мы, робята, понадѣялись?
Понадѣялись, робятушки, на сине море,
Что на синее море на Хвалынское.
Соберемтесь же, робята, во единый кругъ,
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще легкую ли лодочку семисаженну;
Какъ мы грянемте, робята, вдоль синя моря,
Вдоль синя моря вдоль Хвалынскаго;

Мы пристанемте, робята, къ круту бережку;
Какъ взойдемте жъ мы, робята, на круту гору,
Поглядимте мы, робята, на сине море,
Каково-то наше море становилося:
Что ничѣмъ наше Хвалынское не ворохнется.
Замерзало наше судно въ воровскихъ островахъ.
Потянула тутъ погода со святой Руси;
Какъ взломало наше море изъ конца въ конецъ.
Выплываетъ наше судно изъ воровскихъ острововъ.
И мы взяли это судно да поѣхали,
Что разъѣхавшись, робята, газзаводились.

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 70.

401.

Лѣса ли, вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли, вы, кусточки, кусты частые!
Ахъ, станы ли, вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы, кусточки, ужъ повыжжены;
Еще всѣ наши станочки поразворены;
Еще всѣ наши товарищи переиманы:
Какъ и первый-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ;
А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ;
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ.
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ;
Закружилася моя головушка, закружилася.
Какъ увидѣлъ я, добрый молодецъ, перевощиковъ.
Перевезите меня, братцы, вы на ту сторону!
За перевозъ-то я награжу золотымъ кольцомъ!
Переѣхалъ я, добрый молодецъ, на ту сторону,
На ту сторону на далекую, самъ кончаться сталъ.
Вы положите меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Между Кіевской, Московской, славной Муромской;

Въ ногахъ-то поставьте мнѣ моего коня;
Въ головушки поставьте животворящій крестъ;
Въ руку правую дайте саблю острую!
И пойдетъ ли, иль поѣдетъ кто,—остановится,
Моему кресту животворному онъ помолится,
Моего-то коня, моего ворона испугается,
Моего-то меча, меча остраго устрашится онъ:
Что не тотъ ли тутъ похороненъ воръ-разбойникъ,
Сынъ разбойника, сынъ удалаго Стеньки Разина.

Сахаровъ, книга III, стр. 226.

402.

Вы, лѣса мои, лѣсочки, лѣса темные!
Во лѣсахъ-то садики, садики зеленые;
Во садахъ кусты, кусты позаломаны.
Всѣ дружечки наши, всѣ-то позаловлены,
Во нѣмецки во желѣза всѣ-то позакованы,
Во большой домокъ всѣ-то посажены.
Сидятъ-то они, Богу молятся,
Со слезами въ землю все-то кланяются:
«Ты возмой-ка, возмой, туча грозная!
Ты пролей-ка, пролей, батюшка силенъ дождь!
Ты размой-ка, размой стѣны каменны,
Ты выпусти-ка насъ на святую Русь!»
Изъ острога-то они всѣ разбѣжались,
По темнымъ лѣсамъ всѣ-то размырялись.
На полянушку они, соколы, собирались,
Во кружокъ они, удалые, садились....

Саратовская губернія, Аткарскій уѣздъ. Саратовскій Сборникъ, томъ I (1881 года), стр. 265.

403.

Ахъ ты, батюшка нашъ царевъ кабакъ,
Ты, кружалечко государево,
При пути стоишь, при дороженькѣ,
При широкой при Московской!
Нельзя мнѣ тебя, добру молодцу, ни пройти, ни проѣхати,
Чтобъ во тотъ кабакъ не заѣхати!
Ахъ ты, солнце, солнце красное,
Надъ горой стоишь надъ высокою,
Надъ дубровой надъ зеленою!
Обогрѣй ты меня, добраго молодца,
Не одного обогрѣй,—съ красной дѣвицей!
Ахъ ты, дѣвка, ты, дѣвка красная!
Хороша, дѣвушка, уродилася:
Черноброван, черноглазая,
Бѣлолицая, круглолицая,
Безъ бѣлилъ бѣла и безъ румянъ ала,
Коса русая до пояса,
Рѣчь привѣтлива и тихая....

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 2.

404.

Ахъ ты, нашъ батюшка Ярославль городъ!
Ты хорошъ-пригожъ, на горѣ стоишь,
На горѣ стоишь, на всей красотѣ,
Промежду двухъ рѣкъ, промежъ быстрыихъ—
Промежду Волги рѣки, промежъ Котросли;

Съ луговой было со сторонушки,
Протекала тутъ Волга матушка;
Со нагорной да со сторонушки
Пробѣгала тутъ рѣчка Котросля.
Что съ верху-то было Волги матушки,
Что плыветъ-гребетъ легка лодочка.
Хорошо-то была лодка изукрашена:
У ней носъ, корма раззолочены;
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцатеры весельца.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добрые молодцы,
Посреди лодки красна дѣвица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плачетъ, что рѣка льется;
Въ воврыданьѣ слово молвила:
«Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть поиману,
Есаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ голова рубить,
А мнѣ, красной дѣвицѣ, въ темницѣ быть!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 182.—Почти тожественная пѣсня: Пѣсенникъ 1810 года, стр. 146.

405.

Какъ Дунюшка нонче сбаловалась,
Въ Ярославль городокъ жить отправлялась.
Ярославль-то городокъ на горѣ стоитъ;
Что подъ этой подъ горой бѣжитъ рѣченька;
Что по этой по рѣкѣ корабли плывутъ;
А позади кораблевъ бѣжитъ лодочка.
Эта лодочка изукрашена,
Молодцамъ она гребцамъ пріусажена.
По середкѣ этой лодки, тамъ бѣлой шатеръ;
Что подъ этимъ подъ шатромъ сидитъ дѣвица.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ весломъ,
На носу сидитъ есаулъ съ багромъ.
Атаманушкѣ сонъ привидѣлся:
Ему быть зарѣзаннымъ,
Есаулушкѣ быть повѣшеннымъ,
Молодцамъ гребцамъ въ тюрьмѣ сидѣть,
А этой дѣвушкѣ быть на волюшкѣ.

Новгородская губернія, Крестецкій уѣздъ. Новгородскія Губернскія Вѣдомости 1873 года, № 15.

406.

Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Обогрѣй ты насъ добрыхъ, молодцевъ,
Атамана со казаками,
Есаула съ добрыми молодцы,
Еще кормщика съ водоливщикомъ!

Обсуши ты намъ платье цвѣтное
Послѣ бури, послѣ вихорю,
Послѣ грома, послѣ молніи,
Послѣ дождика ліючаго,
Въ концѣ лѣта, въ концѣ теплаго,
Въ началѣ осени, въ началѣ холодныя,
Во сыромъ бору стоючи,
Безъ шатровъ и безъ палатокъ мы,
Что безъ верхняго платья теплаго!...
Мы на легкой были пашенькѣ—
На рукопашномъ на сраженьицѣ.
Ничего-то мы не пошкотили,
Полонили только дѣвицу,
Красну дѣвицу дочь отецкую.
Что пониже было города Нижняго,
Что повыше было села Лыскова,
Супротивъ того села Юрьева,
Съ луговой было со сторонушки,
Выпадала тутъ рѣчка Керженка.
Что по той ли рѣчкѣ Керженкѣ,
Какъ плыветъ тутъ легка лодочка.
Хорошо лодка изукрашена;
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселечки.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Посередь лодки красна дѣвица,
Разбойническая плѣнница,
Атаманова полюбовница.
Она плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
«Ты прости, прости, отецъ и мать,
Ты прости, прости, и родъ-племя!

Ужъ мнѣ съ вами не видатися!
Я досталася разбойникамъ;
Не нажить ужъ мнѣ своей воли!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 98.

407.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою ты взойди надъ высокою,
Надъ дубровою взойди надъ зеленою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныихъ, солдатъ бѣглыихъ!
Что пониже то было села Юркина,
А повыше то было села Лыскова,
Протекала тамъ быстрая рѣченька,
Быстрая рѣченька славная Керженка.
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Что плыла ль по ней легкая лодочка,
Легкая лодочка, все разбойничья.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
Посередъ лодки бѣлъ тонкой шатеръ.
Что подъ тѣмъ шатромъ золота казна;
На казнѣ сидитъ красна дѣвица.
Взговоритъ она громкимъ голосомъ:
«Мнѣ вечоръ, младой, мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось;
Не хорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
Атаманушкѣ быть застрѣлену;
Есаулушкѣ быть повѣшену;
А мнѣ, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ!»

Филиповъ, № 13.—Почти тожественныя пѣсни: Якушкинъ, стр. 571;—Вильбоа, № 97.

408.

Что повыше было села Лыскова,
А пониже было Богомолова,
Какъ на той было Волгѣ матушкѣ,
Тамъ плыветъ-гребетъ легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Пушкамъ, ружьецамъ изстановлена.
На носу сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На кормѣ стоитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посередъ лодки стоитъ бѣлъ шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красная дѣвица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала-заливалася,—
Не хорошъ-то, вишь, сонъ ей привидѣлся:
«Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая ярославская,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатался дорогой камень;
Атаману быть застрѣленому,
Есаулу быть поиману,
Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
А и мнѣ ли, красной дѣвушкѣ,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ;
А за то, про то красной дѣвушкѣ,—
Что пятнадцати лѣтъ на разбой пошла,
Я шестнадцати лѣтъ души губила,
Я зарѣзала парня бѣлокураго,

Изъ бѣлой груди сердце вынула.
На ножу сердце встропахнулося,
А и я, млада, усмѣхнулася!»

Костромская губернія, Солигаличскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 577.

409.

Взойди, взойди, солнышко,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой взойди надъ зеленою,
Обогрѣй-ка ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныихъ,
Сиротъ бѣдныихъ, людей бѣглыихъ,
Людей бѣглыихъ, да все безпачпортныихъ!
Какъ повыше было села Лыскова,
Противъ самаго дома Богомолова,
Протекала рѣчка быстрая,
По прозванью течетъ рѣчка Стерженька.
Какъ по той ли рѣчкѣ плыли два суденышка,
Два суденышка, третья легка лодочка.
Хорошо была лодка изукрашена,
Пушками, ружьями была изуставлена,
Молодцами была изусажена.
На носу сидѣлъ атаманъ съ ружьемъ,
На кормѣ сидѣлъ есаулъ съ весломъ....

Тверская губернія, Зубцовскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ. № 52. Кромѣ перваго и послѣдняго, каждый стихъ повторяется.

410.

Что пониже города Нижняго,
Что повыше села Лыскова,
Въ луговой то было сторонушкѣ,

Протекаетъ рѣка быстрая,
И широкая, и глубокая,
По прозваньицу рѣка Терженка;
Она пала устьемъ въ Волгу матушку.
Что съ верху то было Волги матушки,
Выплывала-то легка лодочка.
Ужъ и всѣмъ лодка изукрашена:
Парусами она изувѣшена,
Ружьецами изуставлена;
У ней носъ-корма—раззолочены;
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Середи лодки бѣлъ тонкой шатеръ;
Во шатрѣ лежитъ шелковой коверъ,
Подъ ковромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Есаулова сестра родная,
Атаманова полюбовница;
Она плачетъ, какъ рѣка льется.
Въ возрыданьѣ слово молвила:
«Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталась моя коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть застрѣлену,
Есаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ срубятъ головы,
А мнѣ, дѣвушкѣ, во тюрьмѣ сидѣть!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 74.

411.

Изъ-за ерика изъ-за Камскаго
Выплывали тутъ два суденушка,
Два суденушка, третья лодочка.
Хорошо-то лодочка изукрашена,
Саблями, ружьями лодка изувѣшена,
Молодцами лодка изусажена,
Молодцами гребцами, все разбойничками.
На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
На кормѣ стоитъ есаулъ съ весломъ.
Посередь лодки шелковой коверъ;
На коврѣ сидитъ красна дѣвушка,
Сестра родная есаулушки,
Полюбовница атаманушки.
Стала дѣвушка спать ложитися;
Встала дѣвушка по утру рано;
Она, вставши рано, слово молвила:
«Не хорошъ-то мнѣ, дѣвушкѣ, сонъ привидѣлся....
Атаманушкѣ быть убитому,
Есаулушкѣ быть повѣшену,
А мнѣ, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 230.

412.

Ты взойди-ка, ты взойди-ка, красно солнышко,
Надъ горою надъ высокою,
Надъ дубравою надъ зеленою,
Обогрѣй-ка ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныхъ, солдатъ бѣглыхъ!

Что пониже, что пониже села Юркина,
Что повыше-выше села Лыскова,
Противъ села Богомолова,
Протекала, протекала рѣчка быстрая,
По прозванью была рѣчка Стерженка.
Что по той рѣчкѣ два стружка плывутъ,
Два стружечка, оба новые,
Они всѣ дубовы, широкодонные.
Позади ихъ плыветъ легка лодочка.
Хорошо ужъ больно лодка изукрашена,
Частыми веслами изувѣшена,
Молодцами гребцами изусажена.
Тѣ гребцы всѣ есауловы работнички,
Всѣ-то они атамановы помощнички.
На кормѣ-то сидитъ есаулъ съ весломъ;
На носу-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ;
Середь лодки-то новъ шатеръ стоитъ;
За шатромъ-то красна дѣвушка сидитъ....

Рязанская губернія, Касимовскій уѣздъ. Прокунинъ, № 32 («протяжная»). — Почти тожественная пѣсня: Лопатинъ и Прокунинъ, № 51.

413.

Какъ со вечера затуманилось;
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй-ка насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныхъ, солдатъ бѣглыхъ,
Безпачпортныхъ!
У насъ домики во чистомъ полѣ
Подъ сосенкою подъ зеленою,
Подъ яблоней подъ кудрявою.
Протекала тутъ рѣчка быстрая,

По прозваньицу Кержанка.
У ней бережки—сѣраго камешку,
Донышко—чистаго серебра.
По той рѣчкѣ бѣжитъ легка лодочка,
Легка лодочка съ воровской казной.
И еще чѣмъ лодка изукрашена:
Парусами изуставлена,
Добрыми молодцами изусажена;
Добры молодцы всѣ разбойнички.
Во кормѣ сидитъ есаулъ съ весломъ,
На носу—атаманъ съ ружьемъ,
Посередь лодки—полоненая красная дѣвица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова сполюбовница.
Она плачетъ, какъ рѣка льется;
Во слезахъ дѣвка слово молвила:
«Атаманушка, родной мой батюшка!
Не приказывай меня казнить-вѣшать,
Прикажи меня поить-кормить,
На волю выпустить....»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 194.

414.

Протекала рѣчка Соженка....
Какъ по той ли рѣчкѣ Соженкѣ
Выплывала легка лодочка.
Ужъ какъ всѣмъ лодочка изукрашена,
Гребцами молодцами изусажена.
На носу сидитъ есаулъ съ ружьемъ,
На кормѣ сидитъ атаманъ съ весломъ.
Средь лодочки былъ шатеричекъ;
Во шатрѣ сидитъ красна дѣвица.

Что же говоритъ красна дѣвица:
«Не хорошій сонъ привидѣлся:
Что руса коса расплеталася.
Атаману-то быть убитому;
Есаулу-то быть пойману;
Молодцамъ гребцамъ во тюрьмѣ сидѣть;
А мнѣ, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ,
На родимой на сторонушкѣ,
У отца да быть, у матери,
У сосѣдей, у пріятелей!»

Ярославская губернія. Ярославскія Губернскія Вѣдомости 1892 года, № 32.

415.

Изъ-подъ Питера изъ-подъ города
Протекала рѣчка, рѣчка быстрая.
Какъ по той рѣчкѣ, тамъ судно плыветъ.
Хорошо было судно изукрашено,
Молодцами все усажено;
На концѣ лодки сидитъ атаманушка;
Посередъ лодки—красная дѣвушка;
На кормѣ стоитъ часовой солдатъ.
«Охъ вы, други мои, вы, товарищи!
Я видѣла сонъ:
Расплеталася моя коса русая,
Выпадала моя лента алая,
Разсыпался мой золотъ перстень.
Атаманушкѣ быть убитому,
Красной дѣвушкѣ быть повѣшеной,
Часовому солдату быть зарѣзану!»

Орловская губернія. Якушкинъ, стр. 572.

416.

Изъ-подъ камушка
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Ахъ, да вода чистая.
Какъ по той рѣчкѣ плыла лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Свинцомъ, порохомъ изунизана.
Какъ на той лодочкѣ девять молодцевъ,
А десятая красна дѣвица,
Атаманова любовница,
Что родимаго-то брата душегубница:
Что зарѣзала своего брата,
На ножѣ сердце вонъ повынула;
На ножѣ сердце встрепенулося,
Красна дѣвица усмѣхнулася;
Усмѣхнувшись, она слезно всплакнула.
Атаманъ дѣвку уговаривалъ,
Уговаривалъ, самъ обманывалъ:
«Ты не плачь, дѣвка, не тужи красна!
Я свезу-то тебя къ отцу, къ матери,
Ко всему-то твоему роду-племени!»

Якушкинъ, стр. 571.

417.

Взойди ты, красное солнышко,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ зеленою надъ дубровою,
Обогрѣй ты добрыхъ молодцевъ,
Славныхъ плотничковъ-церковничковъ!

Строили они церковь Знаменья,
Церковь Знаменья восьмиглавую.
На верху стоитъ крестъ серебряный,
На кресту сидитъ вольная пташечка,
Вольная пташечка, воръ-кукушечка;
Высоко сидитъ, далеко глядитъ,
Далеко глядитъ на сине море.
Какъ по морюшку-морю синему,
По Каспійскому,
Плывутъ тамъ два кораблика,
Третья лодочка плоскодоночка.
Хорошо она, лодка, изукрашена,
Легкими бабаечками поувѣшена.
На кормѣ сидитъ Михаилъ съ весломъ;
На носу стоитъ офицеръ съ ружьемъ;
Середи лодки стоитъ золота казна.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, какъ волна бьется.
Офицерикъ дѣвку уговариваетъ:
«Не плачь, дѣвушка, не плачь, красная!»—
—«Какъ же мнѣ, дѣвушкѣ, не плакати?
Я пятнадцати лѣтъ во разбой пошла,
Погубила я ножемъ парня бѣлаго,
Парня бѣлаго, своего брата роднаго....»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 81.

418.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ долиной взойди надъ широкою,

Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, все разбойничковъ!
Мы не воры, не разбойнички,—
Атамановы работнички.
А мы строили церковь Знаменья,
Церковь Знаменья семиглавую....

Лопатинъ и Прокунинъ, № 55. Кромѣ перваго и послѣдняго, каждый стихъ повторяется. Сходныя пѣсни: Кирѣевскій, вып. VII, дополненіе. стр. 153, 155.

419.

Взойдетъ солнце, взойдетъ красно
Со высокихъ крутыхъ горъ,
Сгонитъ снѣжки, сгонитъ люты,
Изъ горъ крутыхъ весь морозъ.
Расцвѣтутъ въ полѣ всѣ цвѣточки,
Всѣ ракитовы кусты.
Промежду этихъ все кусточковъ
Быстра рѣчка протекла.
Течетъ рѣчка, течетъ быстра,
Со быстрою со волной.
Какъ по этой же все по рѣчкѣ,
Вотъ плывутъ здѣсь корабли....

Тамбовская губернія. Орловъ, № 1 («протяжная»).

420.

Что по сѣнямъ было, сѣнямъ,
По новымъ сѣнямъ да по высокіимъ,
Ходила тутъ красна дѣвица,
Ходючи, она горько плакала,

Ко крылечушку припадаючи,
Волгу матушку причитаючи:
Широко ль Волга разливается—
По лугамъ-лугамъ зеленыимъ,
По травушкѣ, по муравушкѣ,
По цвѣточкамъ по лазоревымъ....

Ахъ ты, батюшка Ярославль городъ,
На горѣ стоишь, на всей красотѣ,
Промежъ двухъ рѣкъ, промежъ двухъ быстрыхъ:
Первая рѣка—Волга матушка;
Другая рѣка—Котросль быстрая.
Что сверхъ было Котросли быстрыя,
Бѣжала тутъ лодка маленькая.
Всѣмъ лодка изукрашена—
Чернымъ бархатомъ съ позументомъ;
Пролуженными гвоздями приколочена.
На носу сидитъ есаулъ съ багромъ,
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
По краямъ сидятъ добры молодцы,
Добрые молодцы, донскіе казаки.
Что везутъ они тѣло бѣлое,
Что бѣло тѣло, тѣло мертвое,
Тѣло мертвое, убитое
Молодаго полковника,
Моего прежняго полюбовника,
Моего ли друга милаго....

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр 83.

421.

Какъ изъ славнаго царства Астраханскаго,
Что не грозная тутъ туча подымалася,
Подымалась-снаряжалась грозна высылка.

Что развѣздъ она держитъ до Кругла острова,
До славнаго пристанища молодецкаго,
До соборища бурлацкаго,
До притону ли казацкаго.
Казаки, тамъ сидя, догадалися,
Что во легкія во лодки пометалися.
Одного ли добра молодца покинули,
Что ни лучшаго ль изъ молодцевъ—есаула.
Добрый молодецъ по острову похаживаетъ,
И онъ добрую свою фузею за плечми носитъ,
И онъ острою своею саблей подпирается,
Самъ горючими слезами обливается.
Онъ вскричалъ ли, вовопилъ ли громкимъ голосомъ:
«Государи вы братцы-товарищи,
Не покиньте добраго молодца при бѣдности!
Ужъ какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»
Какъ товарищи отъ молодца уѣхали,
Поимали молодца на островѣ....

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 85.

422.

Что далече, далече въ чистомъ полѣ,
Что при пути, при широкой дороженькѣ,
Стояла тутъ кудрявая берева,
Тонешенька, бѣлешенька, кудревата.
Подъ тою подъ кудрявою подъ березою,
Стояли тутъ станицы воровскія.
Во той ли во станицѣ красна дѣвица.
Не пѣсенки красна дѣвица воспѣваетъ,

Что кричитъ красная дѣвица, воетъ-плачетъ:
«Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душею погубила,
И батюшку и матушкѣ не спустила,
И родъ-племя, красная дѣвица, потребила!»

Не голуби промежъ себя воркуютъ,—
Промежъ себя разбойники рѣчь говорили:
Не стало у насъ, братцы, атамана,
Засаженъ нашъ атаманъ во темницу,
Во темную темницу заключенную.
Не въ саду нашъ атаманъ гуляетъ,—
Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,
По темной темницѣ заключенной;
Тяжко-больно нашъ атаманъ воздыхаетъ,
Къ сердечушку бѣлы руки прижимаетъ,
Любимую свою рощу вспоминаетъ:
«Ой, свѣтъ же ты моя воровская роща,
И какъ мнѣ по тебѣ, роща, не тужити?
Подъ широкой дорожкой не стояти,
Купеческихъ людей мнѣ не разбивати,
Только злата и сребра не отбирати!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 84.

423.

Что далече, далече во чистомъ полѣ,
При пути ли, при широкой при дороженькѣ,
Стояла тутъ кудрявая береза,
Тонешенька, бѣлешенька, кудревата.
Подъ тою подъ кудрявою березой,
Сидѣла тутъ станица разбойниковъ.
Во той ли во станицѣ красна дѣвица.

Не пѣсенки красна дѣвица воспѣваетъ,—
Она плачетъ, красна дѣвица, возрыдаетъ:
«Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душею погубила,
И батюшкѣ и матушкѣ не уступила,
И родъ-племя, красна дѣвица, погубила!»

Не голуби промежъ себя воркуютъ,
Промежъ себя разбойники рѣчь говорятъ:
Не стало у насъ, братцы, атамана,
Засаженъ нашъ атаманъ во темницу,
Во темную темницу заключенну.
Не въ саду атаманъ нашъ гуляетъ,—
Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,
По темной темницѣ заключенной;
Тяжко больно нашъ атаманъ воздыхаетъ,
Къ сердечушку бѣлу руку прижимаетъ,
Любимую свою рощу вспоминаетъ:
«Ой, свѣтъ же ты моя Марьина роща!
Никакъ мнѣ по тебѣ, роща, не гуляти,
Подъ широкой дороженькой не стояти,
Купеческихъ людей мнѣ не разбивати!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 161.

424.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати!
Что заутра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ идти,
Передъ грознаго судью—самого царя.
Еще станетъ государь-царь меня спрашиватъ:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,

Еще много ли съ тобой было товарищей?»—
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ—темная ночь;
А второй мой товарищъ—булатный ножъ;
А какъ третій-то товарищъ—то мой добрый конь;
А четвертый мой товарищъ—то тугой лукъ:
Что разсыльщики мои—то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими—
Что двумя ли столбами съ перекладиной!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 147.—Пѣсенникъ 1810 года, стр. 234.—Очень сходная пѣсня: Пушкинъ, Капитанская дочка, глава VIII.

425.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
На мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати!
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью—самого царя.
Ужъ какъ станетъ меня царь-государь допрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ съ кѣмъ ты воровалъ и съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?»—
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину.
Что товарищей со мною было четверо:

Ужъ какъ первый мой товарищъ была темная ночь;
А другой-етъ мой товарищъ былъ булатный ножъ;
Какъ третій мой товарищъ былъ добрый конь;
А четвертый мой товарищъ былъ тугой лукъ;
На посылочкахъ у молодца были калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Во чистомъ полѣ хоромами высокими—
Что двумя ли столбами съ перекладиною!»

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 43.

426.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай ты думу думать добру молодцу!
Какъ заутра добру молодцу во допросъ идти,
Что предъ грознаго судью—предъ самого царя.
Ужъ какъ станетъ государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ и съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ль у тебя было товарищей?»—
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Я скажу тебѣ всю правду и всю истину.
Что товарищей со мною было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ была темна ночь;
А другой мой былъ товарищъ—то булатный ножъ;
Еще третій былъ товарищъ—то мой добрый конь;
А четвертый мнѣ товарищъ былъ мой лукъ тугой;
А разсыльщиками были калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:

Еще много ли съ тобой было товарищей?»—
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ—темная ночь;
А второй мой товарищъ—булатный ножъ;
А какъ третій-то товарищъ—то мой добрый конь;
А четвертый мой товарищъ—то тугой лукъ:
Что разсыльщики мои—то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими—
Что двумя ли столбами съ перекладиной!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 147.—Пѣсенникъ 1810 года, стр. 254.—Очень сходная пѣсня: Пушкинъ, Капитанская дочка, глава VIII.

425.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
На мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати!
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью—самого царя.
Ужъ какъ станетъ меня царь-государь допрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ съ кѣмъ ты воровалъ и съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?»—
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину.
Что товарищей со мною было четверо:

Ужъ какъ первый мой товарищъ была темная ночь;
А другой-етъ мой товарищъ былъ булатный ножъ;
Какъ третій мой товарищъ былъ добрый конь;
А четвертый мой товарищъ былъ тугой лукъ;
На посылочкахъ у молодца были калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Во чистомъ полѣ хоромами высокими—
Что двумя ли столбами съ перекладиною!»

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 43.

426.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай ты думу думать добру молодцу!
Какъ заутра добру молодцу во допросъ идти,
Что предъ грознаго судью—предъ самого царя.
Ужъ какъ станетъ государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ и съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ль у тебя было товарищей?»—
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Я скажу тебѣ всю правду и всю истину.
Что товарищей со мною было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ была темна ночь;
А другой мой былъ товарищъ—то булатный ножъ;
Еще третій былъ товарищъ—то мой добрый конь;
А четвертый мнѣ товарищъ былъ мой лукъ тугой;
А разсыльщиками были калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:

Среди зеленой дубровушки армеюшка долго стояла,
Да и всю зеленую травку-муравку притоптала,
Да и всѣ корешочки засушила.»

Не алы-то цвѣты въ полѣ разцвѣтали,
Не ясенъ-то соколъ по крутымъ горамъ леталъ,
То Сенька Разинъ по армеюшкѣ, шельма, разъѣзжалъ,
Себѣ что ни лучшаго казака шельму-разбойничка
выбиралъ:
Кто бы во синемъ морѣ досталъ желтаго песочку,
Да чисто-начисто вычистилъ мой вострый булатикъ,
Снялъ бы съ него черную ржавчинку,
Да навострилъ бы его востро-навостро,
Да и вскрылъ бы мою бѣлу грудочку,
Да посмотрѣлъ бы въ мое ретиво сердце,
Отчего оно больно болитъ, безъ огня горитъ,
Безъ огня-то оно сгорѣло и безъ полымя все изот-
лѣло?
Оттого-то оно сгорѣло: мнѣ завтра предъ бѣлымъ
царемъ
Отвѣтъ надо держать!
Да и чѣмъ же ты меня, православный царь, припо-
жалуешь?—
—«Припожалую я тебя, шельма-разбойничекъ, что
ни лучшими
Хоромами высокими—
Что не тѣми ли столбами съ перекладиной!»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года,
№ 81.

430.

Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго
Пролегала путь-дороженька,

Широка, торна, пробойная.
Ой, по той ли по дороженькѣ,
Тамъ идутъ-идутъ солдатушки;
Они ведутъ-ведутъ удалаго молодца,
Удалаго молодца разбойничка.
Рѣзвы ноженьки закованы,
Назадъ рученьки завязаны,
Ясны оченьки заплаканы.
Они ведутъ его въ каменну Москву,
Въ каменну Москву ко грозному царю.
Сталъ царь молодца допрашивати:
«Ты скажи мнѣ, вдалый молодецъ,
Съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Ой, и кто твои товарищи?»—
—«Я скажу тебѣ, православный царь,
Съ кѣмъ я воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Ой, и кто мои товарищи.
Какъ и первый-то товарищъ—да и темная ночь;
А другой ли мой товарищъ—да и воронъ конь;
Какъ и третій мой товарищъ—да и вострый ножъ.»

Курская губернія. Кохановская, стр. 112.

431.

Еще сколько я, добрый молодецъ, ни гуливалъ,
Что ни гуливалъ я, добрый молодецъ, ни хаживалъ,
Такого чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашелъ я чудо-диво въградѣ Кіевѣ.
Середи торгу-базару, середь площади,
У того было колодечка глубокаго,
У того было ключа-то подземельнаго,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечка у перильчата,

Ужъ какъ бьютъ то добра молодца на правежѣ,
Что на правежѣ его бьютъ, что нагаго бьютъ,
Босаго и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то безъ чоботовъ;
Правятъ съ молодца казну да монастырскую.
Изъ-за горъ-то было, горъ изъ-за высокiихъ,
Изъ-за лѣсу-то было, лѣсочку-лѣсу темнаго,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнышко выкатается,—
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета—государева.
Во каретушкѣ сидѣлъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередь торгу.
Ужъ какъ спрашивалъ надежа православный царь,
Ужъ какъ спрашивалъ добраго молодца на правежѣ:
«Ты скажи, скажи, дѣтина, правду-истину:
Еще съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Если правду ты мнѣ скажешь,—я пожалую;
Если ложно ты мнѣ скажешь,—я скоро сказню:
Я пожалую тя, молодецъ, въ чистомъ полѣ,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя петелькой шелковою!»
Отвѣчаетъ ему удалый добрый молодецъ:
«Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я-то казну кралъ, не я разбой держалъ—
Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
Добрые молодцы казаки.
Случилось мнѣ, молодцу, идти чистымъ полемъ;
Я завидѣлъ: въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоитъ,
Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ кряковистый.
Что пришелъ я добрый молодецъ, къ сыру дубу.

Что подъ тѣмъ было подъ дубомъ подъ крякови-
стымъ,
Что казаки они дѣлъ дѣлятъ,
Они дѣлъ дѣлили, дуванъ дуванили.
Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю.
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
Со дѣлу они, со дувану разбѣжалися;
Одному мнѣ волота казна досталася,
Что не много, не мало—сорокъ тысячей.
Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ,
Ужъ я клалъ тое казну во большой-етъ домъ,
Во большой-етъ домъ—во царевъ кабакъ!»

Пріуралье. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II, стр. 308. Сходныя пѣсни: Кирѣевскій, вып. VI, стр. 194, 196, вып. VIII, стр. 30, 31, 34.

432.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
Каменной Москвы, да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ молодца,
Ведутъ молодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ молодецъ, да самъ не качнется,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русыя кудерки не шелохнутся.
Во рукахъ-то онъ несетъ да воскову свѣчу;
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.
Какъ на встрѣчу ему да православный царь.
Еще сталъ государь его распрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи мнѣ, добрый молодецъ,

Скажи: съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?»—
—«Ужъ ты, батюшка да благовѣрный царь!
Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
Воровали-то твои да донски казаки,
Донски казаки, да все казаченьки;
Все казаченьки дуванъ дуванили,
Дуванъ дуванили, да казну дѣлили,
Казну дѣлили, да казну-денежки.
Ужъ какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ,
При томъ случьѣ былъ, да все паю просилъ;
Ужъ какъ мнѣ-то, молодцу, да паю не дали....
Всѣ казаченьки да испугалися,
По низкимъ мѣстамъ да разбѣжалися,
По низкимъ мѣстамъ да по болотичкамъ;
Одному-то мнѣ казна досталася....»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 233.

433.

По-край моря синяго, на-усть батюшки Дона тихаго,
Да стояла тамъ избушечка малымъ мала,
Малымъ мала избушечка таволжаная;
Покрыта та избушечка чернымъ бархатомъ,
Потолочки и полочки чистаго серебра,
А вѣсы-провѣсы мелкаго жемчуга.
Никто-то въ ту избушечку не захаживалъ,
Ни пѣшему, ни конному слѣду не было.
Какъ случилось заѣзжать самому царю,
Самому было царю православному,
Со тѣми ли казаками со гвардейцами.
Захватили они въ избушечкѣ добраго молодца,
Его босаго и всего-то прираздѣтаго.

Сталъ онъ добраго молодца распрашивать:
«Ты скажи, скажи, удалый добрый молодецъ,
Не ты ль воровалъ, не ты ль разбойничалъ?»
Отвѣтъ держитъ молодецъ самому царю:
«Не я воровалъ, не я разбой держалъ,—
Разбивали-разоряли донскіе казаки;
А я, добрый молодецъ, имъ товарищъ былъ.
При дуванѣ меня, молодца, задуванили:
Доставалась мнѣ шубеночка худымъ худа,
Худымъ худа шубеночка, вся излатана;
Лѣвая пола-то у ней въ сто рублей,
Правая пола у ней во тысячу,
А стану съ рукавами и цѣны нѣту!»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 55.

434.

Убирается да нашъ православный царь,
Да онъ только на охотушку;
Да онъ за куницами, да нашъ православный царь,
Въ лѣсъ онъ за лисицами;
Ой, да боле всего, нашъ православный царь,
Онъ за чернымъ соболемъ.
Наѣзжаетъ нашъ православный царь
Въ лѣсѣ на избушечку.
Хорошо эта избушечка, вотъ она построена;
Построена вотъ эта избушечка
Лѣсу краснаго, лѣсу таволжанаго,
А покрыта эта избушечка чернымъ бархатомъ,
А усыпана эта избушечка мелкимъ жемчугомъ;
Изнутри-то она изукрашена, она парчей на золотѣ.
«Ну да и кто въ этой избушечкѣ,
Да ты выходи сюда!»

Какъ выходитъ-то да онъ разудаленькій,
Удалъ добрый молодецъ,
Въ коричневой да онъ черкесочкѣ,
Да онъ на распашечку,
А сафьяные-то его сапожки на босу ножку.
«Не ты ли здѣсь, добрый молодецъ,
Мой корабль разбилъ?»
—Не вамъ-бы, православный царь,
У меня было спрашивать,
Не мнѣ-бы разудалому,
Вамъ отвѣтъ держать:
Разбили ваши кораблички
Донскіе ваши казаченьки.»

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 106.

435.

На зарѣ было, на зоренькѣ,
Да на зоренькѣ на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Средь базару средь торговаго,
Среди красной площади,
Собиралися товарищи,
Собиралися въ казачій кругъ.
Во кругу стоитъ разудаленькій,
Разудаленькій добрый молодецъ,
Стоитъ бодро, самъ не тряхнется,
Кудри русыя не ворохнутся.
А товарищи казаченьки
Разудалаго добра молодца
И не бьютъ и не порочаютъ,
Съ него крѣпкій лишь допросъ берутъ:
—«Ты скажи, скажи, разудаленькій,

Разскажи ты намъ правду-истину:
Ты не князь ли, добрый молодецъ,
Аль какой-нибудь княженецкій сынъ?
Али присланъ ты, добрый молодецъ,
Изъ иной земли къ подговору насъ?
Аль пришелъ ты къ намъ посломъ какимъ?»—
А допросчику Волконскому
Добрый молодецъ въ отвѣтъ держалъ:
«Не тебѣ бъ меня, добра молодца,
Не тебѣ бъ меня здѣсь допрашивать,
И не мнѣ бы, разудалому,
На твои рѣчи отвѣтъ сказывать,
Правду-истину повѣдывать!
А спроси-ка насъ нашъ батюшка,
Нашъ отецъ православный царь,
Вотъ ему такъ, отцу общему,—
Пропадай моя головушка!—
Разсказалъ бы я правду горькую!»

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8, смѣсь, стр 139.

436.

Ты, долина моя, долинушка, раздолье широкое!
Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось;
Уродился на тебѣ, моя долинушка, только садикъ зеленъ.
Мимо садика мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала-то дороженька не широкая;
Никто по той дороженькѣ нейдетъ, не проѣдетъ.
Проѣзжаетъ же по той дороженькѣ одинъ воръ Гаврюшка,
Онъ на трехъ на своихъ троечкахъ разношерстныихъ:

Перва троечка у него коней вороныхъ;
Другая троечка у него-то коней гнѣдыихъ;
Третья троечка коней соловыихъ.
Что гнались-то за воромъ Гаврюшенькой три погони:
Первая погонюшка—все солдаты;
Другая погонюшка—все жандармы;
Третья погонюшка—все казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
Пріѣзжаетъ воръ Гаврюшенька во городъ Воронежъ;
Онъ атласу и бархату закупаетъ;
Никто-то вора Гаврюшку не признаетъ,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитаютъ.
Случилось идти вору Гаврюшенькѣ мимо темницы;
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья.
«Ужъ ты, батюшка нашъ Гаврюшенька, разбей ты темницу,
Ужъ ты выпусти насъ всѣхъ, молодчиковъ, на волю,
На ту ли на волюшку—на матушку на Волгу!»—
—«Ужъ вы, братцы мои, товарищи, мнѣ теперь не время:
За мной гонятъ же, за Гаврюшенькой три погони;
Первой-то я погонюшки не боюся;
Второй-то я погонюшкѣ не поклонюся;
Третьей-то я погонюшкѣ покорюся.»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 69.

437.

Среди лѣсовъ дремучихъ
Въ безмолвіи идутъ,
Въ своихъ рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,—

Изъ ружьевъ сложены,
А поперекъ ружьевъ стальные
Мечи положены.
На нихъ лежалъ сраженный
Самъ Чуркинъ молодой.
Струится кровь изъ раны
По буйнымъ по вискамъ;
Одна струя быстрѣй
Течетъ по волосамъ.
Ремни его кольчужны
Изрублены висятъ;
Ножи и пистолеты
За поясомъ торчатъ.
Мы шли, остановились,
Сказали: «братцы, стой!
Давайте поскорѣе
Могилу брату рыть!»
Мы вырыли глубоку
На желтыимъ пескѣ,
На желтыимъ песочкѣ,
На крутомъ бережкѣ!
Спустили, положили,
Сказали: «братъ, прощай!
Тепере намъ не время
Бесѣдовать съ тобой!»
А сами поскорѣе
Опять въ кровавый бой.

Московскій уѣздъ. Русскія Вѣдомости 1888 года, № 21.

438.

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойники идутъ,
Товарища несутъ.

Носилки не простыя—
Изъ ружей сложены
И поперекъ стальные
Мечи положены.
Онъ весь окровавленный,
Съ разбитой головой,
Самъ Чуркинъ молодой.
И кровь его струится
По русымъ волосамъ;
Кинжалъ за поясомъ блеститъ,
Остра сабля на поясѣ звенитъ....
Несли его до мѣста,
Сказали: «братцы, стой!
Давайте рыть могилу
Мы брату поскорѣй!»
Мы, вырывъ, отпустили,
Сказали: «братъ, прощай!
Прощай, прощай, братецъ,
Самъ Чуркинъ молодой!
Тепере намъ не время
Бесѣдовать съ тобой;
Пора намъ отправляться
На битву опять....»

Смоленская губернія, Гжатскій уѣздъ. Смоленскій Вѣстникъ 1888 года, № 34.

439.

Что не ясны соколички слеталися,
Собирались добры молодцы бродяги
Безпачпортные.
Они думали-гадали заедино все:
Кому то изъ насъ, братцы, атаманомъ быть?

Атаманомъ быть Ермолѣ Тимоѳеичу;
Есауломъ быть—сыну Ермолѣ Тимоѳеичу.
Атаманъ возговорилъ, какъ ровно въ трубу вострубилъ;
Есаулъ возговорилъ, ровно свирью свирилъ:
Намъ не полно ли, ребятушки, на моряхъ стоять,
На моряхъ стоять, разбой держать,
Разбойничать?
Не пора ли намъ, братцы, во купцахъ пожить,
Во купцахъ пожить, казны-денегъ покопить?...

Пермская губернія. Шишонко, стр. 188.

440.

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали судна-корабли армянски, татарски и купечески;
Они думали-гадали думу крѣпкую заединую:
Кому у насъ, ребята, атаману быть?
—Атаману быть Ивану Тимоѳееву;
Есаулу быть Никитушкѣ Васильеву.
Какъ-то намъ, ребятушки, города пройти?
Астрахань-то славну-мати пройдемъ съ вечера,
Царицынъ городочекъ—во глуху полночь,
Саратовъ и Дубовку—на бѣлой зарѣ;
А Самарѣ городишкѣ не поклонимся;
Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
Колышки вколотимъ кленовые,
А причалами причалимся шелковыми,
Атаманушку Иванушку сведемъ подъ руки,
Есаулушка Никитушка и самъ сойдетъ.

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 220.

441.

Вставай ты, нашъ братецъ,
Вставай, нашъ товарищъ,
Вставай, нашъ совѣтникъ,
Вставай, полюбовникъ!
Уже наши товарищи въ разбой собралися! —
—«Сбирайтеся, братцы,
Сбирайтесь, товарищи,
Сбирайтесь, добрые молодцы!
У меня, у молодца, головка болитъ,
Сердечко щемитъ, дрема долитъ.»

Вставай ты, нашъ братецъ,
Вставай, нашъ товарищъ,
Вставай, нашъ совѣтникъ,
Вставай, полюбовникъ!
Уже наши товарищи съ разбою прiѣхали,
Дуванъ раздуванили!—
—«Дуваньте вы, братцы,
Дуваньте, товарищи,
Дуваньте, добрые молодцы!
У меня, у молодца, головка болитъ,
Сердечко щемитъ, дрема долитъ.»

Вставай ты, нашъ братецъ,
Вставай, нашъ товарищъ,
Вставай, нашъ совѣтникъ,
Вставай, полюбовникъ!
Ужъ наши товарищи да всѣ перевязаны,
Въ тюрьму пересажены!—
—«Сидите вы, братцы,
Сидите, товарищи,

Сидите, добрые молодцы!
У меня, у молодца, головка болитъ,
Сердечко щемитъ, дрема долитъ.»

Вставай ты, нашъ братецъ,
Вставай, нашъ товарищъ,
Вставай, нашъ совѣтникъ,
Вставай, полюбовникъ!
Ужъ наши товарищи да всѣ перевѣшаны!—
—«Висите вы, братцы,
Висите, добрые молодцы!
У меня, у молодца, головка болитъ,
Сердечко щемитъ, дрема долитъ.»

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 144.

442.

Выпадала пороша на талую землю;
По той по порошѣ да ѣхала свадьба,
Да ѣхала свадьба и въ семерыхъ саняхъ,
И въ семерыхъ саняхъ, по семеру въ саняхъ.
Во первыхъ саняхъ сидитъ попъ Емеля,
Сидитъ попъ Емеля, а крестъ на ремени,
А крестъ на ремени, въ полторы сажени.
Обозъ объѣзжаетъ, крестомъ ограждаетъ;
Кого ограждаетъ, тотъ ногами дрягаетъ.
Встрѣчали ту свадьбу во Марьинской рощѣ,
Во Марьинской рощѣ, у красной сосны.
Вѣнчали ту свадьбу на Козьемъ болотѣ,
На Козьемъ болотцѣ, на Курьемъ колѣнцѣ.
А дружка да свашка—топорикъ да плашка....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка. Костромскія Губернскія Вѣдомости 1897 года, № 18.—Русская Музыкальная Газета 1897 года, № 5—6. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Охохо, князь-Иваны, охохо, харлапаны.

443.

Выпала порошица на талую землю;
По той по порошицѣ ишелъ тутъ обовецъ,
Не малъ, не величекъ—да семеро саней,
Да семеро саней, по семеро въ саняхъ.
Во первыхъ-то саняхъ—атаманы сами;
Во вторыхъ-то саняхъ—есаулы сами;
А въ четвертыхъ саняхъ—разбойники сами;
А въ пятыхъ-то саняхъ—мошенники сами;
А въ шестыхъ-то саняхъ—дерники сами;
А въ седьмыхъ-то саняхъ—самъ попъ-отъ Емеля,
Самъ попъ-отъ Емеля, а крестъ на ремени,
А крестъ на ремени, въ четыре сажени;
Рукой бласловляетъ, крестомъ надѣляетъ.
«Охъ вы, дѣти, дѣти, полѣзайте въ клѣти,
Головы рубите, а душъ не губите!
Если Богъ поможетъ,—попа не забудьте,
Если жъ чортъ обрушитъ,—двора моего не знавайте!»

Симбирскъ. Кирѣевскій, выпускъ VII, стр. 20. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой, съ Дону, съ Дону.

444.

Ѣхали обозы, да пятеро саней:
Во первыихъ саняхъ разбойники сами;
Во вторыихъ саняхъ есаулы сами;
Во третьихъ во саняхъ атаманы сами;
Во четвертыхъ саняхъ да Гришка съ Маринкой;
Во пятыхъ во саняхъ одинъ попъ Емелько.

Крестомъ благословляетъ, а самъ восклицаетъ:
«Ступайте вы, дѣти, во чужія клѣти!
Если Богъ поможетъ,—попа не забудьте;
Если чортъ обрушитъ,—попа не клеплите!»

Кирѣевскій, выпускъ VIII, стр. 311. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Съ Дону, съ Дону, на Дунай.

445.

Какъ во полѣ-полѣ, во чистомъ во полѣ,
Во чистомъ во полѣ сбиралися воры,
Сбиралися воры, воры не чужіе,—
Ближніе сосѣди.
Не много, не мало,—ихъ семеро саней:
Во первыхъ-то саняхъ атаманы сами;
Во седьмыхъ-то саняхъ сидитъ попъ Емеля.
У попа Емели крестъ на ремени,
Крестъ на ремени, въ полторы сажени.
Батька бласловляетъ, крестомъ ограждаетъ:
«Поѣзжайте, дѣти, во чужія клѣти!
А что ни добудете,—попа не забудете!»
Попадья Алена на воду смотрѣла,
Ворамъ говорила:
«Не ѣздите, дѣти, во чужія клѣти:
Будетъ вамъ невзгода, будетъ непогода!»
Не слушались воры попадьи Алены,
Сѣли, засвистали, коней нахлыстали....

Кирѣевскій, выпускъ VII, прибавленіе, стр. 119. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ай ли да ой ли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

446.

Съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ Дону, съ-за Дунаю!
Какъ ѣхала свадьба на семерыхъ саняхъ,
На семерыхъ саняхъ, по семеро въ саняхъ.
А попъ-отъ Емеля, крестъ у него на ремени,
Крестъ у него на ремени, въ полторы сажени.
Онъ по полю ѣдетъ, имъ благословляетъ,
Имъ благословляетъ, кнутомъ погоняетъ:
«Дѣти мои, дѣти, давай свадьбу пѣти,
Давай свадьбу пѣти, ступай, тетка, въ клѣти!
Коли Богъ поможетъ, меня не забудьте;
Коли чортъ порушитъ,—меня не клеплите!»

Кирѣевскій, выпускъ VII, стр. 19. Первый стихъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ слѣдующихъ стиховъ.

447.

Ѣхала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру въ саняхъ;
Семеро пѣшками, а все съ бердышками;
Семеро верхами, а все съ мѣшками.
На встрѣчу той свадьбѣ попъ-отъ Емеля,
Попъ-отъ Емеля, крестъ на ремени,
Крестъ на ремени, полуторы сажени:
«А Боже вамъ въ помочь, духовныя дѣти,
Духовныя дѣти, въ чужія-то клѣти,
Въ чужія-то клѣти, молебны пѣти!
Добро-то берите, а душъ не губите!»

Тверская губернія. Кирѣевскій, выпускъ VII, прибавленіе, стр. 119.

448.

Послѣ Покрова на первой недѣлѣ
Выпала пороша на талу землю;
По той по порошѣ ѣхала свадьба:
Семеро саней, по семеро въ саняхъ,
Семеро съ верхами, всѣ съ бердышами,
Семеро пѣшками, всѣ съ палашами.
Въ встрѣчу той свадьбы шелъ попъ Семенъ—
Крестъ на ремени, полутора сажени.
«Богъ же вамъ въ помощь, духовныя дѣти,
Красть-воровать, на разбоѣ стоять!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, выпускъ VII, стр. 19.

449.

Ахъ, у нашего сударя свѣта батюшки,
У добраго живота, все кругомъ ворота!
Ой, окошечки въ избушкѣ косящатыя,
Ахъ, матицы въ избушкѣ таволжаныя,
Ахъ, крюки да пробои по булату волочены!
Благослови, сударь хозяинъ, благослови, господинъ,
Поскакати, поплясати, про всѣ городы сказати,
Про всѣ было уѣзды, про всѣ низовые,
Про всѣ низовые, остродемидовые!

Хороша наша деревня, про нее слава худа!
Называютъ насъ ворами и разбойниками,
Ахъ, ворами, б...унами, чернокнижниками!
Ахъ, мы ли не воры, ахъ, мы да рыболовы,
Ахъ, мы да рыболовы, государевы ловцы.

Ай, мы рыбочку ловили по хлѣвамъ, по клѣтямъ,
По клѣтямъ да по хлѣвамъ, по новымъ по дворамъ;
Мы карасиковъ ловили со щетиночками,
Мы сорочекъ-то ловили все съ крючками!
Ахъ, матушка Нева да промыла намъ бока!
Ахъ, батюшка Иртышъ на боку дыру вертитъ!
Ахъ, батюшка Исять, на колѣночки присядь!
Хоть не насъ сѣкутъ батожьемъ, у насъ спинушки болятъ;
На работу посылаютъ, намъ и денегъ не даютъ;
Ахъ, съ голоду морятъ, студенцою поятъ;
Ахъ, на каторгу сажаютъ, да не выпускаютъ;
Ахъ, не насъ вѣшать ведутъ, на насъ петельки кладутъ!

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 142.

450.

Хороша наша деревня, только улица грязна.
Хороши наши ребята, только славушка худа,
Только славушка худа, не пускаютъ никуда:
Величаютъ насъ ворами да разбойниками.
Мы не воры, мы не плуты, не разбойнички,
Мы уральскіе казаки рыболовщички.
Ужъ мы рыбушку ловили по сухіимъ берегамъ,
По сухіимъ берегамъ, по амбарамъ, по клѣтямъ.
По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ мужикамъ.
Выбиралъ насъ хозяинъ, что ни лучшихъ молодцевъ,
Посылалъ насъ хозяинъ все по рыночку гулять.
Мы по рыночку гуляли, невода мы закупали,
Ужъ такіе невода—что ременны повода.
Запускали невода подъ богатые дома.
Наловили мы щукъ, что шубы изъ нихъ шьютъ;

Наловили мы бѣлуженекъ—калачикомъ рожки;
Наловили мы севрюженекъ—подвязаны хвосты;
У дѣдушки у Петра мы поймали осетра,
Ужъ такого осетра—что гнѣдаго жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.
Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.
Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно,
Только денежкамъ не водъ.
Мы въ парашнички наймемся,
Намъ пойдетъ большой доходъ.
Какъ пойдетъ доходъ калачный,—
Только брюхо распускай;
Отойдетъ доходъ калачный,—
Только спину подставляй.
Какъ завалятъ разъ пятнадцать,
Такъ запляшешь казачка;
Заревешь, словно теленокъ,
Пуще спасскаго дьячка!
Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетьми;
Молодецкою ухваткой пожимается плечьми....
Хоша били больно, гуляли довольно;
Хоша спинушка бита,—дѣвчоночка нажита!

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ I, Спб. 1888 г., стр. 35. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Это правда, это правда, это правда все была. Очень сходная пѣсня: Мякушинъ, стр. 147.

451.

Рыболовъ рыбу ловилъ, ночевать къ Дунѣ ходилъ;
Въ воротахъ ставилъ сазана, при калиткѣ судака;
Середи моего двора—заунывнаго сома;
Середи новыхъ сѣней—красноперыхъ окуней;
Среди горенки новой полна стоечка линей.
Не суди, моя милая, у насъ рыбы такой нѣтъ,

У насъ рыбы-то яви, что поймать ее нельзя!
Мы поймали сорокъ щукъ, изъ которыхъ шубы шьютъ;
Мы поймали карася—изъ хлѣва порося;
Заловили осетра у дѣдушки у Петра—
Сивогривую кобылу, воронаго жеребца.
Какъ за этого коня повели въ острогъ меня.
При острогѣ жить привольно, денежкамъ только не водъ,
Денежкамъ только не водъ, калачамъ большой расходъ.
Какъ приходитъ рядъ калачный, только брюхо набивай;
А приходитъ рядъ табачный, только носъ набивай!
А идетъ палачъ съ плетьми,—пошевеливай плечьми;
Онъ ударитъ разъ, другой,—перевернешься дугой;
Онъ ударитъ разъ пятокъ,—мы запляшемъ казачекъ.

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 43.

452.

Волга матушка шумитъ;
Пароходъ съ верху бѣжитъ,
Ко бережку пристаетъ,
Свистокъ Сашѣ подаетъ.
Полно, Саша, пить-кутить!
Намъ не долго съ тобой жить:
Я уѣду въ Казань городъ,
Тебя въ-замужъ отдаютъ.

Полюблю кого иного—
Рыболовщичка!
Рыбакъ рыбушку ловилъ,
Ночевать ко мнѣ ходилъ.

Ты, рыбакъ, рыбакъ, рыбакъ!
Привяжи къ сѣти сазана,
При колюбкѣ—судака,
Середи, милой, двора—
Самолучшаго сома!
Приходи-ка, Саша, Маша,
У насъ рыбы больше нѣтъ!
У насъ рыба все—язи,
Да поймать ее нельзя:
Шельма плаваетъ по дну,
Не поймаешь ни одну....
Заберемся въ рядъ калачный,
Только брюхо набивать....
Выбѣгаетъ палачъ съ плетью;
Только спину подставляй.
Онъ засыплетъ разъ пятнадцать,
Запляшешь казака,
Заревешь, какъ теленокъ,
Шире спасскаго дьячка!
Противъ носу, противъ глазъ,
Цѣловаться девять разъ.

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1893 годъ, стр. 224 («плясовая»).

453.

Хороша наша деревня, только улочка грязна.
Хороши наши ребята, только славушка худа.
Мужички съ верху глядятъ, все ворами насъ бранятъ,
Насъ ворами называютъ и разбойничками.
Мы не плуты, мы не воры, не разбойнички,
Мы Волконскаго князя рыболовщички.
Сѣти-неводы вязали полушелковые;

Живу рыбочку ловили по сухіимъ берегамъ,
По сухіимъ берегамъ, по амбарамъ, по клѣтямъ;
Изловили осетра у дяди у Петра,
У дяди у Петра—златогриваго коня....
Мы пойдемте-ка, ребята, въ чисто поле далеко,
Въ чисто поле далеко,—тамъ избушечка стоитъ;
Какъ во этой во избушкѣ богатъ мужикъ живетъ.
Вы беритесь за заборъ, да мечитеся во дворъ!
Здравствуй, братъ хозяинъ, нѣтъ ли хлѣба у тебя?
Что хозяинъ-отъ идетъ, шесть ковригъ большихъ
несетъ;
Что хозяюшка идетъ, молока ведро несетъ....
Благодарствуй, братъ хозяинъ, за хлѣбъ, за соль за
твою!
Ужъ братъ ты нашъ хозяинъ, нѣтъ ли денегъ у тебя?
Хозяинъ-то божится: нѣту денегъ у меня;
Что хозяюшка божится: нѣтъ полушки за душой.
А маленькій Николька тутъ промолвился:
«У нихъ деньги-то въ клѣтѣ, тамъ закопаны въ
мукѣ»....

Пермская губернія, Екатеринбургскій уѣздъ. Этнографическій Сборникъ, выпускъ VI, смѣсь, стр. 12. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Вотъ усы, вотъ усы, вотъ усы, усы, усы.

454.

Ахъ, доселѣва усовъ и слыхомъ не слыхать,
А слыхомъ ихъ не слыхать, и видомъ не видать;
А нонѣча усы проявились на Руси,
А въ Новомъ Усольѣ у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживаютъ,
А кораблики бобровые, верхи бархатные,
На нихъ смурые кафтаны съ подпушечками
Съ камчатыими,

А и синіе чулки, астраханскіе черевики,
А красныя рубашки, косые воротники,
Золотые плетни.
Собиралися усы на царевъ на кабакъ,
А садилися молодцы во единый кругъ.
Большой усище и всѣмъ атаманъ—
А Гришка Мурышка, дворянскій сынъ,
Самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ:
«А, братцы усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходитъ, зима настаетъ,
А и надо чѣмъ усамъ голова кормить,
На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть.
Ахъ, нуте-тка, усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницамъ,
Накуйте топоры съ подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сдѣлайте бердыши и рогатины
И готовьтесь всѣ;
Ахъ, знаю я крестьянина: богатъ добрѣ,
Живетъ на высокой горѣ, далеко въ сторонѣ;
Хлѣба онъ не пашетъ,—да рожь продаетъ,
Онъ деньги беретъ, да въ кубышку кладетъ,
Онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ,
А прохожіихъ-то людей ночевать не пущаетъ,
А прямыя дороги не сказываетъ.
Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи идти:
А по полю идти—не посвистывати,
А и по бору идти—не покашливати,
Ко двору его идти—не пошаркивати.
Ахъ, у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели,
И ограда крѣпка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крѣпко заперты.»
Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хваталися за заборъ, да металися на дворъ;
Ахъ, кто-де во двери, атаманъ въ окно;

А и тотъ съ борку, иной съ борку,—
Ужъ полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянскій сынъ,
Сѣлъ впереди подъ окномъ,
Самъ и локоть на окно, ноги подъ г....
Онъ самъ говоритъ и усомъ шевелитъ:
«А и ну-тка ты, крестьянинъ, поворачивайся!
А и дай на́мъ, усамъ, и попить, и поѣсть,
И попить, и поѣсть, и позавтракати!»
Охъ, метался крестьянинъ въ большой анбаръ;
И крестьянинъ-отъ несетъ пять пудъ толокна,
А старуха-то несетъ три ушата молока.
Ахъ, увидѣли усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, въ чемъ пиво варятъ.
Замѣшали молодцы, они теплушечку,
А нашли въ молокѣ лягушечку.
Атаманъ говоритъ: «ахъ, вы, добры молодцы, вы не брезгуйте!
А и по нашему по-русски холоденушка.»
Они по кусу хватили, только голодъ заманили;
По другому хватили, пріоправилися;
Какъ по третьему хватили, ему кланялися:
«А спасибо те, крестьянинъ, на хлѣбѣ, на соли,
И на кисломъ молокѣ, на овсяномъ толокнѣ,
Напоилъ насъ, накормилъ, да и животомъ надѣли,
Надѣли ты насъ, усовъ, по пятидесятъ рублевъ,
А большому атаману полтораста рублевъ.»
А крестьянинъ-отъ божится: «право, денегъ нѣтъ!»
А старуха ротится: «ни полушечки!»
А дуракъ на печи, что клепитъ, говоритъ:
«А, братцы усы, удалы молодцы!
А и есть-де вѣдь у батюшки денежки,
А и будетъ васъ, усовъ, всѣхъ одѣлять,
А мнѣ-де, дураку, не достанется;
А все копитъ зятьямъ, растакимъ матерямъ!»

А проговоритъ усище, большой атаманъ:
«Братцы усы, за свои промыслы!
Охъ, ну-тка, Аѳанасъ, доведи его до насъ!
Ахъ, ну-тка, Агаѳонъ, да вали его на огонь!
А берите топоры съ подбородышами,
Ахъ, колите заслонъ, да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите на огонь середи избы,
Валите крестьянина брюхомъ въ огонь,
А старуху валите ..... на огонь!»
Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть,
Ахъ, сталъ крестьянинъ на огонь ......
Побѣжалъ крестьянинъ въ большой анбаръ,
Вынималъ изъ-подъ каменю съ деньгами кубышечку,
Приносилъ крестьянинъ, да брякъ на столъ:
«Вотъ вамъ, усамъ, по пятидесятъ рублевъ,
А большому-то усищу полтораста рублевъ!»
Вставали усы, они крестьянину кланяются:
«Да спасибо те, крестьянинъ, на хлѣбѣ, на соли,
И на овсяномъ толокнѣ, и на кисломъ молокѣ,
Напоилъ насъ, накормилъ, животомъ надѣлилъ.
Ахъ, мы дворъ твой знаемъ и опять зайдемъ,
И тебя убьемъ, и твоихъ дочерей уведемъ,
А дурака твоего въ есаулы возьмемъ!»

Кирша Даниловъ, № 58.

455.

Эй, усы, усы проявились на Руси,
Проявилися усы за Москвою за рѣкой,
За Москвою за рѣкой, за Смородиною;
У нихъ усики малы, колпачки на нихъ бѣлы;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой, смурые кафтаны, полы стеганыя,

Пестрядинныя рубашки, волотны воротники,
Съ напускомъ чулки, съ раструбами сапоги,
Ой, шильцемъ пятки, остры носки,
Еще околъ каблучка хоть яичкомъ покати.
Собирались усы во единый кругъ.
Ой, одинъ изъ нихъ усище атаманище,
Атаманище, онъ въ аваимищѣ.
Еще крикнулъ усъ громкимъ голосомъ своимъ:
«Охъ, нуте-тка, усы, за свои промыслы!
Вы берите топоры, вы рубите вереи!
За Москвою за рѣкой что богатъ мужикъ живетъ,
Онъ хлѣба не сѣетъ,—завсегда рожь продаетъ,
Онъ пшеницы не пашетъ,—все калачики ѣстъ,
Онъ солоду не роститъ,—завсегда пиво варитъ,
Онъ денежки сбираетъ, да въ кубышечку кладетъ.
Мы пойдемте, усы, разобьемте мужика!
И вы по полю идите, не гаркайте,
По широкому идите, не шумаркайте,
На заборъ лѣзьте, не стукайте,
По соломушкѣ идите, не хрястайте,
Вы во сѣнички идите, не скрыпайте,
Во избушку идите, все молитовку творите!»
Ой, тотъ ли усище атаманище,
Онъ входитъ въ избу, самъ садится въ переду,
Ничего не говоритъ, только усомъ шевелитъ,
По сторонушкамъ онъ посматриваетъ.
Напырялась-нашвырялась полна изба усовъ:
Ой, на печи усы и подъ печью усы,
На полатяхъ усы, на кроватушкѣ усы.
Ой, крикнулъ усъ громкимъ голосомъ своимъ:
«Ой, ну-ка, хозяинъ, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся,
Ты давай намъ, хозяинъ, позавтракати!»
Ой, хозяинъ тотъ несетъ пять пудъ толокна,
А хозяюшка несетъ пять ведръ молока.

И мы попили-поѣли, мы позавтракали.
«Ой, ну-ка, хозяинъ, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся,
Ты давай намъ, хозяинъ, деньжоночки свои!»
Ой, хозяинъ тотъ божится: «нѣту денегъ у меня»,
А хозяюшка ротится: «нѣтъ ни денежки у насъ»;
Одна дѣвка за квашней: «нѣтъ полушки за душой».
А дуракъ сынъ на печи, онъ свое говоритъ:
«Ахъ, какъ-то у батьки будто денегъ нѣтъ!
На сараѣ сундукъ во пшеничной во мукѣ!»
Ой, крикнулъ усъ громкимъ голосомъ своимъ:
«Ой, нуте-ка, усы, за свои промыслы!
Ой, кому стало кручинно, нащепай скоро лучины,
Вы берите уголекъ, раскладывайте огонекъ,
Вы кладите хозяина съ хозяюшкою!»
Ой, хозяинъ на огнѣ изгибается,
А огонь около его увивается;
А хозяинъ-отъ дрожитъ, за кубышечкой бѣжитъ;
А хозяюшка трясется да съ яндовочкой несется....
Ой, мы денежки взяли и спасибо не сказали.
Мы мошоночки пошили, кошельки поплели,
Сами внизъ поплыли, воровать еще пошли.

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 198.

456.

Собирайтеся, ребятушки, вы, усикъ на-голо! Больше!
Собиралося насъ, усовъ, полна хата молодцевъ. Много!
На насъ красныя рубашечки, косые ворота. Славно!
Напереди сидитъ усище—самъ атаманище. Страшный!
Онъ приказанья отдаетъ, всѣ-то выслушиваютъ. Молча!

«Вы лѣсомъ, молодцы, идите, да не шумаркайте!
Тише!
Скорѣй во дворикъ вы входите да выстраивайтесь!
Живо!»....
«Слышь, хозяинъ, ты, нашъ хозяинъ, поворачивай-
ся! Дома!
Клади-ка денежки на столикъ да расплачивайся!
Нужно!»
Самъ хозяинъ намъ тутъ божился: «ни копейки
денегъ нѣтъ!» Ври!
На печи сидѣлъ мальчишка, онъ тутъ промолвился.
Неладно!
«У хозяина денегъ много, да всѣ припрятаны». Ищи!
Мы въ подпольице входили, много денегъ тамъ нашли.
Много!
«Ты, хозяинъ ли нашъ, батька, подавай-ка намъ
вина!» Выпьемъ!
За виномъ хозяинъ самъ идетъ, намъ дубину несетъ!
Маршъ!

Альбрехтъ, № 97. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые усы.

457.

Ахъ, усоньки, усы, да удалые молодцы,
Проявилися усы да во Кутерминскомъ лѣсу.
По базару усы ходятъ и похаживаютъ,
Дорогіе-то товары пересматриваютъ,
Пересматриваютъ, перекидываютъ.
На нихъ штаники, чулочки со напусками,
И сафьяны сапоги, высокіе каблуки;
Подъ высоки каблуки хоть мячемъ подкати,
Подъ серебряны подъ скобы воробей подлетитъ.

А одинъ-то усище, атаманище,
Ничего не говоритъ, лишь усомъ шевелитъ,
Лишь усомъ шевелитъ, поворачиваетъ.
«И пойдемте-ка, усы, за своимъ промысломъ,
И пойдемте-ка, усы, къ богатому мужику!
А вы улицей идите, вы не гаркайте;
Ко двору-то вы идите, не шумаркайте!
Вы ловитесь за заборъ да валитеся на дворъ!»
Ахъ, усоньки, усы, удалые молодцы!
Вотъ по полу усы, да по лавкамъ усы.
Вотъ одинъ-то усище, атаманище,
За столомъ-то онъ сидитъ, ничего не говоритъ,
Лишь усомъ шевелитъ.
А хозяинъ-то божится: «право, денегъ нѣтъ!»
А хозяйка-то божится: «ни полушки за душой,
Ни полушки за душой, одна дѣвка за квашней!»
Вотъ дуракъ-отъ на печи, онъ свое говоритъ:
«Ахъ, ты, бачка, врешь: у насъ денегъ нѣтъ;
Во амбарѣ въ сундукѣ, во пшеничной мукѣ!»
—«А и ну-ка ты, Самсонъ, расколи заслонъ!
Разводи-ка ты пылу хозяину подъ д...!»
А хозяинъ-то кричитъ, мѣшокъ денегъ тащитъ;
А хозяйка-то пыхтитъ, коровай хлѣба тащитъ.
«Вотъ спасибо те, мужикъ, вотъ спасибо, господинъ!
Поживи, мужикъ, подоле, покопи денегъ поболе—
Мы назадъ пойдемъ, мы опять зайдемъ!»

Вотъ и стары старики—старомазинскіе;
Неразводны животы—темерѓански мужики;
Вотъ и трубочники—юшадинскіе;
Вотъ зелены-то дуги—то Останкова слуги;
А хорошеньки лошадки—ташліярскіе;
А и бѣлые кафтаны—то тугашевски татары;
Сурончакъ на горѣ—по двѣ к....ы на дворѣ,
А какъ съ обыскомъ пойти,—по пяти можно найти;

А шурански животы—слабогузы мужики;
А большіе-то коты—новомазинскіе;
Огуречникъ на-голо—то Каранское село;
А широки кушаки—то тамбовски мужики;
Вотъ подраться, побороться—николаевскіе;
А скупые животы—матвѣевски мужики;
А богаты мужики—тото аристовски;
А вотъ воръ на-голо—то Можаровско село;
Косники и мясники—ахматовски мужики;
Вотъ кривые-то носы—тото каркински;
А хлѣбные мужики—маткаушскіе;
Вотъ сухіе-то лещи—то игимски мужики;
Вотъ гнилые караси—тото юртовскіе;
А и синія заплаты—мензелинскіе солдаты.

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 43.

458.

Что же вы, ребята, пріуныли?
Иль у васъ, молодыя, денегъ нѣту?
Сѣдлайте, ребята, себѣ коней,
Своему атаману—пару въ дрожки,
Поѣдемъ, ребята, къ дядѣ въ гости,
Попросимъ у дяди взаймы денегъ!
Какъ дядюшка скажетъ: «денегъ нѣту»,
А тетушка скажетъ: «ни копейки»,—
Берите, ребята, съ грядъ полѣнья,
Щепляйте лучину помельчѣе,
Раскладайте огонь пожарчѣе,
Кладите на огонь дядю съ теткой,
Пусть дядюшка скажетъ про деньжата.
Какъ дядюшка скажетъ: «денегъ много»,
А тетушка скажетъ: «смѣты нѣту»,—

Пойдемте, ребята, въ кладовую,
Берите, ребята, рублей по сту!
Поѣдемъ, ребята, загуляемъ,
Запоемъ «Молодку» во всю глотку:

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая!
Полно тебѣ по сѣнюшкамъ ходити,
Полно тебѣ по милому тужити!
—Ахъ, какъ мнѣ по миломъ не тужити!
Во вѣкъ мнѣ такого не нажити:
Хорошъ-пригожъ милый уродился,
Онъ ростомъ, дородствомъ, красотою....

Воронежская губернія, Новохоперскій уѣздъ. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 137.

459.

Пойдемте, ребята, къ моему дядѣ,
Попросимте, ребята, взаймы денегъ!
Нашъ дяденька скажетъ: «денегъ нѣту»,
А тетенька скажетъ: «ни копейки!»
Берите, ребята, по полѣну,
Щепляйте вы лучину помельчѣе;
Разводите огонь пожарчѣе,
Кладите, ребята, тетку съ дядой!
Дяденька намъ скажетъ: «у насъ денегъ много»;
А тетенька скажетъ: «смѣту нѣту».
Берите, ребята, по косушкѣ;
Запьемъ, загуляемъ, запляшемъ!
Вотъ горенка, горенка новая,
Въ ней солдатка-дворянка молодая!

Воронежская губернія, Бобровскій уѣздъ. Воронежскій Юбилейный Сборникъ, томъ I, стр. 603.

460.

Я не воръ-то былъ, не разбойничекъ,
И Божьимъ церквамъ не раскольничекъ.
Ужъ я былъ, молодецъ, во семи клѣтяхъ,
А въ осьмую клѣть заглянулъ только.
А въ осьмой клѣти образа стоятъ,
Образа стоятъ, свѣчи теплятся,
Молодая вдова Богу молится:
«Ты пошли, Боже, тучу грозную,
Тучу грозную, громову стрѣлу,
Ты разбей, разбей гробову доску,
Ты раскрой, раскрой золоту парчу,
Подыми моего друга милаго!»

Донская область. Савельевъ, стр. 153.

461.

Ты злодѣйка да злокоманка, змѣя лютая!
Изъ норы ты, змѣя, ползешь, сама озираешься;
По песку ты, змѣя, ползешь, сама извиваешься;
По травѣ ты, змѣя, ползешь, сама всю траву сушишь,
Изсушила въ полѣ цвѣточки всѣ лазуревы!
Что не то-то, братцы, злодѣйка змѣя лютая,
Что то-то, братцы, злодѣйка красная дѣвица;
Довела меня, добраго молодца, до погибели,
Что то до той же до злодѣйки темной темницы.

Что изъ главнаго приказу изъ московскаго,
Что изъ славнаго села-села Преображенскаго
Что ведутъ-ведутъ добраго молодца казнить-вѣшати.
Переди идетъ добраго молодца православный царь;

По правой рукѣ добраго молодца отецъ-матушка;
По лѣвой рукѣ добраго молодца грозенъ палачъ;
Позади идетъ добраго молодца красная дѣвица....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 213. Каждый стихъ повторяется.

462.

Ты, змѣйка-скороспейка, змѣя лютая,
Изъ норы ты, змѣя, ползешь,—озираешься,
По песку ползешь,—извиваешься,
По травѣ ты ползешь,—всю траву сушишь;
Изсушила въ полѣ всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые.
Ты, душа ль, душа красна дѣвица,
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку въ чистомъ полѣ,
Довела его ты до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Что изъ славнаго села Преображенскаго,
Изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, повѣсити.
Его бѣлыя руки и ноги скованы;
По правую руку идетъ страшенъ палачъ;
По лѣвую идетъ его мать родная;
Позади идетъ красная дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 149.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 173.

463.

У меня ли, молодца, змѣя жена,
Змѣя жена-лада, скороспейка;
Моя-то змѣя изъ норъ ползетъ,—озирается,
По песку ползетъ,—извивается,
По травѣ ли ползетъ,—всю траву сушитъ.
Изсушила моя лада травушку,
Да что травушку-муравушку.
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
Довела ты его до погибели,
Что до той ли темной темницы.

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того ли приказа государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, повѣсити.
Его бѣлы руки и ноги скованы;
По праву руку идетъ страшный палачъ;
По лѣвую идетъ его мать родная;
Позади идетъ красна дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 68.

464.

Ты, змѣя-то моя, ты, моя змѣюшка,
Змѣя да ты моя лютая!
Ты по травѣ-то ползешь,—отъ тебя листъ-трава горитъ;

Ты по водѣ-то плывешь, ты, моя змѣюшка,—отъ тебя вода мутится!
Ты, змѣя-то моя, да ты, моя змѣюшка,
До чего ты меня довела, раздобраго молодца?
Довела ты меня до худой славушки!
Какъ ведутъ-то меня, раздобраго молодца, ведутъ меня все наказывать.
Впереди-то меня идутъ все попы да дьяки;
Позади-то меня идутъ мои друзья-товарищи;
А какъ сбоку-то меня идетъ душа красна дѣвушка;
А за правую-то руку меня ведетъ шельма молодой палачъ.
«Ты, молодой палачъ, постой, обожди меня наказывать!
Что съ меня ты хочешь взять, со всей моей ватаги-вольницы?
Хочешь взять ты пятьсотъ рублей?
Если мало тебѣ того, возьми всю тысячу,
Только отпусти погулять на волю-свободушку!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 85.

465.

Ахъ ты, змѣюшка, змѣя лютая!
Изъ норы ползешь,—озираешься,
По песку ползешь,—извиваешься,
По травѣ ползешь,—всю траву сушишь!
Ты, душа моя красна дѣвица,
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былинушку во чистомъ полѣ;
Довела его до погибели,
До ужасныя темной темницы!

Пѣсенникъ 1796 года, стр. 200 («темничная»).

466.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная....
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтла мѣсяца,
Что затмила красно солнышко....
Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
На роду ли то написано,
Чтобъ во всѣ дни горе мыкати,
Съ молодыхъ ли дней печаль узнать....
Старый вѣкъ мой приближается,
Моя младость сокрушается....
Сокрушила красна дѣвица;
Что ни день, ни ночь покоя нѣтъ,
Я не знаю, какъ разстатися.
Довела она добра молодца
До погибели великія.
Разорился я, добрый молодецъ,
Отъ души ли красной дѣвицы....

Какъ у насъ было на тихомъ Дону,
Что на устьицѣ синя моря,
Какъ поставлена свѣтла свѣтлица
И еще тутъ темна темница.
Какъ во той ли темной темницѣ
Что сидитъ ли добрый молодецъ,
Онъ повѣся буйну голову.
Приходила красна дѣвица,
Вызывала добра молодца.

Выходилъ къ ней добрый молодецъ
Какъ изъ той ли темной темницы,
При печали при великой бывъ,
Во оковахъ во желѣзныхъ.
Усмотрѣла красна дѣвица
Удалаго добра молодца
Что въ такой тоскѣ-кручинушкѣ;
Говорила она добру молодцу:
«Не печалься, добрый молодецъ!
Всѣ оковы желѣзныя,
Они съ ногъ твоихъ долой пойдутъ!
Какъ пойдемъ мы въ чисто поле,
Что на устьице синя моря,
Разгуляемъ мы печаль свою
И мы пустимъ во чисто поле,
По всему ли свѣту бѣлому
И по устьицу синя моря!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 160;—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 185.

467.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Ты, звѣзда моя злочастная!
Высоко, звѣзда, восходила,
Выше свѣтлаго младаго мѣсяца!
Затмила ты солнце красное!
Ты, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Зло несчастіе мое горькое!
На роду ли мнѣ такъ написано,
По дѣломъ ли мнѣ доставалося,
Одному ли мнѣ горя мыкати

Съ молодыхъ лѣтъ и до старости,
До сѣдатаго бѣлаго волоса!

По несчастію такъ случилося—
Я, млада, въ мила друга влюбилася.
Что казался мнѣ сердечный другъ,
Онъ милѣе мнѣ свѣту бѣлаго;
А теперече мой милъ сердечный другъ,
Онъ темнѣе грязи дорожныя....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 35. Каждый стихъ повторяется.

468.

Соловей, ты, мой, соловеюшка,
Соловеюшка, вольна пташечка,
Вольна пташечка, горькая кукушечка!
Не летайте вы въ мой зеленый садъ,
Не садитесь вы на примѣтно деревцо,
На примѣтно деревцо, на сладкую яблоньку!
Ты воспой-ка, горькая кукушечка, пѣсню горемычную!
Ты, таланъ ли мой, таланъ худой,
Ты, звѣзда моя злосчастная,
Участонька моя горькая!
Ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, счастья нѣтъ,
Ни въ батюшкѣ, ни въ матушкѣ, ни въ житьѣ-бытьѣ-богачествѣ;
Только мнѣ счастьице въ несчастной долюшкѣ,
Что въ несчастной долюшкѣ, въ худой славушкѣ!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 91.

469.

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая....
На сторонушкѣ квартирушка,
На квартирушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка—красна дѣвушка,
Бѣлолица, круглолицая,
Черноброва, черноглазая.
Ужъ не ты ль меня, сударушка, высушила,
Безъ мороза сердце вызнобила?...

Высоко звѣзда восходила,
Выше лѣса, выше темнаго.
Выше садика зеленаго....
Пролегала тутъ дороженька,
Шириной она не широкая,
А длиною—конца-краю нѣтъ.
На дорожкѣ нова улица,
Нова улица Московская,
Московская, посадская.
Какъ построена тутъ тюрьма темная;
Въ ней дубовая дверь тяжелая,
Запертая замкомъ крѣпкіимъ,
Замкомъ крѣпкіимъ нѣмецкіимъ.
Во тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ—добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, донской казакъ.
Во желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклепаны.
Сидитъ молодецъ, задумавшись,

Задумавшись, пригорюнившись;
Ужъ какъ тужитъ онъ о своей сторонушкѣ,
О своей сторонѣ, молодой женѣ....

Саратовская губернія. Леопольдовъ, стр. 81.—Костомаровъ и Мордовцева, стр. 86.

470.

На долинушкѣ выросталъ кустъ малинушки.
На кустѣ сидитъ младъ соловьюшекъ,
Онъ не такъ-то сидитъ—громко свищетъ.
Во неволюшкѣ сидитъ добрый молодецъ,
Онъ не такъ-то сидитъ—слезно плачетъ.
«Ужъ и кто же меня вспоилъ-воскормилъ?
Воскормилъ-то меня православный міръ,
Воспоила меня Волга рѣченька,
Выкачала меня легка лодочка....»

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Живая Старина 1894 года, выпускъ II, стр. 288.

471.

При долинушкѣ есть калинушка, она выростала;
При калинушкѣ есть малинушка, она равцвѣтала.
На малинушкѣ соловеюшко сидитъ, громко свищетъ;
По насвистушкѣ соловеюшко громко выговариваетъ.
Во сыромъ бору, во темномъ лѣсу не кукушечка вскуковала;
Во неволюшкѣ добрый молодецъ сидитъ, письмо пишетъ,
Не къ отцу-то, не къ матери,—къ любушкѣ сударушкѣ:

Растоскуйся по мнѣ, любушка-сударушка, по мнѣ разгорюйся!
Ужъ я самъ по тебѣ, самъ сгоревался!
Малешенекъ послѣ батюшки сынъ остался;
Родительницы-матушки самъ я не запомню.
Еще кто жъ тебя, добрый молодецъ, вспоилъ-вскормилъ?
Вспоилъ-вскормилъ меня православный міръ,
Православный міръ, Волга матушка;
Снарядила молодца любушка-сударушка.

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 60 («науличная»).

472.

При долинушкѣ
Выросъ кустъ калинушки.
На этой на калинушкѣ
Сидитъ соловейко,
Сидитъ, громко свищетъ.
Подъ неволюшкой
Сидитъ добрый молодецъ,
Сидитъ, слезно плачетъ.
Во слезахъ своей любушкѣ
И сударушкѣ
Письмеца посылаетъ:
«Ты не тоскуй,
Моя любушка и сударушка!
И самъ я сгоревался,
И по тебѣ, любезная,
Стосковался;
Малешенекъ у меня
Сыночекъ остался.

И кто же мою сиротушку
Воспоилъ-вскормилъ?
Воспоилъ-вскормилъ меня
Православный добрый міръ.
Еще кто тебя
Принавынѣжилъ?
А повынѣжила меня
Волга матушка;
Принавыкачала меня
Лодка легкая;
Призамучила же меня после
Лямка твердая,
Лямка твердая и астраканская.
Послѣ вышелъ я на берегъ
И вздумалъ объ своей сторонѣ.
Я бы вздумалъ побывать,—
Не знаю, когда быть.

Вятская губернія. Колосовъ, стр. 246.

473.

При долинушкѣ выростаетъ, ну,
Эй-ну, кустъ калинушки,
Эй-ну, кустикъ выростаетъ.
На кусту-то ли сидитъ, ну,
Эй-ну, сидитъ соловейко,
Эй-ну, да онъ громко свищетъ.
Добрый молодецъ во неволюшкѣ, ну,
Эй-ну, сидитъ во неволюшкѣ,
Эй-ну, да онъ слезно плачетъ.
Во слезахъ-то ли онъ своей, ну,
Эй-ну, онъ своей сударушкѣ,
Эй-ну, да онъ письмо пишетъ....

Терская область. Терскій Сборникъ, выпускъ I, стр. 148.

474.

Зеленый садочекъ,
Что жъ ты рано не цвѣтешь?
Молодой соловьюшекъ,
Что же ты пѣсенъ не поешь?—
—Запѣлъ бы я пѣсенку,
Да голосу нѣтъ;
Клевалъ бы я зернышки,
Да волюшки нѣтъ:
Золотая клѣточка
Велитъ мнѣ умереть!

Когда былъ на волюшкѣ,
Былъ я сильнымъ богачомъ;
Теперь сижу въ неволюшкѣ,
Въ замкѣ заключенъ.
Всѣ друзья-пріятели
Забыли обо мнѣ;
А жена, малы дѣтушки
Слезно плачутъ обо мнѣ!

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 268.

475.

Соловей, соловьюшекъ,
Что не веселъ ты сидишь,
Головку повѣсилъ,
Зерно, право, не клюешь?
«Склевалъ бы я зернышко,
Да волюшки нѣтъ;

Запѣлъ бы я пѣсенку,
Мнѣ голосу нѣтъ!»
Соловей, соловьюшекъ,
Хотятъ тебя изловить,
Въ золотую клѣточку
Хотятъ тебя посадить!
—«Золотая клѣточка
Иссушитъ-крушитъ меня;
Зеленая вѣточка
Веселитъ съ горя меня.
Каковъ былъ соловьюшекъ—
Сильный храбрый богатырь,
Я теперь, соловьюшекъ,
Въ острогѣ сижу.
Всѣ друзья-товарищи,
Всѣ забыли про меня;
Вотъ милыя дѣтушки
Тужатъ-плачутъ обо мнѣ!»

Воронежская губернія, Бобровскій уѣздъ Воронежскій Юбилейный Сборникъ, томъ I, стр. 606.

476.

Соловьюшко не благъ, не веселъ,
Да повѣсилъ головушку, сѣмя не клюетъ.
Клевалъ бы я сѣмечко, да у меня волюшки нѣтъ;
Воспѣлъ бы я пѣсенку, да у меня голосу нѣтъ!
Жилъ-былъ у Россеюшкѣ первый богатырь....
Всѣ друзья-пріятели не придутъ ко мнѣ;
Дѣточки-малюточки не плачутъ обо мнѣ;
Громкія желѣзушки на ноженькахъ звенятъ,
Шелковая травушка ноженьки плететъ,

Моей головушкѣ ходу не даетъ.
Зеленая вѣточка сердце веселитъ;
Золотая клѣточка помирать велитъ.

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 42 («протяжная»).

477.

Ты не пой, не пой, младой мой соловьюшекъ, во чистомъ полѣ;
Ты воспой, соловьюшекъ, въ моемъ зеленомъ саду;
Взвесели ты молодца при горѣ-кручинушкѣ!
Какъ и я-то ли тебѣ, молодцу соловьюшку, впередъ пригожуся:
Сдѣлаю я тебѣ, соловьюшку, клѣточку новую, золотую;
Насыплю я тебѣ кормочку—бѣло-яровенькой пшенички;
Разведу я тебѣ пойлица—да и той медовой сытицы!
—Ой не мила, не мила молодцу соловьюшку твоя клѣточка новая,
А насѣсточка въ ней, шельма, золотая;
Не сладко мнѣ, соловьюшку, твое питье медовое;
Мнѣ мила, младому соловьюшку, своя волюшка.
Какъ полечу ли я, соловьюшекъ, во чистое поле;
Совью я себѣ гнѣздышко изъ зеленой муравки;
Сяду я, соловьюшекъ, да на гибку вѣточку;
Наклююсь я бѣло-яраго песочку,
А напьюсь я ключевой водицы.

Полети же ты, младъ соловьюшекъ, ко синю морю,
Посмотри ты, соловьюшекъ, на пристаньку корабельную:

Какъ и гдѣ это нашъ православный царь убирается?
Садится нашъ православный царь на новый кораб-
личекъ ко рулечку;
А его думчіи сенаторушки на бабаечки.
Отправляется православный царь въ чужую сторо-
нушку....

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 81.

478.

Растужится-расплачется младъ ясенъ соколъ,
Сидючи-то онъ въ клѣточкѣ,
На серебряной на нашесточкѣ.
Жалобу-то творитъ младъ ясенъ соколъ на крылышки,
На правильныя мелки перышки:
Ой вы, крылья мои, крылышки,
Вы, правильныя мелки перышки!
Уносили меня, крылышки,
И отъ вѣтру, и отъ вихрю,
Отъ частаго дождя отъ осенняго;
Только не уносили меня, крылышки,
Отъ великой отъ неволюшки,
Отъ золотой отъ клѣточки,
Отъ серебряной отъ нашесточки!

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 года, № 1, стр. 59.

479.

Не отъ пламечка, не отъ огничка
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка.

Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрыя;
Ужъ какъ пѣшъ ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту
полю.
Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу,
Называли они ясна сокола вороною:
«Ахъ, ворона ты, ворона, младъ ясенъ соколъ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?»
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чернымъ воро-
намъ:
«Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны!
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь-то я, младъ ясенъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, младъ ясенъ соколъ, по
поднебесью;
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, ко сырой землѣ,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на всѣ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ сине море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ!»

Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
Что леталъ-то младъ ясенъ соколъ по поднебесью,
Убивалъ-то младъ ясенъ соколъ гусей, лебедей,
Убивалъ-то младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ уточекъ.
Что когда-то было добру молодцу пора-времячко,
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ на волюшкѣ.
Какъ теперь-то добру молодцу поры-время нѣтъ;
Засаженъ - то сидитъ добрый молодецъ во побѣд-
ности,
У злыхъ вороговъ добрый молодецъ въ земляной
тюрьмѣ.

Онъ не годъ-то сидитъ, добрый молодецъ, и не два
года,
Что сидитъ-то добрый молодецъ ровно тридцать
лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣдешенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждетъ онъ, поджидаетъ выкупа, выручки.
Былъ и выкупъ бы, и выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

Сибирь, Локтевскій заводъ. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ III, стр. 263.

480.

Какъ бывало мнѣ, ясну соколу, да времячко:
Я леталъ, младъ ясенъ соколъ, по поднебесью,
Я билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Еще билъ-побивалъ мелку пташечку;
Какъ, бывало, мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ.
А нонѣче мнѣ, ясну соколу, время нѣтъ:
Сижу я, младъ ясенъ соколъ, во пoиманьѣ,
Я во той ли въ золотой во клѣточкѣ,
Во клѣточкѣ, на жестяной нашесточкѣ;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженькахъ путички шелковыя;
Занавѣсочки на глазонькахъ жемчужныя!

Какъ бывало мнѣ, добру молодцу, да времячко:
Я ходилъ-гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,
Ужъ я билъ-разбивалъ суда-корабли,
Я татарскіе, армянскіе, бусурманскіе;
Еще билъ-разбивалъ легки лодочки;
Какъ, бывало, легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ.
А нонѣче мнѣ, добру молодцу, время нѣтъ:

Сижу я, добрый молодецъ, во поиманьѣ,
Я во той ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 77.

481.

Леталъ-то, леталъ младъ сизой орелъ по крутымъ горамъ.
Онъ, летаючи, состарился;
Пробивала у него сѣдинушка между рѣзвыхъ крылъ
Побѣлѣла у него головушка ровно бѣлый снѣгъ,
Потусмѣли у него, сиза орла, очи ясныя,
Примахалъ сизой орелъ свои крылья рѣзвыя,
Обломалъ свои остры когти вплоть до пальчиковъ....
Прилетали ко сизу орлу три черныхъ ворона,
Прилетѣли къ нему и въ глаза глядятъ ему,
Во глаза-то глядятъ, ему рѣчи говорятъ:
«Полно, полно тебѣ, старъ сизой орелъ, по крутымъ горамъ летать,
Гусей-лебедей бивать!»—
—«Ахъ, кабы были мои прежнія залетныя крылышки,
Мои крылья рѣзвыя, когти острые!
Догналъ бы я всѣхъ васъ, трехъ вороновъ,
И избилъ бы я васъ вплоть до бѣла тѣла!»
Начали молодца три черныхъ ворона клевать
И ретивое его сердце вынимать.
«Ахъ вы, братья-товарищи, гдѣ вы подѣвалися?
Или вы по крутымъ горамъ разлеталися?»

Донская область. Пивоваровъ, стр. 53.

482.

У Троицы у Сергія было подъ горою,
Стояла новая темная темница.
Во той ли во новой во темной темницѣ
Сидѣлъ удаленькій добренькій молодчикъ.
Никто къ нему не зайдетъ, никто не заѣдетъ;
Друзья-братья-товарищи всѣ прочь отступились.
Зашла къ нему, заѣхала матушка родная.
«Дитя ль мое, ты, дитятко, дитя-чадо милое!
Кому тебя, мое дитятко, будетъ выручати?
Друзья-братья-товарищи всѣ въ томъ отказали!
Семь разъ тебя я, мое дитятко, выручала,
Семь тысячекъ чистыхъ денежекъ издержала,
Осьмой-то тысячи у меня недостало!
Такъ знать, тебѣ, дитятко, здѣсь вѣкъ вѣковати!»

Пѣсенникъ 1810 года, стр. 269.

483.

На желтенькомъ на сыпученькомъ было на песочкѣ,
Стояла ль тамъ нова темная-темная темница.
Ой, во той ли тамъ ново-темненькой, темненькой темницѣ.
Что сидѣлъ ли тамъ разудаленькій-удалый молодчикъ.
Что никто, никто къ разудалому нейдетъ, не заѣдетъ.
Зашла ль, зашла да заѣхала гостья дорогая,
Гостья, гостья дорогая—матушка родная.
«Государыня, моя матушка, выкупь изъ неволи!»—
—«И такъ тебя, мое дитятко, семь разъ выкупала;
На восьмой-етъ разъ, мое милое, казны не достало!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 110.

484.

Кукушечка соловушку журила-бранила:
«Ты глупенькій, неразумненькій, молодой соловей!
Не вей ты, не вей гнѣздышка, не вей при дорожкѣ;
Ты свей тепло гнѣздышко, ты свей при долинкѣ,
При зеленой при травинкѣ, при мелкомъ песочкѣ;
Никто твое теплое гнѣздышко, никто не раззоритъ.»

На Дону, подъ горой стояла темна темница,
Безъ дверей, окошекъ, съ одной трубочкой съ дымовою.
Сидѣлъ тутъ посаженый разудалъ добрый молодецъ.
Никто-то къ нему не взойдетъ, никто не заѣдетъ.
Взошла къ нему да заѣхала гостья дорогая,
Не гостья дорогая,—матушка родная.
«За что тебя, мило дитятко, въ тюрьму посадили?»—
—«Посадили меня, добра молодца, за казацку дочку.»—
—«Еще долго ль, мое дитятко, во тюрьмѣ сидѣть тебѣ?»—
—«Сидѣть-то мнѣ, родна матушка, тридцать три годочка.
Не можно ль тебѣ, родна матушка, заступиться?
Не можно ль тебѣ, родна матушка, откупиться?
За выкупку, родна матушка, ровно восемь тысячъ.»—
—«Золотой казны у насъ, дитятко, не достанетъ!
Добры кони у насъ, дитятко, притомились,
Цвѣтно платье у насъ, дитятко, приносилось,
Друзья братья-товарищи отступились!»

Сахаровъ, книга III, стр. 247. Пѣсня сомнительнаго достоинства.

*

485.

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ!
Добрый молодецъ сидитъ въ темницѣ.
Пишетъ грамотку къ отцу, къ матери.
Онъ проситъ того жавороночка:
«Отнеси ты, младъ жавороночекъ,
На мою ли, ахъ, дальну сторону,
Ты сіе письмо къ отцу, къ матери!»
Во письмѣ пишетъ добрый молодецъ:
«Государь ты мой родной батюшка,
Государыня моя родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вамъ родимаго!»
Какъ отецъ и мать отказалися
И весь родъ-племя отрекалися:
«Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было и разбойниковъ!»

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ!
Добрый молодецъ сидитъ въ темницѣ.
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ.
Въ другой разъ проситъ жавороночка,
Чтобъ отнесъ письмо къ красной дѣвицѣ.
Во письмѣ пишетъ добрый молодецъ:
«Ты, душа ль моя красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница,
Выкупай-выручай добра молодца,
Своего прежняго полюбовника!»
Какъ возговоритъ красна дѣвица:

«Ахъ вы, нянюшки, мои мамушки,
Мои сѣнныя вѣрныя дѣвушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорѣй кованы ларцы,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте скорѣй добра молодца,
Моего прежняго полюбовника!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 151.—Почти тожественныя пѣсни: Прачъ 1790 года. № 33;—Пѣсенникъ 1819 года, часть II, стр. 18.

486.

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ!
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Въ темной темницѣ, заключеньицѣ;
Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ:
«Охъ ты, матушка, родной батюшка!
Выкупи-выручи добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной темницы!»
Какъ отецъ-то и мать отказалися,
Всѣ сродники отступаются.

Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ!
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Въ темной въ темницѣ, въ заключеньицѣ;
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ, прежней полюбовницѣ:
«Выкупи, выкупи добраго молодца,
Ахъ ты, душечка красная дѣвица,
Ты, прежняя моя полюбовница!»

Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Охъ вы, нянюшки, мои мамушки!
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Отпирайте вы кованы ларцы,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной темницы,
Изъ темной темницы, заключеньица!»

Якушкинъ, стр. 592.

487.

Ты воспой-ка-ся, воспой, младой жавороночекъ,
Ты воспой-ка-ся, воспой весной на проталинкѣ,
Ты утѣшь-ка-ся меня, добра молодца,
Сидючи меня въ темной темницѣ!
Что не годъ-то ли я сижу-сижу и не два года,
Я сижу ли, молодецъ, ровно девять лѣтъ.
На десятый-то годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать къ отцу съ матерью:
Государь ты мой родный батюшка,
Государыня моя родная матушка!
Эхъ, ужъ выручайте меня, разнесчастнаго,
Что изъ темной ли меня, меня изъ темной темницы!
Какъ отецъ-то пишетъ мнѣ, пишетъ, онъ отказывается:
«Что у насъ-то ли въ роднѣ такихъ не бывало,
Что воровъ ли у насъ, нѣтъ разбойничковъ!»

Ты воспой-ка-ся, ты воспой, младой жавороночекъ,
Ты воспой-ка-ся, воспой весной на проталинкѣ,
Ты утѣшь-ка-ся меня, добраго молодца,

Сидючи меня въ темной темницѣ!
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ, прежней полюбовницѣ:
Выкупай меня, выкупай добраго молодца,
Ахъ ты, душечка красна дѣвица,
Ты, прежняя моя полюбовница!
Красна дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Охъ вы, нянюшки, мои мамушки,
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца
Изъ темной темницы-заключеньица!»

Москва. Лопатинъ и Прокунинъ, № 59. Вторая половина каждаго стиха (кромѣ послѣдняго) повторяется.

488.

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Воспой весной на проталинкѣ,
Пріутѣшь-ка меня, добра молодца,
Во неволюшкѣ сидючи!
Я не годъ сижу и не два сижу,
Я сижу, молодецъ, ровно три года.
Напишу письмо къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ роду-племени:
Выкупайте меня изъ неволюшки!
Отецъ съ матерью отказалися
И всѣ сроднички отступилися:
«Какъ у насъ во роду ни воровъ-то нѣтъ,
Ни разбойниковъ!»
Напишу письмо къ красной дѣвицѣ:
Ты, душа ль моя красна дѣвица,

Моя прежняя полюбовница,
Ты повыкупи меня изъ неволюшки,
Изъ такой ли изъ неволюшки—изъ бѣлокаменна
острогу!
Выходила дѣвица на крылецъ,
Воскричала громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные,
Вы берите ключи, отпирайте сундуки,
Вы берите казну несмѣтную,
Выкупайте друга милаго изъ неволюшки!»

Симбирскъ. Аристовъ, Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ, Воронежъ, 1875 г., стр. 158.

489.

Ты воспой-ка, воспой, воспой, жавороночекъ,
Ты воспой-ка, воспой весной на приталинкѣ,
Ты утѣшь-ка, утѣшь меня, добра молодца,
Меня, добра молодца, меня въ крѣпкой крѣпости!
Я не годъ-то сижу-сижу и не два года,
Я сижу-то, сижу, сижу ровно три года!
Ахъ, я писалъ-то, писалъ къ отцу съ матерью.
Отецъ съ матерью отъ меня отрекалися
И всѣ сроднички отъ меня отказалися:
«У насъ нѣтъ-де въ роду, нѣтъ вора-разбойника!»
Напишу я письмо къ душѣ красной дѣвицѣ:
Ты бери-ка, бери свои золотые ключи,
Отпирай, отпирай свои дубовы ларцы,
Вынимай, вынимай свою золоту казну,
Выкупай, выкупай меня, добра молодца!

Тверская губернія, Зубцовъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, стр. 32.

490.

Ты воспой, воспой, жавороночекъ,
Ты воспой весной на проталинкѣ,
На проталинкѣ, на прогалинкѣ,
Ты подай голосъ черезъ темный лѣсъ,
Черезъ темный лѣсъ, черезъ сырой боръ,
Черезъ сырой боръ, въ Москву каменну,
Въ Москву каменну, въ крѣпость крѣпкую!
Тутъ сидѣлъ, сидѣлъ добрый молодецъ;
Онъ не годъ сидѣлъ и не два года,—
Онъ сидѣлъ, сидѣлъ ровно девять лѣтъ.
На десятый годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать къ отцу, къ матери.
Отецъ съ матерью отказалися:
«Что у насъ въ роду вора не было!»
Онъ еще писалъ къ молодой женѣ.
Молода жена порасплакалась....

Вологодскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 23 («посидѣлочная»).

491.

Ты воспой, воспой, жавороночекъ,
Ты воспой весной на проталинкѣ,
Ты подай голосъ черезъ сырой боръ,
Черезъ сырой боръ въ Москву каменну,
Въ Москву каменну, въ крѣпость крѣпкую,
Въ крѣпость крѣпкую, въ тюрьму темную,
Въ тюрьму темную другу милому!
Онъ не годъ сидитъ и не два года,

Онъ сидитъ-сидитъ ровно девять лѣтъ.
На десятый годъ сталъ письмо писать
Отцу съ матерью.
Отецъ съ матерью отказалися:
«Что у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было, ни разбойничковъ!»

Костромская губернія. Русскія Вѣдомости 1888 года, № 21.

492.

Запой, соловей, весной на проталинкѣ,
Взвесели добраго молодца, во неволюшкѣ сидючи!
Я не годъ и не два сидѣлъ,
Я сидѣлъ, молодецъ, ровно три года.
Я писалъ письмо къ отцу-матушкѣ,
Я не перомъ писалъ, не чернилами,
А писалъ, молодецъ, горючею слевой.
И отецъ, и мать отказалися:
«Въ нашемъ роду не было разбойничка,
Ни разбойничка, ни мошенничка!»
Напишу письмо молодой женѣ:
Ты забывай, жена, платье цвѣтное,
Выручай молодца изъ неволюшки,
Изъ темной тюремушки!

Донская область. Савельевъ, стр. 146.

493.

Всѣ люди живутъ,—какъ цвѣты цвѣтутъ;
Моя голова вянетъ какъ трава!
Куда ни пойду, въ бѣду попаду!

Ты воспой, воспой, жавороночекъ,
Ты подай голосъ черезъ темный лѣсъ,
Черезъ сырой боръ, въ Москву каменну,
Въ Москву каменну, въ крѣпость крѣпкую!
Въ этой крѣпости сидитъ миленькій;
Онъ не годъ сидитъ и не два года,—
Ровно миленькій сидитъ девять лѣтъ,
Сидитъ девять лѣтъ—вовсе слыху нѣтъ!
На десятый годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать къ отцу, къ матери.
Отецъ съ матерью письмо не приняли,
Письмо не приняли, назадъ выслали:
«У насъ нѣтъ въ роду такихъ разбойничковъ!»
Сталъ письмо писать молодой женѣ.
Молода жена письмо приняла,
Письмо приняла, распечатала,
Распечатала, сама заплакала....

С.-Петербургская губернія, Лугскій уѣздъ. Галлеръ, № 6 («круговая»). Нѣкоторые стихи повторяются.

494.

Ты воспой, ты воспой, младъ соловьюшекъ,
Ты воспой, воспой пѣсню новую,
Пѣсню новую, молодецкую,
Про меня-то, молодца, про невольничка!
Хорошо-то вамъ жить, жить на волюшкѣ;
А и мнѣ-то, молодцу, жить въ неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ, въ земляной тюрьмѣ!

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 76.

495.

Ахъ ты, душечка жена моя молодая,
Что на улицѣ застоялась,
На приказъ, мой свѣтъ, заглядѣлась.
На приказное на окошко?—
—И ты, душечка мой сердечный другъ,
Я на улицѣ застояласи,
На приказъ, мой свѣтъ, заглядѣлася:
Во приказѣ въ государевомъ,
Что во той ли темной темницѣ,
За рѣшеткою за желѣзною
Сидитъ душечка добрый молодецъ.
И онъ пишетъ себѣ грамотку,
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
Онъ своими горючими слезми,
Не ко батюшкѣ, не ко матушкѣ,
Онъ ко душечкѣ къ молодой женѣ:
«Ахъ ты, душечка молода жена,
Продавай свое житье-бытье,
Выкупай меня изъ неволюшки,
Какъ изъ той ли темной темницы!
Буде мало тебѣ всего покажется,—
Въ кабалу отдай малыхъ дѣтушекъ!»
На отвѣтъ пишетъ молода жена:
«Ахъ ты, душенька мой сердечный другъ,
Не продамъ своего житья-бытья,
Не отдамъ въ кабалу малыхъ дѣтушекъ!
Ужъ и такъ тебя Богъ помилуетъ,
Государь тебя царь пожалуетъ!»

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
Стоятъ два столбичка высокіе,
Перекладинка лежитъ кленовая

И петелька лежитъ шелковая....
«Ужъ какъ я тебѣ, другъ, говорила,
Честью-лестію васъ упрашивала:
Не сѣдлай коня поздо вечеромъ,
Не съѣзжай съ двора по полуночи,
Не вози платье кровавое!
Ужъ какъ ты, мой другъ, меня не послушался,
Ты сѣдлалъ коня поздо вечеромъ,
Ты съѣзжалъ со двора по полуночи,
Привозилъ платье кровавое;
Ты за то сидишь въ темной темницѣ.
Не считай меня своей женой!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 68.—Пѣсенникъ 1810 года, стр. 263.

496.

Въ лѣсу дѣвушка брала ягодки,
Бравши ягодки, заблудилася,
Подъ елинушку спать ложилася,
Спать ложилася, сама слезно всплакала:
Ужъ ты, ночка, ты, ноченька темная,
Ты, темная ночка осенняя!
Нѣтъ у ноченьки свѣтлаго мѣсяца,
Свѣтлаго мѣсяца, ни частыхъ звѣздочекъ!
Нѣтъ у дѣвицы роднаго батюшки,
Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки.
Нѣтъ ни братца, ни родной сестры,
Нѣтъ ни роду, нѣтъ ни племени!
Ужъ какъ былъ-то у ней милъ сердечный другъ,
То и тотъ-то далеко живетъ,
Далеко живетъ—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, во крѣпкой тюрьмѣ.
Пишетъ молодецъ, пишетъ грамотку,

Не перомъ пишетъ, не чернилами,
А онъ пишетъ своими горючми слезами;
Не къ отцу пишетъ онъ, не къ матери,
Онъ къ душѣ ль пишетъ красной дѣвицѣ,
Своей прежней полюбовницѣ:
«Ужъ ты, душечка красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница!
Ты продай, продай свой высокъ теремъ,
Ты еще продай свой зеленый садъ,
Ты еще продай свой тальянскій платъ,
Ты еще продай свой золотъ перстень!
Выкупай меня изъ неволюшки,
Изъ неволюшки, изъ крѣпкой тюрьмы!»
Что въ отвѣтъ пишетъ красная дѣвица:
«Не продамъ-то я свой высокъ теремъ,
Не продамъ-то я свой зеленый садъ,
Не продамъ-то я свой тальянскій платъ,
Не продамъ-то я свой злаченъ перстень;
Я пойду ль, млада, за другаго замужъ!
Что мнѣ тѣмъ платомъ жениха дарить,
Что мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися!»

Сухановъ, книжка I, стр. 42.

497.

Горе мое немалое,
Печаль-тоска несносная!
Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Пойду съ горя въ зелены лужка;
Въ зеленыхъ лужкахъ ростетъ травка,
Ростетъ трава шелковая,
Цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Пойду въ садокъ, сорву цвѣтокъ,

Сорву цвѣтокъ, совью вьюнокъ
Своему дружку на головушку.
Носи, мой другъ, не потеряй!
Меня люби, не забывай!
Пока васъ любилъ, счастливый былъ,
Отъ васъ отсталъ, несчастный сталъ,
Несчастный сталъ, въ острогъ попалъ.
Въ острожкѣ сижу, въ окно гляжу:
Не выйдетъ ли моя любезная,
Не взглянетъ ли на окошечко,
Не промолвитъ ли со мной словечушко,
Не обрадуетъ ли грудь-сердечушко.
Ты лети-ка, лети, стрѣла каленая,
Ты убей-ка, убей добра молодца....

Я не годъ въ тюрьмѣ сижу и не два сижу,
Я сижу въ тюрьмѣ точно девять лѣтъ.
На десятый годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать отцу съ матерью.
А отецъ и мать отказалися:
«У насъ въ родѣ-то такого не было.»

Костромская губернія, Галичскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 1 («посидѣлочная»). Кромѣ перваго и послѣдняго, каждый стихъ повторяется.

498.

Ахъ ты, сердце мое, сердце
Ретивое молодецкое,
Все ты ноешь-унываешь,
Ничего ты мнѣ не скажешь,
Ни радости, ни веселья,
Что ни злой большой кручины!
Привязалося ко мнѣ горе,

Къ молодому человѣку.
Мнѣ ни сбыть горя, ни сжити,
Ни въ бесѣдушкѣ засидѣти,
Ни въ компаніи загуляти,
Ни запить горя, ни заѣсти!
Я не знаю, какъ мнѣ быти,
Своему горю пособити....
Я пойду ли въ чисто поле,
Я разсѣю свое горе
По всему ли чистому полю....
Уродись ты, мое горе,
Ты травою-муравою,
Бѣлой ярою пшеницей....
Посадили молодца въ темницу;
Во темницѣ свѣту нѣту;
Только свѣту со сторонки,
Со сторонки со восточной.
Прилетала ко мнѣ птица,
Приносила она письма
И печальныя мнѣ вѣсти:
Отецъ съ матерью при смерти,
Молода жена скончалась.
Я стану, молодецъ, проситься
Съ отцомъ, съ матерью проститься;
Я заѣду въ чисто поле,
Посмотрю на свое горе:
Уродилось мое горе
Полынь-горькою травою.
Ни скосить полынь неможно,
Ни конемъ ее скормити....
Знать, мнѣ вѣкъ мой будетъ жити
Въ злой и горестной кручинѣ.

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 177.

499.

Близъ зеленыя дубровушки
Протекала рѣка быстрая,
Урывая круты бережки,
Подмывая пески желтые,
Пески желтые сыпучіе,
Унося съ собой кустарники.
На одномъ кусту соловеюшко
Заунывну поетъ пѣсенку:
«Негдѣ, негдѣ мнѣ гнѣзда свивать,
Выводити малыхъ дѣтушекъ!»
Такъ-то тужитъ добрый молодецъ,
Плачетъ, сидя въ темной темницѣ,
Вспомня родную сторонушку:
«Не бывать ужъ безталанному
На родимой мнѣ сторонушкѣ,
Не видать ужъ отца съ матерью,
Не свыкаться съ родомъ-племенемъ,
Не любить ужъ молодой жены,
Не лелѣять милыхъ дѣтушекъ!
Знать, пришло мнѣ, добру молодцу,
Положить мою головушку
Во позорной темной темницѣ!»

Пѣсенникъ 1796 года, стр. 199 («темничная»). Пѣсня едва ли не искусственная.

500.

Ахъ, подъ лѣсомъ-лѣсомъ, подъ зеленой дубровой,
Сама протекала матка быстрая рѣка,
Урываючи круты красны бережки,

Осыпаючи желты пески сыпучи.
На томъ на крутомъ на красномъ бережочкѣ
Само выростало свято древо кипарисно.
На томъ на святомъ древѣ кипарисномъ
Младой соловей тепло гнѣздо свиваетъ,
Малыхъ дѣтушекъ выводитъ;
Онъ жалобно свищетъ, хорошо-добре воспѣваетъ,
Воспоминаючи красное лѣто:
«Негдѣ мнѣ, соловеюшкѣ, тепла гнѣзда свити,
Негдѣ мнѣ малыхъ дѣтокъ выводити!»

Какъ-то растужится, такъ расплачется удалой добрый молодецъ,
Сидючи онъ во темной темницѣ,
Воспоминаючи свою родимую сторонушку:
«Ужъ негдѣ мнѣ, молодцу, на своей сторонѣ бывать,
Съ отцомъ, съ матерью не видатися,
Съ родомъ, съ племенемъ не свыкатися,
Молодой женой не любоватися,
Малыхъ дѣтушекъ не родити!
Знать, что мнѣ, добру молодцу,
Во темницѣ головушку свою положити!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 154.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 179.—Пѣсенникъ 1810 года, стр. 268.

501.

Ахъ, что жъ ты, мой сизый голубчикъ,
Ахъ, что жъ ты ко мнѣ не летаешь?
Иль часты дожди крылья мочатъ,
Иль буйные вѣтры относятъ?
Ахъ, что жъ ты, мой милый дружочекъ,
Ахъ, что же ко мнѣ ты не ходишь?

Отецъ или мать не пускаютъ?
Родъ-племя ль любить запрещаютъ?
Послышу я: милый въ неволѣ,
Сидитъ въ городскомъ онъ острогѣ.
Возьму ль я ключи золотые
И стану ль ларцы отпирати;
Возьму ль я казны сорокъ тысячъ,
Пойду ль я дружка выкупати.
Судьи казны взять не желаютъ,
На волю дружка не пускаютъ....

Кашинъ, книга I, № 18 («протяжная»).

502.

Что жъ ты, гуленька, по полю летаешь?
Что жъ ты, сизенькій, мой дворикъ не знаешь,
Мимо дворика, гуленька, летаешь?
Тебя, гуленька, въ полѣ дождемъ мочитъ,
Разусильнымъ-сильнымъ, частымъ присѣкаетъ.
Что не ластонька къ землѣ припадаетъ,
Припадемши къ сырой, вѣсточку сказала,
Не таку ли вѣстку—про дружка милаго.
Мой-етъ миленькій дружочекъ живетъ въ неволѣ,
Во такой ли во неволѣ—въ губернскомъ острогѣ.
Какъ во этомъ во острогѣ ни дверей-то, ни окошекъ,
Только есть труба-отъ дымовая.
Какъ изъ этой изъ трубинки дымокъ повѣваетъ.
Мой-етъ миленькій дружочекъ голосъ подаваетъ.
Я пойду ли, я пойду ли въ горенку новую,
Я возьму ли, я возьму ли ключи золотые,
Отомкну ли, отомкну ли ларцы кленовые,
Ужъ возьму ли, я возьму ли деньжонокъ немножко,
Ахъ, немножко-разнемножко, всего сорокъ тысячъ!

Я пойду ли, я пойду ли дружка выручати;
Я пойду ли, я пойду ли всѣхъ судей дарити!
Судьи денежки мои примаютъ,
Любезнаго дружочка мнѣ выпущаютъ.

Самара. Отечественныя Записки 1862 года, № 12, стр. 536.

503.

Не ласточка ко мнѣ прилетѣла,
Касаточка вѣстку приносила,
Будто бы мой-то миленькій сидитъ въ неволѣ,
Во той тюрьмѣ—въ губернскомъ острогѣ.
Въ той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
Одна труба, и та дымовая;
Изъ трубоньки дымокъ повѣваетъ,
У дѣвушки сердце занываетъ.
Пойду, млада, въ высоки хоромы,
Возьму, млада, ключи золотые,
Отопру, млада, ларцы кленовые,
Пойду, млада, всѣхъ судей дарить.
Судьи денегъ моихъ не принимаютъ,
Любезнаго ко мнѣ не пущаютъ.

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 239.

504.

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ сизаго относитъ;
Частымъ дождемъ крылья-перья мочитъ.
Мой миленькій, мой милой дружочекъ!
Ты почто, для чего рѣдко въ гости ходишь?

Твой отецъ да мать тебя не спускаютъ?
Родъ они, племя тебѣ запрещаютъ?
Сидѣлъ-посидѣлъ удалой молодчикъ во темной темницѣ.
У той у темной, у темной темницы
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка;
Только есть одна труба дымовая.
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня, молоду, горе разбираетъ!
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду, возьму я ключи золотые,
Отопру я сундуки-ларцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка-дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати.
Грозенъ судья, судья-воевода
Моей казны-казны не примаетъ;
Меня, молоду, горе разбираетъ!
Пойду, млада, я съ горя въ чисто поле,
Пойду, нарву я лютаго коренья,
Буду-стану я судью опоити.

Архангельская губернія, Холмогоры. Якушкинъ, стр. 562.

505.

Ужъ ты, гуленька, ты, мой голубочекъ,
Разсизенькій ты мой воркуночекъ!
Зачѣмъ, гуленька, въ гости не летаешь?
Или садику моего не знаешь,
Или голосу моего не слышишь,
Или громкій голосъ вѣтеркомъ разноситъ,
Сизы крылышки частымъ дождемъ мочитъ?

Я не ласточкой по полю летала,
Не касаточкой къ землѣ припадала,—
Про любезнаго вѣстку услыхала:
Будто мой милой сидитъ во засадѣ,
Во засадушкѣ—въ губернскомъ острогѣ.
Ни дверей въ тюрьмѣ нѣту, ни окошекъ,
Ни простыхъ щелей нѣту, ни протесовъ;
Только есть одна труба дымовая,
Дымова труба мѣдна выводная.
Какъ изъ той трубы дымокъ потягаетъ;
У любезнаго сердце занываетъ.

Костромская губернія, Галичскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 7 («посидѣлочная»). Кромѣ перваго и послѣдняго, каждый стихъ повторяется.

506.

Ахъ, ты, гуленька, ты, мой голубочекъ,
Златокрыленькій ты мой воркуночекъ!
Что ты, гуленька, въ гости не летаешь?
Аль ты, гуленька, домика не знаешь,
Али ты, гуленька, голоса моего не слышишь,
Али мой голосъ вѣтеркомъ разноситъ,
Сизы крылышки частымъ дождемъ мочитъ,
Разосеннимъ мелкимъ поливаетъ?
Что не ласточка по полю летала,
Не касаточка къ землѣ припадала,
Про милаго дружка вѣсточку сказала:
Будто мой милой сидитъ во засадѣ—
Въ каменномъ острогѣ.
Безъ дверей острогъ, безъ окошекъ,
Безъ щелей острогъ, безъ протесовъ;
Только есть одна печка муравая,
Труба выводная.

Изъ трубы въ трубу дымочекъ-отъ вьется;
У мила дружка сердечушко бьется,
Бьется, на часъ не уймется....

Пермская губернія. Шишонко, стр. 191.

507.

Ой ты, гуленька, ты, мой гуленечекъ!
Зачѣмъ, гуленька, въ гости не летаешь?
Али домичка моего не знаешь,
Али голоса моего не слышишь,
Али мой голосъ вѣтеркомъ относитъ,
Златы крылышки частымъ дождемъ мочитъ,
Разосенненькимъ насквозь проливаетъ?
То не ласточка по полю летаетъ,
Не касаточка къ землѣ припадаетъ,
Про мила дружка вѣсточку сказали:
Будто мой милой сидитъ во засадѣ,
Во засадушкѣ—каменномъ острогѣ.
Ни дверей въ тюрьму нѣтъ, ни окошекъ,
Ни щелей въ тюрьмѣ нѣтъ, ни протесокъ.
Только есть одна горенка новая,
Во той горенкѣ печка муравая,
У той печи труба дымовая.
Какъ изъ трубоньки дымъ провѣваетъ,
По чисту полю дымъ разстилается,
Моему сердцу назолу даваетъ.

Пермская губернія, Чердынскій уѣздъ. Поповъ, стр. 248.

508.

Ужъ ты, гуленька-голубочекъ,
Ты, разсизенькій-сизый воркуночекъ!
Что жъ ты, гуленька, въ гости не летаешь?

Развѣ домика моего не знаешь?
Или голосу моего не слышишь?
Развѣ голосъ мой вѣтромъ пріотноситъ,
Развѣ крылышки сизы дождемъ мочитъ?
Я не ласточкой вкругъ поля летала,
Не касаточкой къ землѣ припадала,
Какъ у дѣвушки сердце рвется....
Будто мой милой сидитъ во засадѣ,
Во засадѣ—во темной темницѣ.
У этой у темной темницы
Ни дверей-то нѣтъ, ни окошекъ,
Ни щелей-то нѣтъ, ни протесовъ;
Только есть одна труба дымовая.
Изъ той трубы дымочекъ повѣваетъ;
Меня, молоду, горе разбираетъ.

Вятская губернія, Орловскій уѣздъ. Абрамычевъ, № 9.

509.

Ахъ, какъ въ нынѣшніе годы
Появились новыя моды:
Люди молоды—лукавы,
Съ измаленька лгать горазды.
Не видавши, много видятъ,
Не слыхавши много слышатъ.
Какъ сказали про дѣвицу
Небылую небылицу,
Будто я, красна дѣвица,
Семь ночей дома не сыпала,
Въ осьмую ночь не ночевала;
Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладкое вишенье щипала,
На бѣлое блюдо клала,
На серебряную тарелку,

Въ итальянскій платъ вязала,
Извощичка нанимала,
Извощичка молодаго,
Не женатаго, холостаго,
Ко милому другу отсылала,
Чтобы люди не видали,
Сосѣдушки не слыхали,
Родному батюшкѣ не сказали.
Родная тетушка спознала,
Родному батюшкѣ сказала.
Родной батюшка былъ грозенъ,
Родная матушка погрознѣе:
Посадили красную дѣвицу
Въ новую темную темницу.
Что у той ли темной темницы
Ни дверей нѣту, ни окошка,
Только трубочка дымовая.

Сухановъ, книжка I, стр. 47. Сходная пѣсня: Варенцовъ, стр. 238 (Самарская губернія).

510.

Вылетаетъ сизъ голубчикъ
Во деревню, во селенье;
Спрашиваетъ народу,
Онъ народу-молодежи:
Что наши, братцы, робята?
Залетѣлъ я во деревню, во селенье;
Залетѣлъ я въ теремъ:
Въ этомъ теремѣ ни щелей, ни просвѣту,
Ни дверей, ни окошекъ,
Одна печка тепловая, труба дымовая.
Изъ трубы-то дымъ-отъ вытягаетъ,
Травку разстилаетъ....

Вятскій уѣздъ. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ, стр. 380.

511.

Ты гуляй-ка, гуляй, голубочекъ,
Мой разсизенькій гуляй воркуночекъ!
Не летай-ка, гуленька, въ садочекъ,
Ты не пой-ка, гуля, въ саду пѣсенъ!
Мнѣ безъ пѣсенъ, дѣвочкѣ, тошно,
Пособить-то горюшку не можно....
Какъ бы мнѣ, дѣвочкѣ, прежня воля,
Прежня воля, сизы крылья,
Я могла бы съ горя улетѣти....

Ярославская губернія, Пошехонскій уѣздъ. Ярославскія Губернскія Вѣдомости 1870 года, № 24.

512.

Охъ ты, волюшка, наша воля, воля дорогая,
Наша волюшка была дорогая, дѣвка молодая!
Съ-по саду дѣвушка гуляла, красоту стеряла,
Красоту стеряла, вишенье щипала;
Дѣвка вишенье ли да щипала, яблочки ломала,
Дѣвка яблочки ломала, травоньку въ саду примяла,
Подъ стражу она попала.
Скучно дѣвкѣ, скучно красной подъ стражей сидѣти;
Поскучнѣе красавицѣ въ окошко смотрѣти.
Мимо моего окошечка пролегла путь-дорожка;
Что съ-по этой съ-по дорожкѣ много людей идутъ-ѣдутъ,
Все купцы ѣдутъ, бояра, господа, мѣщана;
Позади идутъ поляки—питерски бурлаки;
И еще молоды идутъ ребята.

Моего ли дружка Ванюши, его здѣсе нѣту:
Милъ гуляетъ Ванюша во садочкѣ со купецкой дочкой,
Милъ гуляетъ за рѣкою, за быстрой Невою.

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 18 («продольная»).

513.

Ужъ ты, воля моя, воля, воля дорогая,
Воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по саду гуляла, красоту теряла,
Красоту теряла, въ острогъ жить попала.
Тошно-грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ сидѣти,
А еще того тошнѣе въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка много идутъ-ѣдутъ;
А моего дружка Ванюши, его здѣсе нѣту.
За рѣкою за быстрою, тамъ Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ закупаетъ,
Что товаръ онъ закупаетъ купеческой дочкѣ.
Ужъ и то-то мнѣ досадно: хошь была бы лучше!
Нешто тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе, что брови чернѣе!

Филиппов, № 12. Очень сходныя пѣсни: Якушкинъ, стр. 580;— Вильбоа, № 19 (безъ послѣднихъ стиховъ).

514.

Охъ ты, воля моя, воля, воля дорогая,
Ты, воля дорогая, дѣвка молодая!
Во Москвѣ дѣвка гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ неволю попала.

Скучно-грустно красной дѣвкѣ въ неволѣ сидѣти,
Въ неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ мой миленькій ѣдетъ....

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 579.

515.

Трава моя, трава,
Безъ поры-то трава, безо время стала трава сохнуть;
Безъ причины мой милой Ванюша въ иную влюбился,
Въ иную влюбился, самъ воли лишился.

Охъ ты, воля моя, воля, воля дорогая!
Я со этой со воли, дѣвушка, гуляла,
Въ острожекъ попала.
Скучно-грустно мнѣ, красной дѣвушкѣ, въ острогѣ сидѣти;
Мнѣ еще было скучнѣе въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка пролегла дорожка;
По этой по дорожкѣ многи люди ѣздятъ.
Моего дружка Ванюши, его здѣсе нѣту,
Нѣту, нѣту, знать, дружка не будетъ....

Вятская губернія. Колосовъ, стр. 237.

516.

Безъ поры, безъ время стала трава сохнуть,
Сохнуть, вянуть.
Она сохнетъ, вянетъ, росту не даваетъ.
У молодца сердце запываетъ:
Увъ иную влюбился, воли лишился.

Ужъ ты, воля, ты, моя воля, воля дорогая,
Дѣвка молодая!
По саду гуляла, красоту теряла,
Калину ломала, у пуки вязала,
Корабль нагружала, въ Москву отправляла.
По Москвѣ гуляла, товаръ закупала;
Денегъ не достало,—
Украла платочекъ, попала въ острожекъ.
Мимо этого острожка лежала дорожка.
По этой дорожкѣ ни ходятъ, ни ѣздятъ;
Только ходятъ-проѣзжаютъ купцы да дворяне,
Щигровски мѣщане.

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 5 («протяжная»).

517.

Ахъ ты, воля моя, воля,
Охъ, воля дорогая,
Воля дорогая!
Дѣвки молодыя,
Охъ, дѣвки вишенье щипали,
Въ платочекъ вязали,
Въ Москву отсылали,
Въ Москвѣ продавали;
Платочекъ украли,
Въ острожекъ попали.
Охъ, скучно-грустно красной дѣвкѣ
Въ острогѣ сидѣти.
Мимо этого острога
Большая дорога.
Охъ, что по этой по дорожкѣ
Много идутъ-ѣдутъ.
Охъ, только не идетъ, не ѣдетъ

Одинъ воръ Ванюшка.
Эхъ, за рѣкой Ваня гуляетъ,
За быстрой качаетъ....

Тверская губернія, Зубцовъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, стр. 30. Нѣкоторые стихи повторяются.

518.

Роща моя, роща, роща зеленая,
Роща зеленая, воля дорогая!
Отчего же ты, роща, завяла?
—Я завяла отъ краснаго солнца.—
—Отчего же, роща, листики опали?
—Листики опали отъ буйнаго вѣтра.—
—Отчего же ты, роща, засохла?
—Я засохла отъ большихъ морововъ.

Ужъ ты, роща зеленая, воля дорогая,
Воля дорогая, дѣвка молодая!
По лѣсамъ дѣвка гуляла, красоту теряла;
Красоты у дѣвушки не стало, въ острогъ жить попала.
Какъ въ острогѣ сидѣть тошно, у окошка грустно....

Тамбовская губернія. Аристовъ, Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ, Воронежъ, 1875 года, стр. 157.

519.

Ужъ ты, веснушка, наша весна!
Ты не въ радости, весна, прошла,
Не въ радости, весна, не въ честѣ,
Во великой-большой сухотѣ!

Ужъ ты, садъ ли, мой садокъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего ты, садикъ, весь посохъ?
Въ саду Ванюшка-Ваня гулялъ,
Всее травоньку Ваня примялъ,
Алы цвѣтики всѣ Ваня перервалъ,
Во тюрьму Ваня попалъ.
Во тюремушкѣ Ваня сидѣлъ,
Самъ въ окошечко глядѣлъ,
На добра коня смотрѣлъ,
Съ конемъ рѣчи говорилъ:
«Ужъ ты, конь ли мой, конекъ,
Конь, добра лошадь моя!
Что не вывезешь меня
Съ бѣлой каменной тюрьмы?»

Самарская губернія, Бузулукскій уѣздъ. Варенцовъ, стр. 234.

520.

Ужъ ты, веснушка-весна,
Весна красная моя!
Что не въ радости прошла,
Не въ радости, не въ гульбѣ,
Во великой сухотѣ?
Ужъ ты, садъ ли, ты, мой садъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, посохъ,
Отчего, садикъ, повялъ?
Въ саду Ванюшка гулялъ,
Красну дѣвицу терялъ,
Самъ въ побѣдушку попалъ,
Во бѣду, во нужду—
Во бѣлокаменну тюрьму.

Въ тюрьмѣ Ванюшка сидитъ,
Самъ въ окошечко глядитъ,
На своего добра коня,
Коня воронаго;
На коня Ваня глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужъ ты, конь ли мой, конекъ,
Конь, добра лошадь моя!
Что не выведешь меня
Изъ неволи, молодца,
Изъ неволи, изъ нужды—
Бѣлокаменной тюрьмы?»
Идетъ солнце на восходъ,
Ведутъ Ванюшку на сходъ.
Напередъ его идетъ
Палачъ Митька со плетьми;
Позади его идетъ
Жена съ малыми дѣтьми,
Заливается слезми.
Положили Ваню сѣчь;
Рубашечку сняли съ плечъ;
Ударили по спинѣ,—
Возмолился мужъ же́нѣ:
«Ужъ ты, женушка-жена,
Ты, умильная моя!
Чѣмъ дарила палача?»—
—«Я дарила палача
Что ни лучшіимъ конемъ,
Персидскіимъ кушакомъ,
Со головушки платкомъ,
Съ руки перстнемъ золотымъ.»
Красно солнце на закатъ,
Ведутъ Ванюшку назадъ.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 66.

521.

Садъ ли мой, садочекъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, повялъ?
Въ саду молодецъ гулялъ,
На добра коня взиралъ:
«Ой ты, конь ли мой, конекъ,
Конь, добра лошадь моя!
Что не выручишь меня
Изъ неволи, изъ нужды—
Изъ острогу, изъ тюрьмы?»
Тюрьма крѣпко строена:
Безъ окошекъ, безъ дверей,
Безъ протесу и нѣтъ щелей.
Солнце, солнце на восходѣ;
Повели Ваню въ походъ.
Напередъ идетъ палачъ;
За палачемъ идетъ Иванъ;
За Иваномъ-то жена.
Иванъ женѣ говорилъ:
«Ой ты, женушка-жена,
Жена милая моя,
Чѣмъ дарила палача?»—
—«Я дарила палача:
На рубашку—кумача,
На панталоны—холстеца....»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 192.

522.

Соловушекъ лѣсной,
Ты не пой рано весной!
Намъ нынѣшня весна,

Намъ въ нерадости пришла,
Не въ корысти прибыла!
Ужъ ты, садикъ, ты, мой садъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, повялъ?
Въ саду Ванюшка гулялъ,
Всее травоньку примялъ,
Всю шелкову притопталъ.
Съ коня Ваня слѣзалъ,
Коня къ кусту привязалъ,
Въ карманъ ручки опущалъ,
Чернильницу вынималъ,
Чернильницу вынималъ
Со павлинымъ перомъ,
Съ лебединымъ крыломъ.
Записочку написалъ,
Къ сударушкѣ отослалъ:
«Сударыня, жизнь моя,
Скучно жить мнѣ безъ тебя!»
Красно солнце на восходѣ;
Ведутъ Ванюшку на сходъ.
Красно солнце на полдняхъ;
Сѣкутъ Ваню на дровняхъ.
Красно солнце на закатѣ;
Ведутъ Ваню въ казаматъ.
Напередъ идетъ маіоръ;
За маіоромъ-то Иванъ;
За Иваномъ-то жена.
«Жена, барыня моя,
Чѣмъ дарила палача?»—
—«Съ руки перстень золотой,
Со головушки вѣнокъ,
Съ бѣлой шееньки платокъ.»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 52 («обыденная»).

523.

Ты, весна моя, весна,
Весна красная моя,
Ахъ, ты не въ радости прошла,
Не въ радости, не въ гульбѣ,
Все въ великой сухотѣ!
Отчего сердце болитъ?
Болитъ сердце по саду.
Отчего садикъ посохъ?
Въ саду милъ дружокъ гулялъ,
На своемъ добромъ конѣ,
Во черкасскомъ во сѣдлѣ,
Серебряны стремена,
Золота нова узда,
Шелковые повода....
Идетъ солнце на восходъ;
Ведутъ Ванюшку на сходъ....

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 119 («семейная, протяжная»). Кромѣ перваго и послѣдняго, каждый стихъ повторяется.

524.

Охъ ты, веснушка-весна,
Весна, барыня моя,
Что не въ радости пришла,
Не въ радости, не въ чести,
Во великой сухотѣ?
Охъ ты, садъ ли мой, садикъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, повялъ?

Въ саду молодецъ гулялъ,
Тяжеленько вздыхалъ....

Тяжелѣе того дѣвка плакала,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,—
По своемъ дружкѣ по Иванушкѣ.
У Иванушки лицо бѣлое,
Лицо бѣлое, все румяное,
Все румяное, кудри русыя,
На русыхъ кудряхъ шляпа новая,
Шляпа новая со бархаткою....

Терещенко, часть VI. стр. 189.

525.

Жаворонокъ молодой,
Ты воспой-ка, воспой, на проталинкѣ воспой весной!
Воскокуй - ка, возгорюй, кокушечка, въ зеленомъ саду,
Воспотѣшь-ка, воспотѣшь во неволѣ меня, молодца!
Во такой въ большой неволѣ—въ темной темницѣ сидѣлъ, въ темной;
За двоимъ ли, за троимъ за желѣзнымъ сидѣлъ за дверьми;
Онъ журилъ-то, бранилъ, своего добраго бранилъ коня:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь, лошадь добрая, лошадь моя!
Ты зачѣмъ же, почто не вывезла меня, молодца, молодца?
Родной батюшка, не выкупилъ отецъ меня;
Родна матушка отцу денегъ не дала.
Заутро-то молодца, на наказанье ведутъ удальца.

Напередъ-отъ идетъ палачъ со кнутьми;
Позади-то идетъ полицейскій самъ судья;
По правую-то руку идетъ матушка съ слезми;
По лѣвую-то руку молода жена идетъ съ дѣтьми.

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 145 («семейная, протяжная»). Послѣдніе два или три слога каждаго стиха повторяются.

526.

Добры молодцы всѣ на волюшкѣ живуть,
Одинъ Ванюшка въ побѣдушкѣ сидитъ,
Въ каменной Ваня государевой Москвѣ,
Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
За желѣзными дверями,
За висячими замками.
Заутра Ваню къ наказаньицу ведутъ,
Къ наказаньицу—ко ременному кнуту,
Къ столбу крашеному, дубовому.
По праву руку отецъ съ матерью идутъ;
По лѣву руку молода жена съ дѣтьми,
Молода жена съ дѣтьми малыми;
Позади его православный весь народъ.
Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
«Ты сними съ меня шелковой поясъ,
Съ позолочеными на немъ ключиками,
Отопри, жена, окованъ сундукъ,
Ужъ ты вынь оттоль золотой казны,
Ты дари, жена, молодаго палача,
Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 235.

527.

Сидѣлъ воронъ на березѣ,
Свисталъ воинъ на войнѣ.
Пропадать тебѣ, мальчишка,
Въ чужой дальней сторонѣ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Прочь отъ родины бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Ты оставилъ мать старуху
И стараго старика.
Я тогда ихъ не кидалъ,
Какъ имѣлъ свой капиталъ;
Капиталъ свой промоталъ,
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю—
Въ бѣлый каменный острогъ.

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Прокунинъ, № 49 («протяжная»);—Альбрехтъ, № 31.

528.

Иркутскій—городъ славный,
На рѣкѣ стоитъ большой.
Тамъ живетъ народъ исправный,
Настоящій продувной.
Какъ бы сумочку отрѣзать,
Иль головку оторвать....
Извощички лихіе
Безъ копейки довезутъ,—
При послѣднемъ при разсчетѣ
Какъ бѣлочку оберутъ....

Намъ сказали про Алешу,
Что отцовскій домъ поджегъ.
Посадили Алешеньку
Въ новый каменный домокъ;
Посадили на недѣлю,
Просидѣлъ онъ круглый годъ:
Краснымъ дѣвкамъ недоходъ,
Калачамъ большой расходъ!
Требовали Алешеньку
На парадное крыльцо,
Къ начальнику на лицо.
Не успѣлъ онъ сказать слова,
Тутъ колясочка готова.
Посадили Алешеньку
Только задомъ напередъ....
И заплакалъ весь народъ:
«Пропадаетъ нашъ Алеша,
Пропадаетъ, голова!
Не за крестнаго отца,
Не за тестя подлеца,
Не изъ-за маменьки родной—
Изъ-за женушки молодой!»

Близъ Иркутска. Русская Старина 1890 года, № 11, стр. 487.

529.

Какъ сказали про мальчоночка:
Онъ отцовскій домъ поджегъ;
Посадили ли мальчоночка
Во саратовскій острогъ;
Посадили на недѣлю,
Просидѣлъ онъ круглый годъ.
Выводили мальчоночка

На паратное крыльцо,
Къ начальничку на лицо.
Не успѣлъ онъ сказать слова,
Ему троечка готова;
Сталъ на троечку садиться;
Солдатъ съ кучеромъ сидитъ.
Вотъ схватили, покатили
Во незнамое село
Исповѣдывать его,
Исповѣдывать, причащать,
Бѣлый саванъ надѣвать;
Бѣлый саванъ съ рукавами;
Къ столбу руки привязали;
Руженца заряжали.
«Вы не бейте меня въ грудь,
Попадайте во лицо!
Черезъ кого жъ я пропадаю?
Черезъ роднаго отца,
Черезъ тестя подлеца,
Черезъ мачеху лихую,
Черезъ жену молодую!»

Воронежская губернія, Бобровскій уѣздъ. Воронежскій Юбилейный Сборникъ, томъ I, стр. 614.

530.

Не въ Москвѣ, не за Москвою,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,
По срединѣ Божій храмъ.
Сидѣлъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воронъ не къ добру:
Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Въ чужой дальней сторонѣ!

Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Никого ты, мальчикъ, не спросился,
Кромѣ сердца своего;
На кого же ты покинулъ
Мать родную и отца?
Ужъ и некому мальчишку,
Меня было научить;
А теперича мальчишку,
Меня поздно научить!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ, —
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю—
Въ бѣлый каменный острогъ.
Хороша наша неволя,
Да кто знаетъ про нее?
Вамъ не видно за стѣною,
Каково мы здѣсь живемъ.
Богъ Творецъ, одинъ Онъ съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ!
Свѣтъ небесный во сіяньѣ,—
Барабаны зорю бьютъ.
Барабанъ зорю пробьетъ,—
Вундеръ двери отворяетъ,
Писарь съ требою идетъ.
Онъ по требованью кличетъ:
Намъ къ суду идти велятъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились себѣ.
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли....

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 562.

531.

Мы заочно, братцы, распростимся
Съ бѣлой каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
Мы не будемъ унывать:
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ея не видать.
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать.
Деревушка стоитъ къ пути близко,
На краю—Самаръ-кабакъ.
Цѣловальникъ—намъ знакомый,
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить—
Кандалы съ насъ поснимаетъ,
Можно будетъ намъ бѣжать.

Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Прежде пилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ.
Съ товарищами поводился,—
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не состало,—
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю—
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно;

Но кто знаетъ про нее?
Посадили насъ на недѣлю,—
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя мы за стѣнами
Не видали свѣтлый день;
Но небось, Господь Творецъ съ нами!
Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли;
Мы и тутъ зарю видали;
Мы и тутъ не пропадемъ!
Часты звѣзды потухали,
Заря бѣла занялась.
Какъ зоренька занялась,
Барабанъ зорю пробилъ.
Барабанушка пробивалъ,
Ключникъ двери отпиралъ.
Ключникъ двери отпираетъ,
Офицеръ съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ:
«Одѣвайтесь, ребятенки,
Въ свои сѣры чапаны,
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите съ верху въ низъ,
Говорите всѣ одну рѣчь!»
Что за шутова коляска
Проявилась въ городу?
Коней пару запрягаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ;
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу;
Сажаютъ бѣднаго мальчишку,
Меня задомъ напередъ;
Подвозили бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ,

Становитъ меня, бѣднаго мальчишку,
У траурнаго столба.
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ проститься.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Рубашенку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ.
Беретъ Ѳедька кнутья въ руки,
Закричалъ: «братъ, берегись!»
Онъ ударилъ въ первый разъ,—
Полились слезы изъ глазъ;
Онъ ударилъ другой разъ,—
Закричалъ я: помилуйте насъ!

Поволжье. Мордовцевъ, Самозванцы и понизовая вольница, томъ II, изданіе 1867 года, стр. 190.

532.

Приморила пташка рѣзвы крылышки,
Все по древецамъ летаючи;
Пріопнула пташка рѣзвый носикъ,
Все по щелочкамъ клевать.
Какъ я вспомню, бѣдненькій мальчишка,
Гдѣ я маленькій родился;
А еще воспомню, молодой мальчишка,
Съ кѣмъ гулялъ я, веселился,
Имѣлъ бѣлый хлѣбъ съ сытой;
А теперь я, мальчикъ, не имѣю
Чернаго хлѣба съ водою;

Имѣлъ себѣ постелюшку мягку,
Да имѣлъ еще перинушку пуховую;
А теперь я, мальчикъ, не имѣю
Ничего, кромѣ худой рогоженки....
Ожидаю себѣ, мальчикъ, перемѣны,
Отъ Вышняго Отца гласу....
Да я вижу дѣвушекъ на волѣ,
А самъ сижу во неволѣ,
Въ такой, мальчикъ, во неволѣ—
Въ полковомъ каменномъ острогѣ;
Перетеръ я свои рѣзвы ножки,
Желѣзными я кандалами;
Перетеръ я свои бѣлы ручки
Булатными наручниками....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, выпускъ XV, стр. 267.

533.

Скучно-тошно сидѣть рыбинкѣ во сѣткѣ,
Тошно пташечкѣ во клѣткѣ:
Видитъ бѣдная клѣтку очень рѣдку,
Да избавиться не можетъ.
Крылья-перья бѣдна всѣ обсѣкла,
По клѣточкѣ летавши;
Вострый носикъ притупила,
Все по щелочкамъ клевавши.
Пріобтеръ я рѣзвы ноги
Желѣзными кандалами,
Пріобсѣкъ я бѣлы руки
Аглицкими нарушнями;
Проглядѣлъ я ясны очи
Сквозь желѣзную рѣшетку.
Погляжу я, бѣдненькій, подоле:

Ходитъ милая на волѣ;
Одинъ я сижу въ неволѣ—
Въ Новѣгородѣ въ острогѣ.

Ярославская губернія. Ярославскія Губернскія Вѣдомости 1892 года, № 32.

534.

Когда я росъ, мальчикъ, свободный,
Не зналъ ни горя, ни нужды;
Родные всѣ меня любили,
Я росъ въ кругу родной семьи.
Они за то меня любили,
Что я потѣшный мальчикъ былъ.
Но баловство меня сгубило,
Я сбился съ праведной пути.
Въ одну несчастну я влюбился,—
Любовь на пагубу души.
Она клялась, что вѣрно любитъ,
Своей обманчивой душой;
А я, мальчишка, ей повѣрилъ.
Когда я весь ей отдался,
Черезъ несчастную дѣвочку
Въ темницу жить, мальчикъ, попалъ.
Знакомъ я былъ съ московскимъ замкомъ;
Въ немъ я три года престрадалъ.
Сижу вечернею порою;
Лампада тусклая горитъ,
А за рѣшеткою частою
У часоваго штыкъ блеститъ.
И я, мальчишка, изгулялся
И задумалъ убѣжать.
И припадалъ я на колѣни,

И сталъ святыихъ умолять.
Меня молитва оправдала:
Я изъ конвоя убѣжалъ.
Бѣжалъ я лѣсомъ, бѣжалъ темнымъ,
Меня скрывала темна ночь.
Я прибѣжалъ къ своей любезной
Со поблѣднѣвшіимъ лицомъ;
И мы лицо съ лицомъ спознались;
И гдѣ ни взялсь городовой....

Ярославская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1890 года, № 3, стр. 62.

535.

Вы, бродяги, вы, бродяги,
Безпашпортны молодцы!
Полно, полно вамъ, бродягамъ,
Свое горе горевать!
Наступаетъ зимушка-морозы;
Вы лишаетесь гульбы!
Гарнизонъ стоитъ въ порядкѣ,
Барабаны по концамъ.
Спереди на насъ грозятся,
Безъ пощады сзади бьютъ;
Плеча, спину настегаютъ,—
Въ гошпиталь насъ отведутъ,
На кроватушку кладутъ.
Здѣсь деревня близко къ лѣсу,
Она задомъ къ намъ стоитъ.
А во Давыдовой деревнѣ
Посередь стоитъ кабакъ.
Мы возьмемъ вина побольше,
Гарнизонныхъ напоимъ....

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 178 («арестантская»).

536.

Пошла Дуня по воду,
Взяла ведра новыя,
Обручи кленовые.
Брошу ведра подъ гору:
Станьте, ведра, купчикомъ,
Коромысло—вьюнчикомъ,
Сама дѣвка—яблонью,
Яблонью кудрявою!

Кто бы закутилъ да замутилъ,
Кто бы съ ведромъ по пиво сходилъ,
Кто бы веселыхъ напоилъ?
Веселый нову пѣсенку сказалъ,
Нову пѣсню про Дунай про рѣку.
Дунай рѣчушка изъ озера течетъ,
Изъ озера изъ Астрахани,
Изъ другаго изъ Архангельскаго;
Внизъ по озеру гагарушка плыветъ,
Выше бережка головушку несетъ,
Выше лѣса крыльями взмахиваетъ,
На себя воду заплескиваетъ.

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1893 годъ, стр. 227 («плясовая»).

537.

Пойдемъ же мы, братцы,
Вдоль по улицѣ,
Пойдемъ, братцы, мы въ кабакъ;
Да мы сядемъ, сядемъ тамъ
Вдоль по лавочкѣ;

Да споемъ мы пѣсню, братцы,
Пѣсню новую!
Да и пусть нашъ хозяинъ
Догадается—
Поднесетъ намъ по рюмочкѣ
Сладкой водочки.
А мы выпьемъ, братцы, по рюмочкѣ
Сладкой водочки,
Да ужъ сыграемъ мы, братцы,
Пѣсню новую;
А ужъ какъ выпьемъ по другой—
Зашумятъ головочки.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ XV, стр. 72.

538.

Да пойдемте мы, братцы, вдоль по улицѣ,
Да зайдемте мы, братцы, во царевъ кабачекъ,
Да и сядемъ мы, братцы, вдоль по лавочкѣ....
А онъ догадается;—
Поднесетъ ли намъ хозяинъ, а онъ да по рюмочкѣ,
Али да по рюмочкѣ, а все сладкой водочки!

Кубанская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, выпускъ III, стр. 79.

539.

Скоморохъ ходитъ по улицѣ,
Скоморохъ ходитъ по широкой.
Онъ и плачетъ, возрыдаючи,

Свою участь проклинаючи:
«Ужъ ты, участь, ты, участь моя,
Разнесчастная жизнь такова!»
Еще стукъ-стукъ подъ окошечко:
«Вы пустите скомороха ночевать,
Вы пустите молодаго ночевать!»....
Еще чей это неумный сынъ,
Еще чей неразумный сынъ:
Не пускаетъ скомороха ночевать,
Не пускаетъ молодаго ночевать!

. . . .
. . . .

Еще чья это неумная дочь,
Еще чья это неразумная дочь:
Не пускаетъ скомороха ночевать,
Не пускаетъ молодаго ночевать!

. . . .
. . . .

Еще чей это умный сынъ,
Еще чей это разумный сынъ,
Что пускаетъ скомороха ночевать,
Что пускаетъ молодаго ночевать!

. . . .
. . . .

Еще чья это умная дочь,
Еще чья это разумная дочь,
Что пустила скомороха ночевать,
Что пустила молодаго ночевать!

Казанская губернія. Можаровскій, стр. 58. Сходная пѣсня: Овсянниковъ, стр. 91 (Казань).

540.

Скоморохъ идетъ по улицѣ,
Молодой идетъ по широкой;
Онъ бьется-колотится,
Ночевать онъ просится:
«Ты, душа ли красна дѣвица,
Пусти скомороха ночевать,
Пусти молодаго постоять:
Скоморохи—люди вѣжливые,
Скоморохи—очестливые;
Скоморохъ-отъ—человѣкъ молодой,
Скоморохъ—не женатый, молодой.»

Пермская губернія, Шадринскій уѣздъ. Кокосовъ, стр. 409 («хороводная»).

541.

Въ стольномъ Новѣгородѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жилъ-былъ богатый гость,
А по имени Терентьище;
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзный тынъ;
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Ворота были вальящатыя,
Верси хрустальныя,
Подворотина рыбій зубъ.
Середи двора гридня стоитъ:
Покрыта сѣдыхъ бобровъ,

*

Потолокъ черныхъ соболей,
А и матица тавалженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная;
А на середѣ кроватка стоитъ,
Да кровать слоновыхъ костей;
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентьище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окованъ сундукъ,
Вынимай денегъ сто рублевъ;
Ты поди, дохтуровъ добывай,
Волхи-то спрашивати.»
А въ та поры Терентьище,
Онъ жены своей слушался,
И жену-то во любви держалъ;
Онъ взялъ золоты ея ключи,
Отмыкалъ окованъ сундукъ,
Вынималъ денегъ сто рублевъ
И пошелъ дохтуровъ добывать.

Онъ будетъ, Терентьище,
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова;
Въ стрѣчу Терентьищу
Веселые скоморохи.
Скоморохи—люди вѣжливые,
Скоморохи—очестливые;
Объ ручку Терентью челомъ:
«Ты здравствуй, богатый гость,
И по имени Терентьище!
Доселѣва те слыхомъ не слыхать,
И доселѣва видомъ не видать;
А и нонѣ ты, Терентьище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая.»
А и на то-то онъ не сердится;
Говоритъ имъ Терентьище:
«А и вы гой, скоморохи молодцы!
Что не самъ я, Терентій, зашелъ,
И не конь-то богатаго завезъ,
Завела нужда-бѣдность....
У меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
А кто бы-де недугамъ пособилъ,
Кто недуги бы прочь отгонилъ

Отъ моей молодой жены,
Отъ Авдотьи Ивановны,
Тому дамъ денегъ сто рублевъ—
Безъ единыя денежки.»
Веселые молодцы догадалися,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усмѣхнулися:
«А и ты гой еси, Терентьище,
Ты намъ что за труды заплатишь?»—
—«Вотъ вамъ даю сто рублевъ.»
Повели его, Терентьища,
По славному Новугороду;
Завели его Терентьища
Во тотъ во темный рядъ,
А купили шелковый мѣхъ:
Дали два гроша мѣшокъ;
Пошли они во червленый рядъ,
Да купили червленый вязъ,
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налита;
Дали за нее десять алтынъ.
Посадили Терентьища
Во тотъ шелковый мѣхъ.
Мѣхоноша за плеча взялъ.
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
Въ окошечко выглянула:
«А и вы гой еси, веселые молодцы!
Вы къ чему на дворъ идете,
Что хозяина въ домѣ нѣтъ?»
Говорятъ веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А и мы тебѣ челобитье несемъ

Отъ гостя богатаго,
И по имени Терентьища.»
И она спохватилася за то:
«А и вы гой еси, веселые молодцы,
Гдѣ его видѣли,
А гдѣ про его слышали?»
Отвѣчають веселые молодцы:
«Мы его слышали,
Сами доподлинно видѣли
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова:
Голова по себѣ его лежитъ
И вороны въ . . . . клюютъ.»
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые скоморохи!
Вы подите во свѣтлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы,
И пропойте-ка пѣсенку,
Про гостя богатаго,
Про стараго . . . . сына,
И по имени Терентьища:
Во дому бы его вѣкъ не видать!»
Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку:
«Слушай, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
А слушай, Терентій гость,
Что про тебя говорятъ!
Говоритъ молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентьища,

Про стараго . . . . сына:
Во дому бы тебя вѣкъ не видать!
Шевелись, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами!
Вставай-ка, Терентьище,
Лѣчить молодую жену!
Бери червленый вязъ,
Ты дубину ременчатую!
Походи-ка, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ
И по середѣ кирпищатой,
Ко занавѣсу бѣлому,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Ко перинѣ ко пуховыя;
А лѣчи-ка ты, Терентьище,
А лѣчи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну!»
Вставалъ же Терентьище,
Ухватилъ червленый вязъ,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налита;
Походилъ онъ, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ,
За занавѣсу бѣлую,
Ко кровати слоновыхъ костей.
Онъ сталъ молоду жену лѣчить
Авдотью Ивановну:
Шлыкъ съ головы у нея сшибъ.
Посмотритъ Терентьище
На кровать слоновыхъ костей,
На перину на пуховую,—
А недугъ-отъ пошевеливается
Подъ одѣяломъ соболиныемъ.
Онъ-то, Терентьище,
Недуга-то вонъ погналъ,

Что дубиною ременчатою;
А недугъ-отъ не путемъ—въ окошко скочилъ,
Чуть головы не сломилъ;
На корачкахъ ползаетъ,
Одва отъ окна отполозъ.
Онъ оставилъ, недужище,
Кафтанъ хрущатой камки,
Камзолъ баберековый,
А и денегъ пятьсотъ рублевъ.
Въ та поры Терентьище
Далъ еще веселымъ
Другое сто рублевъ,
За правду великую.

Кирша Даниловъ, № 2.

542.

Жилъ-былъ Терентій мужъ,
Жилъ-былъ Данильевичъ.
У него сдѣлалась невгода великая:
Сдѣлалась жена трудна-больня,
Трудна-больня, очень немочна,
И спустился недугъ въ буйну голову,
А съ буйной головы и до пупа,
А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
Говоритъ Терентью жена:
«Ай же ты, Терентій мужъ,
Ай же ты, Данильевичъ!
Поди, сходи на иной городъ,
Поищи молодыхъ скомороховъ,
Молодцевъ поученыихъ,
Чтобы меня, молоду, вылѣчили,
Чтобы меня, молоду, выпользовали!»

Пошелъ бѣдный Терентій мужъ,
Пошелъ бѣдный Данильевичъ
На чужу дальну сторону
Искать молодыхъ скомороховъ,
Молодцевъ поученыихъ.
Прошедши онъ Орѣховецъ,
А не дошедши до Антоновца,
На мосту на калиновомъ,
У креста Леванистова,
Стрѣтились молодые скоморохи,
Молодцы поученые;
И сами говорятъ таково слово:
«Здравствуй, Терентій мужъ,
Здравствуй, Данильевичъ!
Ты куда пошелъ,
Куда путь держишь?»—
—«А ей же вы, братцы,
Молодые скоморохи!
У меня сдѣлалась дома незгода великая:
Сдѣлалась жена трудна-больня,
Трудна-больня, очень немочна,
Спустился у ней недугъ въ буйну голову,
А съ буйной головы до пупа,
А отъ пупа до колѣнъ и далѣе.
А вы бы, добры молодцы,
Выпользовали и вылѣчили!»
Они говорятъ таково слово:
«Ай же ты, Терентій мужъ,
Ай же ты, Данильевичъ!
Сходи во холстинскій рядъ,
Купи холстинскій мѣхъ!»
Тутъ-то Терентій мужъ
Скоро скочилъ во холстинскій рядъ,
Купилъ холстинскій мѣхъ,
Приносилъ имъ холстинскій мѣхъ.

Взяли, посадили мужа Терентья
Во холстинскій мѣхъ;
Понесли Терентья мужа
Къ Терентьевой женѣ подъ окно.
Они просятся и колотятся:
«Ай ты, Терентьева жена!
Дома ль Терентій мужъ,
Дома ль Даниильевичъ?»
А Терентьева жена
Кидалась въ окошечко
Въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса:
«Здравствуйте, молодые скоморохи!
Не слыхали ли и не видали ли
Терентья мужа?»—
—«Ай же ты, Терентьева жена!
Нѣту Терентья мужа жива:
Лежитъ буйной головой во ракитовъ кустъ,
А рѣзвыми ножками во кувыль-травѣ;
Сквовь бѣло тѣло трава проросла
И цвѣты разцвѣли....
Ай же ты, Терентьева жена!
Пусти насъ въ свой высокъ теремъ
Въ гуселки поиграть,
Станемъ Терентья поминать!»
Говоритъ Терентьева жена:
—«Ай же вы, молодые скоморохи,
Молодцы поученые!
Подьте во высокъ теремъ
И играйте во гуселышка,
Поминайте Терентьюшка!»
Тутъ молодцы поученые
Скоро скочили во высокъ теремъ;
Они Богу помолилися,
На всѣ стороны поклонилися,
Терентьевой женѣ въ особину:

«Здравствуй, Терентьева жена!
Пусти въ гуселышка поиграть
И Терентья поминать!»
Говоритъ Терентьева жена:
«Играйте, молодцы поученые,
Во гуселышка яровчаты
И поминайте Терентья постылаго,
Постылаго Терентья и супостатаго!»
Они стали во гуселышка поигрывать
И къ мѣшку приговаривать:
«Слышишь ли, холстинскій мѣхъ?
Тебя не позаочь бранятъ,
А въ очи говорятъ!»
Тутъ Терентій мужъ
Выскочилъ съ мѣшка холстинскаго
И хватилъ гирю безмѣнную,
Сталъ молоду жену окладывать
И недуговъ выправливать.
На кровати тесовыя,
На перинѣ пуховыя
Лежитъ молодецъ въ рубахѣ красныя;
Зачалъ Терентій мужъ
Дѣтину безмѣнной гирей окладывать
И недуговъ выправливать.

Олонецкая губернія, Пудожскій уѣздъ. Рыбниковъ, томъ III, стр. 251.

543.

Ой, ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ ты, богатъ человѣкъ!
У тебя дескать жена молода
Оленушка Клементьевна,

Клементьевна-Дементьевна.
Ее съ вечера недуги берутъ,
Къ полуночи ее немочь бьетъ,
Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясетъ:
Немочь то—черная,
Лихорадка—красная,
Пухота, подживотна скорбь.
Тутъ возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Ой, ты гой еси, Терентій гость,
Ты славенъ, богатъ человѣкъ!
Что ты мастеровъ не спрашиваешь,
Подмастерьевъ не допытываешь?»
Туто Терентій гость
Встаетъ по утру ранехонько,
Обувается гладехонько,
Умывается бѣлехонько,
Надѣваетъ шубу новую;
Онъ пошелъ по Новугороду,
Онъ сталъ противо креста,
Проти креста, противъ чуднаго,
Проти чудна Остафейскаго.
На встрѣчу ему скоморохи.
Скоморохи—люди вѣжливые,
Люди вѣжливы, очестливые;
Они взглянутся,—улыбнутся,
А отвернутся,—разсмѣхнутся.
Тутъ возговоритъ Терентій гость:
«Ой, вы гой еси, скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы, очестливые!
Вы много по землѣ ходоки,
Вы много всѣмъ скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживате,
А недуги уговаривате!

У меня, братцы, жена скорбна,
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Дементьевна;
Ее съ вечера недуги берутъ,
Въ полуночь черна немочь бьетъ,
Къ бѣлой зарѣ лихорадка трясетъ.»
Инъ туто скоморохи
Взглянутся,—улыбнутся,
Отвернутся,—разсмѣхнутся:
«Ой, ты гой еси, Терентій гость,
Славенъ, богатъ человѣкъ!
Ты поди-ка во холщевый рядъ,
Купи холщевый мѣхъ,
Ты не дорого—три денежки дай,
А мочалище—полденежки:
Стало, безъ полушки грошъ.
Садися въ холщевый мѣхъ!»
Пошли они къ Терентью старому,
Къ Оленушкѣ Клементьевнѣ,
Клементьевнѣ-Дементьевнѣ.
Встрѣчаетъ ихъ молода жена
Оленушка Клементьевна:
«Ой, вы гой еси, скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливые, очестливые!
Не видали ли немилаго моего
Терентья стараго,
Терентья богатаго?»
И тутъ скоморохи
Взглянутся,—улыбнутся,
А отвернутся,—разсмѣхнутся:
«Мы видѣли немилаго твоего
Терентья стараго
Противъ креста, проти чуднаго,
Проти чудна Остафейскаго:

Его вороны потаскиваютъ,
Черны кобели поволакиваютъ!»
Возговоритъ жена молода
Оленушка Клементьевна:
«Избыла-де я немилаго своего
Терентья стараго,
Терентья богатаго,
Нажила я свою волюшку!»
Тутъ возговорятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы, очестливые:
«Ты слышишь ли, мѣшокъ,
Ты слышишь ли, холщевъ,
Что про тебя говорятъ,
Про твою буйну головушку?»
Онъ сталъ въ мѣшкѣ потягиваться,
Сталъ поволакиваться;
Холстинушка разорвалась,
А мочалище порвалось.
Встаетъ тутъ Терентій гость
На свои на рѣзвы ноги,
Онъ беретъ трость жимолостну,
Половина свинцу налита;
Онъ сталъ скорби ухаживати,
Сталъ недуги уговаривати.
Тутъ возговорятъ скоморохи,
Скоморохи, люди вѣжливые,
Люди вѣжливы, очестливые:
«Ой, ты гой еси, Терентій гость!
Ты самъ скорби ухаживаешь,
А недуги уговариваешь!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, выпускъ VII, стр. 48.

544.

Веселые-то по улицѣ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой веселы разговариваютъ:
«Да гдѣ же веселымъ будетъ спать ночевать?
Мы ночуемъ у старой бабы во келейкѣ!»
У старой бабы во келейкѣ бесѣдушка была.
Промежду собой старухи разговаривали:
«У кого денегъ полтина, у кого двѣ-три,—
У меня ли, у старой бабы, четыреста рублевъ,
Въ подпольѣ на полкѣ въ кубышкѣ лежатъ.»
Веселые-то ребята злы-догадливые:
Ай, одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать;
А третій веселый будто спать захотѣлъ;
Онъ и руку протянулъ
И кубышечку стянулъ.
«Пойдемте-тка, ребята, подъ ракитовъ частый кустъ,
Станемъ денежки дѣлить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи, баба, подоле,
Ты копи денегъ поболе!
И мы твой дворъ знаемъ, опять зайдемъ;
Мы кубышку твою знаемъ, опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,—и дворъ сожжемъ!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 203.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 142.

545.

Веселые по улочкѣ похаживали,
Гусельцы, волынки понашивали.
Попросились у бабушки-старушки ночевать:

«Бабушка-старушка, пусти насъ ночевать,
Гудковъ посушить, да струнокъ посучить!»
Бабушка-старушка радешенька—
Отворяла ворота широкошенько,
Пускала веселыихъ веселешенько.
Какъ у бабушки посижанушки,
Посижанушки красны дѣвушки.
Какъ тутъ веселые порасхвастовались:
У кого есть полтинка, у кого есть рубелекъ;
У кого есть рубелекъ, подавай намъ на гудокъ!
Не нашли своей родной матушки....
Изъ куницъ шуба лежитъ на грядочкѣ;
Бабушка-старушка на печи въ углу сидитъ,
Черезъ грядочку глядитъ, таку рѣчь говоритъ:
«У меня ли, у старушки, есть четыреста рублей,
Во кубышечкѣ лежатъ, въ подпольицѣ стоятъ.»
Первый веселый сталъ въ гуселечки играть,
Другой веселый подъ гуселечки плясать,
Третій веселый половницу подымать,
Кубышечку выставлять.
«Ну, пойдемъ, братцы-ребята, подъ ракитовъ кустъ,
Станемъ денежки дѣлить, будемъ бабушку хвалить:
Бабушка Ѳедора, проживи, радость, подоле,
Покопи денегъ поболе!
Мы твой домъ найдемъ,—опять зайдемъ;
Какъ тебя дома застанемъ, такъ тебя убьемъ;
Тебя дома не застанемъ, такъ твой домъ сожжемъ!»

Новгородская губернія. Новгородскія Губернскія Вѣдомости 1876 года, № 37.

546.

Ужъ вы, глупые крестьяне,
Неразумны мужики:
Еще бабья-то рубаха

Не тотъ же ли мѣшокъ?
Рукава-то завяжи,
Да что хошь положи!...

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выпускъ VI, стр. 61.

547.

Тамъ за рѣчкой, за переваломъ,
Тамъ цыгане, пьютъ они, гуляютъ.
Одинъ цыганъ не пьетъ, не гуляетъ;
На цыганку скоса поглядаетъ:
«Ты, цыганка, ты, моя шарманка!
Ты бери-ка ключи золотые,
Отпирай-ка сундуки большіе....

Вятская губернія, Яранскій уѣздъ. Абрамычевъ, № 39 («плясовая»). Каждый стихъ повторяется; затѣмъ припѣвъ: Гай-люли, гай-люли. съ повтореніемъ второй половины стиха.

548.

Во Москвѣ Миша въ прилавкѣ
Не послѣдній былъ ворокъ.
Отломилъ замокъ отъ лавки,—
Сталъ кофейный мастерокъ.
Мишѣ дѣвки говорили:
«Полно, Мишенька, шалить,
Полно, Мишенька, шалить,
Перестань къ дѣвкамъ ходить!
Побалуешь-поживешь,—
Во солдаты попадешь!»—
«Вотъ я грамотѣ умѣю,

Я и тамъ не пропаду:
Черезъ три я года въ службѣ
Въ офицеры попаду!»
Изъ Москвы въ Питеръ пріѣхалъ
По особеннымъ дѣламъ.
Шелъ по Невскому проспекту,
Самъ перчаткой разсуждалъ:
Что за чудная столица,
Развеселый Петербургъ!
Всю Россію изошелъ,
Веселѣе не нашелъ!
Здѣсь есть дамочки отличны,
Извощички лихачи;
Если хочешь прокатиться,
Изволь, душенька, садиться!
Съ собой Катеньку возьму,
За Калиновъ мостъ качну.
За Калиновымъ мосточкомъ
Есть питейные дома,
Есть питейные дома,
Половые мастера,
Половые молодые,
Ребятушки щеголя:
Безъ подошевъ сапоги,
Верхи смазаные,
Верхи смазаные,
Кудри завитыя;
Завивали для того,
Чтобы всякъ любилъ его....

Костромская губернія, Галичскій уѣздъ. Лаговскій, стр. 6 («посидѣлочная»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Люли, люли, люли, съ повтореніемъ втораго стиха.

549.

Изъ Москвы купецъ пріѣхалъ,
Онъ по важныимъ дѣламъ.
Шелъ по Невскому пришпехту,
Самъ перчаткой разсуждалъ:
Что за дивная столица
Славный городъ Петербургъ!
Испроѣздя всю Россію,
Веселѣе не нашелъ!
Тамъ трактировъ, погребовъ
И кофейныихъ домовъ,
Тамъ такихъ красотокъ много,
Будто розовый цвѣтокъ.
Привези хоть сорокъ тысячъ,
Всѣ въ недѣлю проживешь!
Если хочешь разгуляться,
Возьми денежекъ съ собой;
Если хочешь промотаться,
Возьми Леленьку съ собой!
Леля знаетъ всѣ порядки,
Куда денежки дѣвать;
Ямщичку ли заплатить,
Аль трактирщику отдать.
А къ буфету подведетъ,
Тутъ и шляпу приберетъ.
Ты ступай, купецъ, проспись,
По утру опять явись!
По утру купецъ встаетъ,
Счеты въ руки онъ беретъ.
А на ту пору жена,
Она къ смерти суждена.
«Что ты, миленькій, не веселъ?

Али денегъ гроша нѣтъ?»—
—Отойди ты, шельма, прочь!
Говорить съ тобой не въ мочь!
А прикащики глядятъ:
А намъ нечего зѣвать!
Что есть въ лавкѣ посходнѣй,
Прибирайте поскорѣй!
Пусту лавку на замокъ,
А хозяина въ острогъ.
Какъ посадятъ на недѣлю,
Просидитъ онъ цѣлый годъ.
Если некому стараться,
Вмѣсто крысы пропадетъ.

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 256. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ахъ-ли, ахъ-люли.

550.

Я такой былъ раскрасавчикъ,
Самъ на фабричкахъ живалъ,
Разный ситецъ набивалъ;
Получалъ денегъ не мало—
Сотъ на восемь рублей въ годъ;
И того мнѣ не хватало
Шестьдесятъ рублей въ оброкъ.
Я съ хозяиномъ расчелся,
Ничего мнѣ не пришлось.
Изъ конторы вонъ пошелъ,
Кулакомъ слезы утеръ.
Какъ утерши горьки слезы,
Отправлялся въ дальній путь.
Всю дороженьку проѣхалъ,
Объ расчетѣ тосковалъ:
Куды денежки дѣвалъ,

Куды гривна, куда рубль,
Куды два съ полтиною.
А пріѣхалъ я домой,
Весь оборванный, худой,
Словно жуликъ площадной....
«Поживи-ка ты въ деревнѣ,
Похлебай-ка сѣрыхъ щей,
Поноси худыхъ лаптей!...»

Рязанская губернія, Касимовскій уѣздъ. Будде, № 21 («плясовая»).

551.

Я съ хозяиномъ расчелся,
Въ путь-дороженьку собрался.
Всю дороженьку проѣхалъ,
Объ расчетѣ тосковалъ;
Куда денежки дѣвалъ,
Всѣ па счеты просчиталъ.
Черезъ девять денъ въ десятый
Во деревню жить пришелъ.
Я пріѣхалъ оборванный,
Всякъ смѣется надо мной.
Сталъ я правдой оправдаться,
Но въ три голоса кричатъ:
«Невозможно тому вѣрить,
Чтобы денегъ не нажить!
Во Самарѣ денегъ много,
Только даромъ не даютъ!
Погребковъ, трактировъ много,
Точно кормятъ на убой,
Точно кормятъ на убой,
Чаемъ голову хоть мой!
Поживи-ка ты въ деревнѣ,

Похлебай-ка сѣрыхъ щей,
Похлебай-ка сѣрыхъ щей,
Поломай-ка въ лѣсу лыкъ!»
Мнѣ наскучило въ деревнѣ,
Въ Петербургъ проситься сталъ.
«Вы пустите меня въ Питеръ,
Я не буду баловать,
Я не буду баловать,
Стану деньги наживать;
Когда гривенка случится,—
Въ сундучекъ ее запру;
А цѣлковый заведется,—
Я къ сударушкѣ снесу!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 251.

552.

Лѣтъ семнадцати мальчишка
Вздумалъ въ Питерѣ пожить.
Въ Питенбургѣ денегъ много,—
Только даромъ не даютъ!
Не проживши года три,
Что пришлось домой идти.
Я въ деревню жить поѣду,
Только бъ деньги получить.
Я съ хозяиномъ расчелся;
Не пришлося ни гроша!
Кулакомъ слезы отеръ,
Полетѣлъ я въ дальній путь.
Всю дороженьку проѣхалъ,
Объ расчетѣ проскучалъ;
Девять дней я во десятый
Во деревню жить попалъ.

Я пріѣхалъ оборвавши,
Всякъ смѣется надо мной:
«Не можно тому повѣрить,
Чтобы денегъ не привезъ!
Въ Питенбургѣ денегъ много,—
Только даромъ не даютъ!
Погребковъ, трактировъ много,—
Чаемъ голову хошь мой!
Поживи у насъ въ деревнѣ,
Похлебай-ка сѣрыхъ щей;
Поживи у насъ въ деревнѣ,
Поворочай въ лѣсѣ пней!»
Не проживши мальчикъ году,
Сталъ прошаться въ Питенбургъ:
«Въ Питенбургъ я жить поѣду,
Стану денежку копить;
Когда гривенка случится,—
Положу я въ сундучокъ;
Накоплю я денегъ много,—
Отнесу всѣ въ кабачокъ;
Половину прогуляемъ,
А другую проѣдимъ,
Что другую проѣдимъ,
И дѣвушкамъ дадимъ!»

Вологодскій уѣздъ Александровъ, стр. 172.—Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ай люли, ай люли, съ повтореніемъ втораго стиха.

553.

Близко, близко городочка,
Близь зеленаго садочка,
Близко зеленаго сада,
Близь города Ярославля,

Не далече отъ рѣки,
Початой слободы,
На прекрасѣ-красотѣ,
На высокой на горѣ,
На высокой на горѣ,
Стоялъ фабричекъ большой.
Во томъ фабричкѣ ребята—
Удалые молодцы,
Удалые, молодые,
Не женаты, холостые.
Собиралися ребята
Съ того фабрика гулять
На прекрасу-красоту,
На высокую гору;
Садилися по краю,
Близь зеленаго сада,
Близко зеленаго сада,
Близь города Ярославля;
Садилися, пѣсни пѣли,
Соловьямъ свистать велѣли:
«Соловьюшки, свищи!
Разгуляться къ вамъ пришли!»
Соловьюшки свистали,
Молодцовъ всѣхъ утѣшали.

Какъ у насъ было, ребята,
Въ Ярославлѣ городѣ,
Въ Ярославлѣ городѣ,
Во Толчковой слободѣ,
У солдатки у вдовы,
У солдатки у вдовы
Были дѣвки хороши,
Былъ Васильюшка сынокъ,
Ковры ткать мастерокъ;
Ковры точетъ-вытыкаетъ

И наборы набираетъ;
Онъ гораздъ письма писать,
Гораздъ грамотки читать.
При компаньѣ пребываетъ,
Самъ во скрипочку играетъ.
Заиграли на скрипицѣ
Для души красной дѣвицы,
Для школьныя, манерныя
Для Пашеньки вдовиной.
Говорила Пашѣ мать,
Уговаривалъ и братъ:
«Полно, Пашенька, уймись,
Съ молодцами не водись!
Доведутъ тебя ребята
До славушки до худой!»—
—«Хоть худой славы добиться,
А со всѣми поводиться!»

Пѣсенникъ 1791 года, часть III, стр. 33.

554.

Что на горочкѣ-горѣ,
На прекрасѣ такой,
На горѣ на высокой
Стоялъ фабрикъ новой.
Въ эвтомъ фабрику ребята
Холостые, не женаты.
Выходили молодцы
Съ того фабрика гулять
На прекрасу таку—
На гору на высоку.
Садилися по краю
Близъ зеленаго саду,

Близко зеленаго саду,
Близъ города Ярославу,
Что ко вдовкѣ-вдовѣ,
Побѣдной головѣ.
У вдовки, у вдовы
Были дѣти хороши:
Была дочь Катерина,
Былъ Иванушка сынокъ,
Сынъ, фабричный мастерокъ.
Онъ по фабрикѣ гуляетъ,
Всяки штуки работаетъ,
Наборы набираетъ.
Онъ по горницѣ гуляетъ,
Самъ во скрыпочку играетъ,
Душу Катю потѣшаетъ:
«Ужъ ты, Катя, Катерина,
Разноличная дѣвчина!»

Говорила Катѣ мать,
Уговаривалъ ю братъ:
«Полно, Катенька, уймись,
Съ фабричными не водись!
Фабричные молодые
Проведутъ славу худую.
Худа славушка есть,—
Тебѣ, Катенька, не честь,
Катерина, не хвала,
Что на перинѣ не спала,
Одѣяла не рвала,
Изголовья не мяла.»

Олонецкая губернія. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1868 года, № 29.

555.

Пошла Катенька гулять,—
Катю некому унять.
Унимаетъ Катю мать,
Уговариваетъ братъ:
«Полно, Катенька, щунись,
Съ коновными не водись!
Коновные удалые
Доведутъ славы худыя!»
Пошла Катенька гулять,
Тоску-горе развѣвать.
Поразсѣяла тоску
У Николы на песку.
Ты не сохни, не блекни,
Щепетою зарости!
Вырости-ка, елена,—
Въ полѣ травка зелена!
Журятъ дѣвицу, бранятъ,
За милаго бить хотятъ,
За милаго дорогаго,
За дѣтину холостаго....

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 131 («семейная, протяжная»). Каждые два стиха повторяются.

556.

Течетъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Во матушку во Москву,
Ко фабричному двору.

Ужъ фабричные ребята,—
Хоть малы, да удалы:
Они сукна ткутъ
На двѣнадцать рукъ.
Они сукна переткали,
На кафтаны перешили.
Намъ не дороги кафтаны,—
Были бъ денежки въ карманѣ!
Во полночь деньги гремятъ,
Во кабакъ идти гулять.
Мы приходимъ къ кабаку,
Да цѣловальникъ на боку.
«Цѣловальникъ, маркитантъ,
Отпирай новый кабакъ,
Отпирай кабакъ скорѣе,
Наливай меду полнѣе!»
Мы возьмемъ вина восьмуху,
Наберемъ.....духу;
Мы ударимъ шельму въ ухо,
Сами вонъ пойдемъ,
Мы на фабричекъ зайдемъ.
Мы на фабричкѣ живали,
Коломянку работали,
Много денегъ получали,
На кабакъ скоро ступали,
Полведра вина купили,
Ребятишекъ напоили.
Ребятишки сидятъ здѣся,
Они головы повѣся:
Опохмѣлиться хотятъ;
Опохмѣлки здѣся нѣту.
Веселое кричитъ здѣся:
«У насъ шуба нова еся.
Отдадимъ мы шубу въ дѣло,
Мы заложимъ въ кабакѣ

Да въ одномъ пятакѣ.»
Пятака намъ не даютъ,
Только въ шею задаютъ.

Холмогоры. Якушкинъ, стр. 632.

557.

Течетъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Ко фабричному двору.
Ужъ фабричны-то робята,
Хоть голы, да удалы,
Многомудренные.
Они ткутъ платки, салфетки
На разныя клѣтки;
Штофы вытыкали,
Синь-кафтаны вышивали.
На кафтанахъ-то карманы,
Чтобы денежки велись.
У нашихъ у ребятъ
Во полночь деньги гремятъ,
Во кабакъ идти велятъ.
«Цѣловальникъ, маркитантъ,
Принимай нашихъ ребятъ,
Бери денегъ, не жалѣй!
Наливай вина осьмуху,
Наберемся того духу!»

Ярославская губернія. Ярославскія Губернскія Вѣдомости 1892 года, № 32.

558.

Течетъ рѣчка по песку,
Да подъ самую Москву,
Да подъ самую Москву,
Ко фабричному двору,
Къ намъ!
Какъ фабричные ребята,
Право, мудреные,
Право, мудреные,
Принапудреные,
Мы!
Какъ у насъ платки, салфетки,
Все намѣченыя клѣтки.
Ужъ мы сукна переткали
И кафтаны перешивали,
Шили!
Намъ не дороги кафтаны,
Были бъ денежки въ карманѣ
У насъ!
У насъ денежки гремятъ,
Во кабакъ идти велятъ
Намъ!
Мы подходимъ къ кабаку,—
Цѣловальникъ на боку:
Спитъ!
Понабрамшися мы духу,
Цѣловальника по уху
Разъ!
Цѣловальника по уху:
Не люби нашу Настюху!
Два!

«За что бьете вы Павлуху?
Не любилъ вашу Настюху!»—
—Врешь!

Московскій уѣздъ. Прокунинъ, № 47. Нѣкоторыя двустишія повторяются.

559.

Ой, да течетъ рѣчка-рѣчка по песку
Во всю матушку Москву,
Во всю матушку Москву,
Да ко фабричному домку.
А фабричны-то ребята,—
Хоть голы, да удалы,
Люди мудреные,
Кудри пудреныя.
Они сукна ткутъ
На двѣнадцать рукъ.
Они сукна натыкали,
Все кафтаны нашивали.
Намъ не дороги кафтаны,—
Были бъ денежки въ карманѣ!
Развиваться кудри стали,
Любить дѣвки перестали.
Мы за то ихъ перестали,
Что смѣяться надъ намъ стали.
На ногахъ-то сапоги,
А въ рукахъ держи платки,
Все платки, салфетки
На разны цвѣтны клѣтки....

Вятская губернія. Абрамычевъ, № 33 («плясовая»).

560.

Какъ на гору, на гору,
Ко новому кабаку,
Къ молодому чумаку....
Ужъ ты, Ванюшка чумакъ,
Отпирай новый кабакъ,
Пропущай нашихъ ребятъ!
Мы заложимъ по рублю,
По рублику на винцо!
По другому заложили,
Загуляли молодцы,
Ярославскіе купцы.
Мы по городу гуляли,
Свинецъ-порохъ закупали,
Сорокъ пушекъ заряжали,
Во Парижъ городъ стрѣляли.
Во Парижѣ городѣ
Всячины довольно,
Дѣвкамъ не привольно.
Стоятъ дѣвушекъ кружки,
Молодушки на лужки.
Съ горъ погода подуваетъ.
Мать Ванюшу посылаетъ:
«Поди, Ваня, погуляй,
У дѣвушекъ побывай!»
У дѣвушекъ на стѣнѣ
Двѣ скрипицы висятъ,
Двѣ муравленныя,
Понаправленныя.
Кто бы Ванѣ поигралъ,—
А я, Ваня, поплясалъ!
Двѣ дѣвицы танцевали;

Два молодца наѣзжали,
Наѣзжали для того—
Полюбить-то есть кого:
Анюшенька хороша,
Въ косѣ лента широка,
Издалека везена—
Изъ Казани, изъ Москвы.
Шли бурлаки молодые,
У нихъ кудри завитыя,
Завитыя, привитыя....

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 69 («обыденная»).

561.

Собирайтеся, робята,
На Печуру на гору,
Да ко новому кабаку,
Къ молодому чумаку!
Что на Печурѣ на горѣ
Стоялъ новый кабачекъ.
Что во этомъ кабачкѣ
Удалые вино пьютъ,
Богатые дивуютъ.
Не дивуйте, богачи!
За васъ деньги заплачу:
Во карманѣ гроша два,
Да цѣлковичка полтора,
Полтораста серебра,
Да золотая не одна!»

Новгородская губернія, Кирилловскій уѣздъ. Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, часть II, М. 1850 г., стр. 108.

562.

Слава Богу, нашъ хозяинъ:
Поправляются дѣла;
Изъ кулька онъ во рогожку
Съ дымомъ вылетитъ въ трубу!
Онъ за это полетитъ:
По утру рано будитъ.
Онъ насъ чаемъ не поитъ,
Плохи щи про насъ варитъ:
Ни капусты, ни крупы,—
Одной тепленькой воды!
Мы водицы похлебали,
Говядины ни куска!
Всѣ праздники работали,—
У хозяина денегъ нѣтъ.
Будемъ денегъ мы просить,—
Онъ глаза все перекоситъ.
Ну такъ чортъ съ тобой, хозяинъ,
Со работой со твоей,
Со работой со твоей,
Со прикащикомъ дурнымъ,
Со прикащикомъ дурнымъ,
Съ подмастерьемъ дорогимъ!
Что за хваты за ребята
У N (фамилія хозяина) живутъ:
Носятъ ситцевы рубашки
Объ семидесятъ заплатъ;
На нихъ синіе халаты
Подпоясаны ремнемъ....

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 63 («обыденная»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ахъ люли, ахъ люли.

563.

Лѣто красное проходитъ,
Зима морозна настаетъ,
Зима морозна настаетъ,
У фабричныхъ сердце мретъ.
Съ полуночи встаетъ,
На работу поспѣетъ.
На машинѣ задремалъ,—
Праву ручку оторвалъ,
Праву ручку оторвалъ,
Къ отцу-матери послалъ.
Отецъ съ матерью идутъ,
Слезы въ три ручья текутъ.
А въ народѣ говорятъ,
Фабриканта все бранятъ....
Ахъ, постылый ты заводъ,
Перепортилъ весь народъ,
Перепортилъ, перегадилъ:
Никто замужъ не беретъ—
И ни баринъ, ни купецъ,
Ни фабричный молодецъ!
Тотъ лишь замужъ ихъ возьметъ,
Кто свиней въ лѣсу пасетъ!

Московскій уѣздъ. Русскія Вѣдомости 1888 года, № 21. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ай ли, катай ли, покатывай, катай, съ повтореніемъ втораго стиха.

564.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Гребновцы гуляли.
Дѣвки увидали,

Красавицы шельмы усмотрѣли.
За насъ Богу молятся:
«Совдай, Боже, создай, Боже,
Гребновцамъ погоды,
Попутнаго вѣтру!»
Еще гдѣ бы намъ ни заняться,—
Къ Макарью пробраться.
Мы къ Макарью пробирались,
Съ улочкой прощались:
Прощай, улочка ты наша бевродна,
Гулять въ тебѣ полно!
Прощай, дѣвки, прощай, бабы,
Прощай, малые ребята!

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 48 («обыденная»).

565.

Какъ пошли наши бурлаки
На рынокъ гуляти,
На рынокъ гуляти,
Алы ленты закупати,
Алы ленты закупати,
Красныхъ дѣвокъ даровати,
Красныхъ дѣвокъ даровати,
За то дѣвокъ цѣловати....

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 148. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Бѣлорусые бурлаки, урлапень хвостень, вердеръ-вердеръ-вердертро.

566.

Ахъ, стали ребята къ людямъ привыкати,
Къ людямъ привыкати, на рынокъ гуляти,
На рынокъ гуляти, подарки закупати,

Подарки закупати, красныхъ дѣвокъ даровати,
Дѣвокъ даровати, бражку запивати,
Дѣвокъ бражкой угощати, себя увеселяти.

Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 115. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Бѣлорусы, братъ, солдаты, урлапень хвостень, шилдинъ малдинъ вилдинъ штропъ.

567.

Наша ходко идетъ,
Подается впередъ.
Взялъ дѣвчонку, подхватилъ,
Во корабликъ посадилъ,
Во корабликъ посадилъ,
Тонкій парусъ распустилъ.
Сильный вѣтеръ подуваетъ,
Тонкій парусъ поддуваетъ,
Тонкій парусъ поддуваетъ,
Ко бережку прибиваетъ,
Ко бережку, ко ярку,
Ко зеленому саду....

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 39 («обыденная»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ой калина, ой малина.

568.

Ой, дубинушка, охни!
Ой, зеленая, нейдетъ, пойдетъ!
Ой, разъ, ой, разъ,
Еще разикъ, таки разъ,
Еще маленькій разокъ!

Наша барка на мель стала,
На деревеньку попала,

На деревню Бѣлу гору,
Въ Новоселицы подъ гору.

Вы, дѣвушки, собирайтесь,
За веревочки хватайтесь!

Вы, дѣвушки, не лѣнитесь,
Хозяина постыдитесь!

Вы, хозяева, не скупитесь,
На орѣхи раступитесь!

У насъ веревочки крутыя,
Хозяева молодые.

Если бъ чаемъ напоили,
Веселѣе бы крутили!

Нашъ хозяинъ-то да Осипъ
При себѣ денежки носитъ.

Мы барочки нагружали,
Съ Богомъ въ Питеръ отпущали.

Мы нагрузимъ барку легко,
И потянемъ,—пойдетъ ходко.

Наши дѣвушки печальны,
Косоплеточки мочальны.

Какъ вѣдь наши-то дѣвицы
Сами бѣлы круглолицы.

Ужъ какъ бронницки ребята
Сами бѣлы кудреваты.

Дѣвушки по мосту гуляли,
Робятъ въ глазы не видали,

Робятъ въ глазы не видали,
Хоть видали, не стояли,

Хоть стояли, платки рвали,
Во Мсту рѣченьку бросали.

Какъ у Бронницкаго мосту
Потонуло дѣвокъ до сту.

Какъ у нашего Ѳедота
Подломилися ворота.

Какъ на прусской на границѣ
Пропилъ лоцманъ рукавицы.

Какъ прикащица Хохлова
Родила сына слѣпаго.

Какъ у Лѣтняго у саду
Продаетъ мужикъ расаду.

Какъ Холынская Ненила
За водой ходить лѣнива.

Утонула крыса въ кринкѣ,
Приходилъ котъ на поминки.

Наши дѣвки припотѣли,
Покупаться захотѣли.

Закипѣла въ морѣ пѣна,
Будетъ вѣтру перемѣна.

Новгородская губернія, Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, выпускъ IV, стр. 12 (поется рабочими на сѣнныхъ баркахъ). Послѣ каждаго куплета повторяются первые пять стиховъ.

569.

По утру то было ранымъ-рано,
На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озеръ подымалися,—
Подымаются добры молодцы,

Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работу государеву.
Провожають ихъ, добрыхъ молодцевъ,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со дѣтками.

Комаровъ, Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ, перваго.... Ваньки Каина...., втораго Картуша, Спб., 1779, стр. 139.

570.

Ужъ ты, хмѣль, ты, хмѣль казацкій,
Простота наша бурлацка!
Я съ тобою, хмѣль, спознался,
Отъ родителей отсталъ,
Чужу сторону спозналъ.
Мы другъ съ другомъ сговорились
И на Грумантъ покрутились,
Контракты заключили
И задатки получили.
Прощай, лѣтнія гулянки!
Подъ горою стоятъ барки.
Мы гуляли день и два,
Прогулялись до-нага.
Деньги всѣ мы прогуляли,
Наши головы болятъ,
Поправиться хотятъ.
Мы оправиться хотѣли,
Но у коршика спросились.
Коршикъ воли не даетъ,
Насъ всѣхъ на лодью ведетъ.
Якоря на бортъ сдымали,

Паруса мы подымали.
Во походъ мы направлялись,
Со Архангельскомъ прощались:
Прощай, городъ Архангельскъ!
Прощай, матушка Двина!
Прощай, бражницы-квасницы
И пирожны мастерицы!
Прощай, рынокъ и базаръ!
Никого намъ здѣсь не жаль!
Ужъ мы крѣпость проходили,
До брамвахты доходили;
На брамвахтѣ прописались,
Въ Бѣло море выступали.
Бѣло море проходили,
Въ Океанъ-море вступили;
Океанъ-море прошли,
До Варгаева дошли.
Мы на гору прiѣзжали,
Крѣпка рому закупали.
Мы до-пьяна напились,
Другъ со дружкой подрались.
Ужъ мы на лодью пришли,
Со Варгаева пошли.
Прощай, городъ Варгаусъ!
Намъ попало рому въ усъ!
Прощай, бирка съ крутиками,
Село красно со песками!
До Нордкапа мы дошли;
Оттуда въ голомя пошли.
До Медвѣдя доходили
И Медвѣдь мы проходили.
Больши льды вдали бѣлѣютъ
И моржи на льдахъ краснѣютъ,
Заицы на льдахъ лежатъ,
Нерпы на лодью глядятъ.

Во льды мы заходили
И между льдами мы пошли.
Еще Груманта не видно,
А временятся Соколы.
Мы ко Груманту пришли,
Становища не нашли.
Призадумались немного;
Тутъ сказалъ намъ коршикъ строго:
«Ну, ребята, не робѣй,
Вылѣзай на марса-рей,
И смотрите хорошенько!
Что мнѣ помнится маленько:
Этамъ будто становье,
Старопрежно зимовье!»—
—«Ты правду намъ сказалъ!»
Марсовой тутъ закричалъ,
И рукою указалъ:
«Мандолина противъ насъ,
И въ заворотъ зайдемъ сейчасъ!»
Въ заворотъ мы заходили,
Въ становье лодью вводили,
Чтобъ зимой тутъ ей стоять,
Намъ объ ней не горевать.
Тутъ на гору собирались,
Мы съ приваломъ поздравлялись;
Въ становой избѣ сходились,
Крестомъ Богу помолились;
Другъ на друга мы взглянули,
Тяжеленько воздохнули:
Ну, ребята, не тужить!
Надо зиму здѣсь прожить!
Поживемъ, попромышляемъ,
Звѣрей разныхъ пострѣляемъ!
Скоро темная зима
Проминуется сама;

Тамъ наступитъ весна красна;
Намъ тужить теперь напрасно!
И, бросивши заботу,
Принялись мы за работу:
Станову избу исправить,
Полки, печку приналадить—
Отъ погодъ обороняться
И теплѣе согрѣваться.
А разволочныя избушки
Строить будто какъ игрушки:
Научились мы тотчасъ;
Поздравляю теперь васъ!
По избушкамъ потянулись,
Другъ со другомъ распростились,
И давай здѣсь зимовать,
Промышлять звѣрей смекать.
По избушкамъ жить опасно—
Не пришла бы смерть напрасно.
Мы кулемки становили,
Псецей черныхъ наловили;
И оленей дикихъ славно
Мы стрѣляли преисправно.
Бѣлый ошкуй господинъ,
Онъ къ намъ часто подходилъ
Дикарино мясо кушать
И у насъ въ избахъ послушать,
Что мы говоримъ.
А мы пулю въ бокъ дадимъ
Да и спицами въ конецъ
Заколаемъ наконецъ.
Медвѣдь бѣлый тамъ сердитъ,
Своей лапой намъ грозитъ
И шататься не велитъ.
Тамъ безъ спицы мы не ходимъ,
Часто ошкуя находимъ.

Темну пору проживали,
Николи не горевали;
Какъ свѣтлѣе стали дни,
Съ разволочныхъ потянулись,
Въ станову избу пришли,
Всѣхъ товарищей нашли.
Какъ великій постъ пришелъ,
Слухъ до всѣхъ до насъ дошелъ,
Какъ моржи кричатъ, гремятъ,
Собираться намъ велятъ.
Карбаса мы направляли
И моржовъ мы промышляли
По расплавамъ и по льдамъ,
По заливамъ, по губамъ
И по крутымъ берегамъ.
А моржовъ мы не боимся
И стрѣлять ихъ не стыдимся.
Мы ихъ ружьями стрѣляли,
И носками принимали,
И ихъ спицами кололи,
И вязали за тинки.
Промышляли мы довольно
И поѣхали на лодью.
Лодью мы нагрузили
И отправились мы въ ходъ;
Съ Грумантомъ прощались:
Прощай, батюшка ты Грумантъ!
Кабы больше не бывать!
Ты, Грумантъ батюшка, страшенъ,
Весь горами овышенъ,
Кругомъ льдами окруженъ;
На тебѣ намъ жить опасно—
Не пришла бы смерть напрасно!

Архангельская губернія. Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1872 года, № 35.

571.

Передъ нашими широкими воротами
Разливалось сине море, разливалось.
Въ этомъ морѣ бѣла рыба разыгралась.
Рыболовнички по бережку ходили,
Бѣлой рыбѣ, бѣлой рыбѣ говорили:
«Берегися, бѣла рыба, берегися:
Хотятъ тебя, бѣла рыба, поимати,
Во шелковыя тенета посадити,
На двѣнадцать штукъ разрубити,
На двѣнадцать столовъ становити,
Двѣнадцать бояръ угостити!»

Воронежская губернія, Новохоперскій уѣздъ. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 158.

572.

Ходитъ нашъ хозяинъ по ярмарочкѣ,
Своимъ гуртоправамъ указываетъ:
Ужъ вы, братцы гуртоправы, выгоняйте вы гурты,
Выгоняйте скотину во широкія поля!
Какъ выходитъ нашъ хозяинъ на высокій на курганъ,
Онъ скотинушку любуетъ, самъ съ собою говоритъ:
«Ахъ ты, скотъ, моя скотина, безсловесная скота!
Что и нѣтъ намъ, братцы, доли-то скотинушку водить;
Только есть намъ, братцы, доля да по Сашамъ ходить,
Злато-серебро носить!»

Орловская губернія, Елецкій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 641.

573.

Вдругъ съ полночи у насъ зашумѣло:
Роговая музыка гремѣла,
Чтобы всѣ вставали,
Время не теряли.
Удалой подъ межей пожимается,
Тебя, милый другъ, дожидается.
Вставай! время не теряй!

Тверская губернія, Зубцовъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, № 4 («охотничья»).

574.

Охъ, хорошо житье лакеямъ
На боярскомъ на дворѣ!
Они пашенки не пашутъ
И оброка не даютъ.
Охъ, они пашенки не пашутъ
И оброка не даютъ,
И оброка не даютъ,
Косы въ руки не берутъ.
Ахъ вы, глупые крестьяне,
Посудите-ка вы сами!
Куда пошлютъ,—бѣги скоро,
Чтобы дѣло было споро.
Засмотрѣлся, застоялся,
Съ сударушкой повидался,
Оглянулся назадъ,—
Сзади палочкой грозятъ.
Воротился домой,—

Кафтанишка съ плечъ долой,
На конюшню ведутъ,
Свади палочку несутъ.

Тверская губернія, Зубцовъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, № 11.

575.

Ужъ мы, бара-господа,
Споемъ пѣсню про себя,
Мы не сами про себя,—
Про лакейское житье,
Каково житье лакеямъ
Во господскомъ во дворѣ.
Они пьютъ-ѣдятъ готово,
Носятъ платье припасено;
Они податей не платятъ,
На соль денегъ не даютъ.
Неразсудливы крестьяне,
Деревенски сипаки!
Придетъ праздникъ воскресенье,
Намъ хочется погулять.
Намъ проситься,—не отпустятъ;
Не спросясь, идти,—не смѣть.
Мы со столиковъ сберемъ,
Господъ спать укладемъ,
На всю ночь гулять пойдемъ.
Придемъ рано по утру,—
Припасено по кнуту.
Не велятъ намъ оправдаться,
Велятъ скоро раздѣваться.
Рубашонки наши съ плечъ,
Зачинаютъ больно сѣчь....
Хотя спинушкѣ-то больно,—

Погуляно довольно;
Хотя спина избита,—
Сударушка нажита!

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 108 («семейная, протяжная»). Каждые два стиха повторяются.

576.

Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ
Расплачется травушка зеленая;
Унимаетъ ее мати земля сырая:
«Не плачь, не плачь, трава-мурава!
Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько:
И мнѣ еще того тошнѣе.
Какъ ѣхалъ государь-царь изъ-подъ Риги,
Велѣлъ меня, землюшку, копати
И рвы, и колодези вырывати,
Ключевую воду испускати.»

Кручиненъ добрый молодецъ, кручиненъ,
Печаленъ онъ, отецкій сынъ, печаленъ.
«Не отъ радости, добрый молодецъ, постригся;
Съ великія печали я посхимлюсь,
Житье-бытье отдамъ я во монастырь,
Остатками я себѣ келейку поставлю,
Во кельѣ просѣку я три окошка:
Я первое окошко—къ Божьей церкви,
А другое окошко—во монастырь,
Я третіе окошко—въ чисто поле.
Къ Божіей церкви посмотрю ли я,—помолюся;
Въ монастырь посмотрю ли я,—спасуся;
Въ чисто поле посмотрю я,—заплачу:
Ахъ, свѣтъ ты моя родимая сторонка,
Мнѣ ужъ на тебѣ не бывати,

Отца и матери мнѣ не видати,
О молодой женѣ и дѣткахъ не слыхати!
Весь родъ-племя я позабуду!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 155.

577.

Пока малый былъ,—
Горя не было;
Выростать я сталъ—
Горя прибыло.
Какъ ни пойду,—
Въ бѣду попаду;
Съ кѣмъ сведу совѣтъ,—
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Брошу здѣшній міръ,
Пойду въ монастырь
Къ монашкамъ служить.
Тамъ я выстрою
Келью новую;
На ней вырублю
Три окошечка,
Да три косящаты.
Въ перво посмотрю,—
Я разрыдаюся;
Въ другое посмотрю,—
Да разгуляюся;
Въ третье посмотрю
Да на Дунай рѣку,
На крутой берегъ....

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 121. Пѣсня едва ли не искусственная.

578.

Ты, бевсчастный добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка....
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, таланту нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ;
Что ссылаютъ меня съ корабля долой:
«Ты сойди, сойди съ корабля долой!
Отъ тебя ли, отъ безсчастнаго,
Сине море взволновалося,
Всѣ волны въ морѣ разыгралися.»
Ужъ какъ взговоритъ безсчастный молодецъ:
«Мы пригрянемте всѣ въ веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко частому кусту ракитовому,
И мы срѣжемте по прутику,
И мы сдѣлаемте по жеребью,
Ужъ мы кинемте во сине море!»
Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ воды,
А бевсчастнаго—какъ ключъ ко дну!

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 171.—Почти тожественная пѣсня: Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 62.

579.

Ахъ ты, сердце мое, сердце,
Ретивое, молодецкое,
Къ чему ноешь-занываешь?
Ничего ты мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали
И ни той бѣды и напасти!
Привязалось ко мнѣ горе,
Къ молодому человѣку;

Я не знаю, какъ и быти,
Своему горю пособити;
Не могу горя избыти,
Ни заѣсть и ни запити....
Я пойду ли лучше въ поле
И разсѣю мое горе
По всему ли чисту полю....
Уродися, мое горе,
Ты травою полыньею:
Какова трава та горька,—
Таково-то горе сладко!

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 159.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 181.

580.

Ты, крапива, ты, крапива зла-жигучая,
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ!
Что единъ тутъ пролеталъ младъ ясенъ соколъ;
Высокошенько леталъ соколъ по поднебесью.
Ты, кручина, ты, кручина зла-великая,
Одолѣла ты, кручина, добраго молодца!
Я со той тоски-кручины на Дунай пойду,
Ахъ, я сяду ли, молодецъ, на крутъ красенъ берегъ,
Посмотрю ли я, молодецъ, на Дунай рѣку.
По Дунаюшку пловетъ ли частъ ракитовъ кустъ;
Что на кустышкѣ сидитъ да соловей птица,
Онъ поетъ ли, соловей птица, пѣсни заунывныя.
Исполать тебѣ, удалый добрый молодецъ!
Ты гораздъ ли, добрый молодецъ, горе мыкати?...
Что не батюшка добра молодца споилъ-скормилъ,

Что не матушка добра молодца возлелѣяла,—
Что споилъ-скормилъ добра молодца Дунай рѣка,
Возлелѣяла добраго молодца красная дѣвица....

Рукописный сборникъ XVIII вѣка Публичной Библіотеки (О. XIV. 11), № 103. Каждый стихъ повторяется.

581.

Кому счастьице, кому, братцы, два,
А мнѣ, молодцу, нѣту ни одного!
Что приходитъ ли ночка темная,
Ночка темная, время долгое,
Ляжу, ляжу я, ляжу, не усну;
А устану я рано по утру.
Выйду, выйду я, выйду за ворота.
Подымалися вѣтры буйные,
Взволновалися тучи грозныя;
Изъ-подъ тѣхъ подъ тучъ три молодца идутъ.
Первый молодецъ, онъ парадъ несетъ;
Другой молодецъ, онъ коня ведетъ;
Третій молодецъ, онъ ружье несетъ.
Переходили они чрезъ Дунай рѣку,
Чрезъ Дунай рѣку, на круту гору,
На круту гору, къ широку двору,
Къ широкому двору, къ самому царю....

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 618,

582.

Шла Машенька по рѣкѣ,
Да Иванушка бережкомъ.
Несетъ ружье на плечахъ,

Черну шляпу на кудряхъ.
На шляпонькѣ бархата,
На улицѣ красота....
Работать въ полѣ нельзя....

Пойду-выйду, молода,
Да за новыя ворота,
Да за новыя кленовыя;
Въ чисто полюшко зайду,
Погляжу я за рѣку,
За быстру за рѣчушку.
Какъ по быстрою по рѣчкѣ
Не семьсотъ лодокъ пловетъ,
По семьсотъ молодцовъ,
По двѣнадцати гребцовъ.
Гребцы грянутъ и грянутъ,—
Все веселушки ревутъ;
Дворянинушка журятъ.
Дворянинъ, ты, дворянинъ,
Ты чѣмъ пожалуешь меня?—
—Я первымъ-то—паровымъ,
Другимъ полемъ—яровымъ,
Третьимъ—денежной казной.—
Я на эти-то на деньги
Все палаты заведу,
Я каменны палаты,
Подхрустальный потолокъ,
Хуже ли, не хуже
Государева дворца....

Вятская губернія. Колосовъ, стр. 270.

583.

Я отъ тятеньки да я отъ мамоньки да малъ остался,
Ой, по чужою по дальною сторонушкѣ все про-
плялся....
Ой, не спится, не лежится темной ночкой,
Ой, растесовая новая кроватичка шевелится,
Ой, соболино одѣялышко съ ногъ валится,
Ой, что браненькій положецъ да вѣтромъ дуетъ,
Ой, дуетъ-дуетъ вѣтеръ, отдуваетъ, съ вихорями....

Ой, сваталъ-присваталъ сударь батюшка дѣвку за-
мужъ,
Ой, запоручила родна матушка за сержанта.
Ой, мнѣ, сержантушка, не владати....
Старо-прежняго дружка Иванушка за колечко, за ко-
лечко,
За то ли колечко литое дорогое....

Вятская губернія. Колосовъ, стр. 248.

584.

Какъ по рѣчкѣ по Казанкѣ
Плыветъ селезенько.
Отпустили селезенька,
Отпустили молодаго,
Камгортскія дѣвки;
Увидали селезенька,
Увидали молодаго,
Вильгортскія дѣвки;

А поймали селезенька,
А поймали молодаго,
Покчинскія дѣвки.
Посадили селезенька,
Посадили молодаго,
Къ себѣ на колѣни.
Они стали селезенька,
Они стали молодаго,
По головкѣ гладить.
Ты скажи, мой селезенько,
Всю сущую правду
Про батюшку, про матушку,
Про мила дружочка!...
У моего у милаго
Трои новы сѣни.
Какъ во первыхъ-то во сѣняхъ—
У батюшка гости;
Какъ во другихъ-то во сѣняхъ—
У матушки званы;
А во третьихъ-то во сѣняхъ
У милаго кони.
Стоятъ кони не кормлены,
Другіе не поены.
Они чуютъ путь-дорожку,
Гдѣ милой ночуетъ.
Онъ ночуетъ, миленькій,
Онъ ночуетъ, Сашенька,
Во чистомъ во полѣ,
Что во чистомъ-то во полѣ,
Въ широкомъ раздольѣ.
Еще что мой миленькій,
Еще что мой Сашенька
Подъ себя постелетъ?
Еще что мой миленькій,
Еще что мой Сашенька

Въ головы положитъ?
Онъ положитъ, миленькій,
Онъ положитъ, Сашенька,
Свою праву ручку.
Еще чѣмъ мой Сашенька,
Еще чѣмъ мой миленькій,
Чѣмъ онъ одѣнется?
Одѣнется миленькій,
Одѣнется Сашенька
Буйными вѣтрами.

Почему свѣтла свѣтлица?
Танцуютъ дѣвицы.
Приходили ко дѣвицамъ
Купцы молодые,
Приносили ко дѣвицамъ
По куску люстрину.
Что люстринъ-то дѣвки брали,
Купцовъ не пущали.
Вѣдь купцы—горька горчица,
Бѣлъ хрѣнъ въ огородѣ.

Пермская губернія, Чердынскій уѣздъ. Поповъ, стр. 39 («хороводная»).

585.

Заворуй-воруй-воруйка,
Сила, маленькій дѣтинка,
Проложилъ Сила дорожку
Мимо валу землянаго,
Мимо саду зеленаго,
Архерейскаго большаго,
Во Чудинскую слободку,
Ко Чурилову подворью,
Ко Варварину здоровью.

А Варвара залежала,
Платомъ голову связала.
Пріѣзжали-навѣщали
Трои сани съ ковырями;
Привозили-приносили
Трои дороги подарки.
Ахъ, какъ первые подарки—
Шестьдесятъ аршинъ китайки;
А другіе-то подарки—
Пятьдесятъ аршинъ грезету,
Голубаго, дорогаго;
Ахъ, какъ третьи-то подарки—
Золотой водки два штофа....
«Ты вставай, душа Варвара,
Оправляйся, мое сердце!»
Ко второму часу ночи,
Не звѣзда съ неба упала,—
Варварѣ вѣстка перепала:
Заворуюшки не стало,
На бою Силу убили,
Со раскату застрѣлили,
Молодцово платье сняли.
Тутъ Варварушка вставала,
Пятьдесятъ рублевъ хватала,
Силѣ платье выкупала.
«Я те, Сила, говорила:
Не водись, Сила, съ ребятамъ,
Съ двумя двужильными браты!
Не теперешніе воры—
По ночамъ часто ходили,
Они окна выбивали,
Красныхъ дѣвокъ доставали,
Доставали, цѣловали!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 201;—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 140;—Прачъ 1790 года, стр. 135 («плясовая»).

586.

Посылала Ваню мать
Яровое жито жать.
Не хотѣлось Ванюшкѣ идти.
Вышелъ Ваня на крылечко,
Положилъ серепъ на плечко,
Самъ заплакалъ, Ванюшка, пошелъ.
Пошелъ Ваня по дорожкѣ;
Не нашелъ своей полоски:
Остановился чужое жито жать.
Цѣлый день Ванюша жалъ—
Одинъ снопичекъ нажалъ:
На любезную свою просмотрѣлъ.
Что со этой Ваня скуки
Перерѣзалъ серпомъ руки,
Что повыпустилъ съ руки алу кровь.
Сударушка бливко жала,
Скорешенько прибѣжала,
Платкомъ ручку завязала,
Чтобъ у Ванюшки ала кровь не шла.
Пошелъ Ванюшка домой.
Отецъ съ матерью бранятся,
Всѣ работнички дивятся:
«Что жъ ты, Ванюшка, сдѣлалъ надъ собой?»
Тутъ Ванюша разсердился,
За дубовый столъ садился,
Бралъ чернильницу съ сизымъ перомъ.
«Напишу сейчасъ прошенье
Въ городническо правленье,
Своей любушкѣ скорое письмо!»

Новгородская губернія. Студитскій, стр. 37 («бесѣдная»).

587.

Посылаетъ Иванушку мати
Яровое во полюшко жати.
Не хотѣлось Ванюшкѣ да бѣжать.
Пошелъ, да пошелъ Ваня на крылечко,
Положилъ Ванюшка цѣпъ на плечко,
Самъ заплакалъ Ваня, зарыдалъ.
Къ полосонькѣ Ваня подходитъ,
Къ сырой землѣ Ваня приклонялся.
Самъ единый снопочекъ нажалъ.
Навалилась на Ванюшку скука.
Онъ порѣвалъ серпомъ руку;
Проливалась у Ванюшки нѣжная кровь.
Недалеко сударушка жала,
Скорешенько къ Ванѣ подбѣжала,
Шелковымъ платкомъ ручку вязала.
Отецъ съ матерью въ окно глядѣли,
Надъ Ванюшкой-Ваней наругались:
«Экій, Ванюшка-Ванюша,—дурачокъ,
Иванушка,—дурачокъ!
Что ты сдѣлалъ надъ собой,
Надъ своею надъ бѣлою рукой?
Ты ступай-ка, ступай, Ванюшка, домой!
Тебя звала дѣвушка во лѣсочекъ
На единый маленькій часочекъ:
Прогуляемъ съ Ваней цѣлый день!»

Вятская губернія. Колосовъ, стр. 181.

588.

Охъ, да посылаетъ Ваню отецъ съ матерію,
Охъ, да пашеничку яровую да жати.
Да не хотѣлось, охъ, Ванюшкѣ идти.

Эхъ, да ко полоскѣ Ваня подходилъ же;
Эхъ, да трудно, трудно къ землѣ приклониться;
Во весь день же, ахъ, одинъ снопъ нажалъ,
Ахъ, да во весь день же одинъ снопъ нажалъ онъ.
Эхъ, да серпомъ руку Ванюшка обрѣзалъ-перерѣзалъ,
Эхъ, пролилъ нѣжну кровь.
Эхъ, да ужъ его милая скоро усмотрѣла,
Эхъ, да платкомъ руку перевязала-завязала,
Охъ, звала Ваню въ лѣсъ.
Эхъ, да отецъ съ матерью его усмотрѣли,
Эхъ, да другъ на дружку они возглянулись, усмѣхнулись:
«Охъ, Ваня, нашъ сынокъ,
Эхъ, да ужъ ты, Ваня-Ванюшка сыночекъ,
Охъ, да твой разглупый, Ваня, разумочекъ,
Что жъ ты сдѣлалъ, ахъ, дуракъ, надъ собой?»

Тамбовская губернія. Орловъ, № 14 («протяжная»).

589.

Посылала Ваню мати,
Ахъ, яровое жито жати,
Яровое жито зажинать.
Первую горсточку онъ срѣзалъ,
Свою ручку онъ порѣзалъ,
Ужъ онъ выпустилъ свою алу кровь.
Сударушка увидѣла,
Платкомъ ручку перевязала,
Чтобы алая его кровь не шла.
Увидѣла Ваню мати,
Начала сына ругати:

«Ты пустая, Ваня, голова!
Ты пойди, дуракъ, въ лядинку,
Вырѣжь ты, болванъ, тростинку,
Сдѣлай ты себѣ гудокъ!»
Ваня въ дудочку играетъ,
Онъ Татьяну потѣшаетъ;
Не умѣетъ Ваня подыграть.
Ваня въ Питерѣ родился,
Въ Москвѣ жить онъ пригодился,
Взялъ цыганочку замужъ за себя.

Тверская губернія, Новоторжскій уѣздъ. Памятная книжка Тверской губерніи на 1861 годъ, № 2.

590.

Гулялъ Ваня при долинѣ,
Онъ повырѣзалъ тростинки,
Самъ въ зеленый садъ гулять пошелъ.
Въ саду красныя дѣвушки гуляли,
Въ глава Ванюшку дружка ругали:
«Что ты, Ваня, долго не бывалъ?»—
—«Ахъ вы, красныя дѣвки, неразумныя головки!
Мнѣ не время было къ вамъ придти!»
Въ трактирѣ Ванюша родился,
Въ славномъ Питерѣ Ваня женился,
Бралъ мѣщанку замужъ за себя.
«Мѣщанка, молода хозяйка,
Пойдемъ въ поле со мной работать,
Ярово жнитво зажинать!»
Вышелъ Ваня на крылечко,
Положилъ серпикъ на плечико,
Самъ заплакалъ и слезми залился.

Къ полосонькѣ Ванюша подходитъ,
Къ сырой землѣ припадаетъ;
Самъ не можетъ въ день снопа нажать.
Предавался Ваня тоскѣ и скукѣ,
Онъ обрѣзалъ свои бѣлыя руки;
Полилась изъ рукъ нѣжна кровь.
Мѣщаночка увидала,
Платкомъ руки завязала,
Чтобы кровью Ваня не изошелъ.
Отецъ съ матерью ужаснулись;
Работнички надъ нимъ насмѣхались,
Посылаютъ Ванюшку домой.
Пошелъ Ванюшка невеселъ,
Буйну головушку повѣсилъ;
Шелъ Ваня, торопился.
За дубовый столъ садился,
Бралъ чернилицу въ руки и перо.
Началъ Ванюшка писать,
Деревенское житье проклинать:
«Распроклятое деревенское житье!
Подлые мужичишки завидливы работать
И много хлѣба засѣвать!»

Симбирская губернія. Симбирскій Сборникъ, томъ II (1870 г.), стр. 43.

591.

Напади-ка-ся, роса,
На темные на лѣса,
Тоска на Иванушка,
Съ горя на Иванушка!
Тамъ лужки зеленые,
Травоньки шелковыя....

Марша сѣно косила,
Изъ рукъ косу бросила
За пень, за колодину:
Ноженьку порѣзала;
Тряпочкой завязала,
Никому не сказала.
Мамонька увидѣла,
Слезно всплакала.
Что нонче за годъ такой?
Народъ лихостной сталъ такой:
Нельзя за рѣку стало ходить,
Нельзя молодцевъ стало любить,
Васеньку-Васю не здѣшняго,
Зарѣчнаго....

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ, стр. 379 («сѣнокосная»).

592.

Что было по травушкѣ по зеленой,
Вдоль по дороженькѣ по широкой,
Тутъ ходилъ-гулялъ удалой молодчикъ,
Вызывалъ дѣвчоночку къ себѣ за ворота:
«Поди-выйди, дѣвушка, ко мнѣ за ворота,
Выйди, красная, ко мнѣ за новыя,
Со мной, съ молодцемъ, постояти,
Съ удалыимъ словечко сказати!»
Тутъ дѣвушка къ молодцу выходила,
Съ удалыимъ рѣчи говорила:
«Кажись, молодецъ, я тебя не любила,
При бесѣдушкѣ я тебя стыдила,
На тебѣ я синь кафтанъ замарала.
Сафьянны сапожки я въ грязь тебѣ втоптала,

Пуховую шляпушку съ головы я сшибла?»
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ.
«Пойду, матушкѣ попеняю:
Ужъ ты, матушка моя, мать родимая!
Ты несчастнаго меня спородила:
Меня дѣвушки не любили,
При бесѣдушкѣ меня устыдили!»

Какъ по травушкѣ да вдоль по муравкѣ,
Тутъ ходилъ-гулялъ удалой молодчикъ,
Вызывалъ онъ дѣвушку за ворота:
«Выйди, дѣвушка, ко мнѣ за ворота,
Со мной, молодцемъ, постояти!»
Тутъ дѣвушка къ молодцу выходила,
Съ удалымъ рѣчи говорила:
«Какъ я теперь, миленькій, тебя полюбила,
При бесѣдушкѣ я тебя хвалила,
На те синь кафтанъ вытирала,
Сафьянны сапожки вычищала,
Пухову шляпушку на те поправляла.»—
Пошелъ молодецъ, взвеселился.
«Спасибо те, матушка, мать родима,
Что ты меня счастлива спородила:
Меня дѣвушки полюбили,
При бесѣдушкѣ меня похвалили,
На мнѣ синь кафтанъ вытирали,
Сафьянны сапожки на мнѣ вычищали,
Пуховую шляпу поправляли.»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 134. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ай люли, люшеньки, съ повтореніемъ второй половины стиха.

593.

Вдоль было по травонькѣ, вдоль по муравкѣ,
Тутъ ходитъ-гуляетъ удалой молодчикъ,
Кличетъ-выкликаетъ красную дѣвицу:
«Поди-выди, дѣвушка, за ворота,
Со мной, со мной, съ молодцемъ, постояти,
Со-со-со удаленькимъ рѣчь говорити!»
Что дѣвица къ молодцу выходила,
Что дѣвица съ молодцемъ рѣчь говорила:
«Я тя, я тя, молодецъ, обезчещу,
При всемъ, при всемъ мірѣ, при всемъ при народѣ!»
Что дѣвица молодца оборола,
Пуховую шляпоньку съ кудрей сбила,
Русыя кудеречки растрепала,
Она, она синь кафтанъ изорвала,
Золотыя пуговки разстегала,
Козловы сапоженьки затоптала.
Пошелъ, пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ.
«Пойду, пойду, матушкѣ попеняю:
На что, на что, матушка, спородила,
Несчастливой долюшкой надѣлила?
Меня, меня дѣвушка оборола!»

Вдоль было по травонькѣ, вдоль по муравонькѣ,
. . . .
. . . .
Что дѣвица къ молодцу выходила,
И дѣвица съ молодцемъ помирилась:
Русыя кудеречки расчесала,
Пуховую шляпоньку надѣвала,
Золотыя пуговки застегала,

Она, она синь кафтанъ зашивала,
Козловы сапоженьки вытирала.
Пошелъ, пошелъ молодецъ, взвеселился.

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 15 («хороводная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Лели, лели, лелюшки, съ повтореніемъ второй половины стиха.—Почти тожественная пѣсня: Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 326.

594.

Какъ при лугу-лужку-лугу зеленаго,
Тутъ ходитъ-гуляетъ добренькій молодчикъ,
Кричитъ-выкликаетъ красну дѣвицу:
«Выдь, душа дѣвица, ко мнѣ за ворота,
Со мною, съ молодцемъ, со мной побороться!»
Къ молодцу дѣвица вышла-выходила,
Нехороши рѣчи ему говорила:
«Не хвались, молодчикъ, со мной не срамися!
Хочешь ли, молодчикъ, сейчасъ обезчещу,
При всемъ-то я мірѣ, при всемъ при народѣ,
При всемъ при народѣ, въ славномъ хороводѣ?»
Молодца дѣвица взяла поборола;
У смура кафтана, на немъ боры смяла;
Пуховую шляпу на немъ долой сбила;
Русыя кудерьки на немъ встолочила;
Французску рубашку на немъ изорвала;
Сафьянны сапожки долой постаскала.
Опослѣ дѣвица его сожалѣла—
За правую ручку она поднимала:
«Встань-ка ты, молодчикъ, встань-ка, отряхнися,
На всѣ на четыре сторонки оглянися!»—
—«На горе меня мати, на горе породила,

*

Худыемъ таланомъ меня надѣлила,
Чужой сторонкой меня бласловила!»

Владимирская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 137 («хороводная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой люшеньки-люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

595.

Шелъ молодецъ по дорожкѣ,
Зашелъ молодецъ въ деревушку.
Въ деревушкѣ застоялся.
Подъ окошко постучался:
«Выйди, выйди, дѣвушка,
Выйди, выйди, красная!»
Дѣвушка была не спѣсива,
Къ молодцу выходила,
Тайны рѣчи говорила.
По рѣчамъ парня не взлюбила,
Пуховую шляпушку съ головушки сбила,
Синь кафтанъ ему оплевала,
Сафьянны сапоженьки обтоптала.
Пошелъ молодецъ, развкрушнился,
Родной матушкѣ пожалился.

Шелъ молодецъ по дорожкѣ,
Зашелъ молодецъ въ деревушку.
Въ деревушкѣ застоялся.
Подъ окошко постучался:
«Выйди, выйди, дѣвушка,
Выйди, выйди, красная!»
Дѣвушка была не спѣсива,
Ко молодцу выходила,
Тайны рѣчи говорила.

По рѣчамъ парня взлюбила,
Пухову шляпушку подымала,
На русы кудри надѣвала,
Синь кафтанъ на немъ вытирала,
Сафьянны сапожки вычищала.
Пошелъ молодецъ, взвеселился,
Родной матушкѣ поклонился.

Псковская губернія, Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 26.

596.

Какъ по лугу-лугу, охъ, лугу зеленому,
Тутъ ходитъ-гуляетъ, охъ, удалый молодчикъ,
Кличетъ-выкликаетъ, охъ, красную дѣвицу:
«Выдь ко мнѣ, дѣвица, охъ, побороться!»
Молодца дѣвица, охъ, поборола,
Да черную шляпу, охъ, долой сшибла,
Да русыя кудри, охъ, расклочила.
Пошелъ же молодчикъ, охъ, самъ заплакалъ:
«Почто меня, мати, охъ, породила,
Несчастною долей, охъ, надѣлила?»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 13 («вешняя»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой, ладу, ладу, ладу, съ повтореніемъ второй половины стиха.

597.

Какъ по травкѣ, по муравкѣ,
По лазоревымъ цвѣточкамъ,
Какъ ходилъ-гулялъ молодчикъ,

Что молодчикъ подгородчикъ.
Манилъ дѣвушку за воротца,
За воротца побороться.
Дѣвица молодцу говорила:
«Я тебя, молодецъ, обезчещу
При всемъ мірѣ, при народѣ,
При дѣвичьемъ хороводѣ!»
Дѣвица молодца поборола,
Черную шляпу съ кудрей сшибла,
Русыя кудри столочила,
Рубашечку изорвала,
А кафтанчикъ замарала.
Пошелъ молодецъ невеселъ,
Буйную голову повѣсилъ.
«Ужъ ты, матушка родима,
Почто на горе родила,
Малой силой надѣлила,
Въ хороводъ гулять опустила?»
Дѣвица молодца ворочала:
«Воротись, душа молодчикъ!
Я могу горю пособити—
Черную шляпу приподняти,
Черныя кудри причесати,
Рубашечку призашити,
А кафтанчикъ призачистить!»

Ярославская губернія. Труды Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, выпускъ I, стр. 40. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой-ли-люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

598.

Вдоль да по травкѣ да вдоль по муравкѣ,
Тамъ ходитъ-гуляетъ удалой молодчикъ,
Кличетъ-выкликаетъ красную дѣвицу:

«Выйди, выйди, дѣвица, ко мнѣ за ворота,
Ко мнѣ за ворота, со мной побороться!»—
—«Не хвались ты, молодецъ, не хвались собою,
Своей молодецкою, своей чистотою!»
Что при всемъ ли мірѣ, при всемъ при народѣ,
При большомъ дѣвичьемъ было хороводѣ,
Какъ дѣвица молодца, она поборола,
Пуховую шляпу съ него собивала,
Шелковый кафтанчикъ на немъ изваляла,
Что русыя кудри ему растрепала.
Поборовши молодца, она сожалѣла:
Что правую рученьку ему подавала,
Со сырой земли-то его подымала,
Шелковый кафтанчикъ на немъ отряхала,
Что русыя кудри ему причесала,
Пуховую шляпу ему надѣвала.
Что пошелъ-то молодецъ, пошелъ, самъ заплакалъ:
«Начто меня, матушка, на свѣтъ породила,
Несчастною долею на вѣкъ надѣлила?
Что меня ли, молодца, дѣвка повалила!»

Москва. Филиповъ, № 34. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой люшеньки люли, съ повтореніемъ второй половины стиха. Почти тожественныя пѣсни: Якушкинъ, стр. 690;—Вильбоа, № 4.

599.

Ходитъ молодецъ вдоль по хороводу,
Ходитъ-вызываетъ красную дѣвицу:
«Поди, выйди, дѣвушка, за ворота,
Со мной, съ молодцомъ, постояти,
Со удалымъ словечко сказати!»
Тутъ дѣвица ко молодцу выходила,

Со удалымъ рѣчи говорила:
«Кажется, я, молодецъ, тебя не любила,
На тебѣ синь сюртукъ замарала,
Смазные сапоженьки затоптала,
Пуховую шляпушку съ головушки сшибла!»
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
На родиму матушку распенялся:
«Зачѣмъ, матушка, породила,
Худымъ счастьицемъ надѣлила?
Меня дѣвица не взлюбила,
При компаньицѣ пристыдила!»

. . . .
. . . .

«Теперь, молодецъ, тебя полюбила,
На тебѣ синь сюртукъ вычищала,
Смазные сапоженьки вытирала,
Пуховую шляпушку надѣвала!»

Новгородъ. Новгородскія Губернскія Вѣдомости 1853 года № 7 («хороводная»).

600.

Какъ по травкѣ, по муравкѣ,
Какъ по травкѣ, по муравкѣ,
По той лѣтней по дорожкѣ,
По той лѣтней по дорожкѣ,
Шелъ молодчикъ не женатый,
Шелъ молодчикъ кудреватый.
А на встрѣчу молодому,
А на встрѣчу холостому
Милы дѣвицы идутъ,

Милы дѣвицы идутъ.
«Давай, младой, поиграемъ,
Давай, младой, потанцуемъ!»—
—«Я могу съ вами играти,
Могу съ вами танцевати:
Мои рученьки играютъ,
Мои ноженьки танцуютъ!»—

Казанская губернія. Можаровскій, стр. 51. Въ каждомъ двустишіи первая половина перваго стиха повторяется по три раза.

601.

Васильюшка бравый,
Молодецъ кудрявый,
Чего размышляешь,
Думаешь-гадаешь?—
—Думаю-гадаю,
Какъ Москвой проѣхать,
Каменной пробраться,
Каменной пробраться,
Съ купцами спознаться,
Товару набраться,
Домой отправляться.
Лѣсомъ ѣхать—грязно,
Степью ѣхать—пыльно,
Москвой ѣхать—стыдно:
Москва вся крашена,
Улицы метены,
Камешкомъ кладены.
Клали-выкладали
Молоды ребята,

Бѣлы, кудреваты,
Бѣлыми руками.
Солдаты съ полками,
Ружья со штыками....

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 70 («обыденная»).

СОКРАЩЕНІЯ

въ названіяхъ источниковъ.

Абрамычевъ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Записалъ съ народнаго напѣва и переложилъ на одинъ голосъ съ аккомпаниментомъ фортепіано *Н. Абрамычевъ.* Спб. 1879.

Авдѣева = Русскій пѣсенникъ, изданный *К. Авдѣевой.* Двѣ части. Спб. 1848.

Александровъ=Деревенское веселье въ Вологодскомъ уѣздѣ. Этнографическіе матеріалы. *Вл. Александрова* (Современникъ 1864 года, № 7, томъ CIII).

Бернардъ=Пѣсни русскаго народа, собранныя и аранжированныя для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано *М. Бернардомъ.* Спб. 1847.

Балакиревъ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, составленный *М. Балакиревымъ.* Спб. 1891.

Будде=Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. *Е. Будде.* Варшава, 1892.

Варенцовъ=Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, составленный *В. Варенцовымъ.* Спб. 1862.

Вильбоа=100 русскихъ пѣсенъ, записанныхъ съ народнаго напѣва и аранжированныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано *К. Вильбоа.* М. 1894.

Галлеръ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ С.-Петербургской губерніи. Составилъ *К. П. Галлеръ.* Спб. 1889.

Ефименко=Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные *П. С. Ефименкомъ* (Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ, книга V, выпускъ 2-ой, 1878 года).

Иваницкій=Повѣствовательныя пѣсни, собранныя въ Вологодскомъ уѣздѣ *Николаемъ Иваницкимъ.* (Статистическій Сборникъ, издаваемый Вологодскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, томъ III).

Кашинъ=Русскія народныя пѣсни, собранныя и изданныя для пѣнія и фортепіано *Дан. Кашинымъ*. Три книги. М. 1833—1834.

Кирѣевскій=Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*. Девять выпусковъ. М. 1860—1874.

Кокосовъ=Круговыя игры и пѣсни въ селѣ Ушаковскомъ (Пермской губерніи, Шадринскаго уѣзда). Собраны *А. Я. Кокосовымъ*. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію этнографіи. Томъ II. Спб. 1869).

Колосовъ=Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверо-великорусскаго нарѣчія. *М. А. Колосова*. Спб. 1877 (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ XVII).

Костомаровъ и Мордовцева=Русскія наордныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи *А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ* (Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемыя Н. Тихонравовымъ. Томъ IV. М. 1862).

Кохановская=«Нѣсколько русскихъ пѣсенъ» и «Остатки боярскихъ пѣсенъ» *Кохановской* (Русская Бесѣда 1860 года).

Лаговскій=Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерній, собранныя и положенныя на ноты *Ф. Лаговскимъ*. Выпускъ I. Череповецъ, 1877.

Леопольдовъ=Статистическое описаніе Саратовской губерніи, составленное *Андреемъ Леопольдовымъ*. Спб. 1839.

Лопатинъ и Прокунинъ=Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. *Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина*. Въ двухъ частяхъ. М. 1889.

Магницкій=Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи. *В. Магнитскаго*. Казань, 1877.

Мельгуновъ=Русскія пѣсни, непосредственно съ голосовъ народа записанныя и съ объясненіями изданныя *Ю. Н. Мельгуновымъ*. Выпускъ I. М. 1879. Выпускъ II. Спб. 1885.

Можаровскій=Святочныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губерніи. *Ал. Можаровскаго*. Казань, 1873.

Мякушинъ=Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ. Собралъ и издалъ *Н. Г. Мякушинъ*. Спб. 1890.

Народныя русскія пѣсни=Народныя русскія пѣсни, собранныя *М. М.* М. 1837.

Овсянниковъ=Русскія народныя пѣсни, записанныя въ г. Казани. Этнографическіе матеріалы, собранные *А. В. Овсянниковымъ*. Казань, 1886.

Орловъ=Крестьянскія пѣсни, записанныя въ Тамбовской губерніи *В. М. Орловымъ* (при участіи Е. П. Якубенко). Спб. 1890.

Пальчиковъ=Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, *Н. Е. Пальчиковымъ*. Спб. 1888.

Пивоваровъ=Донскія казачьи пѣсни. Собралъ и издалъ *А. Пивоваровъ*. Новочеркасскъ, 1885.

Поповъ=Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, *Василіемъ Поповымъ*. М. 1880.

Прачъ=Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами. На музыку положилъ *Иванъ Прачъ*. Часть I. Спб. 1790.

Прокунинъ=65 русскихъ народныхъ пѣсенъ для одного голоса съ фп. *Н. Прокунина*. М. 1881.

Пѣсенникъ 1780 года=Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ. Шесть частей. М. 1780—1781.

Пѣсенникъ 1788 года=Собраніе разныхъ пѣсенъ. Четыре части. М. 1783—1788.

Пѣсенникъ 1791 года=Новый россійскій пѣсенникъ. Три части. Спб. 1791.

Пѣсенникъ 1796 года=Карманный пѣсенникъ, или собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ. М. 1796.

Пѣсенникъ 1810 года=Новѣйшій и полный россійскій общенародный пѣсенникъ. М. 1810.

Пѣсенникъ 1815 года=Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ. Пять частей. Спб. 1815.

Пѣсенникъ 1817 года=Новѣйшій россійскій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1817.

Пѣсенникъ 1819 года=Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ. Шесть частей. Спб. 1819.

Римскій-Корсаковъ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, составленный *Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ*. Двѣ части. Спб. 1877.

Рыбниковъ=Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ*. Четыре части. М. 1861—Спб. 1867.

Савельевъ=Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Составилъ *А. Савельевъ*. Спб. 1866.

Сахаровъ=Сказанія русскаго народа, собранныя *И. Сахаровымъ*. Томъ I. Изданіе третье. Спб. 1841.

Семевскій (**Великія Луки**)=Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ. Замѣтки *Михаила Семевскаго.* Спб. 1857.

Семевскій (**Торопецъ**)=Торопецъ. 1016—1863 г. *М. И. Семевскаго* (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1864 года, книга 2-я).

Славянская=Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями. *О. Х. Агреневой-Славянской.* Три части. М. 1887, Тверь 1887, 1889.

Смирновъ=Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы *Александромъ Смирновымъ.* М. 1847.

Студитскій=Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній, собранныя *Ѳ. Студитскимъ.* Спб. 1841.—Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губерніи *Ѳ. Студитскимъ.* Спб. 1874.

Сухановъ=Пѣсни народныя, собранныя изъ устъ простаго народа. Изданы *М. Сухановымъ.* Книжка I. Спб. 1840.

Терещенко=Бытъ русскаго народа. Въ VII частяхъ. Спб. 1847—1848.

Филипповъ=40 народныхъ пѣсенъ, собранныхъ *Т. И. Филипповымъ* и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. М. 1882.

Халанскій=Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, *М. Халанскимъ* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879—1883 годовъ) и Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка (О нѣкоторыхъ особенностяхъ народнаго говора въ сѣверной части Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи), *М. Халанскаго* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1886 года, № 4).

Шишонко=Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губерніи. Собралъ *В. Шишонко.* Пермь, 1882.

Якушкинъ=Сочиненія *П. И. Якушкина.* Спб. 1884.

Алфавитный списокъ пѣсенъ.

Стр.

Стр.

Стр.

Стр.

Указатель пѣсенныхъ сюжетовъ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсенъ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Словарь мѣстныхъ словъ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Азямъ 455—кафтанъ особаго рода.
Арчачный 300—находящійся на арчакѣ, на деревянномъ основаніи сѣдла.

Бабайка 356, 417, 477—весло.
Баберекъ 541—парча особаго рода.
Бабушка 26—гармоника.
Банхетъ 35—паркетъ?
Баско 316—красиво, нарядно.
Батожье 114—дубье, палки.
Бахилы 367 — чулки или голенища особаго рода.
Бекетъ 199—пикетъ.
Безвременье 384—несчастье.
Безвремянный 364—несчастный.
Благой 476—безпокойный, суетящійся.
Бой 329—пробитая колея на дорогѣ.
Больной 82—милый, дорогой.
Болѣзочка 114—милочка.
Болѣзный 333, 336—милый.
Бразументъ 326—позументъ.
Бродяжка 65—дорожка.
Буса 115, 374—большая лодка.
Бѣдность 338, 421, 541—бѣда, несчастіе.

Вальящатыя ворота 541—рѣзныя.
Везель 8—вьющееся растеніе.
Верхъ 80—вершокъ.
Веселый 536, 541, 544, 545—скоморохъ.
Ветляный 394 — сдѣланный изъ дерева ветлы.
Вихлеватый 34—нѣсколько кривой.
Водоливщикъ 406 — старшій рабочій на суднѣ.
Возмыть 402—подняться.
Волхъ 541—волхвъ.

Времениться 570—виднѣться.
Выбанить 279, 280—вымыть.
Выправиться 286—справиться.
Вырѣзъ 35—узоръ, рѣзьба.
Выхиляться 90—выгибаться.
Выходъ 150—погребъ, подвалъ.
Вьюнчикъ 536—вьюнъ, вьющееся растеніе.
Вьюношъ 322—мальчикъ, юноша.

Гнать 330, 332, 368—гнаться.
Голомя 570—открытое море.
Въ головашкахъ 317—въ головахъ.
Гордолый 328—гордовый, изъ дерева горда.
Городъ 412—огорожа.
На гору 570—на сушу.
Грамотка 35—бумага.
Граять 479—каркать.
Грезетъ 585—глазетъ.
Гридня 541—палата.
Гродетуръ 122—ткань особаго рода.
Грубка 281—труба.
Грудою 338—массою.
Грядка 545—шестъ въ избѣ для вѣшанья платья.
Гряды 458 — шесты въ избѣ для сушки дровъ.
Губерня 243—губернскій городъ.
Гуртоправъ 572—торговецъ скотомъ, владѣлецъ гуртовъ скота.

Далина 250—длина.
Дерникъ 443—грабитель.
Дикарное мясо 570—дикаго оленя.
Длѣ 208—подлѣ.
Долить 441—одолѣвать.
Дородство 458—пріятная внѣшность.

Дрема 441—дремота.
Дуванить—дѣлить добычу.
Дуванъ—дѣлежъ добычи.
Дюже 236, 337—сильно, очень.

Елена 555—поросль изъ елей?
Ерикъ 411—рѣчной заливъ.
Еся 556—есть.

Жалейка 59—дудка, свирѣль.
Жалковать 99—тужить.
Жаровый 170—долгій, высокій.
Въ живностяхъ 271—вживѣ.

Забѣдно 33—завидно, досадно.
Заворуй 585—повѣса, плутъ.
Загичать 299—загикать.
Задуванить—обдѣлить.
Зазрѣть 288—завидѣть.
Залелѣять 176—прикачать.
Запоручить 583—просватать.
Засада 505—508—заключеніе.
Звычный 370—зычный.
Злокоманка 461—зложелательница.
Злѣ 39—возлѣ.

Изгуляться 534—истомиться.
Излатать 433—починить, сдѣлать заплату.
Имрекъ 320—имя рекъ, по имени такой-то.

Казачья 288—казачество.
Карбасъ 570—большая лодка.
Кармазинный, кармазовый 304, 306, 328—изъ ярко-краснаго сукна.
Клычать 4—клектать (крикъ орловъ).
Козырь 585—суживающаяся къ верху спинка саней.
Колотиться 540, 542—стучаться.
Колюбка 452—калитка?
Конецъ 80—улица.
Коновной 555—буянливый?
Конъ 374, 377—ставка въ игрѣ, дѣлежъ.
Корабликъ 454—шапка особой формы.
Коршикъ 570—кормщикъ.
Косица 262—пѣнистая волна.
Косоплетка 568—шнурокъ, вплетаемый въ косу.
Кофейный мастеръ 548—воръ?
Кочетъ 114—пѣтухъ.
Кресать 309—высѣкать огонь.
Кругъ 275—хороводъ.
Кружало 152—кабакъ.
Крутикъ 570—обрывъ, отвѣсный край.
Кряковистый 431—кряжистый, крѣпкій.
Кувиль 183—ковыль.
Кужлявый 139, 241—кудрявый.
Кулемка 570—ловушка особаго рода.
Кура 287—пыль.
Кутній 35, 316—угольный.
Кучерявый 237—кудрявый.

Лада 463—милая, возлюбленная.
Левантинъ 123—шелковая ткань особаго рода.
Лихостной 591—злобный, зложелательный.
Луча 268—лучъ.
Лучитъ Богъ 280—приведетъ.
Лѣтошній 394—прошлаго лѣта.
Любовать 572—осматривать съ удовольствіемъ.
Лядина 580—заросль.

Мажу 61—машу.
Матица 449, 541—балка въ избѣ.
Меженный 22—въ срединѣ лѣта.
Могута 332, 333—мочь, сила.
Мусленетовый 124—изъ ткани муслина?
Мушкатантъ 204—мушкетонъ, короткое ружье.
Мѣхоноша 541—товарищъ, несущій припасы или добычу партіи.

Набойный 125—съ пробитыми колеями, тяжелый для ѣзды.
По надобью 75—какой нуженъ, подходящій.
Напольный 216—стоящій въ полѣ, въ лагерѣ.
Направлять 570—поправлять.
Нарушни 533—ручные кандалы.
Наступчивый 348—склонный къ наступленью, нападенью?
Не 351—онѣ?
Незнамый 529—незнакомый.
Нерпа 270—тюлень.
Новображный 172—новобранный.
Ножни 41, 76, 77—ножницы.

Носокъ 570—короткая рогатина для битья тюленей.
Нужный 145, 146—тяжелый.

Обротать 244—надѣть надоуздокъ.
Обрядно 162—чисто, изящно.
Одинакій 79—одинокій.
Окладывать 542—колотить.
Опришенно 34—кромѣ.
Отчеты 286—станица, гдѣ находится окружное дежурство.
Очестливый 540, 541, 543—учтивый.
Ошкуй 570—бѣлый медвѣдь.

Панья—госпожа.
Парашникъ 450—выносящій въ острогѣ нечистоты.
Пасться 75—случиться.
Пасться-перепасться 278 — истомиться.
Побанить 281—помыть.
Побоище 338—оружіе.
Побѣда 520, 526—бѣда.
Побѣдность 479—бѣда, несчастіе.
Поверстать 216—помѣстить.
Подбородышъ 454—загибъ.
Подворинка 133—дворикъ.
Поднизка 374, 378—низаная изъ жемчуга, бисера сѣтка въ женскомъ головномъ уборѣ.
Подъ 318—нѣчто въ родѣ кровати для женщинъ въ избѣ.
Позаочь 542—заочно, за глаза.
Позобаться 210—покормиться.
Помманье 338—плѣнъ.
Половница 545—половица.
Полохаться 340—пугаться.
Польскій 288—полевой, степной.
Полякъ 512—бѣлоруссъ?
Порочать 435—бранить.
Порядовый 75—почтенный.
Посверстнѣе 364—покрѣпче.
Посижанки 545—участницы посидѣлокъ.
Потеклинка 4—потокъ.
Потребить 422—убить.
Потусмѣть 307, 481—потускнѣть.
Почивъ 252—опочивъ, отдыхъ.
Прекраса 553, 554—красивое мѣсто.
Привдарѣть 149—пріудалѣть, отдалиться.
Прагулка 139—гулянье.
Призводитель 297—предводитель.
Прилука 64—приманка.
Примѣтный 468—замѣченный, условленный.
Принабуркаться 454—наполниться.
Припотненый 202—потный.
Присошекъ 328 - подставка подъ ружье при стрѣльбѣ.
Пріопнуть 532—притупить.
Пробойный, пробоистый 126, 329—покрытый колеями.
Провалье 326—пропасть.
Провѣстить 324, 433—объявить.
Провѣтствовать 324—объявить.
Провѣщиться 338—предсказать.
Протесъ 505—508, 521—тонкое мѣсто въ доскѣ, бревнѣ, дыра.
Прохладливый 365—пріятный.
Прохладъ 75, 278—удовольствіе.
Псецъ 570—песецъ.

Разбушиться 186—разбушеваться.
Разволочная изба 570—разборная, переносная.
Раззаводиться 400—вновь обзавестись добромъ.
Разкрушниться 595—разкручиниться.
Размыряться 402—разныряться, разсоваться.
Разноличный 554—вѣтреный?
Раскатъ 585—насыпь у городскаго вала для постановки пушки.
Раставанье 36—перекрестокъ, распутье?
Раструбы 455—широкіе верхи.
Ретивый 168—сердитый, задорный.
Ростани 146—распутье.
Ротиться 454, 455—клясться.
Руда 126—кровь.
Ружельце 158—ружьеце.
Ручай 276—ручей.
Объ ручку 541—съ жестомъ особаго рода.
Рынокъ 23—отмель, мысъ.

Свирью свирать 439—играть на свирѣли, на дудкѣ.
Середа 541—задняя часть избы.

Сивакъ 575—неотесанный мужикъ.
Скорбный 543—больной.
Скороспейка 462, 463—скоропейка, скорпіонъ.
Скрипица 560—скрипка.
Состать 531—сохраниться, остаться.
Спасать коня 309—пасти, кормить.
Спица 570—рогатина.
Спочивъ 341—опочивъ, отдыхъ.
Ставка 370—вставка, вставленный дорогой камень.
Станица 422, 423—ватага, партія.
Становая изба 570—основная, постоянная.
Становье 570—мѣсто остановки.
Стебнуть 393—стегнуть.
Стежка 199, 245, 362, 363—тропинка.
Стороннее окно 385—боковое.
Сторонь 80—со стороны, съ боку.
Студенца 449—холодная вода.
Схамепуться 168—опомниться.
Сходъ 520, 522—мірская сходка.

Таволжаный 433, 434, 449, 541—изъ дерева таволги.
Теплушка 454—теплая вода.
Терять 520—губить, убивать.
Тинки 570—клыки.
Торока—ремни позади сѣдла, для привязыванія къ нему.
Треба 530, 531—требованье, приказъ.
Трудный 541, 542—тяжело больной.
Трухнуться 326—тряхнуться.
Тупее 305—тупой конецъ оружія.
Турка 120, 328—турецкое ружье.

Убахта 168—гауптвахта.
Удалѣть 147—быть далеко.
Умильный 520—милый.
Управа 325—уборъ.
Урочный 293, 294—обреченный.
Утинъ 541—боль въ поясницѣ.

Фузея 150, 293, 294, 421—ружье.

Холоденушка 454—лягушка.
Хорунка 299—значекъ.
Хурта 328—метель.

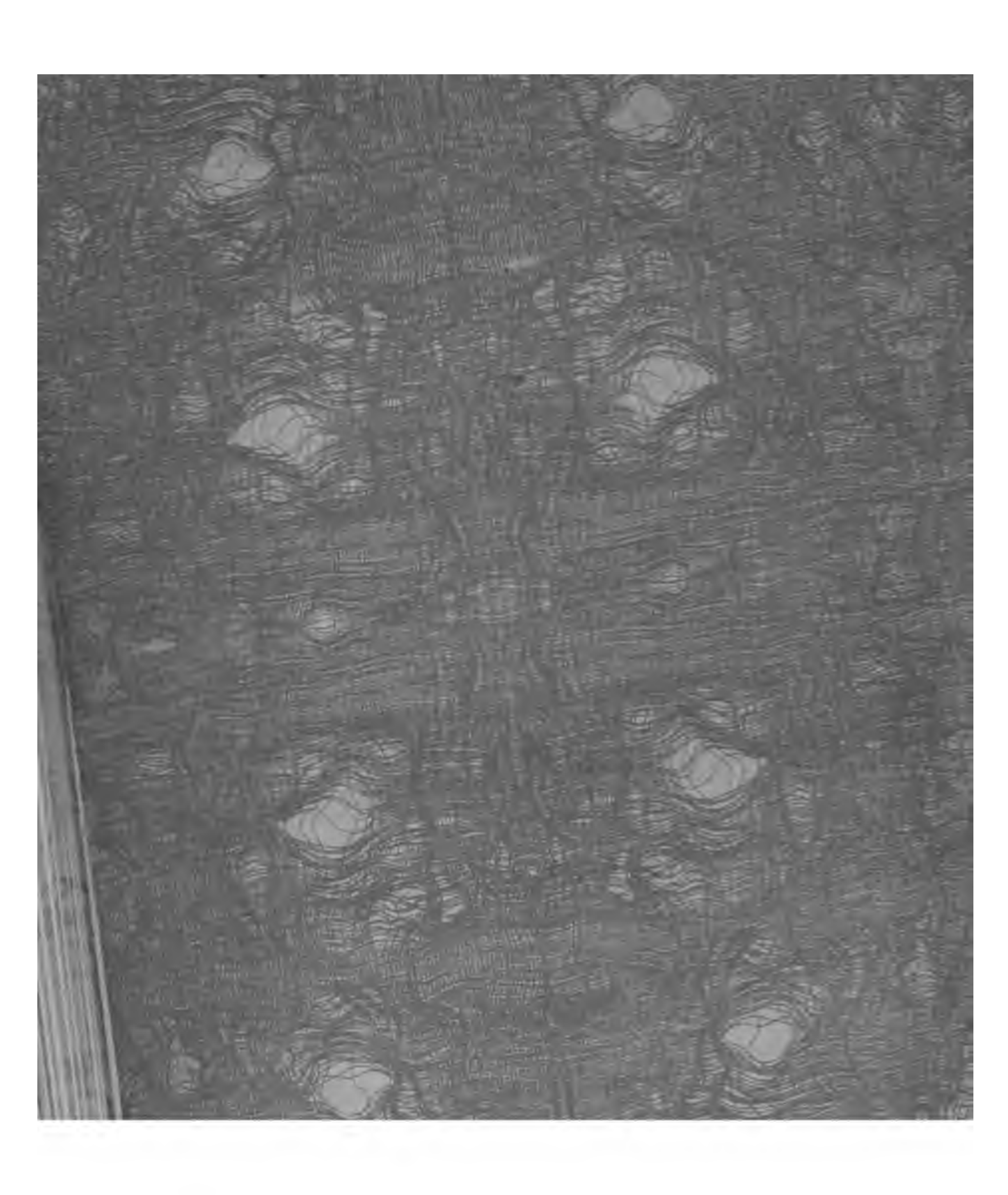
Чапанъ 531—арестантскій халатъ.
Червой 35—желтый?
Черница 334—черника.
Чумакъ—сидѣлецъ въ кабакѣ.
Чумбуръ 241—поводъ.

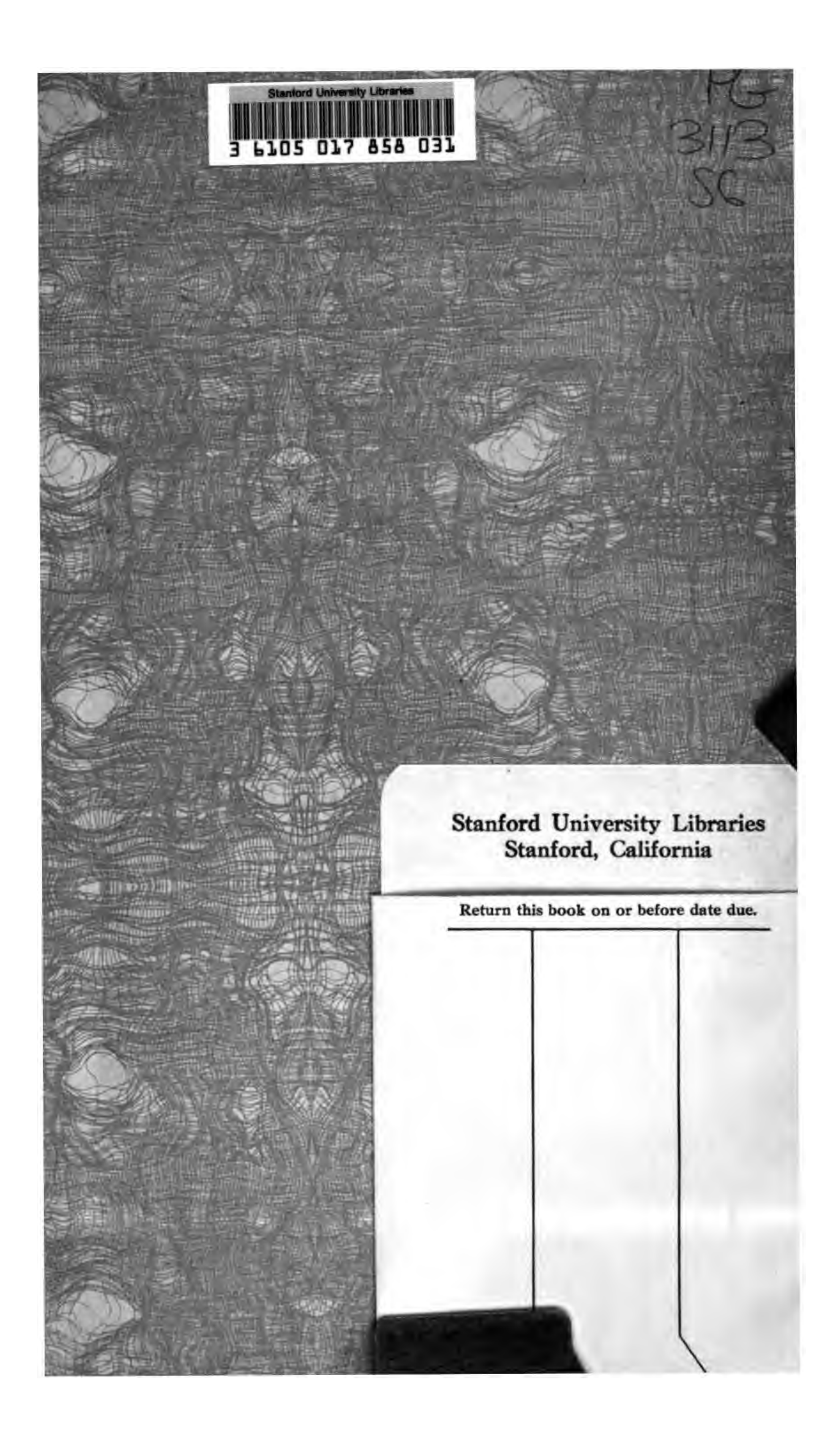
Ширинка 124—шеренга.
Шиханъ 8—бугоръ, горка.
Шкотить 406—вредить.
Шляхъ 203—утоптанная дорога.
Шпанеровый 35—со шпалерами, обоями.
Шукать 217—искать.
Шумаркать 455, 457—производить легкій шумъ.
Шумка 429—дерево съ листьями?
Шумный 150—пьяный.

Щепета 555—мелкій кустарникъ?
Щепетко, щи- 316, 317, 454—нарядно.
Щепетуха 314—опрятная, брезгливая
Щунуться 555—очнуться, придти въ себя.

Этамъ 570—вонъ тамъ.

Явъ 274—276—свидѣтельство.
Яндова 455—большая чаша для питья.
Яровый 211—бойкій, горячій?
Яръ 567—обрывъ.

Stanford University Libraries
3 6105 017 858 031
PG
3113
SC
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

